ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал основан в декабре 2002 г.

№ 5 (134) • 2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Череповец
2026

Выход в свет: № 5 (134) • 2026 • Октябрь. Выходит шесть раз в год.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Череповецкого государственного университета» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей: 2.3 Информационные технологии и телекоммуникации
5.9 Филология
5.8 Педагогика

УЧРЕДИТЕЛЬ: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет», с 2017 г. является одним из опорных вузов Российской Федерации.

Свидетельство выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-90192 от 07.10.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Е. В. ГРУДЕВА, доктор филологических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Е. В. ЯКОВЛЕВА, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)
Е. В. ЕРШОВ, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: С. Ю. НЕБРОЕВА
КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М. Н. АВДЮХОВА
ПЕРЕВОДЧИК: А. В. МОИСЕЕНКО
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А. С. ЛОБЫШЕВА (8202) 51-78-54

Сайт журнала: **https://vestnik.chsu.ru/**

Адрес издателя, редакции: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.
Адрес типографии: 162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ISSN 3034-5472 (online)

© Череповецкий государственный университет, 2026

CHEREPOVETS STATE UNIVERSITY BULLETIN

Scientific journal established in December 2002

№ 5 (134) • 2026

TECHNOLOGY

PHILOLOGY

PEDAGOGY

Cherepovets
2026

Date of publication: No. 5 (134) • 2026 • October. Comes out six times a year.

"Cherepovets State University Bulletin" is a scientific edition that is included in the list of top peer-reviewed academic journals published in the Russian Federation. It publishes research data of doctorate and higher doctorate dissertations.

Scientific journal "Cherepovets State University Bulletin" has been in the Russian Science Citation Index (RSCI) since 2009.

Journal Sections: TECHNOLOGY, PHILOLOGY, PEDAGOGY

Branches of Studies: 2.3 Information Technology and Telecommunications
5.9 Philology
5.8 Pedagogy

FOUNDER: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Cherepovets State University", a member of Russian Backbone Universities group since 2017.

The certificate was issued by the Federal Service for Supervision in the sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El no. FS77-90192 dated 07.10.2025

EDITOR-IN-CHIEF: E. V. GRUDEVA, Doctor of Philology, Professor

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF:
E. V. YAKOVLEVA, Doctor of Pedagogy, Professor (Cherepovets State University)
E. V. ERSHOV, Doctor of Technology, Professor (Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR: S. Yu. NEBROEVA
COMPUTER DESIGN: M. N. AVDUKHOVA
TRANSLATOR: A. V. MOISEENKO
EXECUTIVE EDITOR: A. S. LOBYSHEVA (8202) 51-78-54

Journal website: **https://vestnik.chsu.ru/**

Editorial department address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600
Printing-office address: 5, Lunacharsky pr., Cherepovets, 162600

OPEN PRICE

ISSN 3034-5472 (online)

© Cherepovets State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кобенко А. В., Алешко Р. А. Разработка методики формирования наборов данных для обучения нейросетевых систем автоматического анализа радиосигналов космических аппаратов 7
Кузьмина Е. В. Дискретно-событийная модель обоснования проектных и эксплуатационных параметров систем ЖАТ по критерию готовности 18
Носков С. И., Бутин А. А., Кириллов И. Д. Некоторые особенности группировки наблюдений при построении кластерной линейной регрессии методами наименьших модулей и антиробастного оценивания параметров 31
Осипов Н. А., Наркевич М. Ю., Логунова О. С., Гаврилов О. Е., Логунов М. В. Формализация консолидированной задачи для трансформации цифрового паспорта строительного объекта 40
Руфанов А. О. Применение интеллектуальных моделей для аппроксимации и прогнозирования параметров термодинамического процесса нагрева 55
Серегин А. В., Иванилова Т. Н. Комплекс виртуальных имитационных 3D-тренажеров для обучения специалистов технического обслуживания самолетов 65

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Богданова О. А. Усадьба и дача в литературе XX–XXI вв. 77
Скороходов М. В. «Дачный топос» в прозе Б. Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов: автобиографические переклички 78
Богданова О. А. Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики 92
Кнорре Е. Ю. «Усадьба-ковчег-корабль»: гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова 113
Яцкив Е. О. Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг 131
Борисова Д. М. Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой 139
Андреева В. Г. Образ Ясной Поляны: мифы и реальность об усадебной жизни в романе В. О. Пелевина «Т» 155
Вэй Цзя. Высококликабельный заголовок как маркер интереса читателей к медиатексту 167
Глазунова О. И. Становление русской акцентологической нормы в процессе суффиксации 179
Кушнир О. Н., Растворова О. В. Некоторые проблемы выбора языковой нормы при корректировании текста документа (на материале документов СГУ им. Питирима Сорокина) 196
Мартьянова И. А. Современная русская проза как объект лингвистического исследования профессора В. Д. Черняк: продолжение диалога 208
Нестерова Н. М., Тань Юньсяо. Способы межъязыковой передачи культурно-маркированной лексики (на примере сказки А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода) 216

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дрондин А. Л., Сайтбагина Л. А. Некоторые аспекты качества современного высшего образования 233
Назина Ю. С., Дубинина М. Н., Баглай Н. О., Федорова Н. В. Национальные экзамены по иностранному языку как средство оценивания сформированности иноязычной коммуникативной компетенции: опыт российского ЕГЭ и китайского Гаокао 245
Пискунова Е. В., Сомова Н. Л. К проблеме отбора педагогически ориентированных школьников в психолого-педагогические классы 264

Информация для авторов 276

CONTENTS

TECHNOLOGY

Kobenko A. V., Aleshko R. A Development of a methodology for generating datasets for training neural network systems for automatic analysis of spacecraft radio signals 7

Kuzmina E. V. Discrete-event model for justification of design and operational parameters of railway signalling and telecommunication systems based on the availability criterion 18

Noskov S. I., Butin A. A., Kirillov I. D. Some features of grouping observations in the construction of clustered linear regression applying least modulus and anti-robust parameter estimation methods 31

Osipov N. A., Narkevich M. Yu., Logunova O. S., Gavrilov O. E., Logunov M. V. Formalization of a consolidated task for transforming a digital passport of a construction project 40

Rufanov A. O. Application of intelligent models to approximate and predict parameters of a thermodynamic heating process 55

Seregin A. V., Ivanilova T. N. A virtual 3D-simulator set for training aircraft maintenance specialists 65

PHILOLOGY

Bogdanova O. A. Estate and country house in the literature of the XX–XXI centuries 77

Skorokhodov M. V. The dacha topos in B. Pilnyak's prose of the 1910s – early 1920s: autobiographical echoes 78

Bogdanova O. A. Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics 92

Knorre E. Yu. "Estate-Ark-Ship": The heterotopia of the home in A. G. Bitov's estate-dacha myth 113

Yatskiv E. O. Typology of the "dacha topos" in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s 131

Borisova D. M. Literary dacha in the prose of Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva 139

Andreeva V. G. The image of Yasnaya Polyana: Myths and reality about the estate life in V. O. Pelevin's novel "t" 155

Wei Jia. High-click headline as a marker of readers' interest in media text 167

Glazunova O. I. The development of the Russian accentological norm in the process of suffixation 179

Kushnir O. N., Rastvorova O. V. Some problems of choosing a language norm when editing a document (based on documents from Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin) 196

Martianova I. A. Modern Russian prose as an object of linguistic research by Professor V. D. Chernyak: Continuation of the dialogue 208

Nesterova N. M., Tan Yunxiao. The ways of inter-language transferring culturally marked vocabulary (based on "The Tale of the Priest and of his Workman Balda" by A. S. Pushkin and its Chinese translation).....216

PEDAGOGY

Drondin A. L., Saytbagina L. A. Some aspects of the modern higher education quality 233

Nazina Yu. S., Dubinina M. N., Baglai N. O., Fedorova N. V. National foreign language exams as a means of assessing the development of foreign language communicative competence: The experience of the Russian Unified State Exam and the Chinese Gaokao 245

Piskunova E. V., Somova N. L. To the problem of selecting pedagogically oriented schoolchildren for psychological and pedagogical classes 264

For the authors attention 276

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 7–17.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 7–17.

Научная статья
УДК 004.89; 004.032.26
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-1
https://elibrary.ru/vwufau

Разработка методики формирования наборов данных для обучения нейросетевых систем автоматического анализа радиосигналов космических аппаратов

Алина Владимировна Кобенко[1]✉, Роман Александрович Алешко[2]
[1,2]Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
[1]✉a.kobenko@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6857-1799
[2]r.aleshko@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1235-8937

Аннотация. В работе предложена методика синтеза верифицируемых наборов данных для обучения нейросетей задачам радиомониторинга. Особенностью подхода является использование изображений дистанционного зондирования Земли в качестве источника полезного сигнала, что сохраняет естественную энтропию радиообмена. Авторами реализован программный комплекс, моделирующий канал с аддитивным шумом и эффектом Доплера, а также экспериментально подтверждена корректность физической модели: для аналоговых сигналов достигнута высокая корреляция между исходным и восстановленным изображениями, для цифровых – совпадение вероятности ошибок с теорией.

Ключевые слова: радиосигналы, синтез данных, машинное обучение, нейронные сети, дистанционное зондирование Земли, модуляция, радиомониторинг

Благодарность. Исследование проводилось под руководством кандидата технических наук, доцента Р. А. Алешко

Для цитирования: Кобенко А. В., Алешко Р. А. Разработка методики формирования наборов данных для обучения нейросетевых систем автоматического анализа радиосигналов космических аппаратов**.** *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 7–17. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-1; EDN: VWUFAU

© Кобенко А. В., Алешко Р. А., 2026

Development of a methodology for generating datasets for training neural network systems for automatic analysis of spacecraft radio signals

Alina V. Kobenko[1]✉, Roman A. Aleshko[2]

[1,2]Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

[1]✉a.kobenko@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-6857-1799

[2]r.aleshko@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-1235-8937

Abstract. The paper proposes a methodology for synthesizing verifiable datasets for training neural networks in radio monitoring tasks. A specific feature of the approach is the use of Earth remote sensing images as a source of the useful signal, which preserves the natural entropy of the radio exchange. The authors have implemented a software package that simulates a channel with additive noise and Doppler effect. The correctness of the physical model was experimentally confirmed: a high correlation between the initial and restored images was achieved for analog signals, and the error probability matched the theory for digital signals.

Keywords: radio signals, data synthesis, machine learning, neural networks, Earth remote sensing, modulation, radio monitoring

Acknowledgments. The research was conducted under the supervision of Candidate of Technical Sciences, Associate Professor R. A. Aleshko.

For citation: Kobenko A. V., Aleshko R. A. Development of a methodology for generating datasets for training neural network systems for automatic analysis of spacecraft radio signals. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 7–17. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-1; EDN: VWUFAU

Введение

Современные системы радиомониторинга все активнее используют методы машинного обучения[1] для автоматического анализа сигналов, эффективность которых напрямую зависит от объема и качества обучающих данных. Однако формирование больших, достоверно размеченных наборов данных сопряжено с дороговизной сбора реальных сигналов и ошибками ручной разметки[2].

[1] Abd-Elaziz O., Abdalla M., Elsayed R. Deep learning-based automatic modulation classification using robust CNN architecture for cognitive radio networks. *Sensors*, 2023, vol. 23, no. 23, pp. 9467. https://doi.org/10.3390/s23239467; Wang D., Lin M., Xiaoxu Z., et al. Automatic modulation classification based on CNN-transformer graph neural network. *Sensors*, 2023, vol. 23, no. 16, pp. 7281. https://doi.org/10.3390/s23167281; Snoap J. A., Popescu D. C., Latshaw J. A., Spooner C. M. Deep-learning-based classification of digitally modulated signals using capsule networks and cyclic cumulants. *Sensors*, 2023, vol. 23, iss. 12, pp. 5735. https://doi.org/10.3390/s23125735; Snoap J. A., Popescu D. C., Spooner C. M. Deep-learning-based classifier with custom feature-extraction layers for digitally modulated signals. *IEEE Transactions on Broadcasting*, 2024, vol. 70, no. 3, pp. 763–773. https://doi.org/10.1109/TBC.2024.3391056

[2] Scholl S. RF signal classification with synthetic training data and its real-world performance. *arXiv*, 2022. https://doi.org/10.48550/arXiv.2206.12967

Альтернативой является использование синтетических данных. Существующие подходы, такие как наборы данных серии *RadioML* (*RML2016, RML2018*)[1], имеют ряд ограничений: сигналы в них часто представляют собой шум или используют нереалистичные последовательности. Кроме того, обучение нейросетей на синтетических данных без тщательного моделирования физических искажений канала связи ведет к значительному падению точности при работе с реальным эфиром.

Целью настоящей работы является разработка и верификация методики синтеза радиосигналов на основе растровых изображений дистанционного зондирования Земли (далее – ДЗЗ), пригодных для обучения нейросетевых систем.

Для достижения цели решаются задачи разработки гибридной математической модели, программной реализации комплекса генерации и экспериментальной верификации качества получаемых данных.

Основная часть

В основу разработанной методики положен принцип гибридного моделирования, при котором полезный сигнал формируется не на основе генераторов псевдослучайных чисел (PRNG), а из реальных структурированных объектов – растровых изображений ДЗЗ. Такой подход обеспечивает сохранение естественной информационной энтропии и внутриструктурных корреляционных связей (закономерностей между соседними отсчетами данных, унаследованных от исходного изображения) в формируемом радиосигнале, что является критически важным для обучения нейросетей задачам семантической сегментации и восстановления контента.

Программная реализация комплекса выполнена на языке высокого уровня Python 3, выбор которого обусловлен наличием развитой экосистемы библиотек для цифровой обработки сигналов (DSP). Вычислительное ядро построено на базе библиотеки NumPy, обеспечивающей векторные операции с многомерными массивами типа complex64, что является стандартом представления сигналов в базовой полосе частот (baseband signals). Для реализации алгоритмов цифровой обработки (преобразование Гильберта для однополосной модуляции, оконное преобразование Фурье (STFT), фильтрация) использован пакет SciPy (модуль signal). Обработка исходных изображений, включая конвертацию в оттенки серого и изменение разрядности, осуществляется средствами библиотеки Pillow (PIL), а визуализация частотно-временных спектрограмм с помощью Matplotlib.

Архитектура системы генерации построена по конвейерному принципу и включает четыре функциональных блока: блок предварительной обработки данных, блок модуляции, модель канала распространения и блок регистрации результатов (см. рис. 1).

[1] Spooner C. *DeepSig's 2018 Dataset: 2018.01.OSC.0001_1024x2M.h5.tar.gz*, 2020. Available at: https://cyclostationary.blog/2020/09/24/deepsigs-2018-data-set-2018-01-osc-0001_1024x2m-h5-tar-gz/ (accessed: 16.01.2026); Spooner C. *More on DeepSig's RML Datasets*, 2020. Available at: https://cyclostationary.blog/2020/08/17/more-on-deepsigs-rml-data-sets/ (accessed: 16.01.2026).

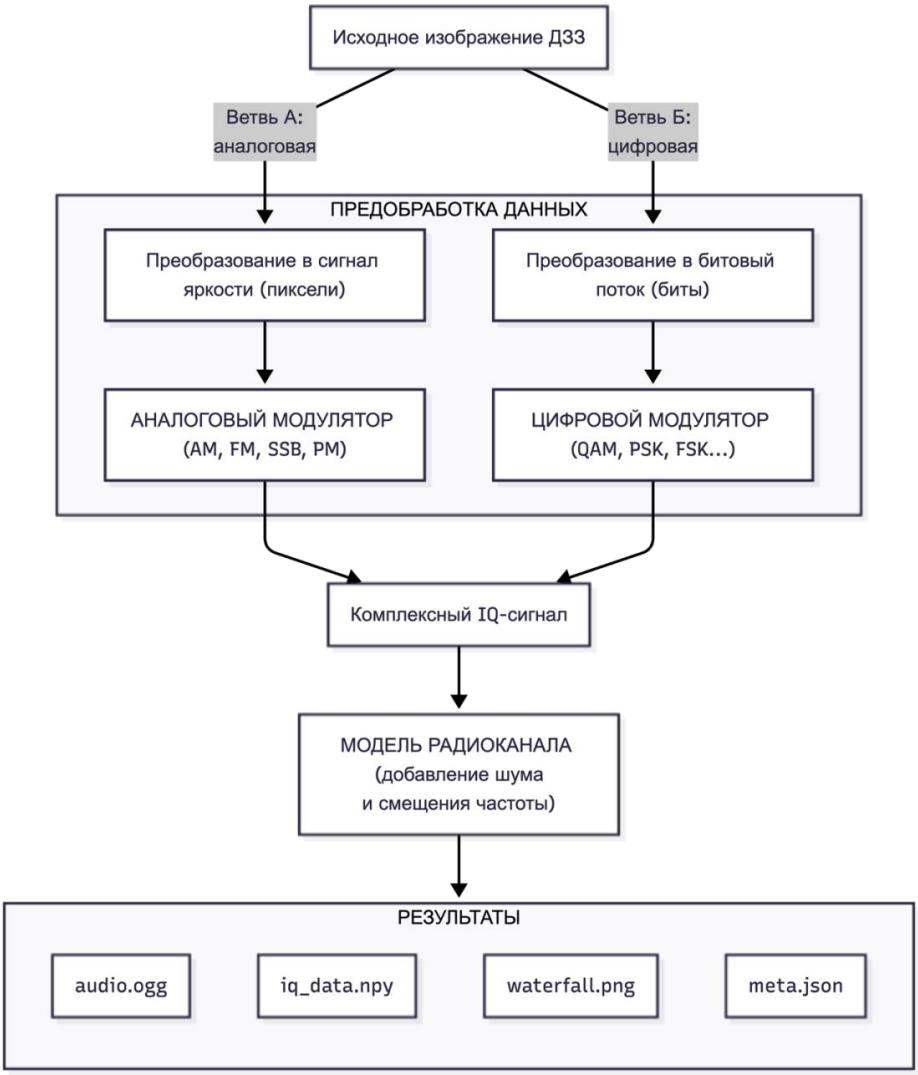

Рис. 1. Архитектура системы генерации синтетических радиосигналов

В зависимости от типа формируемого сигнала поток обработки разделяется на две независимые ветви.

В аналоговой ветви (AM, FM, SSB, PM) исходное изображение рассматривается как двумерный сигнал, подвергающийся строчному сканированию. Яркость пикселей $I(x,y)$ линейно отображается в мгновенные параметры несущего колебания. Предварительная обработка включает передискретизацию (изменение пространственного разрешения) изображения для согласования количества пикселей с часто-

той дискретизации F_S и длительностью сигнала T, а также нормировку динамического диапазона.

В цифровой ветви (PSK, QAM, FSK) реализован алгоритм адаптивного согласования информационного объема источника с пропускной способностью канала. Емкость канала C (в битах) рассчитывается исходя из заданной длительности записи T (4,0 с.), символьной скорости R_S (1200 Бод) и позиционности модуляции M по формуле: $C = \lfloor TR_2 \log_2 M \rfloor$.

На основе вычисленной емкости C производится адаптивная передискретизация исходного изображения с использованием фильтра Ланцоша для сохранения детализации, после чего изображение преобразуется в битовый поток и подвергается маппингу на точки сигнального созвездия.

Для моделирования условий распространения сигнала применяется параметрическая стохастическая модель канала. Она включает внесение частотного смещения Δf, имитирующего эффект Доплера и нестабильность гетеродинов, а также добавление аддитивного белого гауссовского шума (AWGN). Уровень шума определяется целевым отношением сигнал / шум (SNR), задаваемым в диапазоне от 0 до 25 дБ. Генерируемые выборки сохраняются в формате массивов NumPy (.npy) для непосредственной подачи на вход нейронных сетей, а также сопровождаются файлом метаданных (.json), содержащим эталонную разметку параметров генерации.

Для формализованной постановки задачи синтеза и верификации данных использованы математические модели, описывающие преобразование значений яркости пикселей исходного изображения в параметры (амплитуду, частоту или фазу) формируемого радиосигнала. Модель разделяется на две ветви в соответствии с классом модуляции.

В аналоговой ветви (AM, SSB, FM, PM) формируется непрерывный модулирующий сигнал $m[n]$ непосредственно из значений яркости пикселей исходного изображения I. Процесс включает операции изменения размера, векторизации и центрирования относительно нуля: $m[n] = a\left(\mathrm{Re}\, size\left(I, N_{samples}\right)\right)[n] - 0{,}5\Big)$, где a – коэффициент масштабирования (в реализации $a = 0{,}8$), $N_{samples} = F_s T$ – общее число отсчетов.

Для амплитудной модуляции (AM) комплексная огибающая $S_{AM}[n]$ формируется как: $S_{AM}[n] = 1 + m[n]$.

Для частотной модуляции (FM) сигнал определяется путем интегрирования модулирующего сообщения в показателе экспоненты:

$$S_{FM}[n] = \exp\left(j \cdot 2\pi \cdot k_f \cdot \sum_{i=0}^{n} m[i] \cdot \frac{1}{F_s} \right),$$

где k_f – коэффициент девиации частоты.

В цифровой ветви (PSK, QAM, FSK) изображение преобразуется в битовый поток *b*, который разбивается на упорядоченные кортежи длиной $k = \log_2 M$.

При квадратурной амплитудной модуляции (например, 16-QAM, $M = 16$) кортежи из четырех бит $(b_{4i},\ldots,b_{4i+3})$ отображаются на символы квадратного созвездия. Разделение битов производится для независимого кодирования синфазной (*I*) и квадратурной (*Q*) компонент с использованием симметричного алфавита уровней амплитуды $A = \{-3,-1,1,3\}$: $d_i = A\left[Map\left((b_{4i},b_{4i+1})\right)\right] + j \cdot A\left[Map\left((b_{4i+2},b_{4i+3})\right)\right]$.

При частотной манипуляции (M-FSK) кортеж бит определяет индекс частоты f_m, а сигнал для символьного интервала формируется как: $s_i(t) = \exp(j \cdot 2\pi \cdot f_m \cdot t),\ t \in [0, T_s]$.

Сформированный комплексный сигнал $s[n]$ поступает на вход модели канала распространения. В рамках разработанной методики используется аддитивная стохастическая модель, имитирующая искажения в канале связи «Космический аппарат – Земля». Математически принятый сигнал $r[n]$ описывается выражением: $r[n] = s[n] \cdot e^{j \cdot 2\pi \cdot \Delta f \frac{\pi}{F_s}} + w[n]$, где Δf – частотное смещение, $w[n]$ – отсчеты аддитивного белого гауссовского шума (AWGN).

Величина Δf выбирается случайным образом для каждого образца из равномерного распределения $\Delta f \sim U(-2500, 2500)$ Гц, что позволяет моделировать совокупное влияние нестабильности гетеродинов и эффект Доплера для низкоорбитальных спутников[1].

Уровень шума определяется целевым отношением сигнал / шум (SNR). Средняя мощность полезного сигнала P_s и требуемая мощность шума P_n рассчитываются следующим образом: $P_s = \frac{1}{N}\sum_{n=0}^{N-1}\left|s[n]\right|^2$, $P_n = \frac{P_s}{10^{SNR_{dB}/10}}$.

Комплексные отсчеты шума $w[n]$ генерируются так, чтобы энергия делилась поровну между действительной и мнимой составляющими: $\mathrm{Re}\{w\}, \mathrm{Im}\{w\} \sim \mathcal{N}\left(0, P_n/2\right)$. В разработанном датасете величина SNR варьируется в диапазоне от 0 до 25 дБ, охватывая ситуации от порогового приема до уверенной связи.

Для экспериментальной валидации методики был сформирован тестовый набор данных. В качестве источника полезного сигнала использованы 100 высокодетальных снимков облачного покрова Земли, полученных с геостационарного гидроме-

[1] Sharma E., Deo R., Davey C., Carter B. Artificial intelligence-empowered Doppler weather profile for low-earth-orbit satellites. *Sensors*, 2024, vol. 24, no. 16, pp. 5271. https://doi.org/10.3390/s24165271

теорологического спутника «Электро-Л» № 3 (GOMS-4). Выбор данного источника обусловлен сложной спектральной и текстурной структурой изображений, что является репрезентативным примером реального трафика систем ДЗЗ.

Общий объем экспериментального набора данных составил 2000 образцов радиосигналов (20 реализаций различных видов модуляции на каждое изображение). Параметры генерации включали частоту дискретизации 48 кГц, вариацию SNR от 0 до 25 дБ и случайное частотное смещение в диапазоне ±2500 Гц.

Оценка качества передачи визуальной информации проводилась на примере амплитудной модуляции (АМ). После прохождения сигнала через модель канала с шумом (AWGN) выполнялась программная демодуляция и восстановление изображения.

В качестве метрик использованы коэффициент корреляции Пирсона (R), оценивающий степень линейной зависимости и структурного подобия, и среднеквадратичная ошибка (MSE).

Для тестового образца при уровне шума, соответствующем SNR = 12,5 дБ, получены следующие показатели:

– коэффициент корреляции между исходным и декодированным изображением $R \approx 0{,}8091$;

– среднеквадратичная ошибка MSE ≈ 0,8018.

Визуальный анализ результатов (см. рис. 2) показывает, что несмотря на наличие зернистости, вызванной шумом канала, основные структурные элементы изображения (контуры облачности, границы терминатора) сохраняются. Значение корреляции $R > 0{,}8$ подтверждает, что в аналоговой ветви генератора сигнал физически переносит информацию о структуре изображения, а модель канала вносит адекватные стохастические искажения, не разрушающие полезный сигнал полностью.

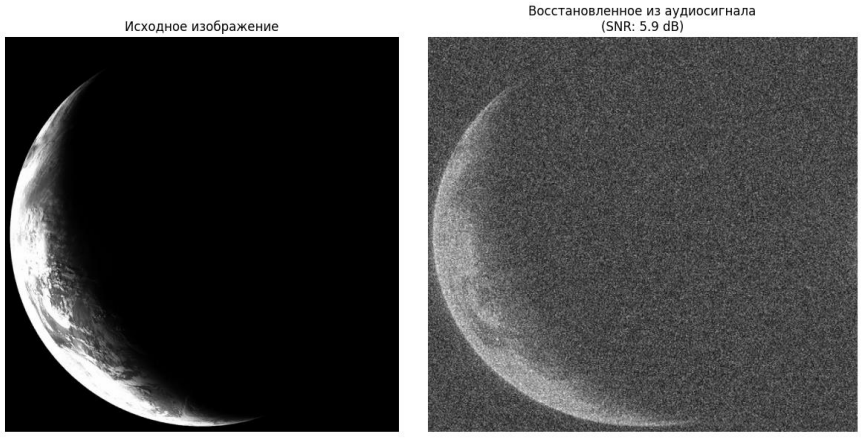

Рис. 2. Сравнительный анализ исходного изображения ДЗЗ
и результата демодуляции АМ-сигнала (SNR = 12,5 дБ)

Для цифровой ветви (PSK, QAM, FSK) критически важным критерием является корректность математической модели канала распространения. Верификация проводилась путем оценки помехоустойчивости модели на примере двоичной фазовой манипуляции (BPSK).

Была рассчитана зависимость вероятности битовой ошибки (Bit Error Rate, BER) от отношения сигнал / шум. Результаты эксперимента представлены в таблице.

Таблица

Зависимость вероятности битовой ошибки от SNR

Отношение сигнал / шум (SNR), дБ	Количество ошибок (на 100000 бит)	Вероятность ошибки (BER)
0	7782	$7{,}78 \cdot 10^{-2}$ $(7{,}8\,\%)$
3	2284	$2{,}28 \cdot 10^{-2}$ $(2{,}3\,\%)$
6	226	$2{,}26 \cdot 10^{-3}$ $(0{,}2\,\%)$
9	2	$2{,}00 \cdot 10^{-5}$
12	0	$< 10^{-5}$

Анализ результатов показывает строгое соответствие теоретическим ожиданиям для канала с аддитивным белым гауссовским шумом. При низком SNR (0 дБ) вероятность ошибки составляет порядка 7,8 %, что соответствует условиям порогового приема. При увеличении SNR до 6 дБ наблюдается снижение BER более чем на порядок (до 0,2 %), а при 12 дБ достигается безошибочный прием в рамках объема тестовой выборки.

Графическая зависимость (см. рис. 3) демонстрирует совпадение экспериментальной кривой с теоретической кривой помехоустойчивости BPSK, что подтверждает корректность реализации генератора шума и модулятора.

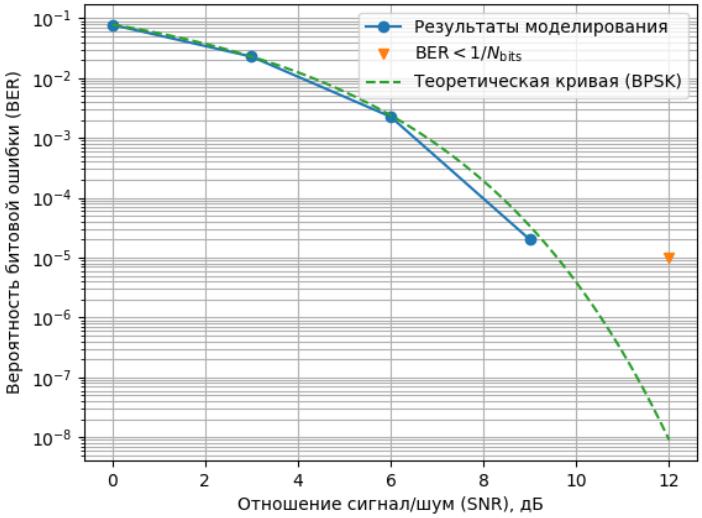

Рис. 3. Экспериментальная и теоретическая зависимость BER от SNR

По результатам работы комплекса сформирован верифицированный набор данных. Структура каждого образца унифицирована и содержит четыре компонента:

1) файл iq_data.npy – массив комплексных чисел (complex64), являющийся основным объектом для обучения нейросетей (сохраняет фазовую информацию);

2) файл meta.json – эталонная разметка (Ground Truth) с параметрами модуляции и SNR;

3) файл waterfall.png – спектрограмма (STFT) для визуального контроля и задач компьютерного зрения;

4) файл audio.ogg – аудиозапись демодулированного сигнала.

Использование изображений ДЗЗ обеспечило высокую энтропию цифровых сигналов и наличие корреляционных связей в аналоговых сигналах, что выгодно отличает полученный датасет от синтетических наборов, построенных на генераторах случайных чисел.

Выводы

На основании результатов теоретического анализа, программной реализации и экспериментальной верификации разработанной методики синтеза радиосигналов можно сделать следующие выводы.

1. Разработана гибридная методика синтеза радиосигналов, ключевой особенностью которой является отказ от использования псевдослучайных битовых последовательностей в пользу изображений дистанционного зондирования Земли, обладающих выраженной двумерной пространственной структурой (в отличие от равномерного белого шума, генерируемого математическими алгоритмами). Это позволило

сформировать сигналы с реалистичной информационной энтропией и сохранить корреляционные связи, необходимые для задач семантического анализа.

2. Экспериментально подтверждена корректность формирования аналоговых сигналов. При отношении сигнал / шум 12,5 дБ коэффициент корреляции между исходным и восстановленным изображениями составил $R > 0,8$, что свидетельствует о высокой степени сохранения структурного подобия полезного сигнала после прохождения канала.

3. Верифицирована математическая модель канала распространения для цифровых видов модуляции. Полученная экспериментальная зависимость вероятности битовой ошибки (BER) от отношения сигнал / шум полностью совпадает с теоретической кривой для канала с аддитивным белым гауссовским шумом (AWGN), что подтверждает физическую адекватность вносимых искажений.

4. Сформирован сбалансированный и размеченный набор данных объемом 2000 образцов, включающий комплексные квадратурные выборки, спектрограммы и файлы метаданных. Унифицированная структура датасета делает его готовым инструментом для обучения и тестирования нейросетевых моделей автоматической классификации радиосигналов.

Список литературы / References

Abd-Elaziz O., Abdalla M., Elsayed R. Deep learning-based automatic modulation classification using robust CNN architecture for cognitive radio networks. *Sensors*, 2023, vol. 23, no. 23, pp. 9467. https://doi.org/10.3390/s23239467

Scholl S. RF signal classification with synthetic training data and its real-world performance. *arXiv*, 2022. https://doi.org/10.48550/arXiv.2206.12967

Sharma E., Deo R., Davey C., Carter B. Artificial intelligence-empowered Doppler weather profile for low-earth-orbit satellites. *Sensors*, 2024, vol. 24, no. 16, pp. 5271. https://doi.org/10.3390/s24165271

Snoap J. A., Popescu D. C., Latshaw J. A., Spooner C. M. Deep-learning-based classification of digitally modulated signals using capsule networks and cyclic cumulants. *Sensors*, 2023, vol. 23, iss. 12, pp. 5735. https://doi.org/10.3390/s23125735

Snoap J. A., Popescu D. C., Spooner C. M. Deep-learning-based classifier with custom feature-extraction layers for digitally modulated signals. *IEEE Transactions on Broadcasting*, 2024, vol. 70, no. 3, pp. 763–773. https://doi.org/10.1109/TBC.2024.3391056

Spooner C. *DeepSig's 2018 Dataset: 2018.01.OSC.0001_1024x2M.h5.tar.gz*, 2020. Available at: https://cyclostationary.blog/2020/09/24/deepsigs-2018-data-set-2018-01-osc-0001_1024x2m-h5-tar-gz/ (accessed: 16.01.2026).

Spooner C. *More on DeepSig's RML Datasets*, 2020. Available at: https://cyclostationary.blog/2020/08/17/more-on-deepsigs-rml-data-sets/ (accessed: 16.01.2026).

Wang D., Lin M., Xiaoxu Z., et al. Automatic modulation classification based on CNN-transformer graph neural network. *Sensors*, 2023, vol. 23, no. 16, pp. 7281. https://doi.org/10.3390/s23167281

Сведения об авторах

Алина Владимировна Кобенко – аспирант, https://orcid.org/0000-0001-6857-1799, a.kobenko@narfu.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Alina V. Kobenko** – Postgraduate Student, https://orcid.org/0000-0001-6857-1799, a.kobenko@narfu.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Роман Александрович Алешко – кандидат технических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-1235-8937, r.aleshko@narfu.ru, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (д. 17, набережная Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Roman A. Aleshko** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1235-8937, r.alesko@narfu.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (17, nab. Severnoi Dviny, 163002 Arkhangelsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: авторы сделали разный вклад в подготовку публикации, что отражено в последовательности персоналий авторского коллектива. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors made different contributions to the preparation of the publication, which is reflected in the sequence of personalities of the authors' team. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 06.04.2026; Approved after reviewing 25.05.2026; Accepted for publication 10.06.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 18–30.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 18–30.

Научная статья
УДК 656.25
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-2
https://elibrary.ru/wgwplp

Дискретно-событийная модель обоснования проектных и эксплуатационных параметров систем ЖАТ по критерию готовности

Елена Витальевна Кузьмина
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия
kuzminaelena96@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-1837-7989

Аннотация. Системы железнодорожной автоматики и телемеханики (ЖАТ) требуют количественной оценки коэффициента готовности $K_г$ с учетом сложной структуры, неэкспоненциальных распределений наработки до отказа и времени восстановления, ограниченных ресурсов ремонта и периодического технического обслуживания. В статье разработана имитационная дискретно-событийная модель, воспроизводящая указанные факторы. Верификация модели на аналитических решениях для марковских и полумарковских процессов показала совпадение в пределах 95 % доверительных интервалов (максимальное расхождение 0,0002). Для типовой системы управления стрелкой установлены оптимальные параметры: 2–3 ремонтные бригады; 2 комплекта запасных частей, инструментов и принадлежностей; период технического обслуживания не менее 336 ч. Модель рекомендуется для проектных и эксплуатационных подразделений.

Ключевые слова: коэффициент готовности, системы ЖАТ, имитационное моделирование, марковские процессы, полумарковские процессы, резервирование, ЗИП, ТО, надежность

Для цитирования: Кузьмина Е. В. Дискретно-событийная модель обоснования проектных и эксплуатационных параметров систем ЖАТ по критерию готовности**.** *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 18–30. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-2; EDN: WGWPLP

Discrete-event model for justification of design and operational parameters of railway signalling and telecommunication systems based on the availability criterion

Elena V. Kuzmina
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow, Russia
kuzminaelena96@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0004-1837-7989

Abstract. Systems of railway automation and telemechanics (RAT) require a quantitative assessment of the availability factor Kg taking into account complex structure, non-exponential distributions of time to failure and repair time, limited repair resources, and periodic maintenance. A discrete-event simulation model has been developed that reproduces these factors. Verification of the model against

© Кузьмина Е. В., 2026

analytical solutions for Markov and semi-Markov processes showed agreement within 95 % confidence intervals (maximum deviation 0.0002). For a typical point control system, optimal parameters have been established: 2–3 repair teams, 2 sets of spare parts, and a maintenance period of at least 336 hours. The model is recommended for design and operational departments.
Keywords: availability, RAT systems, simulation modelling, Markov processes, semi-Markov processes, redundancy, spare parts inventory, maintenance, reliability
For citation: Kuzmina E. V. Discrete-event model for justification of design and operational parameters of railway signalling and telecommunication systems based on the availability criterion. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 18–30. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-2; EDN: WGWPLP

Введение

Системы железнодорожной автоматики и телемеханики (далее – ЖАТ) относятся к классу технических систем, отказ которых может привести к значительным экономическим потерям и угрозе безопасности движения поездов[1]. При эксплуатации станций ключевым показателем эффективности является коэффициент готовности $K_г$ – вероятность того, что система окажется работоспособной в произвольный момент времени в установившемся режиме эксплуатации[2].

Коэффициент готовности аналитически выражается через среднюю наработку на отказ T_0 и среднее время восстановления $T_в$: $K_г = \frac{T_0}{T_0 + T_в}$ [3].

Классические аналитические методы расчета $K_г$ хорошо развиты для систем с простой структурой и экспоненциальными распределениями наработки до отказа и времени восстановления[4]. Однако реальные системы ЖАТ характеризуются:

– иерархической структурой с различными видами резервирования;

– неэкспоненциальными распределениями (Вейбулла, гамма, логнормальное), обусловленными процессами старения и восстановления;

– ограниченными ресурсами восстановления;

– периодическим техническим обслуживанием, изменяющим интенсивность отказов[5].

[1] Веселова А. С. *Оценка качества технической эксплуатации систем железнодорожной автоматики и телемеханики*: дис. … канд. техн. наук. Москва: [б. и.], 2020. 270 с. EDN: DLDIGJ

[2] Сапожников В. В., Сапожников В. В., Ефанов Д. В. *Основы теории надежности и технической диагностики*. Санкт-Петербург: Лань, 2019. 588 с. EDN: IZBJPZ

[3] Рябинин И. А. *Надежность и безопасность структурно-сложных систем*. Санкт-Петербург: Политехника, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. 277 с. EDN: RYRPPV

[4] Бурсиан Е. Ю., Проурзин В. А., Проурзин О. В. Сравнительный анализ методов оценки надежности по большим данным эксплуатации сложных систем. *Надежность*, 2023, т. 23, № 4, с. 25–30. https://doi.org/10.21683/1729-2646-2023-23-4-25-30; EDN: WWHHYY

[5] Садовникова Н. П., Парыгин Д. С., Ерещенко Т. В., Рашевский Н. М. *Имитационное моделирование*. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2022. 128 с. EDN: IVSWCJ

В таких условиях аналитическое описание становится чрезмерно сложным, а часто и невозможным без существенных упрощений[1]. Альтернативой является имитационное моделирование, позволяющее учесть перечисленные факторы и получить статистически достоверные оценки[2].

Наша цель – разработка имитационной модели, пригодной для оценки коэффициента готовности систем ЖАТ, с расширенным математическим обоснованием и возможностью учета широкого спектра эксплуатационных факторов.

Основная часть

Аналитическая база для верификации

Для верификации имитационной модели использованы аналитические выражения, полученные в рамках теории марковских и полумарковских процессов[3]. Рассмотрены пять типов структур, наиболее часто встречающихся в системах ЖАТ, а также учтены эффекты многоканального восстановления и ограниченного количества запасных частей, инструментов и принадлежностей (далее – ЗИП)[4].

$$\begin{cases} \dot{P}_0 = -n\lambda P_0 + \mu P_1, \\ \dot{P}_i = -(n-i)\lambda P_i - i\mu P_i + (n-i+1)\lambda P_{i-1} + (i+1)\mu P_{i+1}, \ 1 \le i \le n-m, \\ \dot{P}_{n-m+1} = -(n-m+i)\mu P_{n-m+1} + (m-1)\lambda P_{n-m}, \end{cases} \quad (1)$$

Пусть система состоит из n одинаковых элементов, для работоспособности достаточно m исправных ($m \le n$)[5]. Интенсивность отказов одного элемента λ_i, интенсивность восстановления μ. Восстановление ведется без ограничений, ремонтный орган один[6]. Состояние системы определяется числом отказавших элементов $i = 0, 1, \ldots, n-m+1$ (при $i > n - m$ система неработоспособна). Процесс является

[1] Константинова Т. Ю., Лыков А. А., Марков Д. С., Наседкин О. А., Соколов В. Б. Технология имитационного моделирования систем железнодорожной автоматики и телемеханики. *Автоматика на транспорте*, 2023, № 2, с. 193–204. https://doi.org/10.20295/2412-9186-2023-9-02-193-204; EDN: HYPJQU

[2] Шмидт О. О. *Обобщенная модель процесса восстановления в теории надежности использования информационных технологий*: дис. … канд. физ.-мат. наук. Красноярск: [б. и.], 2008. 125 с. EDN: NQDJUD

[3] Родионов И. В. *Вероятностный и статистический анализ экстремумов дискретных стохастических систем*: дис. … д-р физ.-мат. наук. Москва: [б. и.], 2021. 259 с. EDN: IPSWQR

[4] Хромушкин К. Д. *Управление надежностью устройств железнодорожной автоматики и телемеханики на всех этапах их жизненного цикла*: дис. … канд. техн. наук. Серпухов: [б. и.], 2011. 140 с. EDN: QFIRAD

[5] Журавлев И. А. *Модели и методы оценки показателей надежности систем железнодорожной автоматики и телемеханики*: дис. … канд. техн. наук. Москва: [б. и.], 2013. 236 с. EDN: SUSQWP

[6] Посеренин С. П. *Теоретические основы стратегий технического обслуживания машин и технологического оборудования*: дис. … д-р техн. наук. Москва: [б. и.], 2005. 381 с. EDN: NNPVRP

марковским, система дифференциальных уравнений Колмогорова для вероятностей состояний $P_i(t)$ имеет вид:

с условием $\sum_{i=0}^{n-m+1} P_i = 1$. В стационарном режиме $\left(\dot{P}_i = 0\right)$ решение дает:

$$P_i = P_0 \cdot \frac{(n\lambda)^i}{i!\mu^i},\ i = 0,1,...,\ n-m+1, \tag{2}$$

где $P_0 = \left[\sum_{i=0}^{n-m+1} \frac{(n\lambda)^i}{i!\mu^i}\right]^{-1}$.

Коэффициент готовности может быть рассчитан по формуле:

$$K_г = \sum_{i=0}^{n-m} P_i = \frac{\sum_{i=0}^{n-m} \frac{(n\lambda)^i}{i!\mu^i}}{\sum_{i=0}^{n-m+1} \frac{(n\lambda)^i}{i!\mu^i}}. \tag{3}$$

Рассмотрим систему из одного основного и r резервных элементов, находящихся в ненагруженном режиме. Интенсивность отказа основного элемента λ_0, резервного в нагруженном состоянии λ_1 (при вводе в работу). Интенсивность восстановления μ. Состояния: j – число отказавших элементов (от 0 до $r + 1$, где $r + 1$ – состояние полной неработоспособности). Система дифференциальных уравнений имеет вид:

$$\begin{cases} \dot{P}_0 = -\lambda_0 P_0 + \mu P_1, \\ \dot{P}_j = -\left[\lambda_0 + (j-1)\lambda_1 - (j-1)\mu\right] \cdot P_j + \lambda_0 P_{j-1} + j\mu P_{j+1},\ 1 \le j \le r, \\ \dot{P}_{r+1} = -(r+1)\mu P_{r+1} + (\lambda_0 + r\lambda_1) P_r. \end{cases} \tag{4}$$

Стационарное решение для случая $\lambda_0 = \lambda_1 = \lambda$:

$$P_j = P_0 \cdot \frac{\lambda^j}{j!\mu^j} \prod_{k=1}^{j-1} (r+1-k),\ \ j = 1, ..., r+1, \tag{5}$$

$$K_г = 1 - P_{r+1}. \tag{6}$$

В системах ЖАТ часто применяется автоматическое переключение на резерв. Надежность переключателя существенно влияет на общий коэффициент готовности. Рассмотрим систему с одним основным каналом, одним резервным и переключателем, который может отказать в режиме ожидания и при переключении. Интенсивность отказов переключателя – λ_s, интенсивность восстановления – μ_s. Для упрощения примем, что переключатель при отказе приводит к неработоспособности системы, а его восстановление происходит независимо. Состояния системы описы-

ваются комбинацией состояний каналов и переключателя. Марковский процесс имеет 6 состояний. Аналитическое выражение для $K_г$ имеет вид[1]:

$$K_г = \frac{\mu\mu_s(\lambda+\mu s)}{(\lambda+\mu)(\lambda_s+\mu_s)\mu+\lambda\lambda_s\mu_s+\lambda\mu\mu_s+\lambda\lambda_s\mu}. \quad (7)$$

При наличии нескольких ремонтных бригад процесс становится многомерным марковским[2]. Для системы «2 из 3» с двумя ремонтными органами стационарные вероятности состояний P_i (i – число отказавших элементов) определяются из уравнений:

$$\begin{cases} P_1 = \dfrac{3\lambda}{\mu} P_0, \\ P_2 = \dfrac{3\lambda}{\mu} P_1 = \dfrac{9\lambda^2}{\mu^2} P_0, \\ P_3 = \dfrac{\lambda}{2\mu} P_2 = \dfrac{9\lambda^3}{2\mu^3} P_0, \end{cases} \quad (8)$$

где $P_0 = \left[1+\frac{3\lambda}{\mu}+\frac{9\lambda^2}{\mu^2}+\frac{9\lambda^3}{2\mu^3}\right]^{-1}$. Коэффициент готовности $K_г = 1 - P_3$.

При ограниченном ЗИП процесс восстановления становится процессом с истощением ресурса. Для системы из одного элемента с s запасными частями и одним ремонтным органом, где время пополнения запаса распределено экспоненциально с параметром μ, а интенсивность отказов λ, стационарная готовность описывается формулой Эрланга для системы с ожиданием:

$$K_г = 1 - \frac{(\lambda/\mu)^{(s+1)}}{(s+1)!}\left[\sum_{k=0}^{s+1}\frac{(\lambda/\mu)^k}{k!}\right]^{(-1)}. \quad (9)$$

Более сложные структуры требуют имитационного моделирования.

Более точный расчет требует учета случайности моментов отказов относительно цикла ТО.

Имитационная модель

Разработанная имитационная модель построена на основе дискретно-событийного подхода. Ее основные возможности:

[1] *СТО РЖД 19.002-2017. Системы и устройства железнодорожной автоматики и телемеханики*. Москва: Стандартинформ, 2017. 16 с.

[2] Привалов А. Е., Дорожко И. В., Захарова Е. А., Копейка А. Л. Имитационная модель оценивания коэффициента готовности сложных технических систем с учетом характеристик процесса диагностирования. *Труды МАИ*, 2018, № 103, с. 28. EDN: VUAPGJ

– топология системы: граф элементов с указанием логики работы (последовательное, параллельное, резервирование с переключением)[1]; поддерживаются иерархические структуры;

– законы распределения: для наработки до отказа – экспоненциальное, Вейбулла (с параметром формы β), гамма, логнормальное; для времени восстановления – экспоненциальное, гамма, нормальное (усеченное);

– ресурсы восстановления: количество ремонтных бригад, приоритеты;

– запасные части: ограниченный запас ЗИП с возможностью пополнения;

– техническое обслуживание (далее – ТО): периодическое ТО с заданным интервалом и длительностью (возможно назначение ТО для отдельных элементов или всей системы);

– учет старения: возможность задания возрастающей интенсивности отказов.

Для каждого прогона модели формируется календарь событий, который имеет основные шаги[2].

1. Инициализация: задание начальных состояний элементов (исправны), резервирование ЗИП, установка времени следующего ТО.

2. Генерация начальных времен отказов: для каждого элемента.

3. Цикл по времени: пока $t < T_{\text{sim}}$:

a) определение ближайшего события (отказ, восстановление, начало / окончание ТО);

b) продвижение времени;

c) обработка события:

– отказ – если элемент не в резерве, проверяется возможность замещения (при наличии резерва и свободной бригады / ЗИП – начало восстановления, иначе – ожидание; при переходе системы в неработоспособное состояние фиксируется начало простоя);

– восстановление – элемент возвращается в строй, освобождается бригада, пополняется ЗИП (если система была в неработоспособном состоянии и становится работоспособной, то фиксируется окончание простоя);

– ТО – элемент (система) выводится из работы, затем возвращается.

4. Завершение прогона: вычисляется накопленное время простоя – $_{\text{down}}$ и коэффициент готовности $K_{\text{г}} = 1 - t_{\text{down}} / T_{\text{sim}}$.

5. Статистическая обработка: по всем прогонам вычисляются среднее $K_{\text{г}}$, доверительный интервал, а также эмпирическое распределение времени восстановления.

Верификация проведена для всех аналитических случаев. Параметры подбирались так, чтобы значения $K_{\text{г}}$ находились в диапазоне 0,99–0,999. Результаты, пред-

[1] Девятков Т. В. *Методы и средства имитационного моделирования в задачах исследования и проектирования дискретно-событийных систем*: автореф. дис. … канд. тех. наук. Москва, 2011. 18 с. EDN: QHLCVR

[2] Seniv M., Zdebskyi S. Improved software system for calculating the reliability indicators of complex technical systems. *Vìsnik Nacìonal'nogo unìversitetu L'vìvs'ka polìtehnìka Serìâ Ìnformacìjnì sistemi ta merežì*, 2024, no. 16, pp. 290–302. https://doi.org/10.23939/sisn2024.16.290

ставленные в табл. 1, показывают совпадение в пределах доверительных интервалов (максимальное расхождение 0,0002), что подтверждает адекватность модели.

Таблица 1

Верификация имитационной модели

Структура		Аналитический $K_г$	Имитационный $K_г$ (среднее ±95 % ДИ)
2 из 3 (один рем. орган)	$\lambda = 2 \cdot 10^{-4}$ ч$^{-1}$, $\mu = 0{,}2$ ч$^{-1}$ ($T_в = 5$ ч)	0,99259	0,9925 ±0,0004
2 из 3 (два рем. органа)	$\lambda = 2 \cdot 10^{-4}$ ч$^{-1}$, $\mu = 0{,}2$ ч$^{-1}$	0,99433	0,9942 ±0,0003
1 осн. + 1 хол. резерв	$\lambda = 1 \cdot 10^{-4}$ ч$^{-1}$, $\mu = 0{,}5$ ч$^{-1}$ ($T_в = 2$ ч)	0,99975	0,99973 ±0,00007
С ненадежным переключателем	$\lambda = 1{\cdot}10^{-4}$ ч$^{-1}$, $\mu = 0{,}5$ ч$^{-1}$ $\lambda_s = 1{\cdot}10^{-5}$ ч$^{-1}$, $\mu_s = 1$ч$^{-1}$	0,9938	0,9936 ±0,0005
Одиночный элемент + ЗИП ($s = 2$)	$\lambda = 0{,}01$ ч$^{-1}$, $\mu = 0{,}1$ ч$^{-1}$	0,9934	0,9932 ±0,0006

Результаты моделирования и их анализ

В качестве примера рассмотрена система управления стрелкой на станции, состоящая из двух каналов и коммутатора, который при отказе основного канала подключает резервный. Коммутатор нерезервируем. Базовые варианты (см. табл. 2) выбраны на основе данных эксплуатации систем ЖАТ.

Таблица 2

Базовые параметры моделируемой системы

Элемент	Закон распределения наработки до отказа	Параметры	Закон распределения времени восстановления	Параметры	Тип резервирования
Канал основной	Вейбулла	$\lambda = 5{\cdot}10^{-5}$ ч$^{-1}$, $\beta = 1{,}2$	Гамма	$\alpha = 2$, $\theta = 2{,}5$ ч	Нагруженный
Канал резервный	Вейбулла	$\lambda = 5{\cdot}10^{-5}$ ч$^{-1}$, $\beta = 1{,}2$	Гамма	$A = 2$, $\theta = 2{,}5$ ч	Нагруженный
Коммутатор	Экспоненциальное	$\lambda_s = 2{\cdot}10^{-5}$ ч$^{-1}$,	Экспоненциальное	$T_{в,s} = 2$ ч	Нерезервируемый

При выбранных параметрах интенсивность отказов каналов возрастает со временем, а время восстановления имеет гамма-распределение с положительной асимметрией.

На рис. 1 представлена зависимость $K_г$ от числа ремонтных бригад $n_г$ при фиксированных остальных параметрах. Увеличение количества бригад с 1 до 3 повышает $K_г$ с 0,9912 до 0,9956. Дальнейшее увеличение дает меньший прирост, что позволяет определить рациональное число бригад[1].

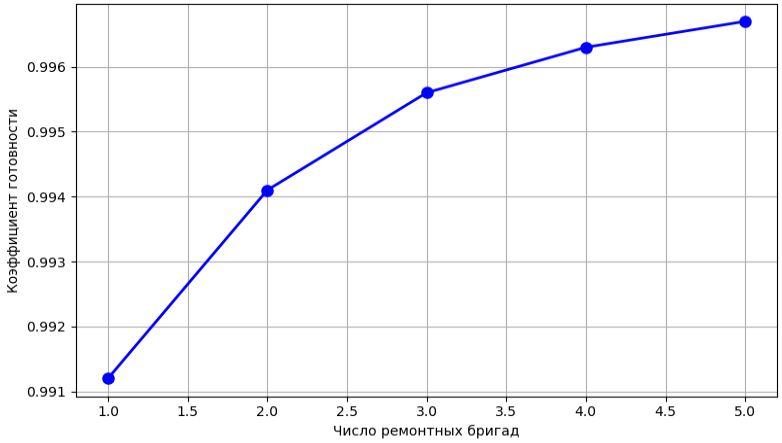

Рис. 1. Влияние числа ремонтных бригад на коэффициент готовности

На рис. 2 показана зависимость $K_г$ от количества запасных комплектов. При увеличении запаса с 0 до 3 комплектов $K_г$ возрастает с 0,988 до 0,994. Эффект насыщения наблюдается после 2 комплектов.

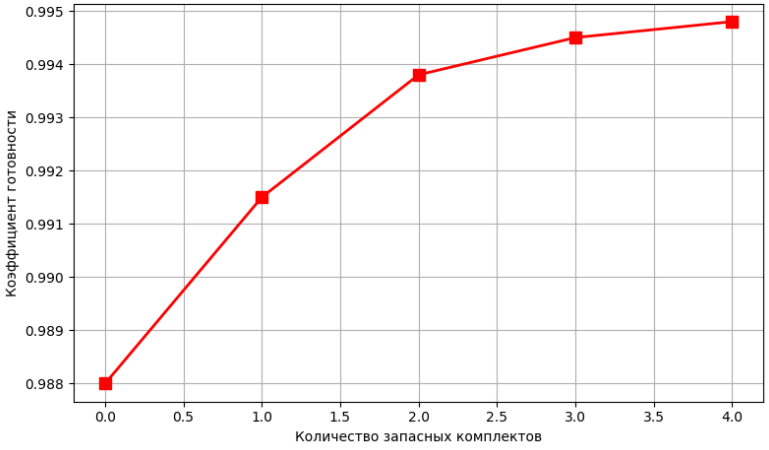

Рис. 2. Влияние объема ЗИП на коэффициент готовности

[1] Бурсиан Е. Ю., Проурзин В. А., Проурзин О. В. Сравнительный анализ методов оценки надежности по большим данным эксплуатации сложных систем. *Надежность*, 2023, т. 23, № 4, с. 25–30. https://doi.org/10.21683/1729-2646-2023-23-4-25-30; EDN: WWHHYY

На рис. 3 приведены результаты моделирования для системы с периодическим ТО каналов с длительностью $\tau_{то} = 1$ и различными периодами $T_{то}$. При $T_{то} = 168$ ч $K_г$ снижается до 0,988, тогда как без ТО – 0,993. Слишком частое ТО ухудшает готовность из-за простоев, а редкое – не дает эффекта снижения отказов.

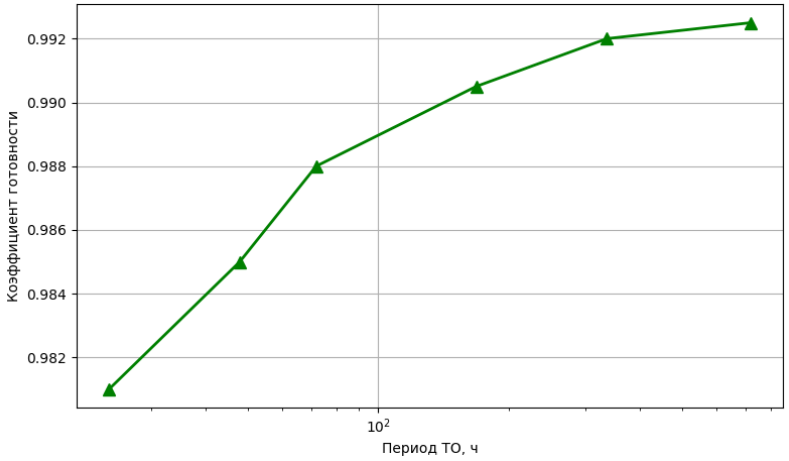

Рис. 3. Влияние периодичности ТО на коэффициент готовности

Проведен анализ чувствительности $K_г$ к изменению параметров распределений (см. рис. 4). Наибольшее влияние оказывает интенсивность отказов коммутатора (градиент $\partial K_г / \partial \lambda_s \approx -1500$), что подтверждает необходимость высокой надежности переключающих устройств.

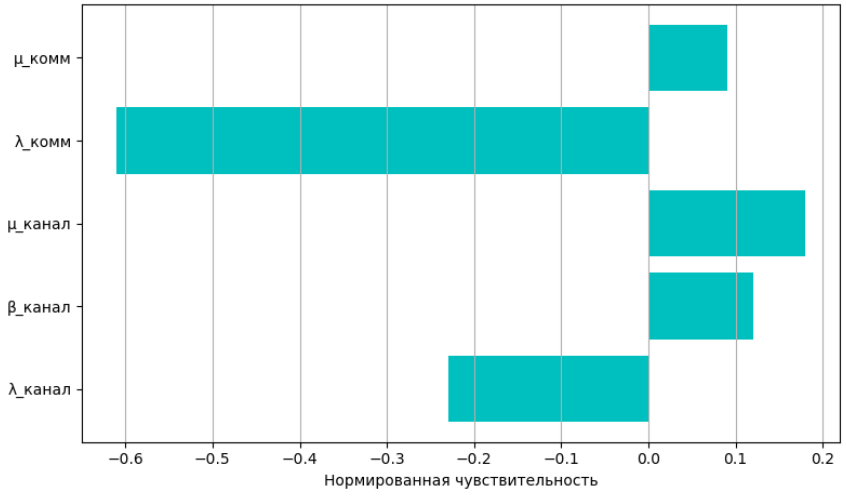

Рис. 4. Анализ чувствительности: нормированные частные производные

Практическое применение и обсуждение

Разработанная модель позволяет решать следующие практические задачи:

– обоснование структуры резервирования по критерию $K_г$ при заданных затратах;

– оптимизация ресурсов восстановления (число ремонтных бригад, объем ЗИП);

– планирование периодичности ТО с учетом простоев и снижения отказов;

– оценка влияния старения при продлении срока службы.

Для наглядности на рис. 5 приведена трехмерная поверхность $K_г = f(n_r, s)$, построенная по результатам моделирования. Такие зависимости позволяют проектировщику быстро выбрать компромиссные решения.

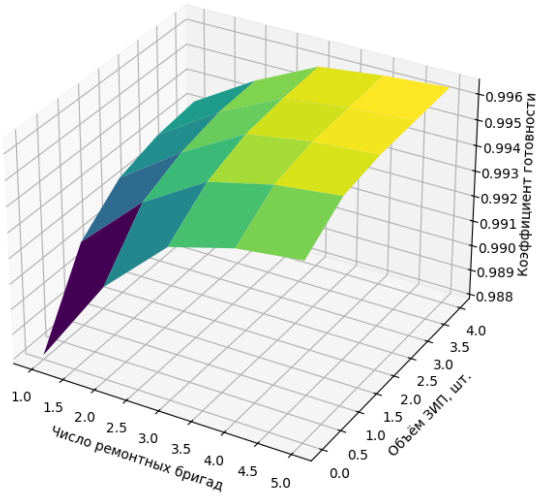

Рис. 5. Зависимость $K_г$ от числа ремонтных бригад и объема ЗИП

Выводы

Разработана и верифицирована имитационная модель оценки коэффициента готовности систем ЖАТ, учитывающая немарковские распределения, многоканальное восстановление, ограниченный ЗИП и периодическое ТО. Модель пригодна для использования в проектных организациях и эксплуатирующих подразделениях.

Дальнейшие исследования направлены на интеграцию с системами сбора данных (SCADA) для создания цифрового двойника системы ЖАТ.

Список литературы / References

Бурсиан Е. Ю., Проурзин В. А., Проурзин О. В. Сравнительный анализ методов оценки надежности по большим данным эксплуатации сложных систем. *Надежность*, 2023, т. 23, № 4, с. 25–30. https://doi.org/10.21683/1729-2646-2023-23-4-25-30; EDN: WWHHYY

Bursian E. Iu., Prourzin V. A., Prourzin O. V. A comparative analysis of the methods of evaluating dependability using Big Data of complex system operation. *Dependability*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 25–30. (In Russ.) https://doi.org/10.21683/1729-2646-2023-23-4-25-30; EDN: WWHHYY

Веселова А. С. *Оценка качества технической эксплуатации систем железнодорожной автоматики и телемеханики*: дис. … канд. техн. наук. Москва: [б. и.], 2020. 270 с. EDN: DLDIGJ

Veselova A. S. *Assessment of technical operation and maintenance quality of railway automation and telemechanics systems*: Cand. thesis in Technical Sciences. Moscow, 2020. 270 p. (In Russ.) EDN: DLDIGJ

Девятков Т. В. *Методы и средства имитационного моделирования в задачах исследования и проектирования дискретно-событийных систем*: автореф. дис. … канд. техн. наук. Москва: [б. и.], 2011. 18 с. EDN: QHLCVR

Deviatkov T. V. *Methods and means of simulation modeling in the tasks of research and design of discrete-event systems*: Abstract Cand. thesis in Technical Sciences. Moscow, 2011. 18 p. (In Russ.) EDN: QHLCVR

Журавлев И. А. *Модели и методы оценки показателей надежности систем железнодорожной автоматики и телемеханики*: дис. … канд. техн. наук. Москва: [б. и.], 2013. 236 с. EDN: SUSQWP

Zhuravlev I. A. *Models and methods for assessing reliability indicators of railway automation and telemechanics systems*: Cand. thesis in Technical Sciences. Moscow, 2013. 236 p. (In Russ.) EDN: SUSQWP

Константинова Т. Ю., Лыков А. А., Марков Д. С., Наседкин О. А., Соколов В. Б. Технология имитационного моделирования систем железнодорожной автоматики и телемеханики. *Автоматика на транспорте*, 2023, № 2, с. 193–204. https://doi.org/10.20295/2412-9186-2023-9-02-193-204; EDN: HYPJQU

Konstantinova T. Iu., Lykov A. A., Markov D. S., Nasedkin O. A., Sokolov V. B. Technology of simulation modeling for railway automation and remote control systems. *Transport automation research*, 2023, no. 2, pp. 193–204. (In Russ.) https://doi.org/10.20295/2412-9186-2023-9-02-193-204; EDN: HYPJQU

Посеренин С. П. *Теоретические основы стратегий технического обслуживания машин и технологического оборудования*: дис. … д-р техн. наук. Москва: [б. и.], 2005. 381 с. EDN: NNPVRP

Poserenin S. P. *Theoretical foundations of machine and process equipment maintenance strategies*: Dr thesis in Technical Sciences. Moscow, 2005. 381 p. (In Russ.) EDN: NNPVRP

Привалов А. Е., Дорожко И. В., Захарова Е. А., Копейка А. Л. Имитационная модель оценивания коэффициента готовности сложных технических систем с учетом характеристик процесса диагностирования. *Труды МАИ*, 2018, № 103, с. 28. EDN: VUAPGJ

Privalov A. E., Dorozhko I. V., Zakharova E. A., Kopeika A. L. Simulation model for assessing the availability of technical systems taking into account characteristics of the diagnostic process. *Electronic journal "Trudy MAI"*, 2018, no. 103, p. 28. (In Russ.) EDN: VUAPGJ

Родионов И. В. *Вероятностный и статистический анализ экстремумов дискретных стохастических систем*: дис. … д-р физ.-мат. наук. Москва: [б. и.], 2021. 259 с. EDN: IPSWQR

Rodionov I. V. *Probabilistic and statistical analysis of extrema in discrete stochastic systems*: Dr thesis in Physical and Mathematical Sciences. Moscow, 2021. 259 p. (In Russ.) EDN: IPSWQR

Рябинин И. А. *Надежность и безопасность структурно-сложных систем*. Санкт-Петербург: Политехника, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. 277 с. EDN: RYRPPV

Riabinin I. A. *Reliability and safety of structurally complex systems*. St Petersburg: Politekhnika, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2012. 277 p. (In Russ.) EDN: RYRPPV

Садовникова Н. П., Парыгин Д. С., Ерещенко Т. В., Рашевский Н. М. *Имитационное моделирование*. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2022. 128 с. EDN: IVSWCJ

Sadovnikova N. P., Parygin D. S., Ereshchenko T. V., Rashevskii N. M. *Simulation modeling*. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2022. 128 p. (In Russ.) EDN: IVSWCJ

Сапожников В. В., Сапожников В. В., Ефанов Д. В. *Основы теории надежности и технической диагностики*. Санкт-Петербург: Лань, 2019. 588 с. EDN: IZBJPZ

Sapozhnikov V. V., Sapozhnikov V. V., Efanov D. V. *Fundamentals of reliability theory and technical diagnostics*. St Petersburg: Lan', 2019. 588 p. (In Russ.) EDN: IZBJPZ

СТО РЖД 19.002-2017. Системы и устройства железнодорожной автоматики и телемеханики. Москва: Стандартинформ, 2017. 16 с.

Company standard Russian Railways 19.002-2017. Railway automation and telemechanics systems and devices. Moscow: Standartinform, 2017. 16 p. (In Russ.)

Хромушкин К. Д. *Управление надежностью устройств железнодорожной автоматики и телемеханики на всех этапах их жизненного цикла*: дис. … канд. техн. наук. Серпухов: [б. и.], 2011. 140 с. EDN: QFIRAD

Khromushkin K. D. *Managing reliability of railway automation and telemechanics devices at all stages of their life cycle*: Cand. thesis in Technical Sciences. Serpukhov, 2011. 140 p. (In Russ.) EDN: QFIRAD

Шмидт О. О. *Обобщенная модель процесса восстановления в теории надежности использования информационных технологий*: дис. … канд. физ.-мат. наук. Красноярск: [б. и.], 2008. 125 с. EDN: NQDJUD

Shmidt O. O. *Generalized recovery process model in information technology reliability theory*: Cand. thesis in Physical and Mathematical Sciences. Krasnoiarsk, 2008. 125 p. (In Russ.) EDN: NQDJUD

Seniv M., Zdebskyi S. Improved software system for calculating the reliability indicators of complex technical systems. *Vìsnik Nacìonal'nogo unìversitetu L'vìvs'ka polìtehnìka Serìâ Ìnformacìjnì sistemi ta merežì*, 2024, no. 16, pp. 290–302. https://doi.org/10.23939/sisn2024.16.290

Сведения об авторе

Елена Витальевна Кузьмина – ассистент, https://orcid.org/0009-0004-1837-7989, kuzminaelena96@yandex.ru, Российский университет транспорта (МИИТ) (д. 9, стр. 9, ул. Образцова, 127055 Москва, Россия); **Elena V. Kuzmina** – Assistant Lecturer, https://orcid.org/0009-0004-1837-7989, kuzminaelena96@yandex.ru, Russian University of Transport (MIIT) (9, str. 9, ul. Obraztsova, 127055 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 26.04.2026; одобрена после рецензирования 27.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 26.04.2026; Approved after reviewing 27.05.2026; Accepted for publication 18.06.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 31–39.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 31–39.

Научная статья
УДК 330.4
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-3
https://elibrary.ru/wonpku

Некоторые особенности группировки наблюдений при построении кластерной линейной регрессии методами наименьших модулей и антиробастного оценивания параметров

Сергей Иванович Носков[1]✉, Александр Алексеевич Бутин[2], Илья Денисович Кириллов[3]
[1,2,3]Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия
[1]✉sergey.noskov.57@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4097-2720
[2]butin_aa@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-7464-8810
[3]iliakirillov07@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-1413-4656

Аннотация. В работе сделан краткий обзор публикаций по применению методов регрессионного анализа при исследовании сложных технических и экономических объектов с учетом возможности группировки наблюдений обрабатываемых выборок данных. В частности, выделены: новый метод обнаружения различных линейных структур в наборе данных, называемый алгоритмом линейной группировки; логарифмическая регрессионная модель для сгруппированных данных о выживаемости при наличии множества межфакторных связей; методы группировки водосборов с точки зрения их эффективности при прогнозировании удельного расхода воды с низким стоком; байесовские подходы к групповому отбору для моделей линейной регрессии; модель иерархической логистической регрессии для изучения данных с групповой структурой и бинарной переменной отклика. Авторами построены две версии кластерной линейной регрессии для объема выручки ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» с помощью методов наименьших модулей и антиробастного оценивания. Модели различаются даже по знакам оценок параметров (в том числе в частных регрессиях), при этом составы индексных множеств номеров наблюдений для этих регрессий в обоих вариантах совпадают. Это свидетельствует о том, что при использовании указанных методов для построения кластерных линейных регрессий эти составы могут как разниться, с учетом упомянутых в статье работ, так и совпадать, в зависимости от свойств каждой конкретной выборки данных.

Ключевые слова: модель, кластерная линейная регрессия, методы наименьших модулей и антиробастного оценивания, задача линейно-булева программирования, металлургический комбинат

Для цитирования: Носков С. И., Бутин А. А., Кириллов И. Д. Некоторые особенности группировки наблюдений при построении кластерной линейной регрессии методами наименьших модулей и антиробастного оценивания параметров**.** *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 31–39. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-3; EDN: WONPKU

© Носков С. И., Бутин А. А., Кириллов И. Д., 2026

Some features of grouping observations in the construction of clustered linear regression applying least modulus and anti-robust parameter estimation methods

Sergey I. Noskov[1]✉, Alexander A. Butin[2], Ilya D. Kirillov[3]
[1,2,3]Irkutsk State Transport University,
Irkutsk, Russia
[1]✉sergey.noskov.57@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4097-2720
[2]butin_aa@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-7464-8810
[3]iliakirillov07@gmail.com, https://orcid.org/0009-0004-1413-4656

Abstract. This paper provides a brief overview of the literature on the application of regression analysis methods to the study of complex technical and economic systems, taking into account the possibility of grouping observations within the data samples being analyzed. In particular, the following are highlighted: a new method for detecting various linear structures in a dataset, referred to as the linear grouping algorithm; a logarithmic regression model for grouped survival data in the presence of multiple inter-factor relationships; methods for grouping watersheds in terms of their effectiveness in forecasting specific water consumption under low flow conditions; Bayesian approaches to cluster sampling for linear regression models; a hierarchical logistic regression model for analyzing data with a clustered structure and a binary response variable. Two versions of clustered linear regression were constructed for the revenue of PJSC “Magnitogorsk Iron and Steel Works” using the least modulus and anti-robust estimation methods. The models differ significantly even in the signs of the parameter estimates, including the individual regressions. At the same time, the compositions of the index sets of observation numbers for these regressions coincide in both variants. This means that when applying the specified methods to construct clustered linear regressions, these compositions may either differ, taking into account the works mentioned in the article, or coincide, depending on the properties of each specific data sample.

Keywords: model, clustered linear regression, least modulus and anti-robust estimation methods, linear-Boolean programming problem, metallurgical plant

For citation: Noskov S. I., Butin A. A., Kirillov I. D. Some features of grouping observations in the construction of clustered linear regression applying least modulus and anti-robust parameter estimation methods. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 31–39. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-3; EDN: WONPKU

Введение

Применение методов регрессионного анализа при исследовании сложных технических и экономических объектов позволяет не только строить их адекватные модели, но и изучать характер изменения тенденций во взаимовлиянии задействованных факторов на предыстории путем группировки наблюдений обрабатываемых выборок данных. Так, в работе S. Aelst Van, X. Wang, R. H. Zamar, R. Zhu[1] предложен новый метод обнаружения различных линейных структур в наборе данных – алгоритм линейной группировки (далее – LGA). Он полезен для исследования потенциальных линейных закономерностей в наборах данных, то есть подмножеств, которые следу-

[1] Van Aelst S., Wang X., Zamar R. H., Zhu R. Linear grouping using orthogonal regression. *Computational Statistics & Data Analysis*, 2006, vol. 50, no. 5, pp. 1287–1312.

ют различным линейным соотношениям. LGA сочетает в себе идеи основных компонентов, методов кластеризации и алгоритмов повторной выборки, а также может обнаруживать сразу несколько различных линейных зависимостей. В статье C. G. M. Groothuis-Oudshoorn, H. M. E. Miedema[1] представлен метод моделирования взаимосвязи полихотомических оценок состояния здоровья с такими предикторами, как характеристики местности, расстояние до источника загрязнения окружающей среды или воздействие загрязняющих веществ в окружающей среде. Модель сочетает в себе элементы групповой регрессии и многоуровневого анализа. В исследовании M. W. Fagerland, D. W. Hosmer[2] модели порядковой регрессии используются для описания взаимосвязи между упорядоченной категориальной переменной отклика и одной или несколькими независимыми переменными. Там же описан подход, который позволяет вычислять четыре критерия соответствия для оценки общей адекватности этих моделей. В работе E. M. Hashimoto, E. M. M. Ortega, G. M. Cordeiro, M. L. Barreto[3] логарифмическая регрессионная модель Burr XII для сгруппированных данных о выживаемости оценивается при наличии множества межфакторных связей. Методология моделирования для сгруппированных данных основана на таблицах продолжительности жизни, где периоды сгруппированы в k интервалов. В публикации G. Laaha, G. Blöschl[4] сравниваются четыре метода группировки водосборов с точки зрения их эффективности при прогнозировании удельного расхода воды с низким стоком: метод остаточной структуры; взвешенный кластерный анализ; регрессионные деревья; и подход, основанный на сезонности регионов.

В статье O. Paccagnella[5] отмечено, что при построении многоуровневой регрессии центрирование переменных модели приводит к эффектам, которые весьма неожиданны по сравнению с результатами традиционного регрессионного анализа. Автор рассматривает основные аргументы с точки зрения смысла, допущений и эффектов, лежащих в основе решения о разработке многоуровневой регрессии, подчеркивая преимущества и недостатки данного подхода. В исследовании W.-T. Lai, R.-B. Chen[6] рассматриваются байесовские подходы к групповому отбору для моделей линейной регрессии – байесовский индикаторный подход, а также байесовские групповые методы LASSO. Также упоминаются байесовские методы для разреженного группового отбора, которые можно рассматривать как расширение обычного

[1] Groothuis-Oudshoorn C. G. M., Miedema H. M. E. Multilevel grouped regression for analyzing self-reported health in relation to environmental factors: The model and its application. *Biometrical Journal*, 2006, vol. 48, no. 1, pp. 67–82.

[2] Fagerland M. W., Hosmer D. W. How to test for goodness of fit in ordinal logistic regression models. *The Stata Journal*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 668–686.

[3] Hashimoto E. M., Ortega E. M. M., Cordeiro G. M., Barreto M. L. The log-Burr XII regression model for grouped survival data. *Journal of Biopharmaceutical Statistics*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 141–159.

[4] Laaha G., Blöschl G. A comparison of low flow regionalisation methods – catchment grouping. *Journal of Hydrology*, 2006, vol. 323, no. 1–4, pp. 193–214.

[5] Paccagnella O. Centering or not centering in multilevel models? The role of the group mean and the assessment of group effects. *Evaluation Review*, 2006, vol. 30, no. 1, pp. 66–85.

[6] Lai W.-T., Chen R.-B. A review of Bayesian group selection approaches for linear regression models. *WIREs Computational Statistics*, 2021, vol. 13, no. 4, e1513.

группового отбора. В статье C. R. Bilder, J. M. Tebbs[1] исследуются регрессионные модели группового тестирования как способ учета ковариат при оценке распространенности признаков, производится сравнение соответствий, полученных в ходе индивидуального и группового тестирования. Для оценки точности полученных оценок с использованием различных стратегий группировки используются показатели относительной погрешности и эффективности. В публикации Y. Choi, N.-W. Park, W. Lee[2] предлагается адаптивный к данным метод для сегментирования отдельных моделей логистической регрессии, основанных на наблюдениях с акцентом на бинарные данные об оползнях. Данный метод определяет модели регрессии, специфичные для наблюдений, и использует штраф в рамках сгруппированного ЛАССО для объединения моделей, адаптированных к данным, когда требуется вычислить общие коэффициенты регрессии.

Целью настоящей работы является соотнесение составов групп наблюдений, сформированных в результате построения кластерной линейной регрессии (далее – КЛР) методами наименьших модулей и антиробастного оценивания параметров.

Основная часть

Рассмотрим кластерную линейную регрессию[3]:

$$y_k = \alpha_0^j + \sum_{i=1}^{m} \alpha_i^j x_{ki} + \varepsilon_k^j, j = \overline{1,r}, k \in P^j, \quad (1)$$

где y – зависимая, а x_i, $i = \overline{1,m}$ – независимые переменные (предикторы), r – заданное число кластеров, $\{1, 2, \ldots, n\} \supset P^j$ – множество номеров наблюдений в j-ом кластере. При этом будем считать выполненными условия:

$$\bigcup_{j=1}^{r} P^j = 1,2,\ldots,n \ , \ P^i \cap P^j = \varnothing, \ i \neq j .$$

[1] Bilder C. R., Tebbs J. M. Bias, efficiency, and agreement for group-testing regression models. *Journal of Statistical Computation and Simulation*, 2009, vol. 79, no. 1, pp. 67–80.

[2] Choi Y., Park N.-W., Lee W. Data-driven segmentation of observation-level logistic regression models. *Journal of the Royal Statistical Society. Series C: Applied Statist*cs, 2025, vol. 74, no. 4, pp. 1077–1099.

[3] Носков С. И., Беляев С. В. Оценка непротиворечивости кластерной линейной регрессионной модели. *Вестник Технологического университета*, 2025, т. 28, № 2, с. 88–91; Носков С. И., Беляев С. В. Антиробастное оценивание параметров кластерной линейной регрессии. *Ученые записки КнАГТУ*, 2025, № 3 (83), с. 41–45; Носков С. И., Беляев С. В., Чекалова А. Р. Построение кластерной линейной регрессионной модели потребления электроэнергии в Сибирском федеральном округе. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 1 (130), с. 26–35.

Задача состоит в вычислении оценок параметров α_i^j, $i=\overline{0,m}$, $j=\overline{1,r}$ и формирования индексных множеств P^j, $j=\overline{1,r}$. Она реализуется путем решения задачи оптимизации[1]:

$$G_\rho\ \ A,\Xi\ \ =\sum_{k=1}^{n}\sum_{j=1}^{r}\sigma_{kj}\left|\varepsilon_k^j\right|^\rho\to min,\ \rho>1, \tag{2}$$

где

$$\sigma_{kj}=\begin{cases}1,\ \ k\in P^j\\ 0,\ \ k\notin P^j,\end{cases}$$

$$A=\left\|\alpha_i^j\right\|,\ j=\overline{1,r},\ \ i=\overline{0,m},\ \ \Xi=\left\|\sigma_{kj}\right\|,\ \ k=\overline{1,n},\ \ j=\overline{1,r}.$$

При $\rho=1$ задача (2) соответствует методу наименьших модулей (далее – МНМ), относящегося к классу робастных, не реагирующих на выбросы в данных, а при $\rho\to\infty$ – методу антиробастного оценивания параметров (далее – МАО), который, напротив, сильно тяготеет к выбросам, смещая к ним гиперплоскость регрессии. В обоих случаях задача (2) сводится к задаче линейно-булева программирования (далее – ЛБП). Такая задача для МАО имеет вид[2]:

$$\alpha_0^j+\sum_{i=1}^{m}\alpha_i^j x_{ki}-M\sigma_{kj}+u_k\ge y_k-M,\ j=\overline{1,r},\ k=\overline{1,n}, \tag{3}$$

$$\alpha_0^j+\sum_{i=1}^{m}\alpha_i^j x_{ki}+M\sigma_{kj}-u_k\le y_k+M\ ,\ \ j=\overline{1,r}\ ,\ \ k=\overline{1,n}\ , \tag{4}$$

$$\sum_{j=1}^{r}\sigma_{kj}=1,\ \ k=\overline{1,n}\ , \tag{5}$$

$$u_k\le z,\ \ k=\overline{1,n}\ , \tag{6}$$

$$\sigma_{kj}\in\ \ 0,1\ \ ,\ j=\overline{1,r},\ \ k=\overline{1,n}\ , \tag{7}$$

$$u_k\ge 0,\ \ k=\overline{1,n}\ , \tag{8}$$

$$z+\delta\sum_{i=1}^{n}u_k\to min\ , \tag{9}$$

где M – наперед заданное большое, а δ – малое положительные числа.

Для реализации МНМ целевую функцию (9) в задаче ЛБП (3)–(9) следует заменить на следующую:

[1] Носков С. И., Беляев С. В. Антиробастное оценивание параметров кластерной линейной регрессии. *Ученые записки КнАГТУ*, 2025, № 3 (83), с. 41–45.

[2] Носков С. И., Беляев С. В., Чекалова А. Р. Построение кластерной линейной регрессионной модели потребления электроэнергии в Сибирском федеральном округе. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 1 (130), с. 26–35.

$$\sum_{i=1}^{n} u_k \to min. \quad (10)$$

Естественным является вопрос – всегда ли меняется состав индексных множеств P^j, $j=\overline{1,r}$ и меняется ли он вообще при применении МНМ и МАО?

В работе «ММК. Годовая финансовая отчетность МСФО»[1] с помощью этих двух методов построена КЛР активной мощности гидроагрегата одной из гидроэлектростанций Сибири при $r = 2$. В результате оказалось, что состав индексных множеств P^j, $j=\overline{1,r}$ оказался различным.

Построим с помощью МНМ и МАО кластерную линейную модель объема выручки ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» вида:

$$y_k = \alpha_0^j + \alpha_1^j x_{k1} + \alpha_2^j x_{k2} + \varepsilon_k^j, \quad j=1,2, \quad k \in P^j. \quad (11)$$

Введем обозначения y – объем выручки, млрд руб.; x_1 – объем продаж стали, млн т; x_2 – объем продаж труб, млн т.

В таблице приведена статистическая информация по выделенным показателям за 2015–2024 гг.[2]

Таблица

Статистическая информация

Год	y	x_1	x_2
2015	354,1	11,2	0,075
2016	380	11,6	0,082
2017	440,1	11,6	0,065
2018	511,5	11,7	0,073
2019	489,2	11,3	0,057
2020	460,2	10,8	0,083
2021	873,2	12,5	0,072
2022	699,8	10,7	0,095
2023	763,4	11,8	0,109
2024	768,5	10,6	0,111

Путем решения задачи ЛБП (3)–(5), (7), (8), (10) построим КЛР (11) с помощью МНМ. В результате получим:

[1] ММК. *Годовая финансовая отчетность МСФО*. URL: https://smartlab.ru/q/MAGN/f/y/ (дата обращения: 30.03.2026).

[2] ММК. *Годовая финансовая отчетность МСФО*. URL: https://smartlab.ru/q/MAGN/f/y/ (дата обращения: 30.03.2026).

$$y_k = 1650 - 88,5x_{k1} - 2817,81x_{k2} + \varepsilon_k, \quad k \in P^1, \tag{12}$$

$$P^1 = \{1, 2, 3, 4, 5, 6\};$$

$$y_k = 19 + 77x_{k1} - 1510.1x_{k2}, \quad k \in P^2, \tag{13}$$

$$P^2 = \{7, 8, 9, 10\}, \quad G_1 = 308,8, \quad G_\infty = 102,8, \quad E = 5,4\,\%.$$

Здесь G_1 – сумма модулей ошибок, G_∞ – максимальная по модулю ошибка, E – средняя процентная ошибка.

Теперь построим регрессию (11) с помощью МАО, решив задачу ЛБП (3)–(9):

$$y_k = 44,9x_{k1} - 1092,6x_{k2} + \varepsilon_k, \quad k \in P^1, \tag{14}$$

$$P^1 = \{1, 2, 3, 4, 5, 6\};$$

$$y_k = 426,7 + 47,6x_{k1} - 2066,4x_{k2}, \quad k \in P^2, \tag{15}$$

$$P^2 = \{7,8,9,10\}, \quad G_1 = 410,3, \quad G_\infty = 66,4, \quad E = 7,1\,\%.$$

По результатам сравнения КЛР (12), (13) и (14), (15) можно заключить следующее.

1. Они имеют сильно различающиеся, даже по знакам, оценки параметров (в том числе в частных регрессиях одной кластерной модели).

2. Значения критериев адекватности G_1, G_∞, E в обеих моделях следует признать вполне приемлемыми.

3. Составы индексных множеств P^1 и P^2 совпадают, что является важным результатом в контексте сформулированной цели данной работы. Это означает, что при использовании МНМ и МАО для построения КЛР данные составы могут как разниться, так и совпадать.

4. Множество P^1 соответствует временному периоду с 2015 по 2020 гг., а P^2 – с 2021 по 2024 гг.

Выводы

В работе сформулирована задача соотнесения составов групп наблюдений, сформированных в результате построения кластерной линейной регрессии методами наименьших модулей и антиробастного оценивания параметров. Реализация обоих методов сводится к решению задачи линейно-булева программирования. Два построенных варианта КЛР для объема выручки ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» имеют сильно различающиеся, даже по знакам, оценки параметров (в том числе в частных регрессиях одной кластерной модели). Вместе с тем, составы индексных множеств номеров наблюдений для частных регрессий в этих вариантах совпадают, что является важным результатом в контексте сформулированной цели данной работы. Это означает, что при использовании МНМ и МАО для

построения КЛР указанные составы могут как разниться, так и совпадать, в зависимости от свойств каждой конкретной выборки данных.

Список литературы / References

ММК. *Годовая финансовая отчетность МСФО*. URL: https://smartlab.ru/q/MAGN/f/y/ (дата обращения: 30.03.2026).

MMK. *Annual IFRS financial statements*. Available at: https://smartlab.ru/q/MAGN/f/y/ (accessed: 30.03.2026). (In Russ.)

Носков С. И., Беляев С. В. Антиробастное оценивание параметров кластерной линейной регрессии. *Учёные записки КнАГТУ*, 2025, № 3 (83), с. 41–45.

Noskov S. I., Belyaev S. V. Anti-robust estimation of cluster linear regression parameters. *KnASTU Scientific Notes*, 2025, no. 3 (83), pp. 41–45. (In Russ.)

Носков С. И., Беляев С. В. Оценка непротиворечивости кластерной линейной регрессионной модели. *Вестник Технологического университета*, 2025, т. 28, № 2, с. 88–91.

Noskov S. I., Belyaev S. V. Assessment of the consistency of a cluster linear regression model. *Herald of Technological University*, 2025, vol. 28, no. 2, pp. 88–91. (In Russ.)

Носков С. И., Беляев С. В., Чекалова А. Р. Построение кластерной линейной регрессионной модели потребления электроэнергии в Сибирском федеральном округе. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 1 (130), с. 26–35.

Noskov S. I., Belyaev S. V., Chekalova A. R. Construction of a cluster-based linear regression model for electricity consumption in the Siberian Federal District. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 1 (130), pp. 26–35. (In Russ.)

Bilder C. R., Tebbs J. M. Bias, efficiency, and agreement for group-testing regression models. *Journal of Statistical Computation and Simulation*, 2009, vol. 79, no. 1, pp. 67–80.

Choi Y., Park N.-W., Lee W. Data-driven segmentation of observation-level logistic regression models. *Journal of the Royal Statistical Society. Series C: Applied Statistics*, 2025, vol. 74, no. 4, pp. 1077–1099.

Fagerland M. W., Hosmer D. W. How to test for goodness of fit in ordinal logistic regression models. *The Stata Journal*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 668–686.

Groothuis-Oudshoorn C. G. M., Miedema H. M. E. Multilevel grouped regression for analyzing self-reported health in relation to environmental factors: The model and its application. *Biometrical Journal*, 2006, vol. 48, no. 1, pp. 67–82.

Hashimoto E. M., Ortega E. M. M., Cordeiro G. M., Barreto M. L. The log-Burr XII regression model for grouped survival data. *Journal of Biopharmaceutical Statistics*, 2012, vol. 22, no. 1, pp. 141–159.

Laaha G., Blöschl G. A comparison of low flow regionalisation methods – catchment grouping. *Journal of Hydrology*, 2006, vol. 323, no. 1–4, pp. 193–214.

Lai W.-T., Chen R.-B. A review of Bayesian group selection approaches for linear regression models. *WIREs Computational Statistics*, 2021, vol. 13, no. 4, e1513.

Paccagnella O. Centering or not centering in multilevel models? The role of the group mean and the assessment of group effects. *Evaluation Review*, 2006, vol. 30, no. 1, pp. 66–85.

Van Aelst S., Wang X., Zamar R. H., Zhu R. Linear grouping using orthogonal regression. *Computational Statistics & Data Analysis*, 2006, vol. 50, no. 5, pp. 1287–1312.

Сведения об авторах

Сергей Иванович Носков – доктор технических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0003-4097-2720, sergey.noskov.57@mail.ru, Иркутский государственный университет путей сообщения (д. 15, ул. Чернышевского, 664074 Иркутск, Россия); **Sergey I. Noskov** – Doctor of Technical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0003-4097-2720, sergey.noskov.57@mail.ru, Irkutsk State Transport University (15, ul. Chernyshevskogo, 664074 Irkutsk, Russia).

Александр Алексеевич Бутин – кандидат физико-математических наук, доцент, https://orcid.org/0009-0007-7464-8810, butin_aa@mail.ru, Иркутский государственный университет путей сообщения (д. 15, ул. Чернышевского, 664074 Иркутск, Россия); **Alexander A. Butin** – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0009-0007-7464-8810, butin_aa@mail.ru, Irkutsk State Transport University (15, ul. Chernyshevskogo, 664074 Irkutsk, Russia).

Илья Денисович Кириллов – заведующий лабораторией, https://orcid.org/0009-0004-1413-4656, iliakirillov07@gmail.com, Иркутский государственный университет путей сообщения (д. 15, ул. Чернышевского, 664074 Иркутск, Россия**)**; **Ilya D. Kirillov** – Head of the Laboratory https://orcid.org/0009-0004-1413-4656, iliakirillov07@gmail.com, Irkutsk State Transport University (15, ul. Chernyshevskogo, 664074 Irkutsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: авторы сделали разный вклад в подготовку публикации, что отражено в последовательности персоналий авторского коллектива. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors made different contributions to the preparation of the publication, which is reflected in the sequence of personalities of the author's team. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 13.04.2026; Approved after reviewing 25.05.2026; Accepted for publication 18.06.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 40–54.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 40–54.

Научная статья
УДК 69.05:004.9
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-4
https://elibrary.ru/ylkias

Формализация консолидированной задачи для трансформации цифрового паспорта строительного объекта

Николай Александрович Осипов[1], Михаил Юрьевич Наркевич[2], Оксана Сергеевна Логунова[3]✉, Олег Евгеньевич Гаврилов[4], Михаил Владимирович Логунов[5]
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия
[1]mr.osipof@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9965-8632
[2]narkevich_mu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6608-8293
[3]✉logunova66@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7006-8639
[4]oleggavrilovavb@gmail.com, https://orcid.org/0009-0003-5246-5811
[5]logunovm61@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7902-8537

Аннотация. Целью данной работы является повышение достоверности информации о процессах капитального строительства в условиях экспертного окружения и выявление ключевых тенденций в области цифровизации и информатизации. Для проведения исследования авторами вводятся понятия: экспертное окружение, условия экспертного окружения, экспертные показатели и идентификационные показатели. С использованием этих понятий формируется база данных моделей, включающая модель экспертного окружения и ситуационную модель состояния строительного объекта. Для формализации консолидированной задачи авторы используют методы теоретико-множественного анализа и графическое представление результатов. Полученные результаты составляют основу для реализации элементов искусственного интеллекта в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: цифровой паспорт, строительный объект, консолидированная задача, формализация задачи, экспертное окружение, ситуационная модель

Для цитирования: Осипов Н. А., Наркевич М. Ю., Логунова О. С., Гаврилов О. Е., Логунов М. В. Формализация консолидированной задачи для трансформации цифрового паспорта строительного объекта. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 40–54. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-4; EDN: YLKIAS

© Осипов Н. А., Наркевич М. Ю., Логунова О. С., Гаврилов О. Е., Логунов М. В., 2026

Formalization of a consolidated task for transforming a digital passport of a construction project

Nikolay A. Osipov[1], Mihkail Yu. Narkevich[2], Oksana S. Logunova[3]✉, Oleg E. Gavrilov[4], Mikhail V. Logunov[5]
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia
[1]mr.osipof@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9965-8632
[2]narkevich_mu@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6608-8293
[3]✉logunova66@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7006-8639
[4]oleggavrilovavb@gmail.com, https://orcid.org/0009-0003-5246-5811
[5]logunovm61@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7902-8537

Abstract. The aim of this study is to improve the reliability of information on capital construction processes in an expert environment and to implement key trends in digitalization and informatization. To conduct the study, the authors introduce the following concepts: expert environment, expert environment conditions, expert indicators, and identification indicators. Using these concepts, a database of models is developed, including an expert environment model and a situational model of the construction site condition. To formalize the consolidated problem, the authors apply methods of set-theoretical analysis and graphical representation of the results. The obtained results form the basis for implementing elements of artificial intelligence in further research.

Key words: digital passport, construction site, consolidated task, task formalization, expert environment, situational model

For citation: Osipov N. A., Narkevich M. Yu., Logunova O. S., Gavrilov O. E., Logunov M. V. Formalization of a consolidated task for transforming a digital passport of a construction project. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 40–54. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-4; EDN: YLKIAS

Введение

Современные требования к повышению качества информационных процессов, реализуемые на основе цифровизации и информатизации, приводят к построению и использованию цифрового паспорта объекта. Одним из основных этапов его построения является моделирование. Процесс моделирования является частью формализации предметной области для последующей алгоритмизации и построения программного обеспечения, которое реализует элементы искусственного интеллекта. В процессе моделирования выполняется абстрагирование и выделение главных компонент, определенных в постановке задачи. В зависимости от сложности объектов предметной области при решении задач выполняется их декомпозиция и консолидация для получения синтетического результата[1] на основе обоснованных предпосылок[2].

[1] Талапов В. В. Основы *BIM. Введение в информационное моделирование зданий* [Электронный ресурс]. Саратов: Профобразование, 2017, 392 с. EDN: ZGKAKN

[2] Осипов Н. А., Наркевич М. Ю., Квасова Н. А. и др. Цифровой паспорт технического объекта: концепция и предпосылки трансформации. *Электротехнические системы и*

В настоящее время под постановкой *консолидированной задачи* для моделирования объектов подразумевают описание обобщенной задачи исследования, которое дает не только исчерпывающее представление о ее сущности и логике преобразования информации, но и определяет последовательность решения необходимых подзадач и информационного взаимодействия между ними[1].

Для объекта капитального строительства как сложной системы необходимо не только информационное сопровождение, но и включение в цифровой паспорт объекта новых научно-обоснованных элементов. Такими элементами являются модели, включенные в базу данных и построенные с использованием экспертной информации.

Целью исследования является повышение достоверности информации о процессах капитального строительства в условиях экспертного окружения и выявление ключевых тенденций в области цифровизации и информатизации.

Для реализации указанной цели авторы выполнили построение трех новых моделей: модель экспертного окружения, ситуационную модель состояния и модель многомерного графика строительно-монтажных работ. Модель экспертного окружения и ситуационная модель состояния консолидированы в единое целое в графике производства строительно-монтажных работ. Результаты исследования приведены в основной части статьи.

Основная часть

I. Модель экспертного окружения для декларативного графика строительно-монтажных работ

Введение модели экспертного окружения является *первой точкой трансформации* цифрового паспорта строительного объекта. Для построения данной модели для декларативного графика производства строительно-монтажных работ введем следующие определения.

1. *Экспертное окружение* – это комплекс показателей, способов их получения и принятия решений с использованием идентификационных и экспертных показателей в ходе производственного процесса.

2. *Идентификационные показатели* – это характеристики входных данных и параметров процесса, значения которых являются предикативными сигнальными значениями, определяющими будущее состояние объекта или качество ведения производства (единичный показатель определяет монопризнак, объединение нескольких показателей образуют информационный пучок).

3. *Экспертные показатели* – это величины, характеризующие результаты экспертной оценки объекта, материалов или процесса.

комплексы, 2026, № 1 (70), с. 44–49. https://doi.org/10.18503/2311-8318-2026-1(70)-44-49; EDN: LRLJXD

[1] Бондарев И. С., Гаврицков С. А., Логунова О. С., Наркевич М. Ю. Представление результатов теоретико-множественного анализа сложной системы. *Вестник Череповецкого государственного университета,* 2024, № 5 (122), с. 18–30. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-5-122-2; EDN: OGERCD

4. *Условия экспертного окружения* – это организационные решения, обеспечивающие его наличие.

На основании этих определений введем обозначения (см. таблицу).

Таблица

Номенклатура обозначений модели экспертного окружения

№	Обозначение	Значение
1	*ПР*	Блок подготовки ресурсов
2	*Res*	Ресурсы для строительства объекта
3	*ВхК*	Входной контроль поступивших ресурсов
4	*Alg1*	Алгоритм формирования информационных монопотоков и информационных пучков
5	*Alg2*	Алгоритм принятия решений о передаче ресурсов в процесс строительства
6	*MSig*	Информационный монопоток
7	*BSign*	Информационный пучок
8	*ПС*	Процесс строительства
9	*IdSig*	Идентификационный слой информационных потоков
10	*СО*	Строительный объект
11	*Sig*	Показатели качества строительства и строительного объекта
12	*НЭ*	Независимая экспертиза
13	RE^+	Результаты экспертизы с положительным решением
14	RE^-	Результаты экспертизы с отрицательным решением
15	BRE^+	Информационный пучок по результатам экспертизы с положительным результатом
16	BRE^-	Информационный пучок по результатам экспертизы с отрицательным результатом
17	*Alg3*	Алгоритм принятия решений по исполнению корректирующих мероприятий о процессе
18	*Alg4*	Алгоритм принятия решений по исполнению корректирующих мероприятий по техническому состоянию объекта
19	I_0	Информационный поток о качестве поступивших ресурсов
20	I_M	Информационный монопоток
21	I_B	Информационный пучок
22	I_R	Информация о результатах преобразования
23	*{Com}*	Компоненты ситуации
24	*SitPr*	Текущая ситуация по состоянию процесса
15	*SitOb*	Текущая ситуация по состоянию объекта

В выбранных обозначениях модель экспертного окружения принимает вид:

– модель преобразования информации о поступивших ресурсах в информационные потоки об их качестве:

$$ПР\left(I_0\left(\text{Res}\right)\right)\xrightarrow{BxK:A\text{lg}1}I_M\left(I_0\left(Res\right)\right)\cup I_B\left(I_0\left(Res\right)\right)\xrightarrow{BxK:A\text{lg}2}R\left(I_M,I_B\right);\ (1)$$

– модель формирования ситуации:

$$\begin{aligned}&R\left(I_M,I_B\right)\xrightarrow{A\text{lg}3}I_R\left(RE^+,RE^-,BRE^+,BRE^-\right)\xrightarrow{\{Sig\}}CO\left(\{Sig\}\right)\xrightarrow{\{Sig\}}\\&\xrightarrow{\{Sig\}}H\Theta\left(\{Sig\}\right)\xrightarrow{\{Sig\}}SitOb\left(RE^+,RE^-,BRE^+,BRE^-\right)\xrightarrow{A\text{lg}4}\{Com\}.\end{aligned}\quad(2)$$

На рис. 1 графически изображена модель экспертного окружения для строительного объекта с момента получения ресурсов на строительство до момента формирования ситуации.

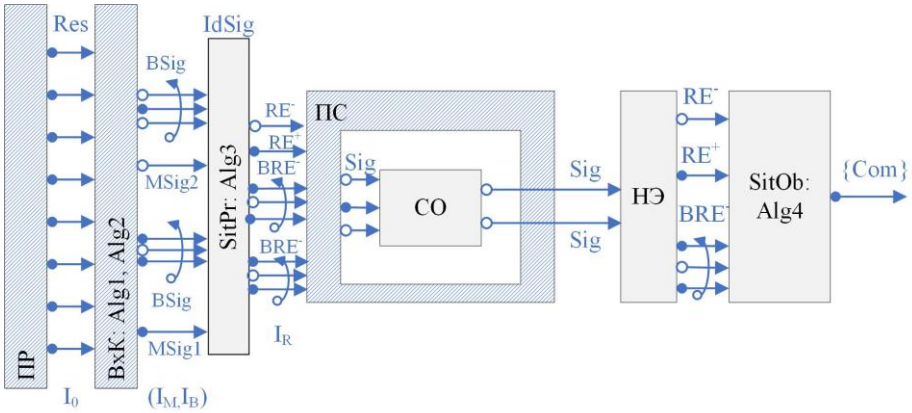

Рис. 1. Графическое изображение модели экспертного окружения для строительного объекта

Следует отметить, что монопоказатели моделей имеют элементарную разнотипную структуру и могут быть представлены как в количественном, так и в качественном выражении. Информационные пучки могут быть структурированы в виде массивов, записей и сборных конструкций в зависимости от смыслового значения этих показателей и их количества.

Отличительными признаками модели экспертного окружения для строительного объекта являются:

– введение алгоритмов для принятия решения о качестве поступающих ресурсов для проведения строительного процесса;

– введение понятий монопотока информации и информационных пучков для идентификационных признаков для проведения независимой экспертизы строительного объекта;

– определение предпосылок для оценки ситуации на основе экспертных показателей для введения ситуационного управления и корректировки многомерного декларативного графика строительства.

II. Ситуационная модель состояния строительного объекта на основе экспертных показателей

В работах по данной теме[1] авторы предлагают описания фотографий элементов опасного производственного объекта, среди которых представлены изображения фасадов зданий. Теория фасетного представления известна с 1933 г. Ее основы разработаны известным индийским ученым Ш. Р. Ранганатаном для классификации библиотечных источников. Использование модифицированных фасетных моделей нашло широкое применение в педагогике, экономике, технике и других областях[2].

Для выполняемых исследований определим понятие ситуации для условий экспертного окружения и структуру фасетного представления на основе монопотоков и информационных пучков.

Ситуация в условиях экспертного окружения – это комплекс условий и событий, на основе которых формируется представление о состоянии объекта или процесса строительства с использованием идентификационных признаков и экспертных оценок, входящих в экспертное окружение.

В ходе исследования получено три вида ситуаций.

Ситуация 1 – все идентификационные признаки и экспертные оценки для монопотоков имеют положительные решения (RE^{+}).

Ситуация 2 – все идентификационные признаки и экспертные оценки для монопотоков имеют отрицательные решения (RE^{-}).

[1] Корниенко В. Д., Наркевич М. Ю., Филиппов А. Ю. и др. Метод принятия решений о выборе траектории обработки изображения на основе векторного классификационного признака. *Электротехнические системы и комплексы*, 2025, № 1 (66), с. 58–66. https://doi.org/10.18503/2311-8318-2025-1(66)-58-66; EDN: DVAMIR; Корниенко В. Д., Наркевич М. Ю., Логунова О. С. и др. Методика сбора и обработки информации для контроля состояния территории, зданий и сооружений на опасных производственных объектах металлургического предприятия. *Электротехнические системы и комплексы*, 2022, № 4 (57), с. 76–87. https://doi.org/10.18503/2311-8318-2022-4(57)-76-87; EDN: MLSKSS

[2] Обухова О. Л., Соловьев И. В., Бирюкова Т. К. и др. Модель фасетного информационного поиска в коллекции научных материалов. *Системы и средства информатики*, 2009, т. 19, № 2, с. 163–174. EDN: KZRDGD; Подвальный С. Л., Мугатина В. М., Васильев Е. М. Фасетные нейросети в задачах распознавания образов. *Математические методы в технике и технологиях – ММТТ*, 2020, т. 6, с. 90–95. EDN: HJLSZZ; Маркова Н. А., Обухова О. Л., Соловьев И. В., Чочиа А. П. Эффективная фасетная навигация в электронных коллекциях. *Системы и средства информатики*, 2007, т. 17, № 1, с. 214–222. EDN: KZXXGH; Грушевский С. П. Фасетные учебно-информационные комплексы в системе повышения квалификации учителей естественно-научных дисциплин. *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров*, 2021, № 2 (47), с. 50–62. EDN: EOGEUI; Корниенко В. Д. *Методы и алгоритмы обработки графической информации в системе мониторинга технического состояния опасных производственных объектов промышленного предприятия*: дис. … канд. техн. наук. Магнитогорск, 2025, 229 с. EDN: ALHOGO; Логунова О. С., Наркевич М. Ю., Корниенко В. Д. Блочный метод принятия решения о траектории обработки графической информации как основа искусственного интеллекта в автоматизированной системе мониторинга. *Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки*, 2025, т. 52, № 4, с. 106–117. https://doi.org/10.21822/2073-6185-2025-52-4-106-117; EDN: CBRBIG

Ситуация 3 – часть идентификационных признаков и экспертных оценок для монопотоков имеет положительные решения, а часть – отрицательные.

На рис. 1 монопотоки *Ситуации 1* обозначены с заполненным началом (*MSig*1), а *Ситуации 2* – с пустым началом (*MSig*2). При этом следует заметить, что информационные пучки не сформированы. Для монопотоков каждый идентификатор или показатель образует элементарный фасет, между которым и другими фасетами отсутствует взаимосвязь.

Более сложной процедурой является формирование информационных пучков на основе группировочных признаков для идентификаторов или показателей. В этом случае необходимо построение справочной системы групп и правил их объединения. На рис. 1 информационные пучки показаны в виде объединения нескольких монопотоков в единое целое (причем в пучок могут входить мнопотоки как с положительным, так и с отрицательным решением). Монопотоки и информационные пучки являются входными данными для определения ситуации при оценке состояния объекта и процесса.

Формирование группировочных признаков и значений элементов группы выполняется на основе известных нормативно-технических документов и экспертного опыта. В работе Д. Е. Богачёва[1] на основе результатов И. Ш. Шихмурадовой[2] предложена обобщенная схема классификации с группировочными признаками строительного контроля, схема которой приведена на рис. 2. Данная классификация используется авторами с целью формирования базового стационарного слоя для *ситуационного конструктора на основе динамических фасетных структур* для построения ситуационной модели состояния строительного объекта на основе экспертных показателей.

На рис. 2 символом «*» выделен блок новых информационных технологий, добавленный в классификацию. Этот блок допускает использование результатов новых информационных технологий в процессе проведения экспертизы. Блоки схемы с серым фоном определяют обязательную базовую стационарную часть фасетной модели, блоки со штриховой границей – динамическую часть, формируемую ситуационным конструктором на основе динамических фасетных структур.

На рис. 3. приведено графическое представление ситуационной модели для экспертного окружения строительного объекта.

[1] Богачёв Д. Е. Классификация видов контроля качества в строительстве. *Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум».* URL: https://scienceforum.ru/2017/article/2017040366 (дата обращения: 05.04.2026).

[2] Шихмурадова И. Ш. Методологические основы оценки качества строительной продукции. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 2025, № 6 (176), с. 302–308. https://doi.org/10.26726/ rppe2025v6mffat; EDN: WPNNWX

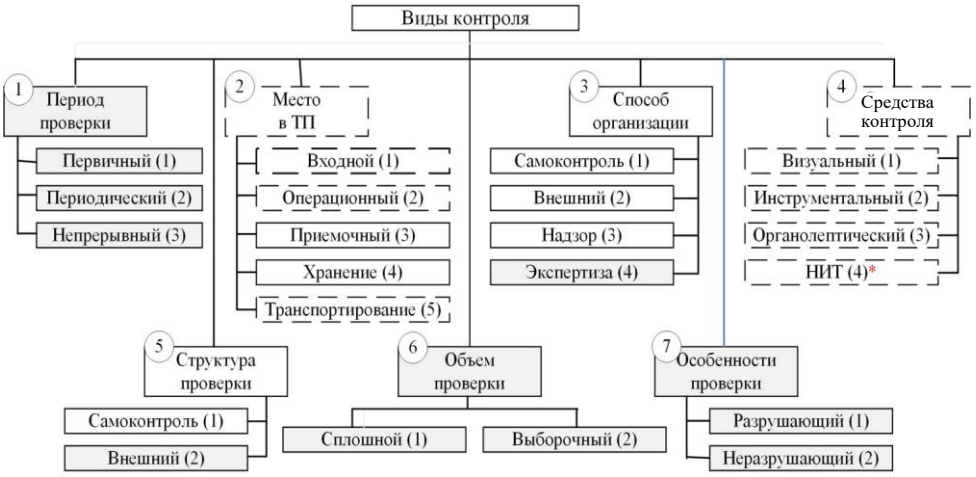

Рис. 2. Обобщенная схема классификации с группировочными признаками базового стационарного слоя для ситуационного конструктора на основе динамических фасетных структур: ТП – технологический процесс; НИТ – новые информационные технологии

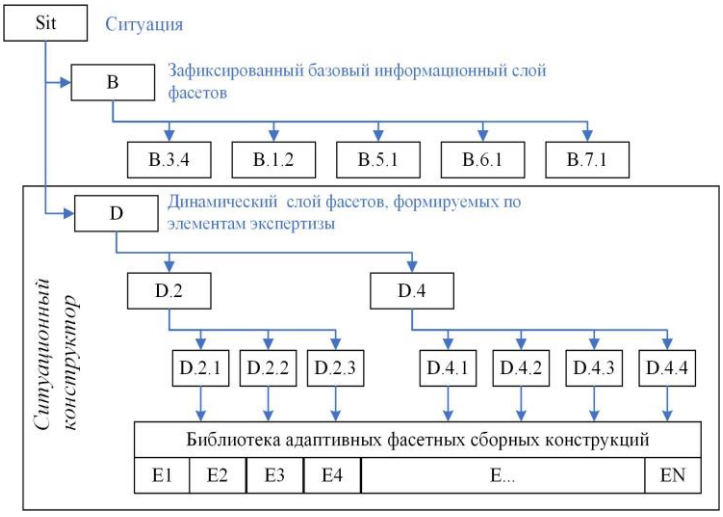

Рис. 3. Графическое представление ситуационной модели для экспертного окружения строительного объекта

На рис. 3 введены обозначения: *Sit* – ситуация, характеризующая состояние объекта или процесса; *B* – базовый стационарный слой, содержащий информацию об условиях получения информации; *B.3.4* – определяет способ организации контроля в виде экспертизы; *B.1.2* – определяет периодичный способ контроля; *B.5.1* – определяет внешний контроль на основе экспертизы; *B.6.1* – определяет сплошной контроль; *B.7.1* – определяет неразрушающий контроль элементов объекта; *D* – динами-

ческий слой фасетов, заполняемый по результатам экспертизы элементов строительного объекта; *D.2* – определяет место экспертизы в технологическом процессе; *D.4* – определяет один из видов контроля в технологическом процессе (согласно группе на рис. 3); *D.2.1, ..., D.2.3* – одно из средств контроля по выбору эксперта; *D.4.1, ..., D.4.4* – одно из средств контроля, включая новые технологии, выбираемое экспертом на основании нормативных документов.

Отличительным признаком модели является наличие Библиотеки адаптивных фасетных сборных конструкций, структура которых является уникальной для выбранного типа элемента. Элементы библиотеки *E1, E2, ... EN* накапливаются и трансформируются по запросу эксперта. При этом входными параметрами сборных конструкций элементов библиотеки являются как монопотоки, так и информационные пучки, определяемые экспертом.

Аналитическая процедурная запись фасетной модели для описания ситуации принимает вид:

$$\begin{gathered} Sit = \{B, D\}, \\ B = \{B.3.4, B.1.2, B.5.1, B.6.1, B.7.1\}, \\ D = \{D.2(D.2.1\{E\}, ..., D.2.3\{E\}); D.4(D.4.1\{E\}, ..., D.4.4\{E\})\}. \end{gathered} \tag{3}$$

Множество $\{E\}$ является массивом переменной длины со структурированными элементами. Каждый элемент этого множества является структурой, содержащей поля: код характеристики, значение характеристики, единицы измерения, код принадлежности к информационному пучку и т. п. Фрагмент структуры множества $\{E\}$ приведен на рис. 4.

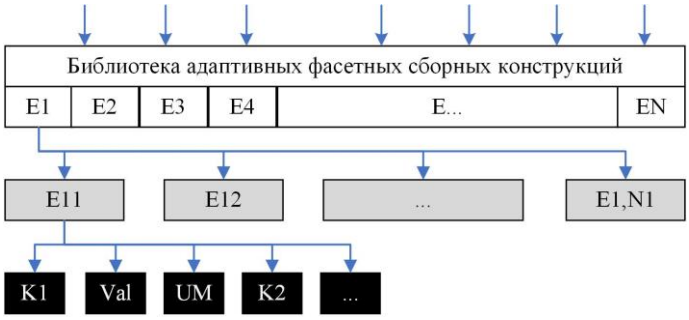

Рис. 4. Фрагмент структуры элемента множества {E}

На рис. 4 введены обозначения: *E11, E12, ..., E1, N1* – элементы массива *E1*, который является элементом динамического уровня в библиотеке фасетной модели; *N1* – длина массива для элемента *E1*; *K1* – код наименования характеристики дефекта по справочнику; *Val* – значение характеристики дефекта; *UM* – единица измерения

характеристики дефекта; *K2* – код принадлежности к информационному пучку: 0 – монопоток; 1, 2, 3, … – номер информационного пучка.

Процедурная запись для структуры элементов множества *E* имеет вид:

$$E = \{E1, \mathrm{E}\,2, ..., EN\}, \quad (4)$$

где каждый элемент множества *Ei* является массивом:

$$Ei = \{K1, \mathrm{Val}, \mathrm{UM}, K2...\},$$

Таким образом, уравнения (3) и (4) определяют аналитическую запись фасетной модели для описания ситуации, включая экспертные показатели элементов массива Ei в качестве значений поля *Ei*(*Val*) и принадлежности информационным пучкам *Ei*(*K2*). Значение *K2* определяется на основе экспертного опыта. Количество *Ni* характеристик дефекта определяется технической документацией. Определение структуры фасетной модели позволило определить структуры и модели данных для программной реализации.

Отличительными признаками фасетной модели в условиях экспертного окружения строительного объекта являются:

– экспертная природа информации, получаемая экспертами в ходе обследования элементов строительного объекта и процесса;

– размещение экспертных показателей в структуру фасетной модели (3)–(4) с учетом представления в виде монопотоков и информационных пучков;

– структурирование информации в ходе построения динамического слоя ситуационной модели строительного объекта и последующее использование построенных структур при синтезе элементов искусственного интеллекта.

На рис. 5 приведена обобщенная трехпольная схема между слоями в новой структуре графика строительно-монтажных работ. Трехпольные схемы активно используются для графического отображения взаимосвязей между фасетами в наукометрии. В области строительных работ трехпольная схема имеет двойственное назначение:

1) планирование экспертных работ на строительном объекте;

2) фиксирование результатов экспертной оценки после принятия решения.

На рис. 5 введены обозначения: $Plan^0$ – традиционный график производства строительно-монтажных работ; n_1, n_2, n_k, n_m – количество дней, отводимых на выполнение каждого вида работ; *Di*, *j* – показатель дефекта, выявленный в ходе экспертной оценки и входящий в экспертное окружение; *Ev1*, *Ev2*, *Ev3*, *Ev4*, *Ev5*, *EvN* – мероприятия, которые определены для устранения выявленных дефектов; *N* – количество мероприятий, которые можно использовать для устранения выявленных дефектов.

В поле работ символом «*» отмечаются календарные дни традиционного графика, в которых рекомендуется провести экспертную оценку; в поле эксперта – критические дефекты, для которых могут наблюдаться негативные эффекты при эксплуа-

тации объекта; в поле принятия решений – мероприятия, которые в обязательном порядке должны быть реализованы для устранения негативных эффектов при эксплуатации объекта. Сплошная календарная шкала распространяется только на работы традиционного графика. Остальные события определяются по установленным связям на трехпольном графике.

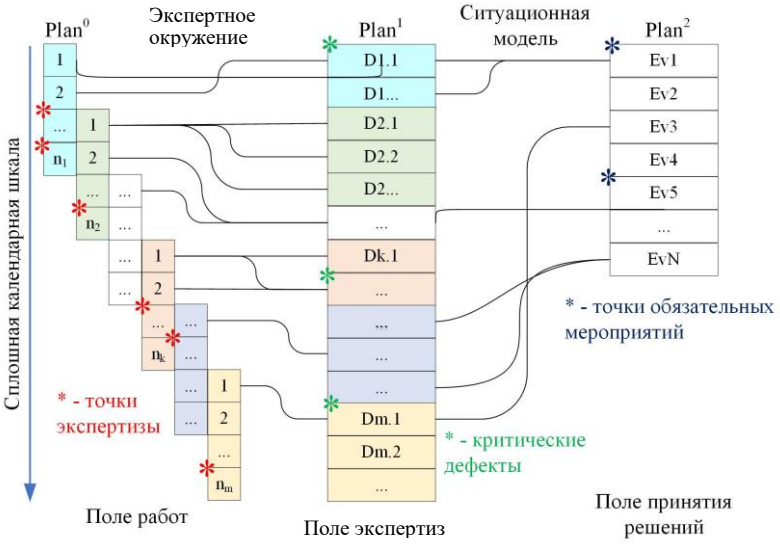

Рис. 5. Трехпольная схема между слоями в новой структуре графика производства строительно-монтажных работ

Выводы

1. Введено понятие экспертного окружения и даны определения терминов, необходимых для его построения: идентификационные показатели, экспертные показатели, условия экспертного окружения. Построена модель экспертного окружения, которая использует понятия монопотока информации и информационных пучков для идентификационных признаков для проведения независимой экспертизы строительного объекта, определяет предпосылки для оценки ситуации на основе экспертных показателей для введения ситуационного управления и корректировки многомерного декларативного графика строительства.

2. Предложена обобщенная схема трансформации классификации видов контроля качества проведения строительных работ, которая положила основу для построения ситуационной модели состояния строительного объекта на основе экспертных показателей с группировочными признаками базового стационарного слоя для ситуационного конструктора на основе динамических фасетных структур.

3. Предложена модель многомерного декларативного графика производства строительно-монтажных работ, структура которого не противоречит приказу Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федера-

ции от 5 июня 2018 г. № 336/пр. При этом новая структура учитывает наличие экспертного окружения строительного процесса и характеристики оперативной ситуации при обнаружении дефектов строительного объекта на ранней стадии для снижения рисков возникновения аварий и инцидентов. Обновленный вид графика позволяет оставлять цифровой след для результатов проведенных мероприятий.

4. Построение трех видов моделей позволило разработать новый информационный профиль цифрового паспорта строительного объекта и на его основе сформировать теоретико-множественную модель, положенную в основу структуры системы принятия решений о проведении корректирующих мероприятий с элементами искусственного интеллекта.

Список источников / References

Богачёв Д. Е. Классификация видов контроля качества в строительстве. *Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*. URL: https://scienceforum.ru/2017/article/2017040366 (дата обращения: 05.04.2026).

Bogachev D. E. Classification of quality control types in construction. *Proceedings of the IX International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum"*. Available at: https://scienceforum.ru/2017/article/2017040366 (accessed: 05.04.2026). (In Russ.)

Бондарев И. С., Гаврицков С. А., Логунова О. С., Наркевич М. Ю. Представление результатов теоретико-множественного анализа сложной системы. *Вестник Череповецкого государственного университета,* 2024, № 5 (122), с. 18–30. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-5-122-2; EDN: OGERCD

Bondarev I. S., Gavritskov S. A., Logunova O. S., Narkevich M. Yu. Presenting the results of set-theoretical analysis of a complex system. *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, no. 5 (122), pp. 18–30. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2024-5-122-2; EDN: OGERCD

Грушевский С. П. Фасетные учебно-информационные комплексы в системе повышения квалификации учителей естественно-научных дисциплин. *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров*, 2021, № 2 (47), с. 50–62. EDN: EOGEUI

Grushevsky S. P. Faceted educational and information complexes in the system of advanced training for teachers of natural science disciplines. *Scientific support for the system of advanced training of personnel*, 2021, no. 2 (47), pp. 50–62. (In Russ.) EDN: EOGEUI

Корниенко В. Д. *Методы и алгоритмы обработки графической информации в системе мониторинга технического состояния опасных производственных объектов промышленного предприятия*: дис. … канд. техн. наук. Магнитогорск, 2025, 229 с. EDN: ALHOGO

Kornienko V. D. *Methods and algorithms for processing graphic information in the system for monitoring the technical condition of hazardous production facilities of an industrial enterprise*: Cand. thesis in Technical Sciences. Magnitogorsk, 2025, 229 p. (In Russ.) EDN: ALHOGO

Корниенко В. Д., Наркевич М. Ю., Логунова О. С. и др. Методика сбора и обработки информации для контроля состояния территории, зданий и сооружений на опасных производственных объектах металлургического предприятия. *Электротехнические системы и*

комплексы, 2022, № 4 (57), с. 76–87. https://doi.org/10.18503/2311-8318-2022-4(57)-76-87; EDN: MLSKSS

Kornienko V. D., Narkevich M. Iu., Logunova O. S., et al. Methodology for collecting and processing information to monitor the state of the territory, buildings and structures at hazardous production facilities of a metallurgical enterprise. *Electrotechnical Systems and Complexes*, 2022, no. 4 (57), pp. 76–87. (In Russ.) https://doi.org/10.18503/2311-8318-2022-4(57)-76-87; EDN: MLSKSS

Корниенко В. Д., Наркевич М. Ю., Филиппов А. Ю. и др. Метод принятия решений о выборе траектории обработки изображения на основе векторного классификационного признака. *Электротехнические системы и комплексы*, 2025, № 1 (66), с. 58–66. https://doi.org/10.18503/2311-8318-2025-1(66)-58-66; EDN: DVAMIR

Kornienko V. D., Narkevich M. Iu., Filippov A. Yu., et al. Decision making method on the choice of image processing trajectory based on vector classification feature. *Electrotechnical Systems and Complexes*, 2025, no. 1 (66), pp. 58–66. (In Russ.) https://doi.org/10.18503/2311-8318-2025-1(66)-58-66; EDN: DVAMIR

Логунова О. С., Наркевич М. Ю., Корниенко В. Д. Блочный метод принятия решения о траектории обработки графической информации как основа искусственного интеллекта в автоматизированной системе мониторинга. *Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки*, 2025, т. 52, № 4, с. 106–117. https://doi.org/10.21822/2073-6185-2025-52-4-106-117; EDN: CBRBIG

Logunova O. S., Narkevich M. Iu., Kornienko V. D. Block method of decision making on the trajectory of graphic information processing as a basis for artificial intelligence in an automated monitoring system. *Herald of Dagestan State Technical University. Technical Sciences*, 2025, vol. 52, no. 4, pp. 106–117. (In Russ.) https://doi.org/10.21822/2073-6185-2025-52-4-106-117; EDN: CBRBIG

Маркова Н. А., Обухова О. Л., Соловьев И. В., Чочиа А. П. Эффективная фасетная навигация в электронных коллекциях. *Системы и средства информатики*, 2007, т. 17, № 1, с. 214–222. EDN: KZXXGH

Markova N. A., Obukhova O. L., Soloviev I. V., Chochia A. P. Effective faceted navigation in digital collections. *Systems and Means of Informatics*, 2007, vol. 17, no. 1, pp. 214–222. (In Russ.) EDN: KZXXGH

Обухова О. Л., Соловьев И. В., Бирюкова Т. К. и др. Модель фасетного информационного поиска в коллекции научных материалов. *Системы и средства информатики*, 2009, т. 19, № 2, с. 163–174. EDN: KZRDGD

Obukhova O. L., Soloviev I. V., Biriukova T. K., et al. A model of facet information retrieval within the collection of scientific materials. *Systems and Means of Informatics*, 2009, vol. 19, no. 2, pp. 163–174. (In Russ.) EDN: KZRDGD

Осипов Н. А., Наркевич М. Ю., Квасова Н. А. и др. Цифровой паспорт технического объекта: концепция и предпосылки трансформации. *Электротехнические системы и комплексы*, 2026, № 1 (70), с. 44–49. https://doi.org/10.18503/2311-8318-2026-1(70)-44-49; EDN: LRLJXD

Osipov N. A., Narkevich M. Iu., Kvasova N. A., et al. Concept and transformation prerequisites of digital construction site passport. *Electrotechnical Systems and Complexes*, 2026, no. 1 (70), pp. 44–49. (In Russ.) https://doi.org/10.18503/2311-8318-2026-1(70)-44-49; EDN: LRLJXD

Подвальный С. Л., Мугатина В. М., Васильев Е. М. Фасетные нейросети в задачах распознавания образов. *Математические методы в технике и технологиях – ММТТ*, 2020, т. 6, с. 90–95. EDN: HJLSZZ

Podvalny S. L., Mugatina V. M., Vasiliev E. M. Faceted neural networks in object recognition tasks. *Mathematical Methods in Engineering and Technology (MMTT)*, 2020, vol. 6, pp. 90–95. (In Russ.) EDN: HJLSZZ

Талапов В. В. Основы *BIM. Введение в информационное моделирование зданий* [Электронный ресурс]. Саратов: Профобразование, 2017, 392 с. EDN: ZGKAKN

Talapov V. V. *BIM fundamentals. Introduction to building information modeling* [Electronic resource]. Saratov: Profobrazovanie, 2017, 392 p. (In Russ.) EDN: ZGKAKN

Шихмурадова И. Ш. Методологические основы оценки качества строительной продукции. *Региональные проблемы преобразования экономики*, 2025, № 6 (176), с. 302–308. https://doi.org/10.26726/ rppe2025v6mffat; EDN: WPNNWX

Shikhmuradova I. Sh. Methodological foundations for assessing the quality of construction products. *Regional Problems of Economic Transformation*, 2025, no. 6 (176), pp. 302–308. (In Russ.) https://doi.org/10.26726/ rppe2025v6mffat; EDN: WPNNWX

Сведения об авторах

Николай Александрович Осипов – аспирант, https://orcid.org/0000-0002-9965-8632, mr.osipof@gmail.com, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т. Ленина, 455000 Магнитогорск, Россия); **Nikolay A. Osipov** – Postgraduate Student, https://orcid.org/0000-0002-9965-8632, mr.osipof@gmail.com, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Михаил Юрьевич Наркевич – доктор технических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-6608-8293, narkevich_mu@mail.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т. Ленина, 455000 Магнитогорск, Россия); **Mikhail Yu. Narkevich** – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-6608-8293, narkevich_mu@mail.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Оксана Сергеевна Логунова – доктор технических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-7006-8639, logunova66@mail.ru, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т. Ленина, 455000 Магнитогорск, Россия); **Oxana S. Logunova** – Doctor of Technical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0002-7006-8639, logunova66@mail.ru, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Олег Евгеньевич Гаврилов – инженер, https://orcid.org/0009-0003-5246-5811, oleggavrilovavb@gmail.com, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т. Ленина, 455000 Магнитогорск, Россия); **Oleg E. Gavrilov –** Engineer, https://orcid.org/0009-0003-5246-5811, oleggavrilovavb@gmail.com, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Михаил Владимирович Логунов – аспирант, logunovm61@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7902-8537, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (д. 38, пр-т. Ленина, 455000 Магнитогорск, Россия); **Mikhail V. Logunov** – Postgraduate Student, logunovm61@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7902-8537, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, pr. Lenina, 455000 Magnitogorsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: Осипов Н. А. – построение моделей; Наркевич М. Ю. – обобщение результатов исследования; Логунова О. С. – концепция и идея исследования; Гаврилов О. Е. – визуализация; Логунов М. В. – визуализация. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Osipov N. A. – construction of models; Narkevich M. Yu. – generalization of research results; Logunova O. S. – concept and idea of the research; Gavrilov O. E. – visualization; Logunov M. V. – visualization. The authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию 07.05.2026; одобрена после рецензирования 02.09.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 07.05.2026; Approved after reviewing 02.09.2026; Accepted for publication 17.09.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 55–64.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 55–64.

Научная статья
УДК 004.85:536.7
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-5
https://elibrary.ru/txeigb

Применение интеллектуальных моделей для аппроксимации и прогнозирования параметров термодинамического процесса нагрева

Александр Олегович Руфанов
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
alexander@rufanov.net, https://orcid.org/0009-0006-6678-0910

Аннотация. В статье рассмотрена возможность применения интеллектуальных моделей для аппроксимации и прогнозирования температуры в модельном термодинамическом процессе нагрева, построена расчетная выборка на основе теплового баланса сосредоточенной системы, обучены регрессионные модели и сопоставлены их ошибки. В работе показано, что модели машинного обучения могут использоваться как быстрые приближенные заменители расчетной модели при сохранении физической интерпретируемости постановки.
Ключевые слова: термодинамический процесс, машинное обучение, тепловой баланс, интеллектуальная модель, прогнозирование температуры
Для цитирования: Руфанов А. О. Применение интеллектуальных моделей для аппроксимации и прогнозирования параметров термодинамического процесса нагрева**.** *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 55–64. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-5; EDN: TXEIGB

Application of intelligent models to approximate and predict parameters of a thermodynamic heating process

Alexander O. Rufanov
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
alexander@rufanov.net, https://orcid.org/0009-0006-6678-0910

Abstract. The article examines the use of intelligent models for approximating and predicting temperature in a model thermodynamic heating process. A computational data set is generated from the heat balance equation of a lumped thermal system. Several regression models are trained and compared by error metrics. The results show that machine learning models can serve as fast approximate surrogates of a calculation model while preserving the physical interpretability of the problem statement.
Keywords: thermodynamic process, machine learning, heat balance, intelligent model, temperature prediction

© Руфанов А. О., 2026

For citation: Rufanov A. O. Application of intelligent models to approximate and predict parameters of a thermodynamic heating process. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 55–64. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-5; EDN: TXEIGB

Введение

Моделирование термодинамических процессов остается одной из базовых задач инженерного анализа, поскольку именно расчет изменения температуры, теплового потока и энергетического состояния объекта позволяет выбирать режимы работы оборудования, оценивать безопасность эксплуатации и прогнозировать поведение системы при изменении внешних условий. В классической постановке такая задача решается на основе уравнений теплового баланса, теплопроводности, конвекции и излучения, а также эмпирических коэффициентов, зависящих от конструкции и режима работы объекта[1].

В теплоэнергетических системах расчетная модель часто должна работать не в одном фиксированном режиме, а в диапазоне нагрузок. На практике это означает необходимость многократного пересчета температурных зависимостей при изменении начального состояния, мощности подвода теплоты, массы теплоносителя, теплоемкости, коэффициента теплопередачи и времени процесса. При простом объекте такая задача может быть решена аналитически, а при его усложнении, переходе к распределенным параметрам, нестационарным режимам и большим массивам эксплуатационных данных возрастает интерес к интеллектуальным моделям, способным быстро восстанавливать зависимость между входными параметрами и выходным состоянием системы.

Искусственный интеллект в настоящей работе понимается не как замена физической модели, а как инструмент построения аппроксимирующих зависимостей. Такой подход близок к идее суррогатного моделирования: сначала задается физически осмысленная постановка, затем формируется расчетная или экспериментальная выборка, после чего алгоритм машинного обучения овладевает возможностью воспроизводить результат с допустимой ошибкой. В инженерной практике это может быть полезно для предварительного анализа режимов, быстрой оценки последствий изменения параметров и последующего включения модели в цифровой контур управления[2].

Особый интерес представляет совмещение физического и машинного подходов. С одной стороны, полностью эмпирическая модель может быть точной только внутри области обучения и плохо переноситься на новые режимы. С другой стороны, чисто физическая модель требует задания коэффициентов, допущений и численного решения, а в сложных системах может быть ресурсоемкой. В последние годы актив-

[1] Bergman T. L., Lavine A. S., Incropera F. P. *DeWitt Fundamentals of Heat and Mass Transfer*. Hoboken: Wiley, 2017. 1048 p.; Bejan A. *Advanced Engineering Thermodynamics*. Hoboken: Wiley, 2016. 792 p. https://doi.org/10.1002/9781119245964

[2] Brunton S. L., Kutz J. N. *Data-Driven Science and Engineering: Machine Learning, Dynamical Systems, and Control*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 472 p. https://doi.org/10.1017/9781108380690

но развивается направление физически информированных нейронных сетей, в которых условия и уравнения предметной области включаются в процесс обучения. Для задач теплопереноса такие подходы рассматриваются как перспективный способ решения прямых и обратных задач при неполных данных[1].

Цель исследования – показать на воспроизводимом модельном примере, каким образом интеллектуальные модели могут применяться для аппроксимации и прогнозирования параметров термодинамического процесса. В качестве объекта выбран процесс нагрева сосредоточенной тепловой системы с потерями в окружающую среду. Такая постановка достаточно проста для физической интерпретации и одновременно удобна для демонстрации методики построения расчетной выборки, обучения моделей и оценки качества прогноза.

Научная новизна работы заключается в формировании компактной методической схемы, связывающей тепловой баланс, расчетную выборку и сравнительную оценку моделей машинного обучения применительно к термодинамическому процессу. Практическая значимость состоит в том, что предложенный подход может быть перенесен на более сложные теплоэнергетические процессы, где интеллектуальная модель будет использоваться в качестве быстрого прогнозного блока, а физическая – сохранять роль основы для постановки задачи и проверки результата.

Основная часть

Материал и методы

В качестве расчетного объекта рассмотрена сосредоточенная система нагрева, в которой температура тела или теплоносителя считается равномерной по объему. Такое допущение соответствует классу lumped-моделей и применяется тогда, когда внутреннее температурное сопротивление объекта мало по сравнению с сопротивлением теплообмена с внешней средой[2]. Модель не претендует на описание всех реальных теплоэнергетических процессов, однако позволяет корректно показать связь между физической формулой и машинно-обучаемым прогнозом.

Тепловой баланс системы задан выражением:

$$m \cdot c \cdot \frac{dT}{dt} = P - K \cdot \left(T - T_\mathrm{env}\right), \quad (1)$$

где m – масса нагреваемого объекта, кг; c – удельная теплоемкость, Дж / (кг К); T – температура объекта, °С; T_env – температура окружающей среды, °С; P – мощность

[1] Cai S., Wang Z., Wang S., et al. Physics-Informed Neural Networks for Heat Transfer Problems. *Journal of Heat Transfer*, 2021, vol. 143, no. 6, p. 060801. https://doi.org/10.1115/1.4050542; EDN: FKYDDW; Raissi M., Perdikaris P., Karniadakis G. E. Physics-informed neural networks: A deep learning framework for solving forward and inverse problems involving nonlinear partial differential equations. *Journal of Computational Physics*, 2019, vol. 378, pp. 686–707. https://doi.org/10.1016/j.jcp.2018.10.045

[2] Han J.-C., Wright L. *Analytical Heat Transfer*. Boca Raton: CRC Press, 2022. https://doi.org/10.1201/9781003164487

подвода теплоты, Вт; K – интегральный коэффициент тепловых потерь, Вт / К; t – время, с.

Для постоянных P, K, m и c решение уравнения (1) имеет вид:

$$T(t) = T_\text{env} + \frac{P}{K} + \left(T_0 - T_\text{env} - \frac{P}{K}\right)\exp\left(\frac{-Kt}{mc}\right), \quad (2)$$

где T_0 – начальная температура тела, °C.

Формула (2) использована как эталонная расчетная модель. В рамках вычислительного эксперимента варьировались начальная температура, температура среды, мощность подвода теплоты, коэффициент потерь, масса, теплоемкость и время процесса. Для имитации измерительной неопределенности к расчетной температуре добавлялась нормально распределенная случайная компонента с малой дисперсией, что позволило не подменять задачу чистым копированием формулы и приблизить постановку к ситуации, в которой данные имеют технологическую погрешность. Диапазоны параметров расчетной выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Диапазоны параметров расчетной выборки

Параметр	Обозначение	Диапазон	Единица	Роль в модели
Начальная температура	T_0	20–80	°C	Начальное состояние
Температура среды	$T_$env	15–30	°C	Внешнее условие
Мощность нагрева	P	200–1600	Вт	Источник энергии
Коэффициент потерь	K	4–18	Вт/К	Теплообмен со средой
Масса	m	1,5–7,0	кг	Тепловая инерция
Теплоемкость	c	3200–4300	Дж/(кг·К)	Материальный параметр
Время	t	60–3600	с	Горизонт прогноза

Объем расчетной выборки составил 3000 наблюдений. Выборка была разделена на обучающую и тестовую части в соотношении 70:30. В качестве входных признаков использовались семь параметров, приведенных в табл. 1, а целевой переменной являлась температура объекта в момент времени. Такой выбор целевой переменной соответствует типовой инженерной задаче: по известным режимным параметрам необходимо быстро получить прогноз температуры без повторного решения дифференциального уравнения.

В исследовании сопоставлены четыре типа интеллектуальных моделей: линейная регрессия, случайный лес, градиентный бустинг и многослойный персептрон. Линейная регрессия включена как простой базовый ориентир. Случайный лес выбран как ансамблевый метод, устойчивый к нелинейным зависимостям и взаимодей-

ствию признаков. Градиентный бустинг применен как последовательная ансамблевая модель, способная уточнять ошибку предыдущих деревьев. Многослойный персептрон использован как нейросетевая модель, способная приближать сложные нелинейные зависимости при нормировке входных признаков[1].

Качество моделей оценивалось на тестовой выборке. Для сопоставления использовались средняя абсолютная ошибка (MAE), среднеквадратическая ошибка (RMSE) и коэффициент детерминации (R^2). Эти метрики позволяют одновременно оценить средний масштаб ошибки, чувствительность к большим отклонениям и долю объясненной дисперсии целевой переменной. Метрики рассчитывались по формулам:

$$\mathrm{MAE} = \frac{1}{n} \cdot \sum \left| T_i - \hat{T}_i \right|, \tag{3}$$

$$\mathrm{RMSE} = \sqrt{\frac{1}{n} \cdot \sum \left(T_i - \hat{T}_i \right)^2}, \tag{4}$$

$$R^2 = 1 - \frac{\sum \left(T_i - \hat{T}_i \right)^2}{\sum \left(T_i - \bar{T} \right)^2}. \tag{5}$$

Реализация вычислительного эксперимента выполнена средствами Python с использованием библиотек машинного обучения[2]. Для воспроизводимости использовалась фиксированная инициализация генератора случайных чисел. Программная среда в данном исследовании выступает не как предмет статьи, а как инструмент проверки основной методической идеи: можно ли по параметрам термодинамического процесса обучить модель, которая с приемлемой точностью восстанавливает расчетную температуру. Логика вычислительного эксперимента отражена на рис. 1.

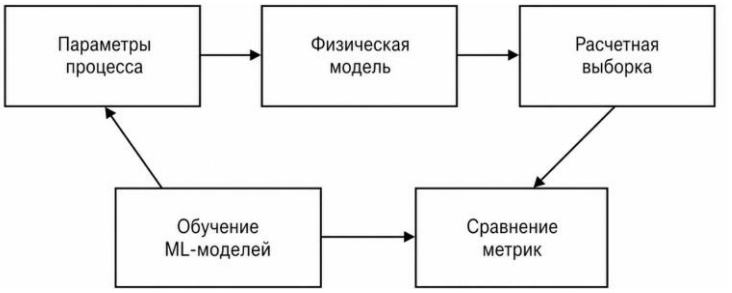

Рис. 1. Логика вычислительного эксперимента

[1] Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. *Deep Learning*. Cambridge: MIT Press, 2016. 800 p.; Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction*. New York: Springer, 2009. 745 p. https://doi.org/10.1007/978-0-387-84858-7; Friedman J. H. Greedy function approximation: A gradient boosting machine. *The Annals of Statistics*, 2001, vol. 29, no. 5, pp. 1189–1232. https://doi.org/10.1214/aos/1013203451; Breiman L. Random forests. *Machine Learning*, 2001, vol. 45, pp. 5–32. https://doi.org/10.1023/A:1010933404324

[2] Pedregosa F., Varoquaux G., Gramfort A., et al. Scikit-learn: Machine Learning in Python. *Journal of Machine Learning Research*, 2011, vol. 12, pp. 2825–2830.

Результаты

Полученные значения метрик приведены в табл. 2. Физическая модель ожидаемо показывает минимальную ошибку, поскольку именно она использована для формирования расчетной основы выборки. Однако сравнение интеллектуальных моделей также дает содержательный результат – ошибка линейной регрессии существенно выше, чем у ансамблевых и нейросетевой моделей, что указывает на нелинейный характер зависимости температуры от режима нагрева.

Наиболее точный результат среди интеллектуальных моделей в проведенном эксперименте показал MLP-регрессор. Его RMSE составила 3,72 °C, а коэффициент детерминации достиг 0,990. Градиентный бустинг и случайный лес также воспроизвели зависимость достаточно хорошо, но уступили нейросетевой модели по абсолютной и среднеквадратической ошибке. Это согласуется с характером задачи, поскольку формула (2) содержит экспоненциальную нелинейность, а температура зависит не только от отдельных параметров, но и от их сочетаний.

Таблица 2

Сравнение качества моделей на тестовой выборке

Модель	MAE, °C	RMSE, °C	R^2
Физическая модель	0,14	0,18	1,000
Линейная регрессия	12,09	17,13	0,788
Random Forest	5,01	7,19	0,963
Gradient Boosting	4,42	6,66	0,968
MLP-регрессор	2,49	3,72	0,990

На рис. 2 представлена динамика температуры для одного демонстрационного режима нагрева. Видно, что интеллектуальные модели воспроизводят общий характер кривой нагрева: быстрый рост температуры на начальном участке и постепенный выход на установившийся уровень. При этом градиентный бустинг несколько сглаживает переходную область, а MLP-регрессор ближе повторяет расчетную кривую в большей части временного диапазона.

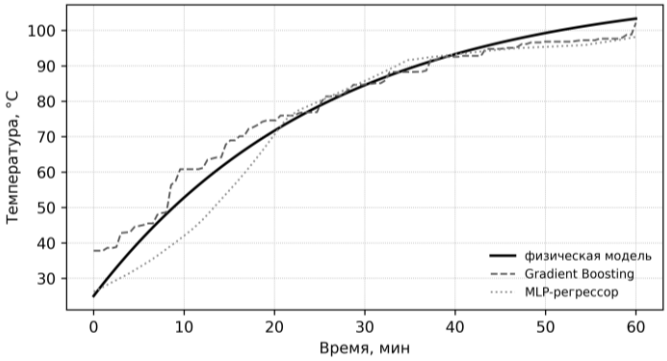

Рис. 2. Динамика температуры в демонстрационном режиме нагрева

Дополнительная проверка представлена на рис. 3. Точки показывают соотношение между расчетной температурой и прогнозом MLP-регрессора на тестовой выборке – чем ближе они расположены к диагонали, тем точнее модель воспроизводит эталонное значение. Основная масса наблюдений сконцентрирована рядом с диагональной линией, что подтверждает высокую точность аппроксимации внутри заданной области параметров.

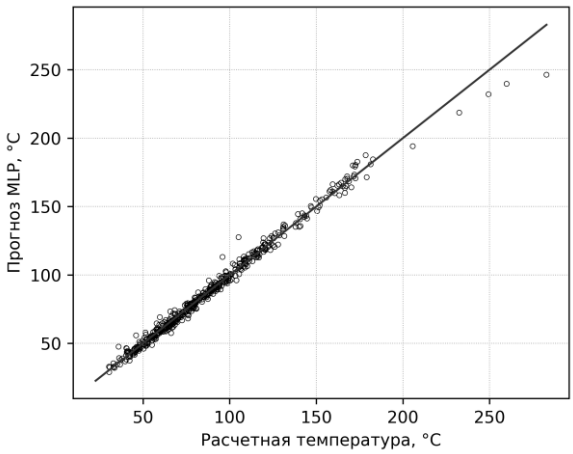

Рис. 3. Сравнение расчетных температур и прогнозов MLP-регрессора

Обсуждение

Результаты вычислительного эксперимента позволяют сделать несколько содержательных выводов. Во-первых, даже простая термодинамическая модель нагрева формирует нелинейную зависимость между входными параметрами и температурой, поэтому использование только линейной регрессии ограничено – такая модель может быть полезна как базовый ориентир, но она не отражает экспоненциальный характер переходного процесса. Для инженерного применения это означает, что выбор модели должен учитывать не только удобство реализации, но и физическую форму зависимости.

Во-вторых, ансамблевые методы и нейросетевой регрессор способны с хорошей точностью восстановить расчетную зависимость, что подтверждает возможность использования интеллектуальных моделей в качестве быстрых аппроксиматоров. Однако такой результат не должен трактоваться как доказательство универсальности любой ML-модели. Модель обучается на ограниченном диапазоне параметров, и ее надежность вне этого диапазона не гарантируется. Следовательно, при переносе подхода на реальные теплоэнергетические процессы требуется отдельная процедура валидации, контроль физической правдоподобности и проверка на новых режимах.

В-третьих, физическая модель сохраняет методологически важную роль – именно она задает смысл входных параметров, формирует структуру вычислительного эксперимента и позволяет оценить корректность прогноза. В задачах теплоэнергетики наиболее перспективным является не противопоставление физического и интел-

лектуального моделирования, а их объединение. Возможны разные варианты их взаимодействия: генерация расчетной выборки на основе физической модели, добавление физически осмысленных признаков, ограничение области допустимых прогнозов, включение уравнений баланса в функцию потерь нейронной сети.

Сравнение моделей также показывает, что интеллектуальная модель может быть полезна не только для прогноза температуры, но и для последующей оптимизации режима. Например, если модель быстро оценивает температуру при различных P, K, m и t, то ее можно использовать внутри алгоритма подбора мощности нагрева, времени выхода на режим или допустимой области параметров. В таком случае ML-модель становится расчетным модулем, который ускоряет перебор вариантов, а физическая модель используется для контрольной проверки выбранных решений.

Ограничение проведенного исследования состоит в том, что расчетная выборка сформирована по одной компактной физической постановке. Это осознанное методическое ограничение первой статьи по данной теме – задача состоит не в описании конкретного промышленного агрегата, а в демонстрации принципа моделирования термодинамического процесса с помощью интеллектуальных моделей. Для дальнейшего развития исследований в данном направлении необходимо перейти к более сложной постановке, включающей переменную тепловую нагрузку, инерционность теплообменника, несколько температурных узлов, данные с датчиков и реальные режимы теплоэнергетического оборудования.

С прикладной точки зрения наиболее важным является не сам факт достижения высокой метрики на расчетной выборке, а выстроенная логика работы с моделью. Исследователь должен определить физическую постановку, задать область параметров, сформировать выборку, обучить несколько моделей, сравнить их по единым метрикам, проверить форму кривых и только после этого обсуждать возможность переноса подхода на практический объект. Такой порядок снижает риск формального применения искусственного интеллекта без инженерного смысла. Возможности и ограничения используемых моделей приведены в табл. 3.

Таблица 3

Возможности и ограничения примененных моделей

Модель	Возможности	Ограничения
Линейная регрессия	простая интерпретация, быстрый расчет, удобный базовый ориентир	слабо описывает экспоненциальную нелинейность и взаимодействие параметров
Random Forest	устойчивость к нелинейностям, работа без сложной подготовки признаков	ступенчатость прогноза, ограниченная экстраполяция за пределами обучения
Gradient Boosting	хорошая точность на табличных данных, последовательное уточнение ошибки	чувствительность к настройкам и риску переобучения
MLP-регрессор	гладкая аппроксимация сложной зависимости, высокая точность в эксперименте	требует нормировки признаков и контроля области применимости

Выводы

В статье показано, что интеллектуальные модели могут использоваться для аппроксимации и прогнозирования параметров термодинамического процесса нагрева. На основе уравнения теплового баланса сосредоточенной системы сформирована расчетная выборка, включающая основные режимные параметры: начальную температуру, температуру среды, мощность нагрева, коэффициент тепловых потерь, массу, теплоемкость и время процесса.

Сравнение моделей показало, что линейная регрессия недостаточно точно воспроизводит нелинейную температурную зависимость. Ансамблевые модели и нейросетевой регрессор обеспечили существенно меньшую ошибку. Наилучший результат среди интеллектуальных моделей в проведенном эксперименте показал MLP-регрессор: RMSE составила 3,72 °C, а R^2 достиг 0,990. Это подтверждает возможность построения быстрого прогнозного блока для расчетной оценки температуры в заданной области параметров.

В то же время физическая модель остается необходимой частью исследования. Она задает инженерный смысл признаков, позволяет формировать расчетные данные и служит основой для проверки правдоподобности прогноза, поэтому применение искусственного интеллекта в моделировании теплоэнергетических процессов целесообразно рассматривать как гибридный подход, в котором машинное обучение ускоряет прогноз, а физическая модель обеспечивает интерпретируемость и контроль.

Дальнейшее развитие исследования связано с переходом от модельного процесса к реальным теплоэнергетическим объектам: теплообменникам, участкам тепловых сетей, котельному оборудованию и системам накопления тепловой энергии. Для таких объектов необходимо расширить набор признаков, использовать данные мониторинга, проверить устойчивость моделей на эксплуатационных режимах и рассмотреть физически информированные нейронные сети как инструмент объединения расчетных уравнений и данных.

Список литературы / References

Bejan A. *Advanced engineering thermodynamics*. Hoboken: Wiley, 2016. 792 p. https://doi.org/10.1002/9781119245964

Bergman T. L., Lavine A. S., Incropera F. P. *DeWitt fundamentals of heat and mass transfer*. Hoboken: Wiley, 2017. 1048 p.

Breiman L. *Random forests*. *Machine learning*, 2001, vol. 45, pp. 5–32. https://doi.org/10.1023/A:1010933404324

Brunton S. L., Kutz J. N. *Data-driven science and engineering: Machine learning, dynamical systems, and control*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 472 p. https://doi.org/10.1017/9781108380690

Cai S., Wang Z., Wang S., et al. Physics-informed neural networks for heat transfer problems. *Journal of Heat Transfer*, 2021, vol. 143, no. 6, p. 060801. https://doi.org/10.1115/1.4050542; EDN: FKYDDW

Friedman J. H. Greedy function approximation: A gradient boosting machine. *The Annals of Statistics*, 2001, vol. 29, no. 5, pp. 1189–1232. https://doi.org/10.1214/aos/1013203451

Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. *Deep learning*. Cambridge: MIT Press, 2016. 800 p.

Han J.-C., Wright L. *Analytical heat transfer*. Boca Raton: CRC Press, 2022. https://doi.org/10.1201/9781003164487

Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. *The elements of statistical learning: Data mining, inference, and prediction*. New York: Springer, 2009. 745 p. https://doi.org/10.1007/978-0-387-84858-7

Pedregosa F., Varoquaux G., Gramfort A., et al. Scikit-learn: Machine learning in Python. *Journal of Machine Learning Research*, 2011, vol. 12, pp. 2825–2830.

Raissi M., Perdikaris P., Karniadakis G. E. Physics-informed neural networks: A deep learning framework for solving forward and inverse problems involving nonlinear partial differential equations. *Journal of Computational Physics*, 2019, vol. 378, pp. 686–707. https://doi.org/10.1016/j.jcp.2018.10.045

Сведения об авторе

Александр Олегович Руфанов – аспирант, https://orcid.org/0009-0006-6678-0910, alexnder@rufanov.net, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т. Луначарского, 162600 Череповец, Россия); **Alexander O. Rufanov –** Postgraduate Student, https://orcid.org/0009-0006-6678-0910, alexnder@rufanov.net, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 02.09.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 29.04.2026; Approved after reviewing 02.09.2026; Accepted for publication 17.09.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 65–76.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 65–76.

Научная статья
УДК 004.94
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-6
https://elibrary.ru/whmldv

Комплекс виртуальных имитационных 3D-тренажеров для обучения специалистов технического обслуживания самолетов

Александр Валерьевич Серегин[1]✉, Татьяна Николаевна Иванилова[2]
[1,2]Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева,
Красноярск, Россия
[1]✉sear_ring@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7047-2466
[2]ivanilovatn@sibsau.ru, https://orcid.org/0000-0002-1202-6609

Аннотация. В работе описан комплекс виртуальных 3D-тренажеров, имитирующих некоторые системы самолетов модели Sukhoi SuperJet-100, также представлено описание основных компонентов тренажеров: имитационный компонент, компонент практических заданий, справочно-теоретический компонент, компонент тестирования знаний. Тренажеры могут быть использованы для обучения студентов умениям и навыкам работы с системами самолета (как лабораторные работы), для повышения квалификации или переподготовки специалистов технического обслуживания самолетов и как справочное средство по обслуживанию самолета.

Ключевые слова: виртуальный тренажер, имитационная модель самолета, техническое обслуживание самолета

Для цитирования: Серегин А. В., Иванилова Т. Н. Комплекс виртуальных имитационных 3D-тренажеров для обучения специалистов технического обслуживания самолетов. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 65–76. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-6; EDN: WHMLDV

A virtual 3D-simulator set for training aircraft maintenance specialists

Alexander V. Seregin[1]✉, Tatiana N. Ivanilova[2]
[1,2]Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia
[1]✉sear_ring@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7047-2466
[2]ivanilovatn@sibsau.ru, https://orcid.org/0000-0002-1202-6609

Abstract. The article presents a set of virtual 3D-simulators of several Sukhoi SuperJet-100 airplane systems. The authors give descriptions of the main components: simulation component, practical task component, theoretical reference component, theoretical testing component. The simulators can be used as a laboratory exercise to train students in the skills of interacting with airplane systems, for

© Серегин А. В., Иванилова Т. Н. 2026

advanced training and retraining aircraft maintenance specialists, and as a reference tool for aircraft maintenance.

Keywords: virtual simulator, aircraft simulation model, aircraft maintenance

For citation: Seregin A. V., Ivanilova T. N. A virtual 3D-simulator set for training aircraft maintenance specialists. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 65–76. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-6; EDN: WHMLDV

Введение

Процесс технического обслуживания (далее – ТО) самолетов гражданской авиации состоит из большого количества работ, образующих единый комплекс, который гарантирует своевременность полетов и их безопасность. Данный процесс требует квалифицированных сотрудников, способных ориентироваться во множестве компонентов, работ и процедур ТО, описанных в документации на самолет. Тем не менее, исчерпывающее знание документации не означает, что специалист готов приступить к работе с реальным летательным аппаратом, – ему все еще требуется получить опыт работы.

Подготовку по выполнению работ ТО можно выполнить на имитационных тренажерах, не прибегая к использованию реального самолета. Различают два типа имитационных тренажеров[1]: аппаратно-программные позволяют выполнять действия по обслуживанию на оборудовании, близком к реальному, но требуют специальных аппаратных решений; полностью программные (или виртуальные) позволяют имитировать рабочие ситуации на достаточно точных моделях систем самолетов, зачастую не требуя особых аппаратных средств (кроме обычного компьютера). После перевода процессов обслуживания самолета в цифровой вид можно получить средство, подходящее не только для обучения, но и для наглядной отработки персоналом алгоритмов работ ТО систем самолета. Процедурные тренажеры также могут быть использованы во время реального обслуживания для визуального уточнения действий техника в ситуациях, когда это затруднительно сделать через документацию.

В данной статье представлен разработанный комплекс имитационных тренажеров процедур ТО для самолетов Sukhoi SuperJet-100 (далее – SSJ-100) с дополнительными функциями справочника для обучения и упрощения работы технического персонала при выполнении работ ТО по документации.

Основная часть

Обзор разработок виртуальных тренажеров обслуживания самолетов

Виртуальные имитационные тренажеры позволяют частично или полностью провести обучение специалиста навыкам работы с реальной системой в ее программной

[1] Сениченков Ю. Б. Виртуальные лаборатории: использование, разработка, стандартизация. *Компьютерные инструменты в образовании*, 2022, № 3, с. 108–130. https://doi.org/10.32603/2071-2340-2022-3-108-132; EDN: KRGJYN

модели[1]. Применение компьютерной модели позволяет не занимать рабочее время реальной техники для обучения и избежать рисков, касающихся безопасности и качества ТО.

В зарубежной практике уже давно принято использовать виртуальные тренажеры для обучения технических специалистов обслуживания летательных аппаратов[2] (например, тренажеры FAROS для самолета Airbus A320[3]). Данные тренажеры состоят из следующих основных компонентов:

– электронная база документации по ТО и устранению неисправностей;

– модуль навигации по виртуальной модели самолета;

– модуль осмотра кабины и внешнего осмотра самолета;

– система электронных обучающих ресурсов;

– модуль, имитирующий некоторые системы самолета, для проведения ТО и устранения неисправностей.

В отечественной же практике применение виртуальных тренажеров для обучения техников не является стандартом на законодательном уровне. При этом долгое время большое внимание уделялось разработке и адаптации комплексов обслуживания зарубежной гражданской техники[4]. В зарубежной практике уже достаточно давно распространены технологии виртуального обучения специалистов с применением технологии дополненной реальности[5], а в последнее время ведутся активные отечественные разработки с применением XR-технологий[1].

[1] Мичкасов В. Е. Оценка соответствия процедур технического обслуживания воздушного судна на авиационных тренажерах. *Инновационные, информационные и коммуникационные технологии*, 2018, № 1, с. 104–109. EDN: VTHGCZ; Дудырев Ф. Ф., Максименкова О. В. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании: педагогические и технологические аспекты. *Вопросы образования*, 2020, № 3, с. 255–276. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-255-276; EDN: HYRSLG

[2] Bernard F., et al. Digital simulation tools in aviation maintainability training. *Computer Applications in Engineering Education*, 2022, vol. 30, no. 2, pp. 384–395. https://doi.org/10.1002/cae.22461; EDN: NAPNVP; Alasim F., Almalki H. Virtual simulation-based training for aviation maintenance technicians: Recommendations of a panel of experts. *SAE International Journal of Advances and Current Practices in Mobility*, 2021, vol. 3, no. 3, pp. 1285–1292. https://doi.org/10.4271/2021-01-0038; EDN: RXMYEB

[3] Кивокурцев А. Л. Особенности применения процедурных тренажеров “Faros A-320” при подготовке обучающихся в вузе. *Актуальные проблемы и перспективы развития гражданской авиации*, 2021, с. 144–153. EDN: BQHYIX

[4] Чокой В. З. Электронный тренажер Speller-TSM по локализации отказов оборудования самолетов Airbus a320. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2016, № 1, с. 157–165. EDN: VOIJPH

[5] Кадиров М. Авиационные тренажеры или как vr-технологии используются в авиации для подготовки наземного персонала. *Решение социальных проблем в управлении и экономике*, 2025, т. 4, № 2, с. 165–174; Wu W. C., Vu V. H. Application of virtual reality method in Aircraft Maintenance Service – Taking Dornier 228 as an example. *Applied Sciences*, 2022, vol. 12, no. 14, p. 7283. https://doi.org/10.3390/app12147283; EDN: BNFMLQ; Gómez-Cambronero Á., Miralles I., Tonda A., Remolar I. Immersive virtual-reality system for aircraft maintenance education:

Еще одним качеством виртуальных тренажерных комплексов является возможность их применения как справочных программ во время работы технического персонала. Один из основных недостатков современного метода составления технической документации на самолет – описание большей части процессов на естественном языке, который может упускать некоторые детали реальной работы по ТО. Такие неточности или недопонимания со стороны технического персонала могут привести к задержкам в работах ТО самолета. Применяя реализации справочного программного обеспечения, использующие визуализацию из тренажеров в своей работе, можно в наглядной форме продемонстрировать трудные шаги работ по обслуживанию в ходе реального процесса ТО.

Характеристика разработанных виртуальных тренажеров

В статье представлены имитационные тренажеры процедур ТО самолета SSJ-100. Они реализованы как виртуальные трехмерные компьютерные программные комплексы, предназначенные для обучения и демонстрации специалистам, обслуживающим SSJ-100, различных работ по ТО и алгоритмов их выполнения. Программы позволяют в интерактивной форме реализовать алгоритмы работ ТО, а также содержат описания систем и принципы их работы, оформленные в виде справочной документации.

Имитационные тренажеры могут быть использованы в учебном процессе студентов, обучающихся в области ТО самолетов, в специализированных центрах для подготовки и переподготовки техников по обслуживанию самолета SSJ-100. Также они могут применяться в качестве справочного средства для просмотра в виртуальном формате алгоритмов действий техников во время выполнения реальных работ по ТО самолета.

В статье представлены пять разработанных виртуальных тренажеров, реализующих следующие виды работ:

– заправка, слив и перекачка топлива в баки самолета, выполняемые на пульте управления заправкой;

– проверка статуса систем, поиск отказов и выполнение интерактивных тестов через дисплей бортовой системы ТО;

– проверка работоспособности системы электроснабжения;

– проверка работоспособности элементов управления и индикации системы автоматического управления полетом;

– обход, визуальный осмотр и проверка работоспособности датчиков пилотажно-навигационного оборудования.

Все тренажеры создавались как трехмерные лабораторные работы в рамках проектов программы «Приоритет 2030», при участии специалистов-преподавателей

A case study. *Applied Sciences (Switzerland)*, 2023, vol. 13, no. 8, p. 5043. https://doi.org/10.3390/app13085043; EDN: MNNSEU

[1] Попов В. М., Снимщиков С. В., Турчановский В. С., Колмаков А. Ю. Разработка и применение виртуального тренажера вертолета МИ-8Т на основе технологии VR. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2025, № 2, с. 26–42. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2025_2_26; EDN: AWXSUD

кафедры технической эксплуатации авиационных электросистем и пилотажно-навигационных комплексов Института гражданской авиации и таможенного дела Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева (далее – СибГУ). Тренажеры реализованы как web-приложения и размещены на серверах дистанционного обучения СибГУ им. академика М. Ф. Решетнева для обеспечения к ним доступа студентов из электронных курсов без необходимости скачивать и устанавливать программу на компьютер.

В состав тренажеров входят следующие компоненты:

– практические задания, которые обучают пользователей выполнять базовые операции и алгоритмы работ с рассматриваемыми системами самолета;

– теоретический справочный материал для самостоятельного изучения состава, структуры и принципов работы рассматриваемых систем самолета;

– тестовые задания для проверки теоретических знаний;

– протокол выполнения работ для проверки выполнения заданий преподавателем, который можно сохранить на компьютер и загрузить в программу как файл сохранения прогресса.

Представление элементов программной реализации

Для реализации тренажеров была выбрана среда разработки Unity. Данный программный комплекс активно применяется для разработки интерактивных виртуальных сред (в том числе имитационных тренажеров[1]). Unity использует язык C# для описания алгоритмов и поддерживает кроссплатформенную разработку (в том числе и web-разработку).

Основное взаимодействие пользователя с виртуальной средой происходит через компонент практических работ. Типовая структура компонента практических работ виртуальных тренажеров изображена на рис. 1 в виде диаграммы классов UML – виртуальные модели систем самолета представлены как абстрактные блоки PlaneSystemInteractiveModel и PlaneSystemElement, реализация которых зависит от конкретной системы самолета. Некоторые переменные состояния элементов модели представлены в виде класса ObservableValue, который скрывает переменную и определяет метод записи ее значения. В ходе работы модели, когда переменная изменяет свое значение, новое значение отправляется в элементы заданий, которые сравнивают его с требуемым значением. Таким образом, переменные ObservableValue становятся наблюдаемыми. Для сопоставления передаваемых значений с параметром модели значения передаются не напрямую, а через класс-посредник – EventManager, который содержит таблицу, где сопоставляются строковые идентификаторы переменных с множеством событий обработки изменений данной переменной. То есть элементы заданий могут подписаться на изменение состояний модели через единый

[1] Кулаков П. А., Еремин А. С. Особенности разработки компьютерных обучающих тренажеров в Unity 3D. *Известия Тульского государственного университета. Технические науки*, 2024, № 1, с. 177–181. https://doi.org/10.24412/2071-6168-2024-1-177-178; EDN: ZYZMAG; Mou J. Construction of a virtual simulation teaching system for aeroengine maintenance based on Unity 3D. *Proceedings of the 2023 International Conference on Information Education and Artificial Intelligence*, 2023, pp. 565–570. https://doi.org/10.1145/3660043.3660144

интерфейс, а сама модель может отправлять идентифицируемые данные об изменениях через тот же интерфейс.

Элементы заданий реализованы через классы TaskControllersManager, TasksContoller, Task и TaskGoal. TaskGoal – это объекты, которые принимают значение переменной из модели системы самолета, то есть являются их наблюдателями и сравнивают принятые значения с требуемыми. Объекты Task объединяют несколько TaskGoal для разделения всего алгоритма работы на блоки шагов алгоритма. Объекты TaskController содержат все блоки конкретного алгоритма. После выполнения всех TaskGoal в определенном блоке Task, TaskController позволяет пользователю перейти к следующему блоку шагов алгоритма. Объект TaskControllersManager используется для управления всеми TasksController для их инициализации, запуска и завершения работы.

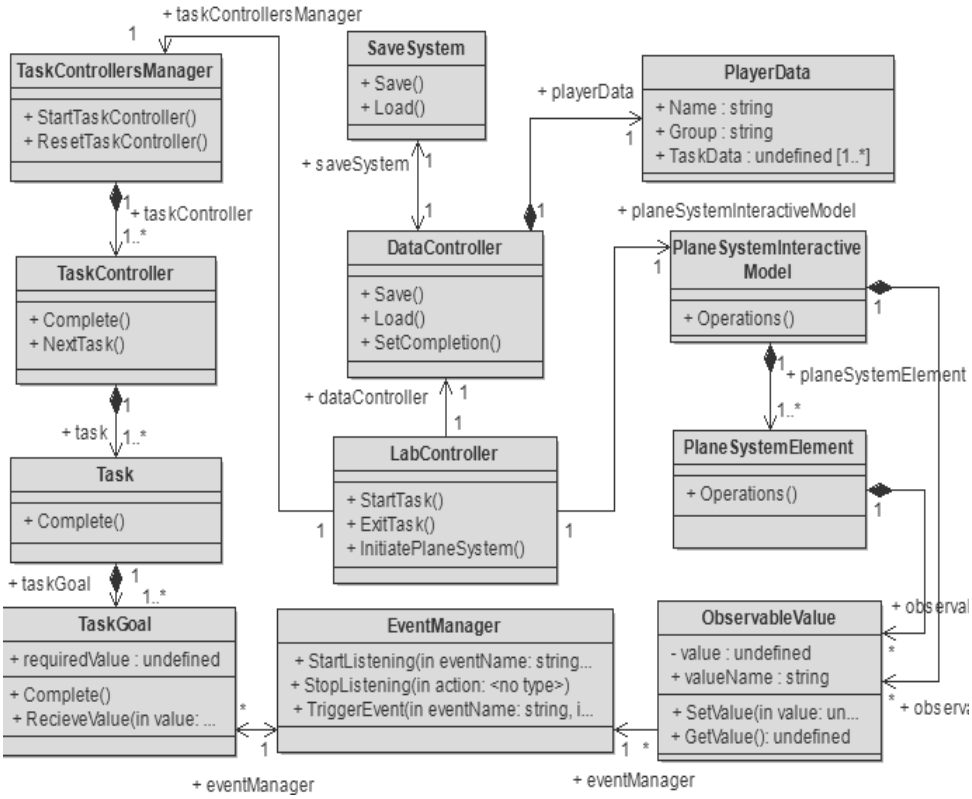

Рис. 1. Структура практических работ в тренажерах

Общее управление всеми системами осуществляется через оставшиеся на диаграмме классы. LabController переводит состояние моделей систем самолета в начальное состояние, запускает и завершает выбранные пользователем задания. DataController записывает данные о завершении заданий в PlayerData. Объект SaveSystem используется для сохранения и загрузки данных о выполнении заданий

из внешнего файла. Эти данные представлены протоколом выполнения заданий в программе, который может быть передан преподавателю для проверки выполнения работы на тренажере. Также файл протокола может быть использован как файл сохранения, чтобы пользователь мог продолжить выполнение заданий в тренажерах, не теряя прогресс из предыдущих заданий.

Описание виртуальных тренажеров

На рис. 2 представлен снимок рабочего экрана одного из тренажеров в практических заданиях. Типовой экран тренажера при выполнении практических заданий состоит из рабочей области с трехмерным представлением элементов системы самолета, с которыми взаимодействует пользователь, панели с перечнем шагов алгоритма для практического задания, кнопки меню и панели перехода между видами рабочей области. В зависимости от рассматриваемых систем и работ на экране могут отображаться дополнительные элементы интерфейса.

Рис. 2. Пример рабочего окна тренажера системы автоматического управления полетом

Далее представлены краткие описания функций и практических компонентов разработанных тренажеров.

Тренажер пульта топливной заправки содержит следующие компоненты:

– имитацию системы заправки, которая включает функциональные элементы топливных баков, клапанов подачи топлива, методы управления автоматической заправкой;

– интерактивные элементы трехмерной модели пульта заправки;

– задания по автоматической и ручной заправке топлива, переливания и слива.

Тренажер бортовой системы ТО содержит следующие компоненты:

– имитацию дисплея бортовой системы технического обслуживания, навигацию между его меню и их содержанием;

– интерактивные элементы трехмерной модели и графического интерфейса дисплея;

– задания по поиску перечня отказов, навигации и поиска меню, проведения интерактивных тестов других систем.

Тренажер системы электроснабжения содержит следующие компоненты:

– виртуальные мнемокадры состояния системы электроснабжения и двигателей;

– объекты, имитирующие работу компонентов системы электроснабжения;

– интерактивные элементы трехмерных моделей панелей управления электросистемы, вспомогательного генератора, двигателей, панели доступа для внешнего электроисточника;

– задания по проверке работоспособности системы.

Тренажер системы автоматического управления полетом содержит следующие компоненты:

– виртуальные дисплеи отображения состояния системы автоматического управления полетом и сообщений отказов;

– объекты, имитирующие работу некоторых компонентов системы автоматического управления полетом, которые необходимы для работ технического обслуживания;

– интерактивные трехмерные элементы панели управления системой автоматического управления полетом, ручки управления самолетом, рычаги управления двигателем;

– задания по проверке работоспособности системы.

Тренажер системы пилотажно-навигационного оборудования содержит следующие компоненты:

– модели наружных датчиков пилотажно-навигационного оборудования измерения параметров полета, обеспечения посадки и руления, автономных пилотажно-навигационных систем;

– частичную реализацию главного пилотажного дисплея с отображением данных параметров полета, рассчитываемых по данным с наружных датчиков;

– задания на обход и проверку наружных датчиков и проверку показаний состояния полета на дисплее.

В программах-тренажерах также реализована справочная документация по системам самолета. Пользователю она представлена в виде иерархического списка страниц со справочными данными. Справочная документация позволяет использовать тренажеры на лекционных занятиях или как средство самостоятельного изучения теоретических аспектов работы систем самолета. Пример интерфейса справочника представлен на рис. 3.

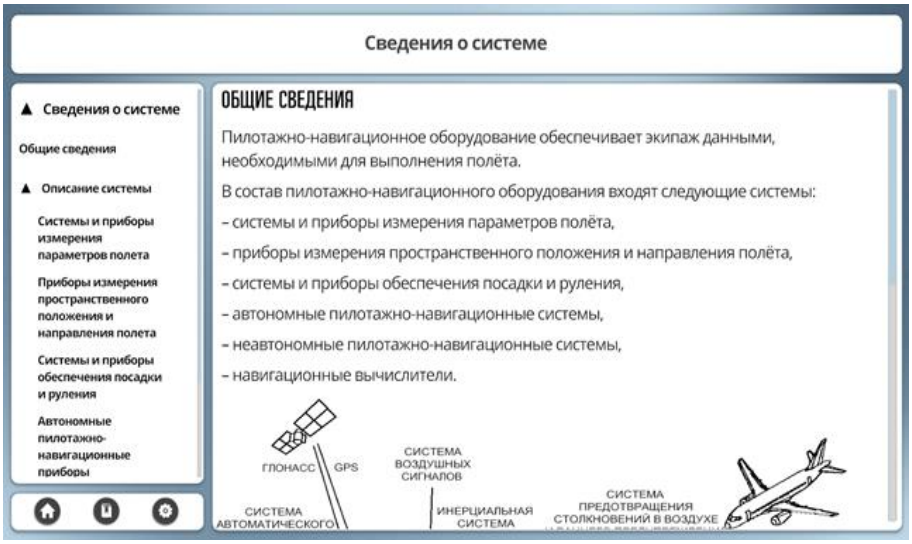

Рис. 3. Пример справочника систем самолета

Завершающим заданием, реализованным в программах, являются тестовые упражнения по проверке теоретических знаний, которые состоят из нескольких вопросов типа единственный и множественный ответ, случайно выбранных из общего банка вопросов в программе.

Выводы

В статье представлен комплекс из пяти виртуальных имитационных тренажеров систем гражданского самолета Sukhoi SuperJet-100, а также основные компоненты тренажеров для выполнения алгоритмов работ и самостоятельного изучения работы систем. Помимо этого, описана структура компонента практических заданий, его взаимодействия с имитационными моделями систем самолета по принципу наблюдателя. Тренажеры были разработаны в формате лабораторных работ для обучения студентов кафедры технической эксплуатации авиационных электросистем и пилотажно-навигационных комплексов Института гражданской авиации и таможенного дела Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева. Составленные лабораторные работы встроены в учебный процесс и используются для обучения студентов направлений 25.00.00 «Аэронавигация и эксплуатация авиационной и ракетно-космической техники» в дисциплинах «Оборудование и системы отечественных ближнемагистральных самолетов» и «Горюче-смазочные материалы».

Список источников / References

Дудырев Ф. Ф., Максименкова О. В. Симуляторы и тренажеры в профессиональном образовании: педагогические и технологические аспекты. *Вопросы образования*, 2020, № 3, с. 255–276. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-255-276; EDN: HYRSLG

Dudyrev F. F., Maksimenkova O. V. Training simulators in vocational education: Pedagogical and technological aspects. *Educational Studies*, 2020, no. 3, pp. 255–276. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-3-255-276; EDN: HYRSLG

Кадиров М. Авиационные тренажеры или как vr-технологии используются в авиации для подготовки наземного персонала. *Решение социальных проблем в управлении и экономике*, 2025, т. 4, № 2, с. 165–174.

Kadirov M. Aviation simulators or how VR technologies are used in aviation for training ground personnel. *Solutions of social problems in management and economics*, 2025, vol. 4, no. 2, pp. 165–174. (In Russ.)

Кивокурцев А. Л. Особенности применения процедурных тренажеров “Faros A-320” при подготовке обучающихся в вузе. *Актуальные проблемы и перспективы развития гражданской авиации*, 2021, с. 144–153. EDN: BQHYIX

Kivokurtsev A. L. Features of application of “Faros A-320” procedural simulators in training students at university. *Current problems and prospects for the development of civil aviation*, 2021, pp. 144–153. (In Russ.) EDN: BQHYIX

Кулаков П. А., Еремин А. С. Особенности разработки компьютерных обучающих тренажеров в Unity 3D. *Известия Тульского государственного университета. Технические науки*, 2024, № 1, с. 177–181. https://doi.org/10.24412/2071-6168-2024-1-177-178; EDN: ZYZMAG

Kulakov P. A., Eremin A. S. Peculiarities of development of computer training simulators in Unity 3D. *Proceedings of Tula State University. Technical Sciences*, 2024, no. 1, pp. 177–181. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2071-6168-2024-1-177-178; EDN: ZYZMAG

Мичкасов В. Е. Оценка соответствия процедур технического обслуживания воздушного судна на авиационных тренажерах. *Инновационные, информационные и коммуникационные технологии*, 2018, № 1, с. 104–109. EDN: VTHGCZ

Michkasov V. E. Assessment of conformity of aircraft maintenance procedures on aviation simulators. *Innovative, information and communication technologies*, 2018, no. 1, pp. 104–109. (In Russ.) EDN: VTHGCZ

Попов В. М., Снимщиков С. В., Турчановский В. С., Колмаков А. Ю. Разработка и применение виртуального тренажера вертолета МИ-8Т на основе технологии VR. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2025, № 2, с. 26–42. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2025_2_26; EDN: AWXSUD

Popov V. M., Snimshchikov S. V., Turchanovskii V. S., Kolmakov A. Iu. Development and application of a virtual simulator for the MI-8T helicopter based on VR technology. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 2025, no. 2, pp. 26–42. (In Russ.) https://doi.org/10.51955/2312-1327_2025_2_26; EDN: AWXSUD

Сениченков Ю. Б. Виртуальные лаборатории: использование, разработка, стандартизация. *Компьютерные инструменты в образовании*, 2022, № 3, с. 108–130. https://doi.org/10.32603/2071-2340-2022-3-108-132; EDN: KRGJYN

Cenichenkov Iu. B. Virtual laboratories: Usage, Development, Standardization. *Computer tools in education*, 2022, no. 3, pp. 108–130. (In Russ.) https://doi.org/10.32603/2071-2340-2022-3-108-132; EDN: KRGJYN

Чокой В. З. Электронный тренажер Speller-TSM по локализации отказов оборудования самолетов Airbus a320. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2016, № 1, с. 157–165. EDN: VOIJPH

Chokoi V. Z. Speller-TSM electronic simulator for troubleshooting A320 equipment. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 2016, no. 1, pp. 157–165. (In Russ.) EDN: VOIJPH

Alasim F., Almalki H. Virtual simulation-based training for aviation maintenance technicians: Recommendations of a panel of experts. *SAE International Journal of Advances and Current Practices in Mobility*, 2021, vol. 3, no. 3, pp. 1285–1292. https://doi.org/10.4271/2021-01-0038; EDN: RXMYEB

Bernard F., et al. Digital simulation tools in aviation maintainability training. *Computer Applications in Engineering Education*, 2022, vol. 30, no. 2, pp. 384–395. https://doi.org/10.1002/cae.22461; EDN: NAPNVP

Gómez-Cambronero Á., Miralles I., Tonda A., Remolar I. Immersive virtual-reality system for aircraft maintenance education: A case study. *Applied Sciences (Switzerland)*, 2023, vol. 13, no. 8, p. 5043. https://doi.org/10.3390/app13085043; EDN: MNNSEU

Mou J. Construction of a virtual simulation teaching system for aeroengine maintenance based on Unity 3D. *Proceedings of the 2023 International Conference on Information Education and Artificial Intelligence*, 2023, pp. 565–570. https://doi.org/10.1145/3660043.3660144

Wu W. C., Vu V. H. Application of virtual reality method in Aircraft Maintenance Service – Taking Dornier 228 as an example. *Applied Sciences*, 2022, vol. 12, no. 14, p. 7283. https://doi.org/10.3390/app12147283; EDN: BNFMLQ

Сведения об авторах

Александр Валерьевич Серегин – аспирант, https://orcid.org/0000-0001-7047-2466, sear_ring@mail.ru, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева (д. 31, пр-т. им. газеты «Красноярский рабочий», 660037 Красноярск, Россия); **Alexander V. Seregin** – Postgraduate Student, https://orcid.org/0000-0001-7047-2466, sear_ring@mail.ru, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31, pr. im. gazety “Krasnoyarskiy rabochiy”, 660037 Krasnoyarsk, Russia).

Татьяна Николаевна Иванилова – кандидат технических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0002-1202-6609, ivanilovatn@sibsau.ru, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева (д. 31, пр-т. им. газеты «Красноярский рабочий», 660037 Красноярск, Россия); **Tatiana N. Ivanilova** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0002-1202-6609, ivanilovatn@sibsau.ru, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31, pr. im. gazety “Krasnoyarskiy rabochiy”, 660037 Krasnoyarsk, Russia).

Заявленный вклад авторов: Серегин А. В. – разработка программ, написание текста статьи; Иванилова Т. Н. – научное руководство проектом, предложение правок к тексту статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Seregin A. V. – software development, writing the text of the article, Ivanilova T. N. – scientific supervision of the project, suggesting edits to the text. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 06.04.2026; Approved after reviewing 25.05.2026; Accepted for publication 18.06.2026.

Усадьба и дача в литературе XX–XXI вв.

В настоящей подборке представлены 6 статей участников проекта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), реализуемого в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. Материал подборки включает в себя писателей как раннесоветского (Б. А. Пильняка, К. А. Федина), так и позднесоветского (А. Г. Битова, Ю. В. Трифонова, Ю. М. Нагибина) периода, а также авторов, чье творчество уже во многом принадлежит постсоветскому времени (В. С. Токареву, В. О. Пелевину).

Помимо широты диапазона, предлагаемую читателю подборку характеризуют разнообразие и новаторство проблематики: здесь проводится компаративное сопоставление «усадьбы-санатория» в западноевропейской и советской прозе первой половины XX в. (в статье О. А. Богдановой), впервые дается обзор дачных сюжетов в рассказах и эпистолярии Б. А. Пильняка 1910–1920-х гг. (в статье М. В. Скороходова), выявлен и охарактеризован «усадебный сверхтекст» Империи как единого культурного пространства в творчестве А. Г. Битова 1960–2000-х гг. (в статье Е. Ю. Кнорре), показано своеобразие «дачного топоса» у Ю. В. Трифонова (в статье Е. О. Яцкив) и у Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой (в статье Д. М. Борисовой), исследована деконструкция «усадебного мифа» русской классики в романистике В. О. Пелевина (в статье В. Г. Андреевой).

В плане поэтики «усадебный топос» рассматривается в разных литературно-художественных направлениях XX–XXI вв. (неореализме, социалистическом реализме, экзистенциализме, метамодернизме) с помощью инновационного литературоведческого инструментария («гетеротопия усадьбы», «криптоусадебная мифология», «усадебный сверхтекст», «поэтосфера усадьбы» и др.). Добавим также, что подборка объединяет в принадлежности к новому научному направлению – «Литературная усадьба и дача» – как заслуженных докторов и опытных кандидатов наук, так и совсем молодых магистров филологии. Статьи расположены в хронологическом порядке.

О. А. Богданова, д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН,
руководитель проекта РНФ

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 78–91.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 78–91.

Научная статья
УДК 821.161.1.09.18
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-7
https://elibrary.ru/qijkxa

«Дачный топос» в прозе Б. Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов: автобиографические переклички

Максим Владимирович Скороходов
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
msk2002@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-6390-5670

Аннотация. В статье рассматривается одна из не изученных ранее тем, связанных с биографией и творчеством Б. А. Пильняка, дается анализ дачной тематики в прозе и письмах писателя 1910-х – начала 1920-х гг. Б. А. Пильняк имел достаточно богатый личный опыт дачной жизни – весной 1915 г. он снял избу в деревне Кривякино Коломенского уезда Московской губернии и неоднократно бывал там позже. После национализации помещичьих усадеб Б. А. Пильняк некоторое время проживал на их территории как на дачах. Сопоставительный анализ писем и прозы писателя, а также письма И. И. Лажечникова 1855 г. и воспоминаний Енишерловых позволяет охарактеризовать условия дачной жизни Б. А. Пильняка и проследить истоки его творчества. «Дачный топос» актуален для таких ранних рассказов писателя, как «Смерти» (1915), «Снега» (1917), «Смертельное манит» (1918), «Коломенская пастила» и «Лесная дача» (оба – 1922). В статье обращается внимание на то, что Б. А. Пильняк неизменно приглашал на арендуемые им дачи (включая бывшие усадьбы) родных, друзей и знакомых. Это не только свидетельствует о его гостеприимстве, но и является продолжением традиций русской усадьбы.

Ключевые слова: Б. А. Пильняк, «дачный топос», русская литературная усадьба, автобиографические произведения, рассказы, русская проза

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Скороходов М. В. «Дачный топос» в прозе Б. Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов: автобиографические переклички. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 78–91. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-7; EDN: QIJKXA

© Скороходов М. В., 2026

The dacha topos in B. Pilnyak's prose of the 1910s – early 1920s: autobiographical echoes

Maxim V. Skorokhodov
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
msk2002@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-6390-5670

Abstract. This article examines a previously unexplored topic related to the biography and work of Boris Pilnyak: it analyzes dacha themes in the writer's prose and letters from the 1910s and early 1920s. Pilnyak had a considerable personal experience of dacha life: in the spring of 1915, he rented a hut in the village of Krivyakino in Kolomensky District of Moscow Province and then he often visited that place. After the nationalization of the estates, Pilnyak lived for some time on their territory as in dachas. A comparative analysis of the writer's letters and prose, as well as a letter from I. I. Lazhechnikov of 1855 and the memoirs of the Yenisherlovs, allows us to describe Pilnyak's dacha life and trace the origins of his work. The dacha topos is relevant to such early stories as "Deaths" (1915), "The Snows" (1917), "Deadly Beckoning" (1918), "Kolomenskaya Pastila", and "Forest Dacha" (both 1922). The article draws attention to the fact that Pilnyak invariably invited family members, friends, and acquaintances to his rented dachas (including former estates). This not only demonstrates his hospitality but also continues the tradition of Russian estates.

Keywords: B.A. Pilnyak, "dacha topos", Russian literary estate, autobiographical works, short stories, Russian prose

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P "Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal" (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

For citation: Skorokhodov M. V. The dacha topos in B. Pilnyak's prose of the 1910s – early 1920s: autobiographical echoes. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 78–91. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-7; EDN: QIJKXA

Посвящаю памяти Владимира Петровича Енишерлова (1940–2026)

Введение

Несколько десятилетий проза Бориса Андреевича Пильняка была в Советском Союзе практически под запретом и не изучалась, а произведения писателя с конца 1930-х до второй половины 1970-х гг. в нашей стране не публиковались. Наиболее полным являлось восьмитомное собрание сочинений, выпущенное в 1929–1930 гг. Госиздатом. Произведения писателя печатались за рубежом, в том числе в переводах, и привлекали внимание исследователей. Том «Избранные произведения» вышел в свет в 1976 г. в московском издательстве «Художественная литература», а в 1978 и 1979 гг. – в Ленинградском отделении упомянутого издательства (составление, вступительная статья и комментарии В. Новикова). В последующие годы в качестве составителей и авторов вступительных статей выступали Б. Б. Андроникашвили-Пильняк и К. Б. Андроникашвили-Пильняк – сын и внучка писателя, а также профессор И. О. Шайтанов и др. Публикация произведений Б. А. Пильняка в толстых литературных журналах и отдельными книгами способствовала росту интереса филологов к его творческому наследию и биографии.

Значительная часть прозы писателя представлена в его собрании сочинений в шести томах, составленном и прокомментированном К. Б. Андроникашвили-Пильняк (Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003–2004). Большую ценность для исследователей представляют письма Б. А. Пильняка, выпущенные в 2010 г. в двух томах (составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек). Уже три с половиной десятилетия в Коломне выходит издание, целиком посвященное писателю, – «Б. А. Пильняк. Исследования и материалы: межвузовский сборник научных трудов», в котором опубликовано большое число научных статей.

Несмотря на названный регулярно выходящий сборник и отдельные статьи в научных журналах и книгах, наследие Б. А. Пильняка изучено далеко не полностью, не все аспекты его творчества всесторонне и глубоко проанализированы. К числу практически не разработанных тем относится анализ дачной тематики в прозе писателя в контексте его биографии, что нашло отражение не только в его творчестве, но и в переписке. При этом актуальность для Б. А. Пильняка традиций «усадебных» и «дачных» авторов отмечали уже его современники в ранних откликах на творчество писателя. Показательными в этом отношении являются слова литературного критика Г. Е. Горбачева, писавшего в 1925 г.: «Пильняка, конечно, очаровали навсегда Тургеневские, ставшие в 80-х гг. Чеховскими, а в 90-х Зайцевско-Бунинскими, “лирические”, обывательские, реакционно-обломовские, мелкопоместные и интеллигентски-уездные мотивы русской жизни. <…> подновленная “Лесная дача” и “Земляника в июле” радостно и любовно описывают послеоктябрьскую уцелевшую бестолково-томную лень и лирическую эротику “лишних людей” и прекраснодушных кисейных женщин»[1].

Основная часть

Б. А. Пильняк относится к тем авторам, значительная часть прозы которых имеет ярко выраженный автобиографический характер, поэтому для изучения творчества писателя необходимо учитывать факты его жизни. И здесь наиболее надежным источником сведений становятся письма писателя. При отсутствии научной биографии и летописи жизни и творчества Б. А. Пильняка именно они позволяют установить места его проживания, основные события жизни, круг общения и встречи.

Письма второй половины 1910-х – начала 1920-х гг. раскрывают Б. А. Пильняка как радушного и гостеприимного, открытого к общению человека. Поскольку для нас сейчас важна дачная тема, именно ей мы и уделим основное внимание.

На протяжении целого десятилетия – с 1912 по 1922 гг. – не только для Б. А. Пильняка, но и для всей семьи Вогау как место проживания были важны Коломна и несколько населенных пунктов Коломенского уезда Московской губернии[2]. Отец Б. А. Пильняка, ветеринарный врач А. И. Вогау, прослужил в Коломенском уезде Московской губернии несколько лет. В Коломне жил и начинающий писатель,

[1] Горбачев Г. *Очерки современной русской литературы.* Ленинград: Государственное издательство, 1925, с. 82.

[2] Приношу искреннюю признательность за уточнение биографических данных и предоставленные материалы Кире Борисовне Андроникашвили-Пильняк.

а весной 1915 г. он снял под дачу дом в деревне Кривякино, в полутора верстах от которой была «железнодорожная станция Воскресенск, а при ней почтовое отделение “Кривякино”»[1]. Появление вблизи крупного города железнодорожной ветки со станцией приводило к развитию дачного строительства. Не стала исключением и деревня Кривякино Колыберевской волости Коломенского уезда[2].

Историю Кривякина 1830-х гг. фиксируют «Записки» Н. И. Мамаева, отметившего, что он прибыл в сельцо в расположение своего взвода и сразу же поселился в «крестьянской избе». Отдохнув после заселения, он «отправился к владелице имения, вдове генерала Курманалеева, Надежде Ивановне. Старушка <…> предложила мне занять комнату внизу своего двухэтажного дома <…>. Со старушкой жило семейство ее племянника, Гаврилы Степановича Карновича». Сам племянник находился по делам в Москве, в усадебном доме были его жена, дети, две гувернантки – немка и англичанка, а также иеромонах отец Пимен[3]. Как видим, в Кривякине была традиционная русская усадьба. О Кривякине мы узнаем и из «Указателя селений и жителей уездов Московской губернии», составленного в середине XIX в. К. М. Нистремом: «Кривякино, сельцо, 1-го стана, Ложечникова, Николая Иван<овича>. Подполковн<ика> (пребывает постоянно), крестьян 100 душ м<ужского> п<ола>, 84 ж<енского пола>, 26 дворов, 75 верст от стол<ицы>, 25 от уездн<ого> гор<ода>, на просел<очной> дор<оге>»[4]. В 1913 г. Кривякино – это «сельцо в сорок два крестьянских двора, где проживало 236 жителей: 104 мужского и 132 женского пола»[5].

О намерении Б. А. Пильняка снять в Кривякине жилье свидетельствует его письмо редактору альманаха «Жатва» А. А. Альвингу (Соколову) от 5 марта 1915 г. из Коломны: «На страстной уеду в деревню на дачу – приезжайте в гости»[6]. Дублирование информации – в письме тому же адресату от 21 марта: «На четвертый день я уезжаю из Коломны на дачу. Адрес тогда сообщу»[7]. Следующее письмо А. А. Альвингу, отправленное 29 марта, подтверждает, что замысел уже реализован. Писатель сообщает, что его адрес «с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск,

[1] Лысенков В. И. *«Адрес мой: ст. Воскресенск…»: Борис Пильняк в Кривякине*. Воскресенск: ВИА, 2005, с. 27.

[2] Ныне на этом месте пролегает улица Куйбышева в городе Воскресенск Московской области.

[3] Мамаев Н. И. Записки. *Шиповник Подмосковья,* вступительная статья В. Викторовича, подготовка текстов и комментарии Н. Ваткина, В. Викторовича, Т. Залата, А. Индзинской, Е. Ломако, М. Муромского, А. Шаблина. Серия: Коломенский текст. Коломна: Лига, 2024, с. 294–295.

[4] Нистрем К. М. *Указатель селений и жителей уездов Московской губернии.* Москва: Типография ведомства Московской городской полиции, 1852. [6], III, [7], 954, 73 с.

[5] Лысенков В. И. *«Адрес мой: ст. Воскресенск…»: Борис Пильняк в Кривякине*. Воскресенск: ВИА, 2005, с. 27.

[6] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 209.

[7] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 210.

Моск<овско->Казанск<ая> ж<елезная> д<орога>, деревня Кривякино, Земский ветеринарный пункт» и разъясняет: «Снял себе избу за 7 целковых»[1].

Снятая на теплое время года изба – один из вариантов типичной для начала XX в. дачи, размер и место расположения которой были обусловлены прежде всего материальными возможностями арендатора и его устойчивыми связями с одним из крупных городов. Для Б. А. Пильняка в 1915 г. таким городом была Москва, поскольку начинающий писатель являлся студентом Московского коммерческого института. Выбор конкретного места проживания был связан с тем, что Б. А. Пильняк на протяжении довольно длительного времени жил в расположенной недалеко Коломне – центре уезда.

Уже первые впечатления от проживания на даче очень яркие. Показательно в этом отношении письмо Б. А. Пильняка А. А. Альвингу из Кривякина от 3 апреля: «Живу здесь только несколько дней, но кажется – много-много дней, и дни похожи на плиссированный шелк – складка к складочке дни идут. Встаю, на холоде, на дворе моюсь, зубрю, готовлю обед, ем, читаю, хожу на реку, и – ложусь спать. Так каждый день. Рядом имение кн. Ливен, и там в парке кричат совы. А засыпаю под песни деревенских девушек; на горе, около нашей избы – гулянки устраивают»[2].

В Кривякине жила в 1915 г. и невеста Б. А. Пильняка – Н. А. Павлович, о которой писатель сообщал А. А. Альвингу 21 мая 1915 г.: «Павлович оная живет в сущности у меня: у меня пьет-ест, сидит весь день и мешает мне, и только ночевать ходит в клеть соседней избы»[3].

Главное занятие для писателя – вне зависимости от места проживания – литературный труд. Остальное же время дачники-арендаторы проводили сходным образом. Показательно в этом отношении письмо Б. А. Пильняка из Кривякина, отправленное О. И. и Н. А. Вогау, матери и сестре: «Удовольствия масса: я катаюсь на лодке, езжу верхом, ловлю кригой рыбу, вечером – песни, разговоры – на гулянках»[4]. Этим письмом писатель в ближайшее воскресенье приглашает в гости не только родных, но и друзей: «Нинка, бери Маньку, Хандажевских, Ив. Ал. Будет весьма весело. Погуляем, попоем, посмеемся, поострим. В оное воскресенье к двухчасовому поезду выйду Вас встречать»[5]. Приведенные слова свидетельствуют о том, что дачная обстановка позволяла писателю принимать гостей.

[1] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 210.

[2] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 211.

[3] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 214.

[4] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 212.

[5] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 212.

О месте расположения арендуемой дачи свидетельствует письмо Б. А. Пильняка А. М. Чернышеву от 29 мая, в котором он от имени своего и Н. А. Павлович приглашает редактора и издателя журнала «Млечный путь» «погостить немного» и дает краткую характеристику кривякинских окрестностей: «У нас здесь река, Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы… Приезжайте, если это устраивает Вас. Я буду очень рад, буду водить и показывать Вам местные красоты. <…> Будет весьма “пейзанно”, просто, солнечно и – хорошо»[1]. Сходное описание и в письме Н. А. Павлович и Б. А. Пильняка тому же адресату от 1 июня 1915 г. Письмо завершается приглашением, написанным Б. А. Пильняком: «Приезжайте к нам. Как раз минуты три тому под окнами шел и кричал пароход. Наша изба стоит на горе, у реки, а на излучине, справа высится усадьба Екатерининских времен»[2]. Очередное приглашение в гости, адресованное А. М. Чернышеву, – в письме от 10 июня – с крайне важной для нас информацией: «Пишу – много. И удачно. Приедете – зачитаю до смерти»[3].

Письма от второй половины июня 1915 г. и более поздние уходили уже из Коломны (за исключением письма А. А. Альвингу, написанному 1 июля 1915 г. между Нижним Новгородом и Казанью). Однако писатель продолжал бывать в Кривякине. Об этом свидетельствуют, в частности, слова из его письма А. М. Чернышеву, отправленному из Коломны 24 июня («На днях я уезжаю недели на три – две с половиной на Волгу поскитаться. Но все же мой постоянный адрес – Кривякинский. <…> В Кривякине – слишком много писал. Написал и закончил два рассказа: “Последнее” и “Земское дело”»[4]), а также помета под текстом рассказа «Смерти», впервые напечатанном в альманахе «Творчество» в 1917 г.: «Кривякино. / Август 1915».

В 1918 г. Б. А. Пильняк жил на даче Поллерз под Коломной и приглашал И. А. Белоусова снять одну из комнат. «Вместе с Белоусовым на дачу собирались приехать брат И. А. Бунина писатель, член литературного объединения “Среда” Ю. А. Бунин и Е. Н. Чириков»[5]. В следующем, 1919 г., Б. А. Пильняк написал цикл «Рассказы о морях и горах»; в одном из вошедших в него произведений, «Первый день весны», о своем дачном детстве вспоминает главная героиня – как и в ряде других рассматриваемых нами произведений Б. А. Пильняка, это воспоминания о давно ушедших годах. Дачная жизнь ассоциируется здесь с мирной жизнью, где все идет своим чередом, когда все времена года – весна, лето, осень, зима – возникают в че-

[1] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 215–216.

[2] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 217.

[3] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 218.

[4] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 218.

[5] Андроникашвили-Пильняк К. Борис Пильняк: Житие «на Посадьях». *Наше наследие*, 2004, № 69, с. 80.

ловеческом сознании вместе. Во время войны, когда женщина получает с фронта письмо с засушенными в нем цветами, привычный порядок меняется – и героиня «после давно-давно ушедшего лета почувствовала весну»[1].

Значительно позже, 23 июня 1922 г., в письме к супругам Е. И. и Л. Н. Замятиным из Коломны Б. А. Пильняк вновь зазывал гостей к себе на дачу, только теперь этой дачей была не крестьянская изба, а та самая «екатерининская усадьба», которую он упоминал ранее: «…если Вы оба соберетесь ко мне, буду ОЧЕНЬ рад: тем паче, что в Коломне, у Николы мои дни подсчитываются: осенью меня здесь уже не будет, я переезжаю в Деревню, в Кривякино, в усадьбу, поближе к Москве»[2]. Как отметил В. И. Лысенков, в то время «в Кривякине уже был совхоз, а в усадьбе разместился Спасский сельскохозяйственный техникум»[3].

Дачная жизнь своей нацеленностью на отдых и вариантами использования свободного времени была во многом похожа на жизнь усадебную, хотя и с некоторыми ограничениями, связанными в первую очередь с более скромными материальными возможностями владельцев или арендаторов дач. За несколько десятилетий до Б. А. Пильняка, в июне – июле 1855 г., сходным образом проводил время в том же Кривякине писатель И. И. Лажечников, проживавший у брата в усадьбе Красное Сельцо. Прозаик писал 23 июня 1855 г. А. К. Жизневскому: «Здесь я <…> вполне наслаждаюсь деревенскою жизнью. Гуляю, купаюсь, ужу рыбу <…>. Местоположение прекрасное, сад огромный, вода и воздух превосходные; по Москве-реке движутся караваны барок. Думаю, пробуду еще дней десяток в этом земном раю»[4].

В первые советские годы Б. А. Пильняк успел пожить в еще одной старинной усадьбе под Коломной, вновь рассматривая ее – и для этого у него были все основания – в качестве дачи. Несколько писем лета 1921 г. прозаик отправил из бывшей усадьбы генералов Вильяшевых, располагавшейся на берегу реки Коломенки вблизи от деревни Новоселки Коломенского уезда. Прозаик 26 июля 1921 г. сообщал В. С. Миролюбову о плачевном состоянии разоренной за время революции усадьбы: «Пишу это письмо Вам, сидя в мезонине стариннейшего в уезде имения генералов Вильяшевых. За революцию тут были – и коммуна, и совхоз, и детская колония: поэтому теперь в доме ни одной рамы, – в стариннейшем, прекраснейшем доме. Жена уехала сюда на дачу. В мезонине кое-как можно спасаться от ветра – ставнями.

[1] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 364.

[2] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 465.

[3] Лысенков В. И. *«Адрес мой: ст. Воскресенск…»: Борис Пильняк в Кривякине*. Воскресенск: ВИА, 2005, с. 41.

[4] Жизневский А. К. Мои воспоминания об Иване Ивановиче Лажечникове, публикация и примечания А. Ю. Сорочана. Приложение. Письма Ивана Ивановича Лажечникова к А. К. Жизневскому. *Лажечников и Тверской край: статьи и материалы,* редактор – А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2005, с. 223–224.

Неделю мы никак не могли добиться мебели: вчера, наконец, привезли…»[1]. В тот же день ушло и письмо И. А. Белоусову с сообщением о том, что писатель живет «на даче, в полуразрушенном имении»[2].

Об усадьбе под Новоселками говорится в рассказе Б. А. Пильняка «Коломенская пастила» (1922)[3]: «Мой спутник, старенький женский велосипед <…>. Я накачивал моего спутника и ехал на нем к жене в Новоселки. Когда-то были помещики Енишерловы, они исчезли вместе с революцией, но дом остался, в старом парке, засаженном лиственницами и кленом; на холме между оврагом и рекой Коломенкой, совсем один в лесу. В революцию дом отбыл постои и детской колонии и трудармии; потом его заколотили за неимением в России стекол. И тогда в мезонине на лето поместилась моя жена с дочерью и собачкой-малышом. <…> дом с главной аллеи утверждал мне подлинность Тургенева, верилось в тургеневскую девушку, которая сейчас выйдет из виноградника с террасы. <…> Мы все в Новоселках сходим с ума о грибах. В Новоселках, в мезонине, у нас нет ни одного стула и только один стол…»[4].

Издатель журнала «Наше наследие» – В. П. Енишерлов, предки и родственники которого владели этой усадьбой и жили в ней, процитировав Б. А. Пильняка, приводил дневниковые записи своего родившегося в усадьбе отца – Петра Николаевича Енишерлова: «В саду Новоселок. Бабушка и все спят. Какая ночь! Серебряно светит, в тысячах капель отражается луна – полная, чистая, точно омытая холодной, хрустальной, кристально-прозрачной водой. И как легкие, чистые мысли, набегают облака – маленькие и прозрачные; набегают, но не затеняют царственного блеска серебра, победно заполняющего всю землю. Цветы дышат, живут, чувствуют эту ночь. Она божественно прекрасна»[5].

Последним владельцем усадьбы в Новоселках был дед В. П. Енишерлова – действительный статский советник – Н. М. Енишерлов. Его внук писал о протекавшей здесь типично усадебной жизни: «Летом в Новоселках и Дубенках[6] всегда было многолюдно <…>. Скакали на лошадях, играли в крокет и теннис, купались, катались на лодках по Коломенке, ставили спектакли, увлекались шарадами, осенью ходили за грибами»[7]. В Новоселках «был потрясающей красоты романтический парк с

[1] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 357–358.

[2] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 358.

[3] Раннюю редакцию рассказа «Коломенская пастила» под заглавием «Три брата» см.: Пильняк Б. А. Три брата. *Пильняк Б. [Сочинения] Том III. Рассказы.* Москва: Издание автора; Никола-на-Посадьях, 1924, с. 77–90.

[4] Пильняк Б. А. Коломенская пастила. *Октябрь*, 2010, № 1, с. 160.

[5] Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 56.

[6] «Если перейти овраг и пройти от Новоселок около километра по проселочной дороге – вскоре доберешься до деревни Дубенки, где была усадьба ближайших родственников Вельяшевых – Расторовых. <…> любили гулять здесь обитатели Новоселок» (Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие,* 2012, № 102, с. 71).

[7] Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 68.

липовыми и лиственничными аллеями, декоративными кустарниками, куртинами пионов и роз, живописными полянами и различными экзотическими породами деревьев <…> и, конечно, бесконечно любимая всеми обитателями Новоселок сирень <…>. И цветы любили душистые – левкои, ночной табак, горошек, розы, резеду»[1]; «Гости и жители Новоселок очень любили, когда Петр Николаевич играл в доме, при открытых окнах, Шопена или Рахманинова»[2].

В экспозиции рассказа Б. А. Пильняка «Снега», под текстом которого указаны место и время создания «Коломна. Март 1917», предстает типичная русская усадьба: читальня-гостиная, просторный кабинет с письменным столом и лежащими на нем книгами, старинное оружие над кожаным диваном, игроки за шахматным столиком, ужин с гостями под шум закипающего самовара, разговоры об искусстве… Владелец усадьбы Полунин – любящий муж и счастливый отец – общается здесь с гостями, среди которых Ксения Ипполитовна Енишерлова, с которой его когда-то связывали романтические отношения. Если усадьба Полунина наполнена жизнью и детским криком – грудной дочери Полунина и Алены, то усадьба Енишерловой, «последней в роде», отличается явными приметами ветхости и умирания: «…старинный дом, опиравшийся на свои колонны целое столетие, архитектуры классической, с фронтоном, двухсветною залою, с гулкими коридорами, с мебелью, застывшей так, как ставилась она последний раз при прадеде, <…> дом, уже отживший», с «холодными комнатами, темными и страшными ночью, многолетней пылью»[3]. Дом ожил только к Новому году, когда «по старинным правилам»[4] нужно было собирать гостей, в числе которых ожидаемо был и Полунин.

В Кривякине в августе 1915 г. написан рассказ «Смерти». Его действие разворачивается в старинной родовой усадьбе, где прошла жизнь главного героя, Ипполита Ипполитовича, которому «сто лет без года и трех месяцев с днями», и где ему суждено умереть. Скорая гибель ждет и дом: белая терраса залита «холодным солнцем», сын владельца, Илья Ипполитович, «ходит по пустынным комнатам умирающего дома. <…> На подоконниках, на столах, на полу – везде настлалась серая пыль. <…> Твердая затаившаяся тишина застыла в доме»[5].

Усадьба Марьин Брод[6] становится местом действия рассказа «Смертельное манит» (1918): Полунин, бывший студент, «заречный барин», «метался с женой по

[1] Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 68–69.

[2] Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 69.

[3] Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 337.

[4] Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 337.

[5] Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 304–307.

[6] Коломенские исследователи полагают, что это «Марфин-Брод – деревня в Можайском районе Московской области, расположена на левом берегу Москвы-реки примерно в 3,5 километра к северо-западу от г. Можайска, в котором прошли первые десять лет жизни Пильняка» (Мамаев Н. И. Записки. *Шиповник Подмосковья,* вступительная статья В. Викторовича,

России и за границей, все время тоскуя по тихой, разумной жизни; разошелся с женою не скоро и трудно, потратив на это все, что было отпущено ему для творения жизни; вернулся наконец в свою усадьбу, в Марьин Брод, поселился один в старом доме, зарылся книгами»[1]. К нему, уже немолодому, пришла жить простая девушка Алена – она «родилась в лесной сторожке, где были небо, сосны, песок и река»[2]. Они жили в усадьбе вдвоем, и Полунин, который «был из тех русских бар, что ищут правду и Бога», надеялся найти в Алене «правдивое и естественное, отдохнуть с ней и создать жизнь правильную и крепкую»[3].

Алена вела в усадьбе жизнь простой деревенской женщины: «вставала с зарей, молилась Богу, шла доить коров, готовила к обеду, снова в полдень доила коров, была с ребенком, кормила его, пеленала, мыла». Она ни с кем не общалась и уходила из дома только в церковь. Образ жизни Полунина соответствовал его статусу обедневшего помещика – он «сидел за книгами, рубил дрова, говорил о правде»[4], учил Алену грамоте и читал ей жития. После смерти дочери Алена уходит скитаться по монастырям. Полунин же остается в умирающей усадьбе в полном одиночестве.

Для нашей темы важен рассказ «Лесная дача» (1922), который М. А. Дубова справедливо рассматривает как рассказ-миниатюру, «повествующий о неизбежности принятия природного закона людьми»[5]. Действие произведения развивается там же, где жили персонажи рассказа «Смертельное манит», – в Марьином Броде. Только теперь герои рассуждают о том, является ли Марьин Брод усадьбой или дачей. Показателен в этом отношении диалог художника Минтза, который считает Марьин Брод захудавшей родовой усадьбой, и Лидии Константиновны, которая была когда-то невестой хозяина дома лесничего Иванова и знает историю этого места:

подготовка текстов и комментарии Н. Ваткина, В. Викторовича, Т. Залата, А. Индзинской, Е. Ломако, М. Муромского, А. Шаблина. Серия: Коломенский текст. Коломна: Лига, 2024, с. 504).

[1] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 323, 325.

[2] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 322.

[3] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 325.

[4] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 326.

[5] Дубова М. А. «Лесная дача» Б. Пильняка: роль перцептивной лексики в рецепции рассказа. *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции: сборник трудов*, ответственный редактор – Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Москва; Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2024, с. 31. EDN: RLRVBS

«– Я сейчас был в парке[1]. Этот пруд, эти аллеи из кленов, вырождающееся, умирающее, уходящее <…>. Почему нельзя вернуть романтический осьмнадцатый век и можно лишь грустить о халатах и трубках? Почему мы не знатные владетели?..

Лидия Константиновна усмехнулась и ответила:

– Ну, да. Это поэтический вымысел. Но в действительности это много, очень много хуже. В частности, Марьин Брод никогда не был помещичьим гнездом, это – лесная дача, лесническая контора, и только… и только…»[2].

Однако нельзя сказать, что Марьин Брод в рассказе «Лесная дача» – это только контора, предназначенная для решения каких-то задач, связанных с сохранением и заготовкой леса. В приведенных словах Минтза характеризуется парк с аллеями и прудом – значимыми элементами русской усадьбы. Территорию охраняет сторож Игнат, он же работает на скотном дворе – скотнике. Главный дом имеет несколько комнат, крыльцо и террасу, под окнами – кусты сирени, которые являются типичными для усадебного парка.

В рассказе детально описана гостиная. Здесь есть многие предметы, характерные для помещичьей усадьбы: «у больших окон с погрязневшими стеклами еще остались от разрушения – ковер, кресла, кенкеты, стоял старый концертный рояль, висели портреты»[3]. На рояле играет Лидия Константиновна; дом для нее – это память о молодости, о прошлом, которое уже никогда не вернется.

В кабинете Иванова имеются столярные инструменты и охотничье снаряжение («У стены стояли верстак и диван <…>. Иванов зажег свечу на верстаке и <…> стал набивать машинкой ружейные патроны»[4]), что было характерно для традиционных русских усадеб.

Марьин Брод находится на грани гибели: «дом был старым, большим, разваливающимся»[5]. В углы некоторых комнат «вошло уже окончательно разрушение, исчезли от неведомой руки стулья, кушетки, кресла и лишь была свалена рухлядь в углу…»[6]. Хотя в спальне Лидии Константиновны, как и в годы ее молодости, стоит двуспальная кровать из красного дерева и прочая мебель, характерная для женской

[1] В рассказе говорится о том, что в усадебном парке кричат совы – этих птиц Б. А. Пильняк неоднократно упоминал в письмах из Кривякина.

[2] Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 429–430.

[3] Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003, с. 429.

[4] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 428.

[5] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 431.

[6] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 435.

комнаты, – «комоды, шкафы, шифоньерки, огромный гардероб», здесь «темно и холодно»[1].

Выводы

В 1910-е – начале 1920-х гг. Б. А. Пильняк длительное время жил в небольшом деревянном доме в Коломне, как он писал, «на Никола-на-Посадьях, на церковном дворе, около древнейшей церкви», иногда называя это свое жилище дачей[2]. В настоящую дачную жизнь он смог погрузиться в деревне Кривякино Коломенского уезда Московской губернии, где весной 1915 г. снял избу. Позже он возвращался в Кривякино в качестве дачника, а в первые советские годы использовал как дачу национализированные и разоренные помещичьи усадьбы. Б. А. Пильняк – гостеприимный хозяин, который зазывал к себе в гости на дачу как родных, так и знакомых.

Имея достаточно богатый личный опыт дачной жизни, Б. А. Пильняк отразил его в своей ранней прозе. При описании усадеб и дач, их интерьеров он обращает внимание на неухоженность, дряхлость, заброшенность домов, владельцы которых не могут сохранить в надлежащем порядке места своего проживания. Такие дома – это место для воспоминаний о прошедшей молодости и подтверждение того, что нельзя вернуть былые отношения и воскресить утраченные чувства. В рассказах первых советских лет помещичьи усадьбы предстают как находящиеся в состоянии крайнего запустения, на грани гибели, а их владельцы либо погибают, либо остаются в одиночестве.

Приведенные нами цитаты из письма И. И. Лажечникова 1855 г. и из воспоминаний представителей семьи Енишерловых показывают динамику развития и гибели усадеб в окрестностях Коломны. Эти тексты могут использоваться при комментировании произведений Б. А. Пильняка, раскрывая историко-литературные и культурные контексты, что дает возможность для более глубокого и всестороннего восприятия текстов писателя.

Список литературы / References

Андроникашвили-Пильняк К. Борис Пильняк: Житие «на Посадьях». *Наше наследие*, 2004, № 69, с. 78–85.

Andronikashvili-Pilnyak K. Boris Pilnyak: Life “on the Posad’yakh”. *Our Heritage*, 2004, no. 69, pp. 78–85. (In Russ.)

Горбачев Г. *Очерки современной русской литературы.* Ленинград: Государственное издательство, 1925. 218 с.

Gorbachev G. *Essays on contemporary Russian literature.* Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1925, 218 p. (In Russ.)

[1] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 432.

[2] Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010, с. 277.

Дубова М. А. «Лесная дача» Б. Пильняка: роль перцептивной лексики в рецепции рассказа. *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции: сборник трудов*, ответственный редактор – Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Москва; Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2024, с. 30–38. EDN: RLRVBS

Dubova M. A. “The Forest Dacha” by B. Pilnyak: The role of perceptual vocabulary in the reception of the story. *Russia in the World: Problems and Prospects for the Development of International Cooperation in the Humanitarian and Social Spheres. Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference. Collection of Papers*. Editors-in-chief: D. N. Zhatkin, T. S. Kruglova. Moscow; Penza: Penzenskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 2024, pp. 30–38. (In Russ.) EDN: RLRVBS

Енишерлов В. П. Возвращение в Новоселки. *Наше наследие*, 2012, № 102, с. 54–71.
Yenisherlov V. P. Return to Novosyolki. *Our Heritage*, 2012, no. 102, pp. 54–71. (In Russ.)

Жизневский А. К. Мои воспоминания об Иване Ивановиче Лажечникове, публикация и примечания А. Ю. Сорочана. Приложение. Письма Ивана Ивановича Лажечникова к А. К. Жизневскому. *Лажечников и Тверской край: статьи и материалы,* редактор – А. Ю. Сорочан. Тверь: Марина, 2005, с. 205–231.

Zhiznevsky A. K. My memories of Ivan Ivanovich Lazhechnikov. Published and annotated by A. Yu. Sorochan. Appendix. Letters from Ivan Ivanovich Lazhechnikov to A. K. Zhiznevsky. *Lazhechnikov and Tver Region: Articles and Materials.* Edited by A. Yu. Sorochan. Tver: Marina, 2005, pp. 205–231. (In Russ.)

Лысенков В. И. *«Адрес мой: ст. Воскресенск…»: Борис Пильняк в Кривякине*. Воскресенск: ВИА, 2005. 104 с.

Lysenkov V. I. *“My Address: Voskresensk Station…”: Boris Pilnyak in Krivyakino*. Voskresensk: VIA, 2005. 104 p. (In Russ.)

Мамаев Н. И. Записки. *Шиповник Подмосковья,* вступительная статья В. Викторовича, подготовка текстов и комментарии Н. Ваткина, В. Викторовича, Т. Залата, А. Индзинской, Е. Ломако, М. Муромского, А. Шаблина. Серия: Коломенский текст. Коломна: Лига, 2024, с. 293–307.

Mamaev N. I. Notes. *Rosehip of Moscow Region*. Introduction by V. Viktorovich, text preparation and commentary by N. Vatkin, V. Viktorovich, T. Zalata, A. Indzinskaya, E. Lomako, M. Muromsky, A. Shablin. Series: Kolomna Text. Kolomna: Liga, 2024, pp. 293–307. (In Russ.)

Нистрем К. М. *Указатель селений и жителей уездов Московской губернии*. Москва: Типография ведомства Московской городской полиции, 1852. [6], III, [7], 954, 73 с.

Nistrem K. M. *Index of villages and residents of the districts of Moscow Province*. Moscow: Tipografiia vedomstva Moskovskoi gorodskoi politsii, 1852. [6], III, [7], 954, 73 pp. (In Russ.)

Пильняк Б. А. Коломенская пастила. *Октябрь*, 2010, № 1, с. 158–162.
Pilnyak B. A. Kolomenskaya Pastila. *October*, 2010, no. 1, pp. 158–162. (In Russ.)

Пильняк Б. А. *Письма*: в 2 т., т. 1. 1906–1922, составление, подготовка текста, предисловие и примечания К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2010. 568 с.

Pilnyak B. A. *Letters*: in 2 vol., vol. 1. 1906–1922, compilation, text preparation, preface, and notes by K. B. Andronikashvili-Pilnyak and D. Kassek. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2010, 568 p. (In Russ.)

Пильняк Б. А. *Собрание сочинений*: в 6 т., т. 1: Голый год: Роман; Повести; Рассказы, составление, вступительная статья, комментарии К. Б. Андроникашвили-Пильняк. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. 448 с.

Pilnyak B. A. *Collected works*: In 6 vol., vol. 1: The naked year: Novel; Stories; Short Stories. Compiled, introduced, and commented by K. B. Andronikashvili-Pilnyak. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2003. 448 p. (In Russ.)

Пильняк Б. А. Три брата. *Пильняк Б. [Сочинения] Том III. Рассказы.* Москва: Издание автора; Никола-на-Посадьях, 1924, с. 77–90.

Pilnyak B. A. Three brothers. *Pilnyak B. [Works] Volume III. Stories*. Moscow: Author's publication; Nikola-on-Posadiyah, 1924, pp. 77–90. (In Russ.)

Сведения об авторе

Максим Владимирович Скороходов – кандидат филологических наук, https://orcid.org/0000-0002-6390-5670, msk2002@rambler.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Maxim V. Skorokhodov** – Candidate of Philological Sciences, https://orcid.org/0000-0002-6390-5670, msk2002@rambler.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 92–112.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 92–112.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8
https://elibrary.ru/pqotee

Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики

Ольга Алимовна Богданова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
olgabogda@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

Аннотация. Впервые в науке роман советского писателя К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» (1940) анализируется как художественная репрезентация усадьбы-санатория, в первой половине XX в. представленная и в западноевропейской (К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк и др.), и в советской (Н. А. Островский, Б. Н. Полевой и др.) литературе. Выясняется, помимо классово-идеологической (противостояние социализма и капитализма), философско-экзистенциальная (общая с европейскими писателями) и национально-мифологическая (восходящая к «усадебному тексту» русской классики, прежде всего к Л. Н. Толстому) проблематика фединского романа. Сделан вывод о том, что благодаря включенности в большую литературную генеалогию основной конфликт «Санатория “Арктур”» выходит за рамки соцреалистического канона и, при сопоставлении в замкнутом санаторно-усадебном пространстве парадигм *мечты* и *действительности* как важных модусов человеческого существования, приобретает экзистенциальный и архетипический характер.

Ключевые слова: К. А. Федин, К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк, Л. Н. Толстой, усадьба-санаторий, русская усадьба, инициация, экзистенциальная «подлинность»

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Богданова О. А. Усадьба-санаторий в творчестве К. А. Федина: европейская парадигма и традиции русской классики. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 92–112. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8; EDN: PQOTEE

© Богданова О. А., 2026

Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics

Olga A. Bogdanova
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
olgabogda@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X

Abstract. For the first time in science, the novel by Soviet writer K. A. Fedin "Sanatorium 'Arcturus'" (1940) is analyzed as an artistic representation of an estate-sanatorium, which was also represented in the first half of the 20th century both in Western Europe (K. Hamsun, T. Mann, E. M. Remarque, etc.) and in the USSR (N. A. Ostrovsky, B. N. Polevoy, etc.). It turns out, in addition to the class-ideological (confrontation between socialism and capitalism), the philosophical-existential (common with European writers) and national-mythological (dating back to the "estate text" of Russian classics, primarily to L. N. Tolstoy) problematics of the Fedin's novel. The paper concludes that due to its inclusion in a large literary genealogy, the main conflict of the "Sanatorium 'Arcturus'" goes beyond the socialist realist canon and, when comparing the paradigms of *dreams* and *reality* as important modes of human existence in a closed sanatorium-estate space, acquires an existential and archetypal character.

Keywords: K. A. Fedin, K. Hamsun, T. Mann, E. M. Remarque, L. N. Tolstoy, estate-sanatorium, Russian estate, initiation, existential authenticity

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P "Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: the Fate of the National Ideal" (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

For citation: Bogdanova O. A. Estate-sanatorium in the work of K. A. Fedin: The European paradigm and traditions of Russian classics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 92–112. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-8; EDN: PQOTEE

Введение

Усадьба-санаторий – важнейшая модификация «усадебного топоса» в советской литературе. Она является одним из идейно-композиционных центров в знаменитых романах Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934) и Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1947), а также в менее известном романе К. А. Федина «Санаторий "Арктур"» (1940), который и станет предметом исследования в данной статье. В отличие от Н. А. Островского и Б. Н. Полевого, санаторий К. А. Федина находится не в СССР, а на швейцарском высокогорном курорте – Давосе, куда до Второй мировой войны съезжались туберкулезные больные со всей Европы, в том числе из России, а затем – из СССР. В западной литературе первой половины XX в. усадьба-санаторий также представлена в романистике первостепенных писателей – это «Санатория "Торахус"» (1923) К. Гамсуна[1], «Волшебная гора» (1924) Т. Манна, «Три товарища» (1938) Э. М. Ремарка. В статье рассмотрена и повлиявшая на «Санаторий "Арктур"» традиция «усадебного текста» русской классической литературы, прежде всего в творчестве Л. Н. Толстого. Наряду с историко-литературным и сравнитель-

[1] Другое название – «Последняя глава».

ным изучением, использованы элементы биографического, контекстуального, мифопоэтического и тезаурусного подходов.

Основная часть

В Советском Союзе 1920–1930-х гг. санатории для трудящихся и ветеранов Гражданской войны нередко устраивались в бывших владельческих усадьбах, национализированных новой властью. Таков «коллективный рай» приморского крымского санатория «Майнак» и горного кавказского санатория «Мацеста», где лечился Павел Корчагин. В них сохранялись традиционные усадебные характеристики «рая на земле»: природная умиротворенность, эстетическая гармония, культурно-интеллектуальная насыщенность, отгороженность от тревог большого мира и психологически поддерживающее окружение, атмосфера спасения, душевного и физического возрождения утомленных жизнью героев, но главное – их духовно-нравственного роста, мутации, инициации. Так и в русской классике именно усадьба становилась местом внутреннего кризиса многих героев – Евгения Онегина из одноименного произведения А. С. Пушкина, Дмитрия Рудина из «Рудина» И. С. Тургенева, Константина Левина из «Анны Карениной» Л. Н. Толстого и др.

В то же время усадьба-санаторий оказывается территорией болезни, нередко и смерти, а для деятельного героя Н. А. Островского – вынужденной изоляции от социалистической «мировой стройки»[1]. «Постепенное осознание серьезности своего диагноза и невозможности, как другие, подлечившись, вернуться в строй, ставят Павла перед экзистенциальным выбором между жизнью и смертью»[2]. Санаторный парк «становится пространством инициации главного героя, принятия им судьбоносного решения о себе»[3] – преодолеть искушение самоубийством и снова стать полезным членом общества в другом качестве. Удается же это Корчагину благодаря преемству от русской классики и коллективному характеру советской усадьбы-санатория, изображенной в романе «Как закалялась сталь»: «дружба, солидарность, взаимопомощь <…> необходимое условие для духовного исцеления Корчагина, обретения им чувства целостности жизни, своего нового писательского призвания»[4]. По сути ту же динамику наблюдаем в судьбе Алексея Мересьева, искалеченного войной героя «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Отметим также, что, как правило, советские санатории были для пациентов или совсем бесплатными, или обходились до 30 % стоимости сравнительно недорогой путевки.

[1] Островский Н. А. *Как закалялась сталь*: роман. Пермь: Книжное издательство, 1982, с. 344.

[2] Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 340. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

[3] Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 340. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

[4] Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 341. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Иная картина в санаториях у К. Гамсуна, Т. Манна и Э. М. Ремарка. При той же усадебной «райскости» (близости к природе, культурных развлечениях, интеллектуальной активности, комфорте, внешнем покое) здесь – каждый сам за себя и, за редкими исключениями, переживает свою трагедию в душевном одиночестве. Так, расположенный в норвежских горах санаторий «Торахус» становится приютом не только для страдающих разнообразными недугами, в том числе неизлечимым до середины XX в. туберкулезом, но и для просто потерявшихся в жизни, психологически травмированных и утративших внутреннюю опору людей со всей Европы (Самоубийцы, фрекен Д'Эспар, лесопромышленника Бертельсена, английской «принцессы», ректора Оливера и др.). Стоимость пребывания и лечения в санаториях западноевропейских стран была очень высокой и целиком ложилась на плечи пациентов. Порядки в гамсуновском «Торахусе» – модели большой европейской жизни, находившейся в тяжелом ценностном кризисе, – описываются следующим образом: «Люди ползают и ползают, некоторые здесь, другие там. Порою ползают вместе, порою встречаются и не желают уступить дорогу друг другу. А иногда переползают через труп друг друга. И разве может быть иначе? Разве они не люди?»[1]. Обреченность их существования маркирована сценой ночного пожара в санатории, несущей очевидные апокалипсические коннотации.

В «Волшебной горе» у Т. Манна намного бóльший философский диапазон: в замкнутом пространстве «санаторской усадьбы»[2] сталкиваются и искрят друг о друга идеи «философии жизни» А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, «заката Европы» О. Шпенглера, психоанализ З. Фрейда и учение о «коллективном бессознательном» К.-Г. Юнга, мистицизм и спиритуализм, либерально-гуманистические, революционно-анархистские, марксистские, масонские и прочие теории, изложенные в дискурсах многочисленных интернациональных персонажей. Все они – «гонцы и посланцы, представляющие духовные сферы, принципы и миры»[3]. Так как «Волшебная гора» несколько раз упоминается в проблемно насыщенных контекстах фединского «Санатория "Арктур"», то выделим в этом произведении черты, важные для будущего анализа романа советского писателя.

«Замкнутый мирок» «Бергхофа» находится «наверху» в альпийских горах, вдали от повседневных тягот «равнины», поэтому время в санатории сгущено и циклично наподобие вечности. В силу этого он становится местом инициации главного героя, обыкновенного немецкого юноши – Ганса Касторпа – с практичным инженерным образованием – ведь в «атмосфере бездумного и легкого, но в то же время овеянного дыханием смерти существования <…> есть нечто значительное, открывающее без-

[1] Гамсун К. *Последняя глава*: роман, перевод с норвежского Э. Л. Вейнбаум и Е. М. Лазаревской. Москва; Ленинград: Петроград, 1924. с. 208.

[2] Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3. Москва: ГИХЛ, 1959, с. 350.

[3] Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 236.

брежные просторы для мысли»[1]. «Для автора и смерть, и болезнь, и все жуткие приключения, через которые он заставляет пройти своего героя, – это лишь *педагогическое*[2] <…> средство, с помощью которого достигается <…> приподнимание заурядного героя над его первоначальным уровнем. <…> Это понимание болезни и смерти как необходимого этапа на пути к мудрости, здоровью и жизни делают “Волшебную гору” романом о посвящении в таинства (initiation story)»[3].

Как видим, в замысле Т. Манна было преодоление фрейдовского Та́натоса как «влечения к смерти» в «закатных», по О. Шпенглеру, лучах как будто угасавшей европейской культуры. Отметим, что именно такое пессимистичное настроение безальтернативно пронизывает гамсуновскую «Санаторию “Торахус”», вторя представлению об окончательной гибели «усадебной культуры» в военно-революционном огне 1917–1922 гг., распространенному в русской эмиграции первой волны. Не случайно Т. Манн находил в К. Гамсуне значительное «русское влияние»[4]. У самого же автора «Волшебной горы» территорией такого преодоления становится тот же «усадебный топос», хорошо знакомый немецкому писателю по горячо любимой им «святой русской литературе». Именно «русская идея», выраженная в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. Сологуба и др. (заметим, «усадебных» писателей), способна уберечь, как надеется Т. Манн, межвоенный европейский мир от духовной смерти[5].

Показательно в романе Т. Манна и новое понимание человека, личности, по сути – новая концепция гуманизма. Ведь «соприкосновение с болезнью и смертью сулит» Гансу Касторпу «ясновидение, прозрение, чудесный взлет его “я” <…> предчувствие новой, грядущей человечности <…>»[6]. Поэтому задачу немецкого писателя можно усмотреть в манифестации такого «нового» человека, «подлинность» которого открывается в «бытии к смерти», на пороге «ничто». Мы намеренно воспользовались экзистенциалистской терминологией, к которой логически подводит нас интерпретация Т. Манном в 1939 г. своего романа, написанного в 1924 г. Ведь к 1930-м гг. идеи экзистенциализма в европейской философии уже были сформулированы (например, в трактате «Бытие и время» М. Хайдеггера) и получили литературно-художественное воплощение (например, в романах «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Тошнота» Ж.-П. Сартра, «Три товарища» Э. М. Ремарка и др.). При

[1] Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 229, 231.

[2] Здесь и далее в цитатах курсив мой. – *О. Б.*

[3] Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 237.

[4] Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 91.

[5] Манн Т. Русская антология. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 92–93.

[6] Манн Т. Введение к «Волшебной горе». Доклад для студентов Принстонского университета. *Манн Т. Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 241.

этом герои всех названных произведений, сделавшие выбор в пользу своей экзистенции, сразу оказывались лицом к лицу с абсурдностью и пустотой окружающего мира, которые трагически переживали. Так и манновский Ганс исчезает из поля зрения читателя, теряясь в слепом хаосе сражений Первой мировой войны. Фединский же персонаж, пройдя сходную инициацию, приобщается к великим смыслам своей родины.

Кроме того, в «Санатории “Арктур”» обыгрываются и медицинские разоблачения в «Волшебной горе», которые обсуждаются героями обоих романов, – это нечестность ряда врачей в постановке диагнозов, процессе лечения больных и как можно более долгом их удержании в легочном санатории ради получения немалых денег, что является «отражением капиталистического общества довоенной Европы»[1]. На протесты, «поступившие из медицинских кругов», немецкий писатель ответил в открытом письме «О духе медицины»: «…*социальная критика* не является моей страстью и не относится к сильным моим сторонам, <…> в моем творчестве она, как бы случайно и мимоходом прихваченная, играет лишь *побочную роль*»[2]. Главную же проблематику своей книги автор определил так: «Смерть и болезнь в “Волшебной горе” <…> изображаются в виде мощного *познавательного средства*, а также как “гениальный” путь к человеку и любви», «к предчувствию *нового гуманизма*»[3].

Если указанные романы К. Гамсуна и Т. Манна упомянуты К. А. Фединым в переписке и художественном дискурсе и потому сомнений в их известности советскому писателю не возникает[4], то из произведений Э. М. Ремарка может быть доказано по дневниковым записям К. А. Федина только прочтение романа «На Западном фронте без перемен», который он считал «лучшей книгой о Первой мировой войне»[5]. В 1936 г. в СССР в русском переводе был напечатан роман Э. М. Ремарка «Возвращение». Изданный в Амстердаме в 1938 г. в период эмиграции немецкого писателя-антифашиста из Третьего Рейха роман «Три товарища» (русский перевод – 1958 г.) вполне мог быть прочитан К. А. Фединым на немецком языке (которым он свободно владел), несмотря на запрет его автора в СССР начиная с 1937 г. Но даже если этого не случилось, мы вправе говорить о типологическом сходстве обоих произведений: в нескольких главах «Трех товарищей» изображен тот самый Давос с

[1] Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 47.

[2] Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 47.

[3] Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 50–51.

[4] См. письмо К. А Федина к жене из Давоса от 9 октября 1931 г. Цит. по: Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 157–158.

[5] Трубилова Е. М. Германия в жизни и творчестве К. А. Федина: от 1914 к 1945. «*Они сражались за Родину»: литература и история*, ответственные редакторы – Ю. А. Азаров, А. Г. Гачева, Е. М. Трубилова. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2025, с. 460. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467; EDN: KXGZZS

туберкулезными санаториями, который уже знаком нам по романам Т. Манна и К. А. Федина.

Как и у Т. Манна, давосская усадьба-санаторий в «Трех товарищах» видится местом прорыва к «новому гуманизму», но теперь уже очищенному от «больших нарративов»[1], проникнутому конечностью человеческого существования как единственной данностью. Такой гуманизм Ж.-П. Сартр приравнял к экзистенциализму, то есть к полной ответственности самого человека за свой жизненный выбор, оптимизму и учению о действии[2]. Подобно Т. Манну, давосский санаторий у Э. М. Ремарка далеко не только лечебница со скорбными переживаниями, но и настоящая усадьба с уютными интерьерами и садово-парковым окружением, с приятельским и любовным общением, прогулками, разговорами, совместными трапезами, праздниками, красивыми нарядами, музицированием, чтением…

Обратимся, наконец, к непосредственному анализу романа К. А. Федина «Санаторий “Арктур”» в свете усадебной традиции как русской, так и западноевропейской литературы XX в. Для начала остановимся на ряде биографических моментов. К. А. Федин вошел в литературу в начале 1920-х гг. как участник группы «Серапионовы братья», под влиянием которой первостепенное значение придавал художественной форме своих произведений и включенности в общий эстетический поиск западноевропейской литературы[3]. По свидетельству В. А. Каверина, К. А. Федин в те годы ценил «нетленное в литературе», обладал «искренним и независимым голосом»[4]. Ю. М. Оклянский пишет о том, что в 1930-е гг. К. А. Федин «открыто говорил близким друзьям об установлении в СССР личной диктатуры», в НКВД за «антисоветские настроения» и «политически вредную роль в литературе» на него было заведено досье и готовился его арест[5]. Доверенный друг К. А. Федина – Б. А. Пильняк – показал на следствии в декабре 1937 г., что они «часто вели разговоры о невыносимом режиме в партии, о том недоверии, которым окружен человек. Этот режим рассматривался нами как террор <…> аресты, непонятные и необъяснимые, обернули К. А. Федина против всей партии – Сталина и Ежова. <…> мы сходились на том, что <…> положение в партии и стране грозит катастрофой»[6]. К. А. Федина «били» и на

[1] Выражение Ж. Ф. Лиотара, писавшего о кризисе «больших нарративов» (идейно-религиозных комплексов, сформировавшихся в культуре модерна) в эпоху постмодерна.

[2] Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм,* перевод с французского М. Грецкого. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953, с. 9, 19, 29.

[3] *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 57–61.

[4] *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 105.

[5] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 14, 83.

[6] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 82.

собраниях Союза советских писателей, и в печати. И ходил он «часто помятый и неуверенный», испытывая «беспросветный страх» перед арестом[1].

В то же время В. А. Каверин свидетельствует о нараставшей в К. А. Федине «перемене», о «раздвоении»[2], в 1950-е гг. завершившемся поглощением талантливого художника чиновником-функционером, занимавшим высокие посты в писательской иерархии СССР. «Многослойность» К. А. Федина отмечает и Оклянский[3], по наблюдению которого в 1930-е гг. «Федин-художник, чтобы уцелеть, вынужден был изощряться в изобретении компромиссов», «следы» которых присутствуют не только в «антикапиталистическом романе» «Похищение Европы» (1935), но «отчасти и в романе “Санаторий ‘Арктур’”»[4].

Важно отметить автобиографичность давосских страниц Т. Манна, Э. М. Ремарка и К. А. Федина, их пропущенность через личный опыт. Так, Т. Манн в 1912 г. навестил жену, лечившуюся в одном из давосских туберкулезно-легочных санаториев, где прогостил рядом с ней несколько недель. Также и Э. М. Ремарк в 1929–1930 гг. проводил время в Давосе со своей больной туберкулезом женой Юттой. В свою очередь К. А. Федин попал в 1931–1932 гг. в давосский высокогорный санаторий «Гелиос», заболев наследственным туберкулезом. Так что внешний антураж и медицинские реалии давосских картин «Волшебной горы», «Трех товарищей» и «Санатория “Арктур”» практически идентичны. Разве что у Э. М. Ремарка нет обвинений в нечестности врачебного персонала санатория, хотя немало говорится о дороговизне лечения Патриции, для оплаты которого друзьям пришлось продать любимый, собранный своими руками автомобиль. К. А. Федин же воспроизвел «нравственный климат уединенной альпийской лечебницы для тяжелых чахоточных хроников, где вырванный из привычного существования человек в принудительном кругу ему подобных ежедневно ведет сражение за самое дорогое, что даровано свыше, – за глоток воздуха, за луч солнца, за собственную жизнь. В романе много выстраданного, пережитого»[5]. На наш взгляд, это касается не только давосского, но и советского опыта писателя в годы работы над «Санаторием “Арктур”» (1937–1940), самые мрачные в плане политических репрессий в СССР. Разлитая на его страницах атмосфера страха смерти, жизненной неопределенности, непредсказуемости будущего коррелирует с психологическим состоянием К. А. Федина в это время.

[1] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 86–87.

[2] *Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания*, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998, с. 105.

[3] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 17.

[4] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 138.

[5] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 139.

Свой «камерный роман» советский автор назвал «лучшим» у себя «в смысле законченности характеров» и «по построению»[1], так как стремился прежде всего к решению художественных задач, релевантных этико-эстетическому поиску современной ему западноевропейской литературы, а также к соответствию высокой планке, заданной русской классикой. В одном из писем автор признавался: «Я люблю “Санаторий ‘Арктур’”. По письму <…> это лучшая моя вещь. Думаю – и в смысле точности выраженности темы»[2]. Недаром первоначально К. А. Федин хотел назвать роман «Вечная книга»[3]… И тем не менее в «Арктуре» на авансцену выдвинуто противостояние социалистического и капиталистического миров. Еще в письмах из «Гелиоса» К. А. Федин критиковал устройство буржуазной медицины: «тут оплачивается все, вплоть до улыбки» (к жене от 11 сентября 1931 г.); «…санаторий – это аппарат, выделяющий из коховых бацилл швейцарские франки» (к А. М. Горькому от 22 марта 1932 г.)[4], что нашло отражение в сюжетной линии владельца «Арктура» – доктора Клебе. Да и условия советской печати 1930-х гг. требовали непременного соответствия соцреалистическому канону, принятому на I съезде писателей в 1934 г.

С этих позиций и оценивался советской критикой 1940–1941 гг. давосский роман К. А. Федина, хотя большинство рецензентов сразу почувствовали в нем второй план: «…автор задался целью показать гибель, умирание людей буржуазного мира, а показал умирание вообще, болезнь как таковую, вновь разработал тему, уже широко использованную» К. Гамсуном и Т. Манном[5]. «Федин ответил на роман Т. Манна произведением, проникнутым духом <…> советского гуманизма, в котором преодолевается и снимается трагизм жизненных противоречий»[6]. Связь с Москвой, благодаря которой главный герой, по замыслу автора, единственный выздоровевший в швейцарском санатории, противоречит «логике образа Левшина», на деле далекого от «полновесной, дородной, клокочущей жизни» в СССР[7]. «Главным врачом Левшина была советская родина», подарившая ему «смысл выздороветь»[8]. Мир фединского романа отражает состояние буржуазного общества накануне Второй мировой войны, однако Левшин – «неудачное олицетворение советского мира»[9]. В приведенных оценках заметны противоречия и нестыковки. С одной стороны, рецензенты отмечают разоблачение западной жизни «с позиций социалистического мировоззрения»[10], с другой – критикуют образ Левшина, который «не может быть полпредом

[1] Цит. по: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 156.

[2] Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 9.

[3] Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 153.

[4] Цит. по: Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 156, 167.

[5] Панов Н. «Санаторий “Арктур”». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 227.

[6] Оксенов И. О новом романе К.Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 286.

[7] Рунин Б. Рецензия на «Санаторий “Арктур”». *Литературное обозрение*, 1941, № 3, с. 12.

[8] Серебров Н. Санаторий, где не выздоравливают. *Литературная газета*, 1940, 5 июля.

[9] Гоффеншефер В. Заметки о художественной прозе 1940 г. *Новый мир,* 1941, № 2, с. 183.

[10] Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 153.

советского общества в романе, ему не хватает для этого многих черт, характерных для советского человека в его лучшем выражении»[1].

Более определенно советская исследовательская мысль смогла высказаться лишь в эпоху практического отказа от соцреалистического канона. Так, Н. И. Кузнецов выделил в «Санатории “Арктур”» два плана: «конкретно-бытовой, психологический и подтекстный, философско-обобщающий, символический», а в качестве основного художественного приема – «испытание человека смертельной опасностью» для выяснения, зачем люди живут[2], что вплотную подводит к осознанию экзистенциальной проблематики фединского произведения. Б. Я. Брайнина признала главной в давосском романе К. А. Федина философскую «вечную тему жизни и смерти», одновременно и «остро социальную» благодаря неоднозначному, трагическому образу хозяина санатория Клебе как «жертвы собственности», вызывающего скорее сострадание, чем осуждение[3]. Вывод исследовательницы бесспорен: «Советская литература неотделима от <…> развития всей мировой литературы». К. А. Федину «кровно были близки <…> искания, темы, проблемы мировой литературы XX века. <…> И, может быть, нигде эта близость не выступает с такой наглядностью, как в романе “Санаторий ‘Арктур’”»[4]. А. Н. Старков за внешним планом соревнования западного и советского миров в 1930-е гг. разглядел в фединском романе универсальный конфликт между *мечтой* и *действительностью*, сопровождающий человека во все исторические эпохи[5].

По этой логике, Клебе, Инга Кречмар, майор Пашич, увлекающиеся «мечтательной» художественной литературой[6], тратящие свои душевные силы на воображаемые приключения и удовольствия, а не на борьбу с реальными жизненными сложностями, истощают свой внутренний потенциал и в результате погибают душевно или физически. И даже Левшин, единственный представитель социалистического мира в произведении, по сути, такой же мечтатель, когда думает или говорит о советской Москве. Вспомним, как грек-парикмахер в санатории слушает рассказы Левшина о столице СССР: «со сдавленным дыханием, держась за сердце», так «много было *таинственно-влекущего* в этих рассказах…»[7]. Сходно реагирует и неисправимый фантазер Клебе: «сколько раз я думал о Москве, исцеляющей эту страшную болезнь», то есть зависимость от собственности, – отвечает он Левшину. «Я иногда *мечтал о чуде*, которое меня спасет», – пишет Клебе перед самоубийством. <…> Говорят, есть

[1] Смирнова В. В. *О литературе и театре*: статьи. Москва: Советский писатель, 1956, с. 24–25.

[2] Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 150.

[3] Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980, с. 92, 103–105.

[4] Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980, с. 110.

[5] См.: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 160.

[6] Не случайно в романе К. А. Федина большое внимание уделено чтению этих героев, подробно охарактеризованы книги, которые они любят читать.

[7] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 38.

на свете страна, где *чудеса случаются с людьми*, у которых денег нет. Если бы я был здоров, я пошел бы туда пешком, чтобы убедиться, что это – *сказка*»[1]. И если сопоставить оценку Левшина как «принципиально схожего с другими персонажами» произведения, то есть с интернациональными обитателями «Арктура», и мнение о том, что он *не* раскрывается как «носитель нового, советского мироощущения»[2], с тяжелым эмоциональным состоянием К. А. Федина в период работы над своим давосским романом, то многое в его глубинной проблематике начинает проясняться.

На фоне арестов близких друзей, неуверенности в завтрашнем дне и страха репрессий в советской жизни создателя Левшина, воспоминание этого героя о пуске ДнепроГЭС в 1932 г. и решение «выздороветь, выздороветь, выздороветь и вернуться туда, домой, к смыслу и цели всего будущего!»[3] видятся утопией, наподобие мечтаний майора Пашича о дореволюционной России, в которой он воспитывался до начала Первой мировой войны, или фантазий Клебе о голландском миллионере, будто бы возжелавшем «воскресить из захудалости “Арктур”»[4]. Ключом же к экзистенциальному смыслу фединского романа представляются как бы невзначай брошенные майором слова: «*…русские* умеют заразить *мечтательностью*»[5]. Однако «мечтательность» может быть понята не только как экзистенциалистская «мнимость» или «неподлинность», но и как верность временно утраченному идеалу, как проективное мышление, формирующее будущую действительность[6]. Именно поэтому левшинская мечта, в отличие от иллюзий других персонажей романа, проявила целительную силу – герой действительно выздоровел, стремясь *домой*, хотя в исторической реальности представляемого им *дома* уже не было. Его спасла *мечта о подлинном доме*, под которым К. А. Федин, судя по всему, подразумевал не только СССР с его урбанизацией, индустриализацией, принудительной идеологией и т. д., но и традиционную Россию, классическую литературу, писательскую усадьбу Ясную Поляну, в которой он в 1940-м г. дописывал свой «Санаторий “Арктур”». Разовьем, однако, эту мысль чуть дальше. Сейчас же завершим обзор исследовательских оценок давосского романа.

Уже в XXI в. о его противоречивости открыто высказалась молодая ученая С. В. Кудрицкая: «Если Федин-идеолог во многом формировался под влиянием советской коммунистической пропаганды, то Федин-художник <…> вступал в полемику с идеями большевизма <…> самим своим творчеством, созданием неоднознач-

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 128.

[2] Панов Н. «Санаторий “Арктур”». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 226.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 64.

[4] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 113.

[5] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 56.

[6] Омельченко Н. В. О значении мечты. *Вестник Волгоградского государственного университета*. *Серия: Философия. Социология и социальные технологии*, 2006, № 5, с. 5–8. EDN: KNPEMP

ных художественных образов. <…> Сегодня классовое звучание конфликта не представляется столь всеобъемлющим, зато на первый план выступает экзистенциальный уровень понимания общечеловеческих проблем. Люди, оказавшиеся на пороге смерти, столкнувшиеся с неразрешимыми ситуациями, – именно это интересно в первую очередь читателям»[1]. Ею сформулирована задача – вычленить у К. А. Федина следы «идеологического нажима и подлинных авторских интенций»[2]. Последнее мы и попытаемся осуществить в дальнейшем анализе, причем впервые – с точки зрения усадебной топики, которая, на наш взгляд, определяет идейно-художественное целое «Санатория “Арктур”».

В первую очередь обратимся к названию фединского произведения. В фокусе писательского внимания не какой-либо из персонажей, не противостояние двух социально-экономических и идеологических систем, но сама усадьба-санаторий: «Центральной осью является именно санаторий “Арктур” – *судьба “дома”*, его обреченность на фоне нынешней Европы <…>»[3], – писал автор жене 18 февраля 1940 г. из Ясной Поляны. Ю. М. Оклянский передает сказанные ему слова К. А. Федина, проливающие свет на «подлинные интенции» автора давосского романа: «Художнически я принял и понял Льва Толстого где-то к сорока годам (то есть в 1930-е гг. – *О. Б.*), когда он стал для меня наивысшим авторитетом <…>. Несколько позднее я стал посещать Ясную Поляну. Особенно запомнился мне один из первых приездов – зимой. Был страшный мороз. На станции Засека меня встретил закутанный в овчину кучер толстовских времен. В доме ждала внучка Софьи Андреевны Толстая-Есенина. <…> В доме все поддерживалось, как при хозяевах. Кухарка, которая готовила Толстому, подала ужин при свечах – молоко и хлеб. Ночью я слушал тишину. <…> Фантастическая тишина. Там, в Ясной, я жил полтора месяца и окончил “Санаторий ‘Арктур’”»[4]. Как видим, толстовская усадьба проявила устойчивость, национально-культурную укорененность даже в самые неблагоприятные для русской «усадебной культуры» времена. И в нестабильном мире первой половины XX в. Стала якорем «вечных» ценностей

Мемуарист отмечает, что К. А. Федину с юности была присуща «устремленность к русской национальной самобытности»[5], о чем, в частности, свидетельствует его полувековая дружеская переписка с писателем И. С. Соколовым-Микитовым, к которому автор «Санатория “Арктур”» многократно приезжал в деревню поохотиться и приоб-щиться к родному быту и природе. В письме к И. С. Соколову-Микитову от 19 февраля 1940 г. К. А. Федин признавался, что «наполнен Толстым», читает «его и

[1] Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016, с. 3, 54.

[2] Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016, с. 3.

[3] Цит. по: Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985, с. 159.

[4] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 140.

[5] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 141.

о нем, и многое заново понимает, заново открывает», часто ходит через парк на могилу Л. Н. Толстого, а вокруг – зима, морозы, метели, сугробы, снежные заносы[1]. Все это напоминает ма́стерские зимние пейзажи в «Санатории “Арктур”»: «снега лежали обильные, в горах – уже голубые, в долине – еще подрумяненные чистым розовым утром»[2]; «Неизменная, насыщенная покоем даль простиралась перед “Арктуром”. Изломанные заледенелые вершины, в подножиях – темные окаймления лесов, едва заметные в снегах избушки пастбищ на склонах, неподвижное солнечное небо. Как привычно вселяло это <…> спокойствие и ровность!»[3]. Отметим, что зимние пейзажи типичны для русского «усадебного текста», в том числе для произведений Л. Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина» и др.), так как «усадебная культура» связана с круглогодичным, а не сезонным (летним) проживанием в имении.

Таковы, помимо западноевропейских претекстов фединского романа, его отечественные истоки в русской классической литературе, сердцем которой был «усадебный текст». Критика, не акцентируя толстовского влияния в «Санатории “Арктур”», все же отметила и великолепные пейзажи, и «диалектику человеческих чувств и отношений» в фединском психологизме, и сходство сцен умирания Инги Кречмар со «Смертью Ивана Ильича»[4], и передачу «диалектики души» главного героя романа Левшина[5], а в пребывании автора в толстовской Ясной Поляне – «сознательно избираемую соразмерность замысла и обстановки»[6].

Однако думается, что преемственность давосского романа К. А. Федина художественному миру Л. Н. Толстого шире. В первую очередь это касается так и не понятой до конца фигуры Левшина, вызвавшей разочарование у советских критиков. Известно, что К. А. Федин считал этот образ «слабым», но не по замыслу, а по исполнению – из-за чрезмерной близости к самому себе как автору. Первоначально герой назывался Ивановым, однако 18 февраля 1940 г. писатель сообщил жене о переименовании Иванова в Левшина: «не хочу давать повод к обвинению меня в претензии создать общественный тип»[7]. В самом деле, Левшин отнюдь не плакатный представитель советского строя, но сложный противоречивый образ, частично восходящий к Гансу Касторпу у Т. Манна (как средний, обыкновенный человек, попавший в осо-

[1] *«Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974*, под редакцией И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2008, с. 291–292.

[2] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 7.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 79.

[4] Оксенов И. О новом романе К. Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 284.

[5] Хусиханов А. М. «Санаторий “Арктур”» в творческой биографии К. А. Федина. *Актуальные проблемы современной филологии*: сб. трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1964, с. 34.

[6] Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015, с. 140.

[7] Цит. по: Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980, с. 155.

бую жизненную ситуацию; не случайно оба инженеры) и полемически – к Роберту Локампу у Э. М. Ремарка (в экзистенциальной ситуации с умирающими девушками: Роберт самоотверженно разделяет участь больной Патриции; Левшин отстраняется от Инги ради «удовольствия от собственного здоровья»[1]). Но есть, на наш взгляд, и третий источник, на что указывает выбранная для этого персонажа фамилия, созвучная любимому, во многом автобиографическому герою Л. Н. Толстого – Константину Левину. И если допустить, что фединский Левшин – субститут толстовского Левина, многое встает на свои места: и яркая жизненность героя давосского романа, и его противоречивость, и любовное влечение к здоровой женщине (доктору Гофман), и этические переживания в отношениях с больной Ингой Кречмар (раскаяние в эгоистической лжи и в недостатке сострадания), и совестливость, и душевная отзывчивость (по отношению к доктору Клебе), и особенно – преодоление страха смерти (разлитого в пространстве давосской усадьбы-санатория и бывшего проблемой в усадебном мире Л. Н. Толстого) – все это с очевидностью роднит обоих героев. Провиденциальным оказывается даже совпадение имен толстовского Левина и самого К. А. Федина – Константин. Однако более подробно аргументировать высказанную гипотезу в рамках небольшой статьи не представляется возможным, поэтому перейдем к дальнейшему рассуждению.

«Арктур» воспринимается как усадьба с особой функцией – излечением туберкулезных больных. Здесь есть медицинская лаборатория, рентгеновский кабинет, врачебная приемная, многочисленные балконы для лежания пациентов на воздухе. Однако это не только лечебница, но и пространство для многогранной жизни усадебного сообщества с уютным холлом, удобной столовой, вместительной гостиной, где музицируют на рояле, комнатами для гостей, коридорами с красными ковровыми дорожками, гаражом, садом с аллеями, красивой каменной оградой и т. п. Гости выглядят здоровыми и загорелыми, хотя, по наблюдению Инги, внутренне надломленными. По замыслу своего хозяина – Клебе – «Арктур» должен был «лечить и оплачивать лечение», «стать вечностью и в то же время ценою, которою приобретается вечность. А он стал пожирателем здоровья доктора Клебе, стал пагубой»[2]. При всей привлекательности, что-то неправильное было в этой усадьбе, и автор прямо указывает что – ее владельческий статус, к тому времени упраздненный в Советской России. Ведь Ясная Поляна уже стала музеем, общественным достоянием, да и сам Л. Н. Толстой при жизни сводил к минимуму свое положение собственника. Жалобы Клебе на «вероломную природу собственности»[3], по-видимому, имеют обобщающий характер и восходят к биографии позднего Л. Н. Толстого, а не только вызваны экономическим кризисом в Европе 1930-х гг. Ведь Клебе, будучи хорошим, образованным человеком, компетентным врачом, как собственник вынужден идти на безнравственные поступки ради удержания платежеспособных пациентов в «Арктуре». Та-

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 67.

[2] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 96.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 42.

ким образом, ценой существования владельческой усадьбы в капиталистическом мире становится сначала деградация, а затем ее хозяев. Недаром «Арктур» видится Левшину «высоким, легким, *чересчур узким* домом»[1], непрочно стоящим на земле.

Тем не менее Левшин сожалеет о «падении» «Арктура» как о «*драгоценной* утрате»: «все, что было в нем чуждое, будто взял с собою Клебе, и, точно в воспоминании о детстве, в “Арктуре” засветилось все только хорошее <…>»[2]. В самом деле, «в старом, навсегда погибшем “Арктуре”»[3] Левшин различал близкие ему по русской культуре усадебные черты, там он пережил «второе рождение», связанное не только с выздоровлением от смертельной болезни, но и с переходом на новую ступень внутреннего развития (как бы из детства – во взрослость), благодаря полученному в стенах санатория опыту: знакомству со множеством людей разных национальностей, социальных слоев и жизненных ценностей, близостью к смерти в ее уродливых обличиях, переживанию конечности человеческих взаимоотношений и относительности чувств. Другими словами, усадьба-санаторий стала для Левшина, как ранее для героев Т. Манна и Э. М. Ремарка, пространством инициации и экзистенциального личностного выбора.

Однако есть у Левшина еще и нечто сверх этого – спасительная мечта о *подлинном доме*, которой нет и не может быть у остальных, нерусских героев. Да, это Россия, русская усадьба не как барское владение, но как «культурное гнездо» и территория высоких бытийных смыслов – толстовская Ясная Поляна, сохранившаяся, несмотря на исторические катаклизмы 1910–1930-х гг. И технические достижения советской России – трубы торфяных топок, гидроэлектростанции, опоры высоковольтных передач – воспринимаются в романе К. А. Федина продолжением, а не отрицанием прежней высокой традиции. Как нам представляется, инициация Левшина, помимо вышесказанного, состояла еще и в том, что из *советского* он преобразовался в *русского* человека, за спиной которого – великая тысячелетняя история и культура. Вот то *чудо*, которое спасло фединского героя. Мы различаем его благодаря «криптоусадебной мифологии», нередкой в произведениях социалистического реализма, где прежний «усадебный миф» «присутствует как бы в снятом виде, прикровенно, под слоем новой мифоидеологии строительства справедливой социальности и формирования советского человека»[4]. С ее помощью утверждаются, казалось бы, навсегда утраченные «усадебные» ценности, способность выпрямить и духовно напитать человека.

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 128.

[2] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

[4] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 81. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Более того, не только имя главного фединского героя связано с «Анной Карениной», но и само название давосской усадьбы-санатория. Так, в этом романе Л. Н. Толстого есть упоминание звезды Арктур на ночном небе во время охоты со Стивой Облонским, приехавшим погостить в усадьбу Левина: «Стало темнеть. Ясная серебряная Венера низко на западе уже сияла из-за березок своим нежным блеском, и высоко на востоке уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурус. Над головой у себя Левин ловил и терял звезды Медведицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левин решил подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдет выше его и когда ясны будут везде звезды Медведицы»[1]. Исследователи отмечают, что Арктур и Венера в этом описании представляют собой как бы космические ипостаси героев романа: сам Левин – Арктур (еще «мрачный», но полный «красного огня»), Кити, на брак с которой он продолжает надеяться, несмотря на первоначальный отказ, – созвездие Медведицы, а любовь Левина к Кити символизируется Венерой[2].

Таким образом, совокупность приведенных факторов (завершение фединского романа в Ясной Поляне, созвучие фамилий Левшина и Левина, типологическое сходство этих героев, созерцание Левиным звезды Арктур в окрестностях своей усадьбы и даже отождествление героя с этой звездой) позволяет достаточно убедительно говорить о преемственности «усадебного текста» «Санатория “Арктур”» толстовской «Анне Карениной», имплицитно воплощенной советским писателем с помощью «криптоусадебной мифологии».

Симптоматично, что давосский роман начинается и завершается «мечтательными» эпизодами, связанными с линией Клебе: в 1-й главе он прославленный дирижер берлинской филармонии, объездивший с гастролями весь мир; в предпоследней – министр здравоохранения у самого дуче; а в последней главе приводится его предсмертная записка с мечтой о *чудесной* стране СССР. Однако мечтателями, как уже было показано, являются все герои, включая Левшина. Реальность же их санаторной жизни – это не только долги, кредиторы, процедуры, рентген, постельный режим, но и великолепие горных ландшафтов, и катание на санях, и спортивные соревнования, увлекательные прогулки, совместные праздники, музицирование, легкое чтение, словом – болезнь и развлечения. В отличие от настоящей усадьбы, в первую очередь русской (у Л. Н. Толстого и др.), обитателям санатория не хватает занятости нужным делом и серьезности, судьбоносности переживаний. Даже санаторные врачи (за исключением Штума) не столько лечат пациентов, сколько вытряхивают из них деньги. И когда Штум, после смерти Инги убедившийся в медицинской несостоятельности «Арктура» как всего лишь «*личины* земного рая»[3], покидает санаторий, – тот обречен, так как больше не укоренен в бытии: «дом *плыл* в мире синего неба, снежных

[1] Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18. Москва: ГИХЛ, 1934, с. 173.

[2] Леннквист Барбара. *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина»*. Москва: Языки славянской культуры, 2010, с. 99.

[3] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 107.

гор, светло-зеленых лугов, мохнатых черных окаймлений леса»[1]. Его роль – как пространства инициации, места обретения экзистенциальной «подлинности» главным героем, – сыграна. Звезда «Арктура» закатилась, в судьбе Левшина восходит солнце России, вбирающей в себя и созидательные советские годы, солнце Ясной Поляны…

Выводы

Благодаря включенности в большую литературную генеалогию, основной конфликт в романе «Санаторий “Арктур”» имеет не столько социальный, сколько философско-экзистенциальный характер, являясь сопоставлением в замкнутом санаторно-усадебном пространстве парадигм *мечты* («мнимости») и *действительности* («подлинности»)[2] как важных модусов человеческого существования. Топос западной усадьбы-санатория в литературе первой половины XX в. (К. Гамсун, Т. Манн, Э. М. Ремарк, К. А. Федин) оправдан исключительно как «пограничная ситуация» перед лицом смертельной болезни, ведущая к инициации и / или к экзистенциальной «подлинности» героя. В силу владельческого, корыстного по отношению к пациентам характера он не имеет иной положительной ценности, поэтому после выполнения своей *педагогической* функции исчезает. У К. А. Федина западный санаторий вдобавок имплицитно сопоставлен с русской усадьбой как топосом многовековой национальной силы и высокой культуры, поэтому его прошедший инициацию и достигший экзистенциальной «подлинности» герой, в отличие от своих западных аналогов, получает возможность обрести *прочный дом* на родине. И, по сравнению с А. Н. Островским и Б. Н. Полевым, родина для Федина не только СССР, но также историческая Россия.

Список литературы / References

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, modernity*; edited by M. V. Skorokhodov. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 9. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor’kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Брайнина Б. Я. *Федин и Запад*. Москва: Советский писатель, 1980. 376 с.

Brainina B. Ia. *Fedin and the West*. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1980. 376 p. (In Russ.)

[1] Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 129.

[2] «Мнимость» и «подлинность» – категории философии экзистенциализма, в частности у М. Хайдеггера в трактате «Бытие и время» (1927): подлинность – это способность Dasein (здесь-бытия) быть самим собой, удовлетворять своему существу и осуществлять свой проект, а мнимость – это состояние, при котором Dasein отдаляется от себя, отворачивается, скрывается в серой массе и тем самым предает себя.

Гамсун К. *Последняя глава*: роман, перевод с норвежского Э. Л. Вейнбаум и Е. М. Лазаревской. Москва; Ленинград: Петроград, 1924. 358 с.

Hamsun K. *The last chapter*: A novel, translated from Norwegian by E. L. Weinbaum and E. M. Lazarevskaya. Moscow; Leningrad: Petrograd, 1924. 358 p. (In Russ.)

Гоффеншефер В. Заметки о художественной прозе 1940 г. *Новый мир*, 1941, № 2, с. 178–203.

Goffenshefer V. Notes on fiction in 1940. *New World*, 1941, no. 2, pp. 178–203. (In Russ.)

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Knorre E. Iu. Estate-sanatorium and garden-city: “Happy Spaces” in the N. A. Ostrovsky’s novel “How Steel Was Tempered”. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Кудрицкая С. В. *Европа и европейцы в творческом сознании К. А. Федина*: дипломная работа. Москва: Московский государственный университет, 2016. 58 с.

Kudritskaia S. V. *Europe and the Europeans in the creative consciousness of K. A. Fedin*: Graduation thesis. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 2016. 58 p. (In Russ.)

Кузнецов Н. И. *К. А. Федин-художник. Проблемы метода и стиля*. Томск: Издательство Томского университета, 1980. 276 с.

Kuznetsov N. I. *K. A. Fedin as an artist. Problems of method and style*. Tomsk: Izdatel’stvo Tomskogo universiteta, 1980. 276 p. (In Russ.)

Леннквист Барбара. *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: «Анна Каренина»*. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 127 с.

Lönnqvist Barbara. *A journey deep into the novel. Leo Tolstoy: “Anna Karenina”*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul’tury, 2010. 127 p. (In Russ.)

Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3. Москва: ГИХЛ, 1959. 500 с.

Mann Th. The magic mountain: A Novel. *Mann T. Works* in 10 vol., vol. 3. Moscow: GIKhL, 1959. 500 p. (In Russ.)

Манн Т. Волшебная гора: роман. *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 4. Москва: ГИХЛ, 1959. 544 с.

Mann Th. The magic mountain: A Novel. *Mann T. Works* in 10 vol., vol. 4. Moscow: GIKhL, 1959. 544 p. (In Russ.)

Манн Т. О духе медицины. Открытое письмо издателю «Немецкого медицинского еженедельника». *Манн Т. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9. Москва: ГИХЛ, 1960, с. 45–51.

Mann Th. About the spirit of medicine. An open letter to the publisher of the German Medical Weekly. *Mann T. Works* in 10 vol., vol. 9. Moscow: GIKhL, 1960, pp. 45–51. (In Russ.)

Манн Т. *Путь на Волшебную гору*, составление и комментарии С. К. Апта. Москва: Вагриус, 2008, с. 226–241.

Mann Th. *The way to the Magic Mountain*; compiled and commented by S. K. Apt. Moscow: Vagrius, 2008, pp. 226–241. (In Russ.)

Оклянский Ю. *Загадки советской литературы. От Сталина до Брежнева*. Москва: Вече, 2015. 384 с.

Oklyansky Iu. *Riddles of Soviet literature. From Stalin to Brezhnev*. Moscow: Veche, 2015. 384 p. (In Russ.)

Оклянский Ю. Федин в Давосе. *Октябрь*, 1982, № 2, с. 154–173.

Oklyansky Iu. Fedin in Davos. *October*, 1982, no. 2, pp. 154–173. (In Russ.)

Оксенов И. О новом романе К. Федина. *Звезда*, 1940, № 8–9, с. 283–286.

Oksenov I. About the new novel by K. Fedin. *The Star*, 1940, no. 8–9, pp. 283–286. (In Russ.)

Омельченко Н. В. О значении мечты. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*, 2006, № 5, с. 5–8. EDN: KNPEMP

Omelchenko N. V. On the meaning of dreams. *The Science Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies*, 2006, no. 5, pp. 5–8. (In Russ.) EDN: KNPEMP

Островский Н. А. *Как закалялась сталь*: роман. Пермь: Книжное издательство, 1982. 362 с.

Ostrovsky N. A. *How Steel was Tempered*: A Novel. Perm: Knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 362 p. (In Russ.)

Павлова Н. С. Интеллектуальный роман. *История немецкой литературы. Новое и новейшее время*, под редакцией Е. Е. Дмитриевой. Москва: РГГУ, 2014, с. 612–616. EDN: YHCOBL

Pavlova N. S. The intellectual novel. *History of German Literature. New and Modern Times*, edited by E. E. Dmitrieva. Moscow: RGGU, 2014, pp. 612–616. (In Russ.) EDN: YHCOBL

Панов Н. «Санаторий "Арктур"». *Октябрь*, 1941, № 1, с. 225–227.

Panov N. "Sanatorium 'Arcturus'". *October*, 1941, no. 1, pp. 225–227. (In Russ.)

Рунин Б. Рецензия на «Санаторий "Арктур"». *Литературное обозрение*, 1941, № 3, с. 10–13.

Runin B. Review of the "Sanatorium 'Arcturus'". *Literary Review*, 1941, no. 3, pp. 10–13. (In Russ.)

Сартр Ж.-П. *Экзистенциализм – это гуманизм,* перевод с французского М. Грецкого. Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. 50 с.

Sartre J.-P. *Existentialism is humanism*, translated from French by M. Gretsky. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1953. 50 p. (In Russ.)

«Свела нас Россия». Переписка К. А. Федина и И. С. Соколова-Микитова. 1922–1974, под редакцией И. Э. Кабановой, И. В. Ткачевой. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 482 с.

“Russia brought us together”. Correspondence between K. A. Fedin and I. S. Sokolov-Mikitov. 1922–1974, edited by I. E. Kabanova, I. V. Tkacheva. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK, 2008. 482 p. (In Russ.)

Серапионовы братья. Антология: манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания, составление, вступительная статья и примечания Т. Ф. Прокопова. Москва: Школа-Пресс, 1998. 640 с.

The Serapion Brothers. Anthology: Manifestos, declarations, articles, selected prose, memoirs, comp., preface. and notes by T. F. Prokopov. Moscow: Shkola-Press, 1998. 640p. (In Russ.)

Серебров Н. Санаторий, где не выздоравливают. *Литературная газета*, 1940, 5 июля.

Serebrov N. Sanatorium, where they do not recover. *Literary Gazette*, 1940, July 5th. (In Russ.)

Смирнова В. В. *О литературе и театре*: статьи. Москва: Советский писатель, 1956. 409 с.

Smirnova V. V. *On literature and theater: Articles*. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1956. 409 p. (In Russ.)

Старков А. Н. *Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина*. Москва: Советский писатель, 1985. 336 с.

Starkov A. N. *Skill stages. An essay on Konstantin Fedin’s work*. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1985. 336 p. (In Russ.)

Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 18. Москва: ГИХЛ, 1934. 557 с.

Tolstoy L. N. *Complete works*: In 90 vol., vol. 18. Moscow: GIKhL, 1934. 557 p. (In Russ.)

Трубилова Е. М. Германия в жизни и творчестве К. А. Федина: от 1914 к 1945. «*Они сражались за Родину»: литература и история*, ответственные редакторы – Ю. А. Азаров, А. Г. Гачева, Е. М. Трубилова. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2025, с. 447–467. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467; EDN: KXGZZS

Trubilova E. M. Germany in life and creative work of K. A. Fedina: From 1914 to 1945. *“They fought for their Homeland”: Literature and history*, edited by Iu. A. Azarov, A. G. Gacheva, E. M. Trubilova. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor’kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2025, pp. 447–467. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0822-6-447-467; EDN: KXGZZS

Федин К. А. Письма о литературе. *Литературная Россия*, 1981, 26 июня, с. 9.

Fedin K. A. Letters about literature. *Literary Russia*, 1981, June 26, p. 9. (In Russ.)

Федин К. А. Санаторий «Арктур»: роман. *Федин К. А. Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5. Москва: Художественная литература, 1971, с. 7–134.

Fedin K. A. Sanatorium “Arcturus”: A Novel. *Fedin K. A. Works* in 10 vol., vol. 5. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1971, pp. 7–134. (In Russ.)

Хусиханов А. М. «Санаторий “Арктур”» в творческой биографии К. А. Федина. *Актуальные проблемы современной филологии*: сборник трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1964, с. 31–36.

Khusikhanov A. M. “Sanatorium ‘Arcturus’” in the creative biography of K. A. Fedin. *Topical Issues of Modern Philology:* Collected Works. Saratov: Izdatel’stvo Saratovskogo universiteta, 1964, pp. 31–36. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Алимовна Богданова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X, olgabogda@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Olga A. Bogdanova** – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, https://orcid.org/0000-0001-7004-498X, olgabogda@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 113–130.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 113–130.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9
https://elibrary.ru/opkpod

«Усадьба-ковчег-корабль»: гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова

Елена Юрьевна Кнорре
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
lena12рк@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659

Аннотация. Статья посвящена исследованию гетеротопии дома в «усадебном сверхтексте» А. Г. Битова, создаваемом на русско-евразийской цивилизационной платформе. На материале сборника ранних повестей А. Г. Битова «Дачная местность» (1967), романов «Пушкинский дом» (1964–1971) и «Улетающий Монахов» (1990), вошедших позднее в состав тетралогии «Империя в четырех измерениях» (1960–2011), исследуется усадебно-дачная топика А. Г. Битова, ставшая основой «криптоусадебной мифологии» писателя, где объединяется традиционный «усадебный миф» Серебряного века с его элегическими мотивами тоски по раю и «усадебный топос» советского времени, в основе которого архетип «города-сада», мечта об идеальной «коммуне-соборе» как пространстве идеального общежития народов на земле. Делается вывод, что усадебно-дачный миф в произведениях А. Г. Битова оформляется как часть нарратива собирающей культурной памяти, в которой пересекаются пространственные и временные горизонты личной истории героя, а также истории России. Топика дома и сада в страннических сюжетах А. Г. Битова, маршруты которых простираются от Ташкента до Хабаровска, объединяет Узбекистан, Грузию, Армению советского времени в пространство «одной страны». Гетеротопия усадьбы-дачи в неореализме А. Г. Битова строится на основе диффузии культурных концептов Европы и Азии, а также включает в себя архетипы «леса», «дома-корабля», «ковчега-собора», «дома-органа», «сада», «родословного древа», «империи» как собирания земель и народов в единое географическое и культурное целое.

Ключевые слова: А. Г. Битов, «усадебный миф», «гетеротопии усадьбы и дачи», «усадебность», «криптоусадебная мифология», петербургский текст, китежский миф

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Кнорре Е. Ю. «Усадьба-ковчег-корабль»: гетеротопия дома в усадебно-дачном мифе А. Г. Битова. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 113–130. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9; EDN: OPKPOD

© Кнорре Е. Ю., 2026

“Estate-Ark-Ship”: The heterotopia of the home in A. G. Bitov’s estate-dacha myth

Elena Yu. Knorre
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
Lena12рк@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659

Abstract. This article examines the heterotopia of the home in A. G. Bitov’s “estate supertext”, created on the Russian-Eurasian civilizational platform. Drawing on Bitov’s early short story collection, “Dacha Neighborhood” (1967), and the novels “Pushkin House” (1964–1971) and “The Flying Monk” (1990), which later formed part of the tetralogy “Empire in Four Dimensions” (1960–2011), this article explores Bitov’s dacha-estate theme, which became the basis for the writer’s crypto-estate mythology, combining the traditional 19th century estate myth with its elegiac motifs of longing for paradise and the nostalgic topos of the Soviet era, based on the archetype of the “garden city,” the dream of an ideal “commune-cathedral” as a space for the ideal community of peoples on earth. It is concluded that the estate-dacha myth in Bitov’s works is framed as a narrative of a gathering cultural memory, in which the spatial and temporal horizons of the protagonist’s personal history intersect, as well as those of Russian history. The theme of house and garden in Bitov’s travelogues, whose routes stretch from Tashkent to Khabarovsk, unites the spaces of Soviet-era Uzbekistan, Georgia, and Armenia into a single space of “one country”. The heterotopia of the estate-dacha in Bitov’s neorealism is constructed on the basis of the diffusion of cultural concepts from Europe and Asia and also incorporates the archetypes of the “forest,” “ship-house,” “ark-cathedral”, “organ-house”, “garden”, “family tree”, “empire” as the gathering of lands and peoples in a single geographical and cultural whole.

Keywords: A. G. Bitov, estate myth, heterotopia of estate and dacha, estateness, crypto-estate mythology, St Petersburg text, Kitezh myth

Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

For citation: Knorre E. Yu. “Estate-Ark-Ship”: The heterotopia of the home in A. G. Bitov’s estate-dacha myth. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 113–130. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-9; EDN: OPKPOD

Введение

Исследование «усадебного топоса» в период упразднения традиционной владельческой усадьбы Серебряного века актуализирует различение терминов «усадебного текста» (термин введен В. Г. Щукиным в 1990-е гг. по аналогии с «петербургским текстом» В. Н. Топорова), в основе которого элегически-идиллический миф «дворянского гнезда», и «усадебного сверхтекста», который О. А. Богданова предлагает наполнить семантикой, «релевантной новому качеству “усадебной” литературы XX и начала XXI в., обращенной или к переформатированным в новых социокультурных условиях, или к отсутствующим усадьбам»[1]. Как отмечает О. А. Богданова, во второй половине XX столетия «при увеличивающейся дистанции по отношению к аутентичным владельческим усадьбам Золотого и Серебряного веков и, главное, к их

[1] *Богданова О. А.* Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур,* 2023, т. 69, с. 224. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

литературным отражениям, приобретает актуальность термин “усадебность”, маркирующий окончательный переход традиционной “усадебной культуры” в ментальное измерение – сферу культурной памяти, этической и эстетической идеализации, национальных архетипов»[1]. Помимо «усадебности», инструментами анализа «усадебного сверхтекста» в его новом понимании становятся категории «усадебного габитуса» и «криптоусадебной мифологии»[2].

В предлагаемой статье с помощью структурно-семантического метода исследования на примере усадебно-дачной топики и мифопоэтики в творчестве А. Г. Битова 1960–1990 гг. рассматривается реализация «внутренних сценариев» русской «усадебной культуры» XIX – начала XX в., составляющей ядро «усадебных» произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина и др., ставшей основой «криптоусадебной мифологии» в советскую эпоху.

Основная часть

«Четыре окна открывались на все четыре стороны света»
А. Г. Битов

Меридианы «одной страны»

В советской литературе 1920–1980-х гг. происходит реактуализация «усадебного топоса»: усадебно-дачные мотивы становятся частью художественного языка позднесоветского времени, создавая своеобразный палимпсест традиционного усадебного мифа XIX в. с его элегическими мотивами тоски по раю и ностальгического топоса советского времени, в основе которого архетип «города-сада», мечта об идеальной «коммуне-соборе» как пространстве идеального общежития народов на земле. Особым образом этот процесс проявляется в различных направлениях советской литературы – от произведений с элементами соцреализма, где усадебные мотивы становятся частью аллюзийного слоя, отсылающего к культуре XIX в. и составляющего преемственную с нею связь (Н. А. Островский «Как закалялась сталь», М. Горький «Жизнь Клима Самгина», А. П. Гайдар «На графских развалинах», А. Н. Рыбаков «Бронзовая птица» и др.)[3], до неореализма позднесоветского времени. Можно найти

[1] *Богданова О. А.* Феномен «усадебности» и контекстуальный подход к литературной усадьбе начала XXI в. *Ученые записки Орловского государственного университета,* 2024, № 2 (103), с. 158. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160; EDN: GQENWG

[2] *Богданова О. А.* Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

[3] См. подробнее: Богданова О. А. Готический модус и криптоусадебная мифология в литературе СССР (А. П. Гайдар и др.). Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность,* ответственный редактор М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 83–105; Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM; Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 19–26. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26; EDN: IZVRGJ

глубинную общность усадебной топики и мифологии в разных изводах неореализма в советской литературе 1920–1980-х гг.: от ностальгии и ее творческого преображения в произведениях раннесоветского времени и первой волны русской эмиграции до переживания дома-усадьбы как многоуровневой реальности в культурно-географическом целом единой евразийской цивилизации, включающей метафизические странствия героя в произведениях позднесоветского времени.

Неореализм 1960–1980-х (А. Г. Битов, Ю. В. Трифонов, А. И. Солженицын, В. С. Маканин и др.) разворачивает переживание дома как подлинной реальности в пространстве собирающей культурной памяти, как единства географической и метафизической родины, объединяющей топику многонационального советского государства.

В основе неореализма А. Г. Битова – представление о пространстве и времени, которые расщепляют бытие человека, заслоняя от него подлинную реальность, а память возвращает на «родину», собирает распавшееся целое. Путешествия А. Г. Битова становятся частью традиции русских странствий, собирающих разные полюса земли в чувстве единой родины. В его произведениях реальная география преломляется в неореалистическом фокусе в пространстве надысторической памяти, где топосы леса, дома, сада, родословного древа объединяют «родное и вселенское» пространства личной судьбы и пространства общего дома – в истории России: «И не уверен я, что в моем лице путешественник сильно отличается от бродяги. Потому что бродягой я и был на самом деле. Был странствующим таким суфием. Смотрел на жизнь как на странствие и свою страну видел как чудо. Задолго до того, как все начало рушиться, я уже знал, что империя – это то, что надо успеть разглядеть. Это я знал начиная с 70-го года»[1].

Вместе с тем путешествие у А. Г. Битова включает семантику возвращения с ее аллюзийным библейским слоем – возвращения блудного сына в дом Отца, покаянного внутреннего обращения человека и человечества, обретающего вновь родину. В связи с этим актуальным представляется исследование романов-странствий А. Г. Битова в оптике усадебно-дачного мифа писателя, объединяющего мотивы странствия и возвращения героя в «событийной схеме инициации» (В. И. Тюпа), состоящей из нескольких фаз: фаза обособления, фаза (нового) партнерства, когда «действующее лицо часто подвергается разного рода искушениям»; «лиминальная» (пороговая) фаза испытания смертью, которая «может выступать в архаических формах ритуально-символической смерти героя или посещения им потусторонней “страны мертвых”»; фаза преображения – символическое «новое рождение», которое «сопровождается возвращением героя к месту своих прежних, ранее расторгнутых или ослабленных связей, на фоне которых и акцентируется его новое жизненное качество»[2].

Рассмотрим пространственные модусы топоса дома (дачи-усадьбы) в странических сюжетах А. Г. Битова на примере сборника повестей «Дачная мест-

[1] Смирнова Н. Бродяга. *STORY. Интернет-журнал.* URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/ (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Тюпа В. И. *Анализ художественного текста.* Москва: Академия, 2009, с. 39–40. EDN: QTXIYT

ность» (1967) и романа «Пушкинский дом» (1964–1971), а также более позднего романа-пунктира «Улетающий Монахов» (1990).

В книге «Поэтика пространства» Г. Башляр говорит о пространстве дома как о «пространстве переживаемом» человеком, которое «переживается <…> не в силу его объективных качеств, но со всей пристрастностью, на какую способно воображение»[1]. Дом – одно из «счастливых пространств», «всецело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых»[2].

А. Г. Битов уже в раннем своем сборнике «Дачная местность» очертил горизонты своего переживания пространства дома. Дом ощущается многомерным: он соединяет и разные пространства, и разные времена. Можно говорить о «гетеротопии усадьбы» (О. А. Богданова) и дачи в произведениях Битова, сочетании в одном времени нескольких пространств: сквозь распавшийся на враждущие части мир герою открывается внутреннее целое. В отличие от утопии, гетеротопия, в понимании М. Фуко, – это «реальные подлинные места», гетеротопия «имеет свойство сопоставлять в одном-единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы»[3].

Как и в неореализме М. М. Пришвина и С. Н. Дурылина, где «усадебный топос» в годы Гражданской войны становится «топосом совладания»[4], рассыпающееся бытие у А. Г. Битова («на него накинулся мелкий и злобный, его раздробленный мир и вошел в него»[5]) собирается в творческом внимании писателя-странника.

Первая повесть сборника «Одна страна. (Путешествие Бориса Мурашова)» (1960) посвящена путешествию в Среднюю Азию. Архетип дома в повести – собирающий локус, через который мыслится пространство «одной страны» в ее различных измерениях. Пространство дома гетеротопично: как и «счастливое пространство» Г. Башляра, оно вмещает все обжитое как пространство «одной страны», где путешествие и возвращение домой становятся опытом инициации героя – обретением нового чувства мира и себя как части целого, которое его предшественник М. М. Пришвин называл «вселенским домом». Мотив путешествия сочетается с мотивом возвращения как обретения-собирания в каждом новом пространстве единой родины – одной страны: «я долго вышагивал по старому городу… Улицы метровой ширины и дома двухметровой высоты. Я шел, чуть не царапая плечами дувалы слева и справа. В гладких боках улочек время от времени были прорублены дырки и вставлены дверцы»[6]; «О, дом! У тебя – Ленинград, у меня – Уратюбе»[1].

---

[1] Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства.* Москва: РОССПЭН, 2004, с. 23. EDN: QWGJCT

[2] Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства.* Москва: РОССПЭН, 2004, с. 22. EDN: QWGJCT

[3] Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью,* перевод с французского Б. М. Скуратова, ч. 3. Москва: Праксис. 2006, с. 196, 200.

[4] См. подробнее о «сюжетной схеме инициации» как составной части «гетеротопии усадьбы» в ст.: Кнорре Е. Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина). *Новый филологический вестник,* 2023, № 2 (65), с. 109–122. https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109; EDN: VRACXK

[5] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 199.

[6] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 14.

Как отмечает О. А. Богданова, «важным элементом “усадебной культуры”, отразившимся в русской классике, была также межнациональная широта и терпимость – то, что Ф. М. Достоевский в Пушкинской речи 1880 г. назвал “способностью к всемирной отзывчивости” <…> В самом деле, указанная им “отзывчивость” проявлялась не только во владении языками западноевропейских и древних восточных культур, но и в обращенности к малым народам, населявшим империю, во включенности их в общероссийский контекст»[2].

Традиция родного и вселенского измерения дома-страны соединяет творчество А. Г. Битова с усадебной литературой XIX в., с А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым, где мир иных народов (в частности, кавказских горцев) осваивается как близкий и родной. В его путешествиях диаметральные полюса бывшей Российской империи – юга (Армения, Грузия), востока (Ташкент, Фергана, Уратюбе и т. д.), северо-востока (Омск, Иркутск, Хабаровск) и др., становятся различными локусами единого пространства родины, которую собирает душа странствующего героя.

Переживание новых земель как «счастливого пространства» «одной страны», где герой всегда найдет дом («Я отыскал и улицу, и дом. Здесь меня накормят и напоят»[3]), появится позже и в других путешествиях А. Г. Битова – в «Уроках Армении» (1969) и «Грузинском альбоме» (1985). Библейские мотивы позволяют выявить эсхатологический подтекст странствий, выводя их в метафизическое измерение духовной географии, где странником ковчега оказывается все человечество, которое, подобно Ною, находит в новых землях родное чувство дома: «Как естественно, что Ной приплыл именно сюда! Нет, он не сел на скалу Арарата, он причалил. Он не знал другой земли и приплыл на ту же землю. <…> Переселенец ставит новый сруб в том месте, в котором способен узнать родину»[4].

Собирание дома в пространстве переходит в расширение дома во времени. Вторая повесть сборника «Путешествие к другу детства. (Наша биография)» (1963–1964) соединяет ретроспективу – воспоминания детства – и перемещение в пространстве, на Север, из Ленинграда в Хабаровск. Пространственное измерение времени проступает через полюса Дальнего Востока и Средней Азии (сквозной параллельный сюжет о детстве в Ташкенте и подвигах вулканолога Генриха Штейнберга). Письмо другу – это внутренний монолог, который длится во время перелета: «Вдруг в самолете я легко представил, что вовсе я не из дому лечу, а наоборот – домой возвращаюсь. Полная иллюзия. Словно летают все время одни и те же люди, и перезнакомишься один раз в самолете – потом всю жизнь встречать будешь»[5]. Самолет предстает как некое объединяющее пассажиров пространство дома-корабля,

[1] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 22.

[2] Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур,* 2023, т. 69, с. 229–230. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 15.

[4] Битов А. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. *Дружба народов,* № 5, 2017. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html (дата обращения: 05.02.2026).

[5] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 84.

где внешняя география перемещения воздушного судна и внутренняя география полета души героя объединяют разнородные пространства в одно целое.

Два других путешествия сосредотачиваются в пространстве душевного мира героя. В повести «Сад» (1962–1963) Алексей пытается осмыслить свою любовь к Асе. Действие внешне и внутренне строится вокруг образа «сада», вмещающего несколько пространств и времен. Это и Ботанический сад, рядом с которым живет Алексей, одновременно это и сад какого-то другого времени и героя. Сквозь сад вдруг просвечивает пространство деревни, запах сена, подобно печенью Мадлен в романе М. Пруста, напоминает герою те места, в которых он никогда не бывал («Уже было так когда-то: и этот стог, и зима, и так же стояли деревья, и он, маленький мальчик с незнакомым лицом… Это было словно бы в детстве, но не в этом, а в другом – в одной из своих прошлых жизней»[1]). Мотив встречи с возлюбленной в саду отсылает к любовным сюжетам усадебных романов И. С. Тургенева, рассказов И. А. Бунина, А. П. Чехова («Был прекрасный сад, и они там были вдвоем»[2]). В завершении повести образ сада приобретает черты вечного мира – «сознание того, что этот сад приснится через десять, двадцать, тысячу лет»; «Он испытывал нежность к саду, ему не хотелось возвращаться домой»[3]. Подобно раю, вечный сад таит в себе загадку и исток всякой любви («Вдруг, словно бы без всякого повода, следовало описание прекрасного сада <…> про бога он пропустил, но рассуждение о том, откуда же любовь <…> если не от нее и не из него, то откуда же? – очень поразило его»[4].

Дача-остров-корабль

Повесть «Жизнь в ветреную погоду (дачная местность)» (1963–1964) завершает и обобщает страннические сюжеты сборника. Повесть написана на даче недалеко от тогдашнего Ленинграда, в пригородном Токсове. Селение Токсово как дачная местность начало складываться в середине XVIII в. Император Александр I называл Токсовские холмы «Петербургской Швейцарией». В XIX–XX вв. здесь отдыхают известные писатели, музыканты и художники, среди которых Иван Крылов, Алексей Венецианов, Карл Брюллов, Михаил Глинка, Самуил Маршак, Сергей Прокофьев и др.

Дачное путешествие замыкает горизонты больших странствий на юг и восток. Как и ранее, в центре сюжета повести – мотив возвращения домой. «Топосом инициации» становится дачная местность – дачный дом и окружающая его природа, где замедляется время: «переезд на дачу стал для него действительно переселением: изменились все параметры его существования, и время – в первую очередь»[5]. Траектория путешествия, в отличие от города, казалось бы, сокращается: «он <…> проложил маршруты к озеру и в магазин, и, когда опять очутился дома, было по-прежнему рано: в городе он бы еще спал»[6]. Но вместе с этим видимым малым маршрутом

[1] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 172.
[2] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 169.
[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 170.
[4] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 186.
[5] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.
[6] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.

открывается более существенный путь – путь возвращения к подлинному и живому – инициация в творчестве.

Э. Г. Шестакова на примере творчества И. А. Бунина говорит о пространстве дачи и курорта как об «изначально промежуточных местах, но значимых именно этой временностью, переходностью»[1]. Однако в случае А. Г. Битова дача героя представлена не как место временное и случайное, а как место давно обжитое, старый дом, корнями вросший в землю: «дача, все еще не достроенная, уже начала ветшать, сруб, так и не обшитый, почернел еще больше, и вся она, так нелепо и безвкусно торчавшая раньше, как бы обжилась, вросла и впервые понравилась ему»[2].

Образ «дачи» как некоего собирающего весь сборник пространства не случайно выбран А. Г. Битовым в качестве заглавия, обозначающего ключевую идею книги. Найденные ранее измерения (север и юг, запад и восток; райское измерение образа «сада» – места, где рождается любовь, соединяющая разрозненные части земли в целое) объединяются в символическом образе дачи как пространстве творческого собирания жизни – преображения жизни рутинной, распадающейся (шумная жизнь города), возвращения от стирающей имена и лица цивилизации к первозданной «пустоши», где герой начинает детскими глазами сына различать вновь, как Адам в раю, имена твари, открывая подлинное, не книжное, незыблемое ветрами времени измерение жизни: «Он водил сына по поселку, как по огромному букварю… <…> Он говорил сыну: вот дерево, вот мальчик, вот дом <…> Он ощущал нечто гениальное в этой назывной простоте вещей и слов, и ему казалось, он находится на каком-то высшем пороге, за которым-то все и начинается, и что на этом пороге новой логики, нового мышления, нового мира, наверно, что редко кто стоял»[3].

«Дачный топос» А. Г. Битова тяготеет к пушкинскому пониманию усадьбы как места творчества, уединенного в глуши кабинета, где герой чувствует коренную связь с окружающим его миром. Как отмечает Е. Е. Дмитриева, «и все же для тех, кто собственно и составил определенные вехи в истории русской усадьбы, она означала прежде всего Дом, где люди живут (в то время как в городе – гостят). Это же отношение отражено и в известной формуле Пушкина из неоконченного “Романа в письмах”: “Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет” <…>. Это же отношение к усадьбе всегда поддерживал и Лев Толстой»[4].

Образ дачного дома рифмуется с образами сада и леса, символизирует проявляемое сквозь меридианы времени собирающее пространство целого – «корабль-ковчег»: «Он выбрал второй, не достроенный еще этаж и внес туда стол, стул, нехитрый свой инвентарь. Времени за это время никакого не прошло. Оно

[1] Шестакова Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина. *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: сборник научных статей. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015, с. 297.

[2] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 189.

[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 213.

[4] Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика,* 2019, № 11, с. 142. https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV

по-прежнему представлялось ему штилевым морем, его необходимо переплыть <…> Четыре окна открывались на все четыре стороны света. Они были на уровне крон»[1].

Метафора дома-корабля расширяется до собирающего пространственный, видимый мир и музыкальный мир звуков органа-собора: «и тогда уже не ветер, а этаж понесся с такой скоростью, что рассекал воздух и образовывал ветер, – замелькали, проносясь в окнах, деревья, леса и горы, сливаясь в неразличимую полосу. <…> можно было, слившись с ним, ощущать его напряжение, натяжку всяких там стропил, столбов, свай <…> все в целом он называл то кораблем, то органом»[2]. Постепенно ветер уходит и проявляется остов незыблемого мира, дом ощущается как звучащий собор: «потолка над ним не было – была сразу крыша. Она то уходила вверх острыми углами, то приближалась к нему тупыми – это он называл про себя – сводами, тогда все его помещение обозначилось как собор, что уж совсем соединилось с представлением органа»[3].

Мотив дома-корабля переходит в образ дома-острова, осмысляемый двояко: это остров, который, подобно соловьиному саду или острову сирен в странствиях Одиссея, удерживает героя в иллюзии счастливой жизни. Такой остров герой покидает, проводив гостей до электрички: «им овладело ощущение отрезанности от мира, и это было хорошо, остров… действительно, остров!»[4]. Однако, возвращаясь назад, он с благодарностью ощущает свою жизнь в семье, с женой и сыном как остров подлинного счастья, который хочется удержать и запомнить.

Аптекарский остров: научный институт и его «райский» ландшафт

Метафора собирающего пространство и время дома-собора развертывается и в ключевом романе А. Г. Битова «Пушкинский дом» (1964–1971).

Роман, написанный в эпоху оттепели, исследователи сравнивают с «Домом на набережной» (1976) Ю. В. Трифонова. Однако в отличие от него «<…> ни до, ни после “Пушкинского дома” Битов в художественной прозе не обращался к историко-политическим реалиям, суждениям и оценкам. Зато культурологическая проблематика, соединяемая с антропологическими, метафизическими, теологическими рефлексиями, занимает все более важное место в его произведениях»[5].

А. Г. Битов выходит из политического измерения, заостряющего злободневный конфликт времени, и строит пространство сложного исторического развития, где сквозь современную эпоху проявляется другое, прежнее время как неисчерпанная основа и источник культурной жизни.

Современность воплощается в образе дома без фундамента на окраинах города: «вышел он, как над обрывом – такая коробища! Смотрю – так он же просто на землю положен, ну, просто, как спичечный коробок <…> И живут все в этом доме, из трухи

[1] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.
[2] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 190.
[3] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 191.
[4] Битов А. Г. *Дачная местность.* Повести. Москва: Советская Россия, 1967, с. 221.
[5] Амусин М. Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова. *Вопросы литературы*, 2016, № 1, с. 132. EDN: WARCNF

сделанном, на землю просто так положенном»[1]. Антитезой новым постройкам изображен исторический центр города, Петербург посреди Ленинграда – пространство, обустроенное по усадебной модели XIX в.

Главный герой романа Лева Одоевцев представлен как человек старого города-музея, похожего на усадебный дом: он «*жил* в этом музее, ни один его житейский маршрут не пролегал за пределы музейных же проспектов-коридоров и зал-площадей»[2]. Дом Одоевцевых расположен на Аптекарском острове Петербурга, который, по преданию, еще до Петра I носил финское название Корписаари, что означает «глушь», «дремучий лес», или от «корппи», по-русски – «ворон». Дикий лесистый остров, удаленный от центра города, становится впоследствии особым заповедным пространством, усадебно-дачной утопией, уединенным раем вдали от современной жизни. Символом острова стал упомянутый ранее Ботанический сад, созданный Петром I, где собраны растения со всего мира. При Александре I Аптекарский остров получил известность особой дачной местности. В первые десятилетия XIX в. на Аптекарском острове появились усадьбы с большими пейзажными парками, многочисленными беседками и гротами. Здесь, в частности, располагались усадьбы купца В. Ф. Громова, князей Вяземских и Э. Г. Игеля. Усадьбы строились как двухэтажные особняки в русском стиле – с резными наличниками, ставнями и коньками. В них устраивали птичники, теплицы, а также оранжереи для прогулок и отдыха. Рядом строились домики для сдачи внаем, где петербургские чиновники могли отдохнуть после трудового дня в городе.

Несмотря на то, что А. Г. Битов считается лидером городской прозы 1960-х гг., которого критики противопоставляли писателям деревенской прозы, он «<…> тоже писатель-почвенник. Его малая родина – не вообще Ленинград, а его особый и достаточно автономный локус – Аптекарский остров. “Тихая у нас улица… Совсем рядом гудит туго натянутая магистраль: автобусы, люди, люди, машины. А здесь – тихо. Речка без набережной. Мост деревянный. А все остальное – сад. И мой дом”»[3].

В «Пушкинском доме» пространство Аптекарского острова посреди шумного современного Ленинграда описано как особое место тишины и гармонии. Дом стоял «на пустой и красивой старой улице, прямо напротив знаменитого Ботанического сада и института»[4]. Сам дом, оформленный в стиле либерти[5], представлял эклектическое сращение нескольких слоев времени – «вне всякой симметрии и, однако, с каким-то, с легкостью давшимся, чувством целого»[6].

Ландшафт вынесенного за границы современности городского пространства представляется главному герою в идиллических тонах как «тихая юдоль науки», где

[1] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 85.
[2] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 60.
[3] Бочаров С. На Аптекарский остров. *Бочаров С. Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 540.
[4] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[5] Стиль либерти сформировался под влиянием барочной эклектики форм и получил свое название в честь Артура Лазенби Либерти и основанного им в 1874 г. в Лондоне магазина, который специализировался на импорте украшений, текстиля и предметов искусства из Японии и стран Дальнего Востока.
[6] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 22–23.

«вдали от шума, от всей этой гремящей техники, люди заняты своим серьезным делом, своими растениями»[1]. Здесь «самозабвенно и благородно трудятся люди в <…> большом белоколонном здании, а также в старинных, чуть ли не елизаветинских, деревянных домиках-лабораториях, разбросанных там и сям по прекрасному парку»[2].

Сложный палимпсест «криптоусадебной мифологии» А. Г. Битова можно выявить в контаминации созерцательного садово-паркового пространства XIX в. и социально заостренного, динамичного пространства советского времени, которая проявляется в описании вторгающейся в медленно текущее идиллическое время научного мира – политической реальности, когда «во время выборов в Советы, в Ботаническом институте помещался их избирательный пункт»[3].

«Криптоусадебная мифология» в романе может рассматриваться в составе петербургского текста[4], а также пушкинского мифа самого А. Г. Битова. Ведь двойственность усадебной культуры проявляется уже у А. С. Пушкина, определившего «в стихотворении “Деревня” <…> две стороны усадебного топоса: усадьба как “приют спокойствия, трудов и вдохновения” и усадьба как место рабского труда и разврата»[5]. Райский ореол уединенного пространства научной жизни острова (своеобразного «города-сада» ученых, объединенных творческим делом, прообразом которого можно считать артистическую усадьбу-коммуну в Ворпсведе[6], ставшую основой концепции «города-сада» в советское время) несет в себе положительные коннотации «усадебного мифа» начала XX в. как топоса творчества, «трудов и вдохновения». Одновременно в жизненном мире Левы усадьба, которой у него нет, приобретает черты уютного мирка, отгораживающего героя от реальной жизни, возвышающего его над окружением, которое оставалось «внизу»: «он перестал отмечать про себя внешний мир. Внешний мир был тоже книжкой <…> он стоял в кавычках, он только что не был переплетен… И Лева, конечно, дружил с сыном дворника, его потягивало вниз, на капустный запах, он обижался, когда чего-нибудь там, среди “них”, не понимал, или его не принимали в компанию, или смеялись над его непониманием <…> Но все это было, за отсутствием усадьбы, приусадебными службами, а родители Левы были вовсе не против того, чтобы тот “понемногу узнавал жизнь”»[7].

«Сюжетная схема инициации» героя, как и в «Дачной местности», становится основой его прохождения через «смерть»: из книжного мира готовых фраз – рождения в живое собственное слово. Местом рождения становится центральный образ романа – дом на набережной – «бывший дворец, а ныне НИИ, научный центр миро-

[1] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[2] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[3] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 23.
[4] Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы*: избранные труды. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003, с. 84. EDN: VNJOIJ
[5] Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика,* 2019, № 11, с. 141. https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV
[6] Дмитриева Е. Е. Артистическая усадьба-коммуна в Ворпсведе: между Германией и Россией. *Русская словесность*, 2020, № 6, с. 37–44. EDN: LWPGPF
[7] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 117.

вого значения»[1] – Пушкинский дом. Именно здесь «усадебный» замкнутый мир книжного слова героя размыкается в «усадебный», но уже живой, творческий, почти вакхический пир – дионисийское разрушение, карнавал, который «переворачивает» смерть в новую жизнь.

Пушкинский дом – «органическая империя» Битова

Метафора дома-музея продолжает мотив дома-корабля, «воздушного судна», дачи-собора, окна которого распахнуты на все стороны света. Как и оформленный в растительном стиле либерти «живой» дом Левы, Пушкинский «город-дом» изображен в движении, не растущим в вертикаль, но разомкнутым в горизонталь на все четыре стороны света: «А может, и так, без крыши? Чтобы стоял среди щепок, сквозя окнами во все стороны света: южный сквозняк, восточный лес, западный сосед, северный проселок?»[2].

А. Г. Битов следующим образом трактует символический смысл заглавия романа: «<…> и русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия, – все это, так или иначе, ПУШКИНСКИЙ ДОМ без его курчавого постояльца… Академическое же учреждение, носящее это имя, позднейшее в таком ряду»[3]. Лирические отступления в романе, как и в пушкинском «Евгении Онегине», продолжают сюжет странствий самого автора – собирания утраченной родины. Пушкинский дом оказывается островом живого мира, порождающим пространство империи как органического целого: «<…> нам важно изучить Россию в границах Пушкинского века <…> еще предстоит Финляндия и Аляска, прежде чем мы решимся выехать в Западную Европу или, скажем, в Японию <…> безнадежное стремление построек вверх, эту несчастную вертикаль, вызванную в нас малой площадью петербургского участка, хотим мы, в мечтах, претворить в горизонталь – для свободного и безвольного размещения в пространстве путешествия и в гостиничной принадлежности бытию… У нас далеко идущие планы: нам хочется понять страну в состоянии Империи»[4].

В своей историософии А. Г. Битов различает государство и органическое целое империи: «Империи нелегко не потому, что она такая злобная и воинственная, а потому, что это организм! Это теплый организм! Расчленить его оказалось слишком болезненно для всех! В отличие от государства, империя – это живой организм! Тем более территориальная империя»[5]. Советский Союз, по его мнению, является продолжением «территориальной империи»: «Дело в том, что я хорошо понимал, что СССР – империя. Думал о ней всю жизнь. И это определение родилось у меня, может быть, где-то в Армении, для которой турки были страшнее России»[6].

[1] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 123.
[2] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 288.
[3] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 402.
[4] Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978, с. 288–289.
[5] Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна…» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 130. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE
[6] Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна…» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 121. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE

В 1990-е гг. А. Г. Битов продолжает мотив собирания утраченной теперь уже дважды «империи» (Советский Союз, как уже было сказано, для Битова тоже империя). В своей тетралогии «Империя в четырех измерениях» (1960–2011) писатель прочерчивает утраченные связи мира. Подобно эмигрантам, потерявшим родину, А. Г. Битов видит ушедшую навсегда в даль страну как некий архипелаг, части которого он пытается собрать теперь в слове.

В романе-пунктире «Улетающий Монахов» (1990), вошедшем в первое измерение «империи», появляется рифма к «Дачной местности» раннего А. Г. Битова. Усадебно-дачный топос возникает здесь уже в московском загородном мире. Если в «Дачной местности» в центре повествования дача в знаменитом дачном уголке Токсове в окрестностях Петербурга, а в «Пушкинском доме» усадебно-дачный топос дан прикровенно в уединенном садово-парковом ландшафте творческой «коммуны» Аптекарского острова, то здесь контаминация советского коллективного «города-сада» и «приюта трудов и вдохновения» пушкинского Золотого века проявляется в изображении писательского поселка Переделкино: «Поселок дачного типа, – вдруг сказал он. “Зона отдыха трудящихся Одинцовского района”, – красовалось на платформе»[1].

Как и Сергей из повести «Жизнь в ветреную погоду (дачная местность)», главный герой романа-пунктира Алексей Монахов устремляется сюда в надежде убежать от городской путаницы своей жизни и найти уединение в творчестве. Однако мир предстает уже готовым, «выпитым до него», названным и прожитым не им: «Вид из окна был испит, в лице его не было ни кровинки, а Монахову предстояло два месяца вглядываться в него, черпая жизнь и равновесие. <…> Кто же это высмотрел дотла?»[2]. Ландшафт писательского поселка не вдохновляет героя, его заслоняет фигура другого поэта – жившего и до сих пор живого во всей памяти места: «“Я живу напротив могилы…”, – повторял Монахов, нажимая на “живу”»[3]. Воспоминание о «Гамлете» в переводе Б. Л. Пастернака переводит оптимистическое «советское пространство» писательских дач в область эсхатологии последних вопросов о смысле жизни и смерти. «Зона отдыха трудящихся» переходит в ландшафт «вечного мира». Дачный поселок находит свое завершение в пространстве церкви и кладбища: «одна лишь церковь на пригорке горела с тою же силою, что и в стихах: “как печатный пряник”. Радовала глаз. Из-под нее, вниз по склону, вплоть до речки, спадало кладбище, на котором и был похоронен поэт»[4]. Именно в поисках его могилы, которую называют «сокровенной», устремляются герои на кладбище. Этот небольшой маршрут становится началом сюжета инициации Монахова, который, блуждая в поисках «заговоренной» могилы, чувствует себя пока только наполовину живым.

[1] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.
[2] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.
[3] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 130.
[4] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 131.

Подобно гоголевским «Мертвым душам», пространство мертвых оказывается «живым». На кладбище и сам герой постепенно оживает, начинает «воскрешать» подземных жителей, представлять их живыми собеседниками. Кладбищенский маршрут продолжается в другом эпизоде повести, где герой уже на Хованском кладбище хоронит свою бабушку-графиню. Вновь сквозь пространство настоящего проступает усадебный ландшафт прошлого. Герой вспоминает «Пиковую даму» А. С. Пушкина и усадебное прошлое своей бабушки, ключевой топос утраченного уже времени возрождается, как и в «Пушкинском доме», в карнавальном образе усадебного пира, жизнеутверждающее настроение которого перекрывает и все горести последующего времени: «Бабка смеялась и рассказывала почему-то именно с весельем, что они едали у себя в поместье (“в той жизни”, – смеясь, говорила она), ели они, получалось, все время и много (вкусно, само собой) <…> Дальше почему-то, с тем же колокольчиком смеха, шел рассказ об аресте (вхожу в камеру: мне: “Ставь самовар!”, а я по сторонам зыркаю, где он? а надо было ответить: “Варенье под столом” <…>»[1].

Кульминацией пробуждения героя от смерти к жизни становится эпизод похорон, где оказывается, что единственной живой землей посреди глинистой кладбищенской почвы становится горстка земли родного имения, которая, как маленький остров-остов живого мира, станет залогом и будущей жизни вокруг: «Была еще железненькая, дореволюционная еще, коробочка из-под зубного порошка с землею из родного имения (Псковской губернии), единственное, что осталось у старушки, кроме шляпки. Монахов, потрясенный, машинально ее открыл и закрыл, потрясенный еще больше: земля была старая, тоже как пепел. Эту коробочку она хранила, чтобы быть похороненной в своей земле»[2]. Мотив возвращения в родное имение завершает эпизод похорон, являя собой топос преодоления смерти, преображения каменной земли в родное целое: «Будто бабка знала, что не будет более земли, как в этой коробочке!.. И ведь внесла, последнее, что сделала, внесла единственную живую щепоть на эту глину…»[3].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «криптоусадебная мифология» А. Г. Битова формируется как часть петербургского мифа писателя, его китежской вариации, где пушкинско-гоголевский «живой» и «мертвый» мир («Пиковая дама», «Гробовщик», «Мертвые души») образуют своеобразное двоемирие – гетеротопию усадебно-дачного топоса А. Г. Битова.

Усадьба у А. Г. Битова понимается в пушкинском ореоле как место творчества, открывающее человеку жизнь, расширяющее его сознание в горизонты большого мира. Пространство видимого города, современных Ленинграда и Москвы, приго-

[1] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 143.
[2] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 142.
[3] Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990, с. 147.

родных дачных местностей Токсова и Переделкина, где герой начинает свой духовный поиск, подобно Гамлету Б. Л. Пастернака, проявляет невидимый, целостный ландшафт подлинного мира, возвращающего героя к органическому целому жизни. Этим целым становится вновь обретенный загородный мир дачи, усадебные следы в родном городе, «органическая империя» как ковчег, сохраняющий живую землю будущего мира.

Список литературы / References

Амусин М. Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова. *Вопросы литературы,* 2016, № 1, с. 116–141. EDN: WARCNF

Amusin M. F. Dissimilarity of the close. On the artistic worlds of Yu. Trifonov and A. Bitov. *Russian Studies in Literature*, 2016, no 1, pp. 116–141. (In Russ.) EDN: WARCNF

Башляр Г. *Избранное: поэтика пространства.* Москва: РОССПЭН, 2004. 376 с. EDN: QWGJCT

Bashliar G. *Selected works: Poetics of space.* Moscow: ROSSPEN, 2004. 376 p. (In Russ.) EDN: QWGJCT

Битов А. Г. *Дачная местность. Повести.* Москва: Советская Россия, 1967. 224 с.

Bitov A. G. *Summer cottage area. Stories.* Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1967. 224 p. (In Russ.)

Битов А. Г. *Пушкинский дом.* Анн Арбор: Ardis, 1978. 412 с.

Bitov A. G. *Pushkin house.* Ann Arbor: Ardis, 1978. 412 p. (In Russ.)

Битов А. Г. *Улетающий Монахов: роман-пунктир.* Москва: Молодая гвардия, 1990. 150 с.

Bitov A. G. *The Flying Monakhov: A Dotted Novel.* Moscow: Molodaia gvardia, 1990. 150 p. (In Russ.)

Битов А. Г. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. *Дружба народов,* № 5, 2017. URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html (дата обращения: 05.02.2026).

Bitov A. G. Lessons of Armenia. A Journey to a small country. *Druzhba Narodov*, no. 5, 2017. Available at: https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/5/uroki-armenii.html (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Богданова О. А. Готический модус и криптоусадебная мифология в литературе СССР (А. П. Гайдар и др.). Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 9. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 83–105.

Bogdanova O. A. Gothic mode and crypto-estate mythology in the literature of the USSR (A. P. Gaidar and others). Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, modernity: Monograph,* edited by M. V. Skorokhodov. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 9. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024, pp. 83–105. (In Russ.)

Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного сверхтекста». *Вестник славянских культур*, 2023, т. 69, с. 224–236. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

Bogdanova O. A. Invisible links of the “Estate supertext”. *Bulletin of Slavic Cultures*, 2023, vol. 69, pp. 224–236. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236; EDN: DPNSMQ

Богданова О. А. Феномен «усадебности» и контекстуальный подход к литературной усадьбе начала XXI в. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 157–160. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160; EDN: GQENWG

Bogdanova O. A. The phenomenon of “homesteadness” and the contextual approach to the literary estate of the early 21th century. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, vol. 2, no. 103. 2024, pp. 157–160. (In Russ.) https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-157-160; EDN: GQENWG

Бочаров С. На Аптекарский остров. *Бочаров С. Сюжеты русской литературы*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 535–550.

Bocharov S. To Aptekarsky island. *Bocharov S. Plots of Russian literature.* Moscow: Iazyki russkoĭ kul’tury, 1999, pp. 535–550. (In Russ.)

Дмитриева Е. Е. Артистическая усадьба-коммуна в Ворпсведе: между Германией и Россией. *Русская словесность*, 2020, № 6, с. 37–44. EDN: LWPGPF

Dmitrieva E. E. Artistic commune estate in Worpswede: Between Germany and Russia. *Russkaia slovesnost*, 2020, no. 6, pp. 37–44. (In Russ.) EDN: LWPGPF

Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и хронос. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 11, с. 140–173. https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV

Dmitrieva E. E. Russian country estate: Semantics, Topos and Chromos. *Imagology and comparative studies*, 2019, no. 11, pp. 140–173. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/24099554/11/6; EDN: CUEJOV

Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 19–26. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26; EDN: IZVRGJ

Knorre E. Iu. Neo-mythology of the estate in A. M. Gorky’s novel “The Life of Klim Samgin”. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26; EDN: IZVRGJ

Кнорре Е. Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина). *Новый филологический вестник*, 2023, № 2 (65), с. 109–122. https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109; EDN: VRACXK

Knorre E. Iu. Estate and war in ego-documents of 1918–1922 (Diaries of M. Prishvin and S. Durylin). *The New Philological Bulletin*, 2023, no. 2 (65), pp. 109–122. (In Russ.) https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109; EDN: VRACXK

Кнорре Е. Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н. А. Островского «Как закалялась сталь». *Studia Litterarum*, 2024, т. 9, № 3, с. 328–345. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Knorre E. Iu. Estate-sanatorium and garden city: “happy spaces” in the novel “How the Steel Was Tempered” by N. A. Ostrovsky. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345; EDN: NGAGMM

Смирнова Н. Бродяга. *STORY. Интернет-журнал.* URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/ (дата обращения: 05.02.2026).

Smirnova N. Vagabond. *STORY. Online journal.* Available at: https://story.ru/istorii-znamenitostej/puteshestvie/brodyaga/ (accessed: 05.02.2026). (In Russ.)

Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы: избранные труды.* Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2003. 616 с. EDN: VNJOIJ

Toporov V. N. *The Petersburg text of Russian literature. Selected works.* St Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2003. 616 p. (In Russ.) EDN: VNJOIJ

Тюпа В. И. *Анализ художественного текста.* Москва: Академия, 2009. 336 с. EDN: QTXIYT

Tiupa V. I. *Literary text analysis*. Moscow: Akademiia, 2009. 336 p. (In Russ). EDN: QTXIYT

Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*, перевод с французского Б. М. Скуратова, ч. 3. Москва: Праксис. 2006. 320 с.

Fuko M. *Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews*, translated from French by B. M. Skuratov, part. 3. Moscow: Praksis, 2006. 320 p. (In Russ).

Чхаидзе Е. К. «Россия – преждевременная страна…» Андрей Битов о себе, об Империи, о русском языке и литературе. *Вопросы литературы*, 2019, № 6, с. 117–132. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE

Chkhaidze E. K. “Russia is a premature country…” Andrei Bitov about himself, about the Empire, about the Russian language and literature. *Russian Studies in Literature*, 2019, no. 6, pp. 117–132. (In Russ.) https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-117-132; EDN: ZZPLHE

Шестакова Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина. *Гетеротопии: миры, границы, повествование*: сборник научных статей. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2015, с. 295–306.

Shestakova E. Heterotopies of the city-dacha-resort in the world of I. A. Bunin. *Heterotopias: Worlds, Boundaries, Narration*: Collection of Scientific Articles. Vilnius: Vilnius University, 2015, pp. 295–306. (In Russ.)

Сведения об авторе

Елена Юрьевна Кнорре – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659, Lena12pk@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); доцент кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (д. 6, стр. 1, Лихов пер., 127051 Москва, Россия); **Elena Yu. Knorre** – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, https://orcid.org/0000-0002-3272-8659, Lena12pk@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia); Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Orthodox Saint Tikhon University for the Humanities (6, str. 1, Likhov per., 127051 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 131–138.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 131–138.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10
https://elibrary.ru/owjvla

Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг.

Екатерина Олеговна Яцкив
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
katya.yatskiv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529

Аннотация. Работа посвящена типологии «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. Автор статьи выделяет три типа «дачного топоса»: загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача. Отмечая наличие общих констант (связь с темами памяти, ностальгии, взаимоотношений поколений), автор определяет индивидуальные особенности каждого типа. Для загородной дачи, в советское время взявшей на себя многие функции дореволюционной усадьбы, характерны такие черты, как семейственность, объединяющая судьбы нескольких поколений, доступная транспортная связь с городом, специфические формы досуга и возможность реализации творческого потенциала человека. Внутригородская дача поглощается цивилизацией, чем объясняются борьба за сохранение индивидуальности героев и мотив утраченного рая в произведениях. Приморская дача не является собственностью, а лишь арендуется, следствием чего становится отсутствие ощущения защищенности, обособленности, а описание быта и бытия обитателей курортной дачи приобретает сниженные коннотации.

Ключевые слова: «дачный топос», типология, загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Яцкив Е. О. Типология «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 131–138. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10; EDN: OWJVLA

© Яцкив Е. О., 2026

Typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s

Ekaterina O. Yatskiv
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
katya.yatskiv@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529

Abstract. The article explores typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s. The author of the article identifies three types of the “dacha topos”: the country cottage, the inner-city cottage and the resort (seaside) dacha. Each type includes common features (connection with themes of memory, nostalgia, and intergenerational relationships) and individual features. The country cottage, which in Soviet times performed many functions of a pre-revolutionary estate, has such features as a sense of family uniting the destinies of several generations, accessible transport links to the city, specific forms of leisure and the possibility of achieving person’s creative potential. The inner-city cottage is absorbed by civilization, and this explains the struggle to preserve the individuality of the characters and the motif of the lost paradise. The seaside dacha is not property, but only rented, resulting in a lack of a sense of security, isolation; thus the description of the inhabitants’ life of the seaside dacha acquires derogatory connotations.
Keywords: “dacha topos”, typology, country cottage, inner-city cottage, resort (seaside) dacha
Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/
Для цитирования: Yatskiv E. O. Typology of the “dacha topos” in the prose of Yuri Trifonov in the 1960s and 1970s. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 131–138. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-10; EDN: OWJVLA

Введение

Творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. отличается повышенным интересом к темам города и дачи. Зачастую писатель, противопоставляя городской топос дачному, представленному несколькими типами, характеризует город как место физической и духовной тесноты, несвободы, а дачу – как место обретения гармонии с окружающим миром и с самим собой.

Изображая быт и нравы людей, автор осмысляет и духовную сторону их жизни, особое внимание уделяя психологии интеллигенции, выходя через бытовое в бытийное. Повседневность становится «центральной художественной и нравственно-философской категорией его творчества, синтезирующей бытовое и бытийное содержание жизни»[1].

В «Московских повестях» город подавляет волю человека, удушает его, лишает возможности чувствовать себя свободно. Многие герои Ю. В. Трифонова ощущают тесноту физически. Так, в одной комнате, разделенной на две части ширмой, живут герои повести «Обмен» (1969) – Дмитриевы и их дочь Наташка; со свекровью, мате-

[1] Селеменева М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. *Известия Уральского государственного университета,* 2008, № 59, с. 195. EDN: KIZTXT

рью покойного мужа, делит кров Ольга Васильевна – героиня повести «Другая жизнь» (1973). Теснота физическая порождает тесноту духовную, и человек перестает чувствовать себя свободно в собственном доме рядом с самыми близкими людьми.

Маленьким, давящим на сознание героев комнатам или более просторным, но все же порожденным городской культурой квартирам противопоставлена *дача* как особое пространство, позволяющее стать ближе к природе, снова почувствовать себя свободным и живым.

В монографическом исследовании О. А. Богдановой «Герменевтика литературной усадьбы» дача анализируется как феномен, определяющий специфику русской культуры и ментальности в XX в. По мнению исследователя, в связи с исчезновением владельческой усадьбы в советское время ряд ее функций («единство природы и культуры, хранение семейно-родовой памяти и проч.»[1]) перешли именно к даче, в результате чего с 1920-х гг. формируется *поэтосфера дачи*, а в 1960–70-е гг., когда дачная застройка становится явлением массовым, *дачная культура* наделяется новыми смыслами, приобретая особый флер «романтики индивидуальной предприимчивости»[2]. Дача оказывается местом самовыражения, проявления индивидуальности, пусть и в относительно несвободных условиях (застройка массовая, дача – часть поселка, дачного товарищества, площадь участка небольшая по сравнению с дореволюционной усадьбой). Именно в этот период литература окончательно перестает наделять *дачный топос* негативными коннотациями, что было свойственно, например, Серебряному веку, но определяет его, подобно прежней усадьбе, как «рай на земле». «Раем на земле» дача становится и для многих героев Ю. В. Трифонова, детство которого прошло в Серебряном Бору, в дачном поселке, расположившемся на левом берегу Москвы-реки. Известно, что писатель любил те места, ассоциируя их с самыми счастливыми и беззаботными днями своей жизни.

Основная часть

Дачный топос, как и городской, особенно важен для прозы Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. При этом можно выделить несколько типов дач в произведениях указанного периода: загородная дача, внутригородская дача, курортная (приморская) дача.

Загородная дача – это дом с участком земли, находящийся на территории поселка или дачного кооператива. Такой тип дачи представлен в повестях «Обмен» (1969) и «Другая жизнь» (1973), а также в романе «Старик» (1978). Дача данного типа – настоящее семейное гнездо, родовое владение, объединяющее судьбы нескольких поколений. Так, например, дача в Павлинове («Обмен») была построена руками отца Виктора Дмитриева, главного героя повести. Причем по соседству были расположе-

[1] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 106. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

[2] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 106. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

ны домики его братьев, предложившие родственнику построиться в поселке Красных партизан, считавшемся еще в дореволюционное время дачным местом, добраться до которого прежде можно было конкой от заставы. Сейчас же до Павлинова можно доехать на автобусе, в духоте. Будучи ребенком, Виктор, добиравшийся до Павлинова, с трепетом ждал, когда городские пейзажи сменятся сельскими – с полями, церковью, огородами, запрудами, усеянными фигурами рыбаков. Даже повзрослев, герой с любовью продолжает осматривать изменившиеся с тех давних пор места.

Тяготы транспортного сообщения между городом и дачей отмечены и в повести «Другая жизнь»: «Приезжать на дачу в будни было тяжело…»[1]. Однако Ольга Васильевна, главная героиня произведения, выйдя из электрички и оказавшись в Васильков, каждый раз с наслаждением ощущала, как медленно проходит усталость, какой покой дарует ей окружающий пейзаж. Троллейбусы и электрички помогают и героям романа «Старик» из мира города перемещаться в особый дачный мир. Таким образом, *собственно дача* не оказывается оторванной от городской цивилизации, но становится ее продолжением. Например, Лукьяновы («Обмен») занимаются «модернизацией» дачного домика и усовершенствуют его коммунальные удобства, упрощая жизнь своей родне. Однако в то же время *собственно дача* в творчестве Ю. В. Трифонова не подобна городу, она тесно связана с природным миром. В Павлинове пышным цветом манила сирень, радовали глаз шиповник, бузина, сосны. В сосновом бору стоит домик старика Павла Евграфовича Летунова («Старик»). При этом город все-таки стремится поглотить мир, в котором каждый может приблизиться к естественному ощущению себя и окружающей природы. Виктор Дмитриев замечает, что там, где раньше были луга, теперь – оборудованный пляж с неубранными шезлонгами. Территории дачного поселка в романе «Старик» будут отведены под строительство санатория городского типа.

Дачный топос данной разновидности определяет и специфический досуг героев: рыбалка, купание, прогулки в лесу, собирание грибов. Горожанину все это кажется особенным, экзотическим, возможным только в контексте дачной культуры. В повести «Другая жизнь» герои трапезничают под раскидистыми ветвями садовых деревьев. Виктор («Обмен») вспоминает китайскую игру в маджонг, привезенную дядей, а также совместное прослушивание патефонной музыки всей семьей.

Дача оказывается и местом уединения, дающим возможность реализовать свой творческий потенциал, что вполне соответствует реалиям советского времени. Переделкино и творческая элита, проживавшая в нем, Дунино, Болшево, Комарово – все эти места оказались вдохновляющими для Б. Пастернака, М. Пришвина, М. Цветаевой, А. Ахматовой: «жизнь в дачном доме в Комарово, общение с писателями и поэтами, литературное “наставничество” также стало своеобразным продолжением усадебной традиции»[2].

[1] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 280.

[2] Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А. А. Ахматовой. *Mundo Eslavo*, 2023, № 22, с. 116. https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992; EDN: DIGLUT

Сергей Троицкий («Другая жизнь»), испытывающий особый интерес к теме царской охранки в процессе работы над диссертацией, совершает «внутреннее бегство» – уезжает на дачу в надежде на то, что именно там он сможет реализовать свою главную идею и объяснить в научной работе хитросплетения исторических событий и человеческих судеб. Восстановлением исторической справедливости – созданием записок, посвященных жизни Сергея Кирилловича Мигулина, казачьего командира, красного военачальника времен Гражданской войны, несправедливо признанного изменником, – занимается Летунов («Старик»). Местом творческой встречи становится дачный дом в повести «Долгое прощание» (1971). Московская труппа во время гастролей в Саратове гостит в загородном доме провинциального драматурга Николая Демьяновича Смолянова. Однако творчески созидательное начало здесь нивелировано. Хозяин, принимающий гостей, – драматург второразрядный; актеры, оказавшиеся в доме Смолянова, прекрасно это осознают и даже позволяют себе подтрунивать над ним. Интересно и другое: спустя некоторое время, оказавшись в городе, Смолянов добивается успеха и даже становится популярным автором пьес. Дачное пространство, располагающее к искренности и естественности, обнажающее в человеке интуитивное, не дает посредственности скрыться за маской ложной талантливости, что позволяет сделать город.

Попытки героев осмыслить историческое прошлое напрямую связаны с желанием понять специфику взаимоотношений поколений, а также проанализировать, каким именно способом поколенческая связь может быть сохранена. И Троицкий, и Летунов осознают, что история целого народа крепкими узелками сплетается с историей отдельного человека, а канвой, сохраняющей узор времени, становится память. Возможно, этим и обусловливается стремление героев сохранить знания или воспоминания на бумаге.

В уже упомянутой повести «Долгое прощание» находим второй тип дачного топоса в творчестве Ю. В. Трифонова – внутригородскую дачу или поглощенный разросшимся городом бывший загородный дачный участок. Петр Телепнев, отец главной героини произведения – Ляли, – вместе с семьей поселился в домике, который до революции, вероятнее всего, принадлежал фабричному служащему или чиновнику, не занимавшему особо важного поста. Лексемы «домик», «дачка», использованные Ю. В. Трифоновым для описания дореволюционного этапа в жизни дома, характеризуются пренебрежительной коннотацией. Вероятно, это связано с отношением к дачной культуре в дореволюционную эпоху, когда дача оценивалась как опошленный вариант усадьбы.

В то время, когда Телепневы заняли дом, участок находился за чертой города. Однако сейчас он уже принадлежит Москве, все больше и больше поглощающей естественную, природную среду. Отец семейства, «по профессии мастер-котельщик, по призванию садовод», бережно хранит свой сад, главной ценностью которого оказываются прекрасные георгины: «Особенно богаты были георгины. Ими славился Телепнев по всей Москве. Среди цветоводов так и говорилось – “телепневские геор-

гины", иногда даже просто "телепневские", потому что каждый понимал, о каких цветах речь»[1].

К великому сожалению Петра Телепнева, его детище – чудесный сад, ботаническую ценность, выпестованную за тридцать лет, – грозятся уничтожить вместе с домом, а семью переселить в новое жилье. Борьба за сад, уподобленная войне, становится смыслом жизни Телепнева; из сада, как из «рая на земле», город с его техническим прогрессом и умалением отдельной судьбы, личности старательно выдавливает человека. Как бы уничтоженным садом оказывается и прежняя жизнь Реброва, зятя Телепнева, не сумевшего выстроить собственную карьеру, проявить силу духа, удержать возлюбленную: «Он еще не знал, что и его сад – когда-то тоже вся жизнь – может быть отринут навсегда»[2]. В конце концов город побеждает – сад уничтожают, и на освободившемся месте строят многоэтажку с магазином «Мясо» на первом этаже: «А Москва катит все дальше, через линию окружной, через овраги, поля, громоздит башни за башнями, каменные горы в миллионы горящих окон, вскрывает древние глины, вбивает туда исполинские цементные трубы, засыпает котлованы, сносит, возносит, заливает асфальтом, уничтожает без следа, и по утрам на перронах метро и на остановках автобусов народу гибель, с каждым годом все гуще»[3]. Ребров расстается с Лялей, наконец-то добивается профессионального успеха, но навсегда лишается возможности быть по-настоящему счастливым. Сад души, как и сад с георгинами, вырублен. Быт уничтожил бытие.

Курортная (приморская) дача имеет принципиальное отличие от первых двух типов: она не является собственностью, а лишь арендуется человеком. Следовательно, ощущения домашнего, собственного, родного она лишена. Такой тип дачи представлен в повести Ю. В. Трифонова «Долгое прощание». Четверо молодых людей приезжают в Гагры, где снимают комнату и бунгало, лишенное всяких удобств. Кроме того, «хибарка», как называет ее автор, стоит в саду «особнячка», хозяева которого – богатые люди, собирающие гостей, – с удовольствием угощают молодежь деликатесами. Мир райского блаженства и юношеской бедности (но и счастливой беззаботности) разделены садом, в котором постоянно гуляют хозяйские гости, норовящие приударить за Ольгой – главной героиней произведения, от чьего лица ведется мемуарный нарратив. Если загородная и внутригородская дачи создают ощущение защищенности, уединенности, то бунгало – это практически открытое, незащищенное пространство, не позволяющее его обитателям чувствовать себя как дома.

Ольга остро ощущает невозможность освободиться от назойливого внимания поклонников-южан, особенно пылко проявляющих свои чувства. Атмосфера дома, южный колорит, абхазские пейзажи – все это приобретает привкус пошлости. Жизнь гостей Порфирия Михайловича, арендодателя, представляется утомительной, гул-

[1] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 162.

[2] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 209.

[3] Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 216.

кой, лишенной покоя, тишины, гармонии – они пьют, громко поют песни, танцуют и много едят. Их регулярные посиделки уподобляются вакхическим пирам и пляскам.

Досуг проживающих на приморской даче лишен интеллектуального или творческого начала. Даже попытки Ольги научиться играть в шахматы, которыми увлекался ее возлюбленный, ставший впоследствии мужем, превратились в безуспешные ухаживания со стороны преподавателя, у которого девушка решила взять несколько уроков.

Приморская дача становится и местом зарождения любви главных героев, проявления страсти. Любовному чаду аккомпанирует «одуряющая духота», «пылающее лето». Зародившаяся на морском берегу влюбленность перерождается в серьезное, глубокое чувство уже в Москве.

Выводы

Анализ типологии «дачного топоса» в прозе Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. показывает, что при наличии определенных констант (связь с темами памяти, ностальгии, взаимоотношений поколений) каждый из выделенных типов (загородная дача, внутригородская дача и курортная (приморская) дача) отличается от других по ряду критериев. Если первые два типа во многом принимают на себя характеристики упраздненной в советское время дореволюционной владельческой усадьбы (в миниатюре), то третий с очевидностью соответствует дореволюционной даче как топосу одуряющей праздности, скуки, бесцельного времяпрепровождения, пошлых разговоров и т. п. Не случайно при этом, что первые два типа дачи – владельческие, являющиеся собственностью своих хозяев, а третий – съемное, временное жилье. Представленная типология имеет базовый характер и содержит высокий потенциал для дальнейшего изучения «дачного топоса» в творчестве Ю. В. Трифонова.

Список литературы / References

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, History, Modernity*. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Михаленко Н. В. Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А. А. Ахматовой. *Mundo Eslavo*, 2023, № 22, с. 111–120. https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992; EDN: DIGLUT

Mikhalenko N. V. Estate and dacha topos: Tsarskoe Selo and Komarovo in the life and work of A. A. Akhmatova. *Mundo Eslavo*, 2023, no. 22, pp. 111–120. (In Russ.) https://doi.org/10.30827/meslav.22.25992; EDN: DIGLUT

Селеменева М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. *Известия Уральского государственного университета,* 2008, № 59, с. 195–208. EDN: KIZTXT

Selemeneva M. V. The poetics of everyday life in Yuri Trifonov's urban prose. *Proceedings of Ural State University*, 2008, no. 59, pp. 195–208. (In Russ.) EDN: KIZTXT

Трифонов Ю. В. Долгое прощание. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 131–219.

Trifonov Iu. V. The long farewell. *Trifonov Iu. V. The Collected Works*: In 4 vol., vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 131–219. (In Russ.)

Трифонов Ю. В. Другая жизнь. *Трифонов Ю. В. Собрание сочинений*: в 4 т., т. 2. Москва: Художественная литература, 1986, с. 219–363.

Trifonov Iu. V. Another life. *Trifonov Iu. V. The Collected Works*: In 4 vol., vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, pp. 219–363. (In Russ.)

Сведения об авторе

Екатерина Олеговна Яцкив – младший научный сотрудник, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529, katya.yatskiv@mail.ru, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); Центр русского языка и культуры имени А. Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета (д. 64, ул. Усачева, 119048 Москва, Россия); **Ekaterina O. Yatskiv** – Junior Researcher, Master of Philology, https://orcid.org/0009-0001-4871-5529, katya.yatskiv@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia); Losev Center for Russian Language and Culture, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University (64, ul. Usacheva, 119048 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 139–154.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 139–154.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11
https://elibrary.ru/mhddfw

Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой

Дарья Максимовна Борисова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
borisovadarya2015@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924

Аннотация. Статья посвящена рецепции литературной дачи в прозе советских писателей 1950–1980-х годов – Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой. Предметом исследования стал корпус произведений, посвященных поселку «Советский писатель» (Красная Пахра), где длительное время проживали прозаики. Сопоставление художественных образов дачи у обоих авторов позволило сделать вывод о том, что они видели в своем загородном жилье место вдохновения и творческого труда, «окно в природу», подлинный дом. При этом в произведениях Ю. М. Нагибина поселок часто представал местом столкновения творческой интеллигенции и простых людей, гармоничной природы и уродливой цивилизации; сатирические образы соседей по поселку в прозе Ю. М. Нагибина резко контрастируют с лирическими описаниями пейзажей. В свою очередь В. С. Токарева воссоздает уникальную творческую атмосферу дачного поселка, избегая идеализации его жителей; писательница видит в Красной Пахре прежде всего пространство культурной и исторической памяти.

Ключевые слова: литературная дача, Красная Пахра, Ю. М. Нагибин, «Лунный свет», «Морелон», «А льва жалко…» «Дневник», В. С. Токарева, «Дома стоят дольше, чем люди», «Дом за поселком»

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Борисова Д. М. Литературная дача в прозе Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 139–154. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11; EDN: MHDDFW

Literary dacha in the prose of Yu. M. Nagibin and V. S. Tokareva

Daria M. Borisova
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
borisovadarya2015@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924

Abstract. This article focuses on the representation of the literary dacha in the prose of Soviet writers of 1950s and 1980s Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva. The focus of the study is the writers'

© Борисова Д. М., 2026

works about life in the settlement named “Sovetsky Pisatel” (“Soviet writer”) / (Krasnaya Pakhra / Red Pakhra). The comparison of the artistic image of the dacha in these authors’ works results in the conclusion that prose writers supposed our country houses as a place of creative work and communion with nature. In Nagibin’s works, the settlement often appears as a site of confrontation between the intelligentsia and the common people, and between harmonious nature and disharmonious civilization. Satirical portrayals of the neighbours sharply contrast with the lyrical descriptions of the landscapes. On the other hand, Tokareva recreates the unique creative atmosphere of the settlement but avoids the idealization of its dwellers; the writer sees Krasnaya Pakhra primarily as a space of cultural and historical memory.
Keywords: literary dacha, “Krasnaya Pakhra”, Yu. M. Nagibin, “Moonlight”, “Morelon”, “And I feel sorry for the lion…”, “Diary”, V. S. Tokareva, “Houses last longer than people”, “A house outside the village”
Acknowledgments. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P “Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal” (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/
For citation: Borisova D. M. Literary dacha in the prose of Y. M. Nagibin and V. S. Tokareva. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 139–154. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-11; EDN: MHDDFW

Введение

Дача как историко-культурное и литературное явление привлекла внимание исследователей в 2000-е гг. В это время увидели свет труды В. Г. Щукина[1], Ст. Ловелла[2], коллективная монография “The Dacha Kingdom”[3]. Системное изучение литературной дачи началось в рамках проектов ИМЛИ РАН «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (2018–2020, рук. О. А. Богданова) и «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (2022–2024, 2025–2026, рук. О. А. Богданова). За это время были опубликованы статьи о писательских дачах в Крыму[4], Тарусе[5], Комарове[6], дачном топосе в творчестве А. М. Горького[7], М. И. Цветаевой[1], В. В. Маяковского[2],

[1] Щукин В. Г. *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей.* Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с. EDN: QSTQYL

[2] Ловелл Ст. *Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000*, перевод с английского Л. Г. Семеновой. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

[3] *The dacha kingdom: Summer dwellers and dwellings in the Baltic area*; edited by N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3. 509 p. Available at: https://litusadba.imli.ru/sites/default/files/thedachakimgdom.pdf (accessed: 10.01.2026).

[4] Богданова О. А. К истории крымских «литературных гнезд» начала XX века: письма В. Л. Комаровича к М. А. Волошину. *Автобиография*, 2018, № 7, с. 63–71. EDN: YSAEAH

[5] Скороходов М. В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 172–176. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176; EDN: EQUPLO

[6] Михаленко Н. В. Станция «Ахматовка» – место творческого притяжения. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 177–180.

[7] Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги»). *Русистика без граници (Болгария)*, 2020, т. IV, кн. 3, с. 59–66.

Ю. В. Трифонова[3], Ю. В. Мамлеева[4] и др. Теоретическим аспектам исследования посвящены работы О. А. Богдановой[5] и М. В. Скороходова[6]. В научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» вышла монография О. А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.» (2019) и коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (2024). Изучение литературной дачи логически продолжило литературоведческое усадьбоведение: в советскую эпоху дача превратилась в субститут усадьбы, став местом вдохновения и творческого труда, «окном» в природу и народную жизнь, пространством культурной и исторической памяти, родовым гнездом.

Знаковым явлением советского времени стали писательские поселки, создававшиеся в целях поощрения литераторов и контроля за ними. В 1920-е гг. возникает дачный кооператив для работников Академии наук и искусства (РАНИС) (Николина Гора). В 1930-е гг. появляются «Городок писателей» в Переделкине[7] и «Московский писатель» во Внукове[8], в 1950-е строятся «Советский писатель» (Красная Пахра) и дачи деятелей науки и искусства в Комарове (бывших Келломяках). Элитарный статус места, особняки с большими, по меркам рядовых советских граждан, земельными участками, наличие «обслуги» в виде домработниц, шоферов, поселковых рабочих или «шабашников» из местных жителей – все это сближало писательские дачи с владельческими усадьбами дореволюционного прошлого.

---

[1] Акимова М. С. «Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой. *Вопросы культурологии*, 2018, № 12, с. 51–61.

[2] Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского. *Литературный факт*, 2022, № 3 (25), с. 233–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251; EDN: DVWYWG

[3] Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 47–51. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51; EDN: WWWOMV

[4] Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX– XXI вв.: случай Юрия Мамлеева. *Studia Litterarum*, 2023, т. 8, № 2, с. 200–219. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219; EDN: EETZBN

[5] Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 2022, т. 7, № 3, с. 10–29. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29; EDN: IEZXEY; см. также: Богданова О. А. «Дачный топос» в русской литературе XIX–XXI вв.: генезис и эволюция. *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения*: коллективная монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 474–489. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489; EDN: HCSYSD

[6] Скороходов М. В. От литературной усадьбы к литературной даче (на материале русской литературы XX – начала XXI в.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 156.

[7] Основан постановлением Совнаркома «О строительстве “Городка писателей”» от 19 июля 1933 года.

[8] ДСК «Московский писатель» был образован в 1934 году Постановлением № 2408 президиума Московского областного исполнительного комитета советов РК и КД от 1 декабря 1934 года «Об отводе из квартала 114 Внуковского Леспромхоза при ст. Внуково, Западной железной дороги, Кунцевского района, участка площадью 50 га под дачное строительство РЖСКТ “Московский писатель”».

Одним из самых известных поселков творческой интеллигенции стал дачно-строительный кооператив «Советский писатель». В книге «Взлет и падение “Советского писателя”» (2013) А. А. Ганулич выделил в истории поселка несколько этапов.

1. «Рождение (1952–1961)». К концу периода «поселок сложился, обзавелся всей необходимой инфраструктурой»[1]. В число первых писателей-дачников вошли К. М. Симонов, В. С. Розов, П. Г. Антокольский, Ю. М. Нагибин.

2. «Расцвет (1961–1970)». В 1960-е гг. в Красной Пахре приобрели дачи Ю. В. Бондарев, В. Ф. Тендряков, А. Т. Твардовский, Ю. В. Трифонов. «Такой состав новых членов <…> не мог не отразиться на поселковой жизни. Она была, пожалуй, гораздо вольнолюбивей, чем жизнь в Москве или в стране в целом»[2]. В поселок часто приезжали поэты-шестидесятники А. А. Вознесенский и Е. А. Евтушенко, барды Б. Ш. Окуджава, М. Л. Анчаров, Е. И. Клячкин; Б. А. Ахмадулина 8 лет прожила на даче своего супруга Ю. М. Нагибина (1961–1969), а после развода с ним приезжала в гости к переводчику В. М. Россельсу.

3. «Застой (1972–1985)». В этот период уходит из жизни ряд крупных деятелей науки и искусства: Р. Л. Кармен, П. Г. Антокольский, К. М. Симонов, Ю. В. Трифонов, В. С. Высоцкий, А. Я. Каплер, В. З. Масс. «Их уход не просто обеднил прозу, поэзию, кинематографию, он послужил толчком к изменению атмосферы поселка, стал началом наследственных споров, разделения паев и участков между наследниками, массовой продажи дач»[3].

4. «Агония (1985–2011)»[4]. В 1990-е гг. приватизация, потеря писателями привилегий и их обнищание привели к тому, что из писательского поселок превратился в «просто» элитный; многие дома были проданы и снесены, новая застройка значительно изменила вид поселка и окружающего ландшафта.

Прежний облик «Советского писателя» сохранился только на старых фотографиях и на страницах книг. В Красной Пахре, в отличие от Переделкина, не было создано мемориальных музеев, позволивших сохранить писательские дачи вместе с обстановкой. Разной оказалась и судьба архивов: часть перешла в фонды Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), часть – продолжает храниться у родственников.

Основная часть

За время существования поселка сложился корпус документальных, художественных и публицистических текстов о Красной Пахре, конечно, несколько уступающий переделкинскому по объему и степени изученности. Перечислим лишь наиболее известные из них. Жизнь в «Советском писателе» отражена в дневниках А. Т. Твардовского и Ю. М. Нагибина, «Записках соседа» (1972) Ю. В. Трифонова, воспоминаниях В. С. Розова («Удивление перед жизнью», 2000), В. С. Токаревой («Между прочим…», 2023), современных писателей, выросших в поселке –

[1] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 24.
[2] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 156.
[3] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 262–263.
[4] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 362.

А. В. Масс («Вахтанговские дети», 2005; «Писательские дачи. Рисунки по памяти», 2012), Д. А. Симукова («Обратный отсчет. Записки ин'язовца», 2010), Д. В. Драгунского («Подлинная жизнь Дениса Кораблёва», 2023). Большой интерес представляет вышеупомянутая книга А. А. Ганулича «Взлет и падение "Советского писателя"» (2013), написанная на стыке мемуаристики и краеведения. Из художественной литературы стоит выделить произведения Ю. М. Нагибина («Лунный свет», 1979; «Морелон», 1980; «А льва жалко…», «Рассказ синего лягушонка», 1991), Д. В. Драгунского («Нет такого слова», 2009), К. В. Драгунской («Заблуждение велосипеда», 2010), В. С. Токаревой («Дома стоят дольше, чем люди», 2017; «Дом за поселком», 2018).

Настоящее исследование посвящено литературному наследию Ю. М. Нагибина (1920–1994) и В. С. Токаревой (р. 1937). Ю. М. Нагибин был старожилом поселка, лично знал многих советских классиков, стал свидетелем всех эпох Красной Пахры; В. С. Токарева успела застать «расцвет» «Советского писателя», но собственную дачу смогла приобрести уже в период его «агонии». В наши дни Виктория Токарева остается одним из последних хранителей памяти и традиций знаменитого писательского поселка.

Юрий Маркович Нагибин узнал и полюбил загородную жизнь еще в детские годы. Памятная писателю дача около подмосковной деревни Акулово отразилась в документальных «Воспоминаниях» (1969), цикле рассказов «Лето моего детства» (1969, второе название – «Лето»), предисловии к «Московской книге» (1985), повести «Встань и иди» (1987). По собственному признанию, именно там он проникся красотой и таинственностью природы; затопленная при строительстве водохранилища дача представляется рассказчику затонувшей Атлантидой, символом незабываемого и невозвратимого детства.

В 1950-е гг. к писателю пришла литературная известность, а после и сценаристская – эта деятельность приносила значительные гонорары. Ю. М. Нагибин приобрел пай в дачно-строительном кооперативе и построил дом на Южной аллее Красной Пахры. В 1956 г. он записывает в дневнике: «Живу на даче, гляжу на сосны, наверное, это и есть счастье, но я так не привык к счастью, что чувствую себя здесь словно на чемоданах»[1]. Вскоре дача становится для писателя вторым домом – с годами он проводит все больше времени в подмосковном поселке, живя там практически круглогодично. В 1960-е гг. для своей жены Беллы Ахмадулиной писатель возводит второй этаж: «чтобы ей было уютнее писать стихи, сидя в "скворечнике", созерцая мир сверху»[2]. Последняя его супруга, Алла Григорьевна Нагибина, с которой писатель прожил четверть века (1969–1994), «превратила дачу <…> в самый стильный дом поселка»[3]. Активное участие в преображении интерьера принимал и сам писатель: «дом был полон антиквариата, ценных картин, миниатюр, но при этом нисколько не напоминал музей, а создавал ощущение уюта»[4].

[1] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 122.

[2] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 115.

[3] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 122–123.

[4] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 123.

Удобство и комфорт загородного дома были для писателя принципиальными, хотя в путешествиях и на охоте он спокойно мирился с бытовыми неудобствами. У «барина», как часто называли Ю. М. Нагибина, служили домработница и даже личные шоферы. На участке рос сад, за которым ухаживала мать писателя – Ксения Алексеевна. У Нагибиных постоянно жили питомцы – кошки и собаки. Последние пользовались особой любовью писателя, сопровождали его на охоте и прогулках, становились героями его произведений. Из соседей писатель общался с П. Г. Антокольским, Ю. В. Трифоновым, В. Ф. Тендряковым, Э. Я. Володарским, М. А. Светловым; принимал на даче гостей, любил широкие и шумные застолья. Однако «содружество муз» в «Советском писателе» вызывало у Ю. М. Нагибина двойственные чувства. В дневниках писателя периодически встречаются резкие характеристики соседей; нередки признания, что дачное общество вызывает раздражение и усталость, а «персонал» поселка возмущает «плебейским» поведением. А. А. Ганулич объясняет это тем, что по характеру Ю. М. Нагибин «был выраженным индивидуалистом <…>. Людей, в отличие от животных, Юрий Маркович, нужно признать, не жаловал. Это касалось и коллег по писательскому цеху, и простого люда»[1]. Отметим, что двойственное отношение к писательскому поселку объяснялось не только характером писателя, но и его внутренним неприятием пороков советской литературной жизни (конъюнктуры; «лакировки» действительности; выдвижения малоталантливых, но партийных и тенденциозных авторов). После кончины Юрия Нагибина вдова продала большую часть участка с домом; новые хозяева снесли дачу, и теперь о писателе в поселке напоминает только улица, носящая его имя.

Образ «Советского писателя» в творчестве Ю. М. Нагибина сложен и амбивалентен. В рассказе «Морелон» (1980) дачный поселок показан как место соприкосновения города и деревни, интеллигенции и простого народа. И те, и другие описаны Ю. М. Нагибиным с нескрываемой иронией: с одной стороны – беспомощность в быту, отсутствие привычки к физическому труду и легковерность, с другой – лень, пьянство, привычка полагаться на «авось», вечное стремление хоть в чем-то да обмануть городских «простаков». «Поселок оброс, как пень грибами, разными умелыми людьми, которые могли “выручить”. <…> По правде, эти люди мало что умели, но брались решительно за все»[2]. Воплощением всех пороков таких «умельцев» становится жалкий и смешной «никчемный человек»[3] по прозвищу Морелон. Все его «мастерство» состоит в умении выпрашивать деньги и сбывать дачникам не нужные им вещи. В поселке этого нахлебника почему-то терпят, а знаменитый Писатель даже делает своим собутыльником. Размышляя над этим феноменом, рассказчик задумывается: «А ведь недаром провел он столько часов с покойным Писателем. <…> Морелон умел слушать молчание Писателя. <…> Он научился чему-то более важ-

[1] Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя»*. Москва: Аграф, 2013, с. 116–120.

[2] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 395.

[3] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 396.

ному, чем всякая ручная работа»[1]. Герой начинает чувствовать к «никчемному человеку» интерес и уважение, впервые называет его не по прозвищу, а по имени-отчеству. Но братского единения интеллигенции и народа не происходит: «Тишина. Затем тихо и сумрачно донеслось: – Ну, чего тебе еще?..»[2].

В рассказе «А льва жалко…» (1991) «Советский писатель» – место столкновения природы и мира людей. Дачное общество, представляющее цивилизацию в миниатюре, становится объектом едкой сатиры. Приезд в поселок знаменитого ручного льва Чанга[3] задуман как торжество гуманизма, праздник дружбы людей и животных, но встреча с четвероногой «кинозвездой» только показывает, как «жалки и бессильны <…> дети человеческие»[4] перед царственным зверем. Праздник выявляет худшие стороны творческой интеллигенции: эгоизм, тщеславие, позерство, лицемерие и корыстолюбие. Перед читателем проходит ряд злых и пристрастных карикатур на жителей поселка: «витии» Антокольский и Кирсанов, «умеющие слушать лишь себя», самовлюбленные «прозаические первачи», «близкий и желанный любому начальству» «перестраховщик»[5] Симонов. Сочувствие рассказчика вызывает только лев, утомленный бесконечными киносъемками и вниманием людей: «он лежал посреди сада, свободный, никем не охраняемый, грозный царь пустыни, символ той могучей силы, имя которой природа, чьи последние бастионы разрушает человек, дабы прекратить жизнь во Вселенной»[6]. Повествователь предчувствует неминуемую трагическую развязку: люди, поверившие в свое всемогущество, забывают о древней мощи природы и расплачиваются за свою самонадеянность.

Собственная дача и окрестные леса – место обретения вдохновения, напряженного, но радостного творческого труда. В рассказе «Река Гераклита» (1984) автобиографический герой отмечает, что «два-три часа <…> в лесу» играли ключевую роль в творчестве: «Здесь, а не за письменным столом, происходила главная работа сочинительства. И вовсе не потому, что исхоженный вдоль и поперек лес помогал внутренней сосредоточенности, а потому что он меня все время будоражил, загадывал разные загадки и тем поощрял душевную работу <…>»[7]. Ежедневное «погружение в неведомое»[8] так захватывало рассказчика, что летом он нередко отказывался от путешествий – «слишком жадно работается и хорошо думается»[9]. В «Лунном свете» (1979) зимняя дача дает герою уединение и покой, необходимые для упорной

[1] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 404.
[2] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 2. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 404.
[3] Прототипом стал знаменитый лев Кинг I, живший в семье Берберовых (в рассказе – Бедуинских).
[4] Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998, с. 422.
[5] Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998, с. 433–434.
[6] Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998, с. 431.
[7] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.
[8] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.
[9] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 3. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 529.

работы над словом, не знающей выходных и отпуска. Красота и тишина зимнего дня противопоставлена равнодушной к этой «нежной дремлющей благодати» «мировой суете», «неумолимым посланцем»[1] которой оказывается приезжий журналист. Отметим, однако, что дачный пейзаж меняется по мере развития сюжета: после «страшного» рассказа гостя и наступления лунной ночи знакомые места кажутся пугающими и мистическими.

В фантастическом «Рассказе синего лягушонка» (1991), посвященном Алле Нагибиной, дача – идиллический топос, место, где царствуют любовь и гармония. Главный герой после смерти утратил человеческий облик, но не смог полностью забыть о прежней жизни. Из самого светлого ее периода – времени позднего супружеского счастья – рассказчику вспоминаются именно дачные картины: «Я видел <…> террасу в дождливый день исхода августа. <…> Заросший, в туманной влаге сад походил на морское дно. <…> Казалось, вот-вот сквозь боярышник, рябину и яблони поплывут большие рыбы с жалобными ртами <…>. Алиса лежала на тахте, к ней приставал щенок эрдель, требуя, чтобы его почесали»[2]. Образ дачи, погрузившейся на морское дно, как бы продолжает изображение затопленного акуловского дома – прежнее счастье для героя недостижимо.

Превращение, лишившее героя привычного облика и «нормального» человеческого существования, дало ему возможность посмотреть на прошлое со стороны. Когда-то рассказчик и его жена любили путешествовать и жадно искали новых впечатлений. Лишь под конец жизни супруги перестали «слоняться по миру»: «куда увлекательнее оказалось непрекращающееся путешествие друг к другу»[3]. После перевоплощения герой с удивлением осознает, что прежние яркие впечатления поблекли, а привычная загородная жизнь предстала в ином свете: «в нашей долгой жизни с Алисой – мы и серебряную справили – было столько Берендеевых лесов, столько Средиземноморья, островов, лагун, столько храмов и старинных городов, дивной музыки и нетленной живописи, а образом счастья оказался мокрый сад, терраса и длинные пальцы, погруженные в жесткие завитки эрдельей шерсти»[4]. Дачная повседневность и связанные с ней традиции и ритуалы – игры с собакой, прятки в доме – становятся символом гармоничной, основанной на подлинной любви жизни. Не случайно рассказчик-фантаст, узнав любимую в образе косули, играет с ней в прятки в лесу – для героя это не пустая забава, а связь с прошлым.

Сложное, амбивалентное отношение Ю. М. Нагибина к дачному топосу нашло отражение в его последней книге – «Дневнике» (1994). Записи 1942–1986 гг., собранные в единую книгу незадолго до смерти автора, охватывают практически весь период его жизни в «Советском писателе». Лейтмотивом «Дневника» становится противопоставление природы и общества. Дача предстает местом, где на фоне есте-

[1] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 318.
[2] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 291.
[3] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 283.
[4] Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020, с. 291–292.

ственной красоты и гармонии бушуют человеческие страсти, присущие и самому повествователю: «Как все прекрасно и трогательно в мире природы, как все грязно и мерзко в мире людей!»[1]. В то же время именно загородная жизнь дает выход из плена этих страстей. Саркастический тон рассказчика, резко критикующего соседей по поселку и себя самого, в описании картин природы сменяется лирическим и восторженным: «Сколько раз хожу на это место, и всякий раз по-новому ему радуюсь. Какая неисчерпаемость в этом скудном пейзаже!»[2]; «Начало июня. Каждый день совершаю изумительные прогулки в лес. Места, открытые зимой, предстали в своем летнем, еще более прекрасном обличье. Боже, до чего же там хорошо! <…> И все, что ни видишь, поражает до слез, до спазма»[3]. Даже в собственном саду может явиться подлинное чудо: солнце, «сказочно» осветившее стайку воробьев, превращает их в загадочных райских птиц[4]. Соприкосновение с природой, окружающей дачу, исцеляет и облагораживает душу. Прогулки по окрестностям способны примирить рассказчика с жизненными трудностями и с самим собой: «Да, необыкновенно хорошо было в лесу. Я шел и подводил итоги своей жизни и неожиданно остался доволен ею. В наше чудовищное время я жил почти как хотел, это, конечно, чудо. И грех мне сетовать на малые неудачи»[5].

Виктория Самуиловна Токарева (р. 1937) впервые побывала в Красной Пахре в 1963 г. Начинающая писательница приехала на слет молодых талантов, проходивший в соседнем Доме отдыха Минспецмонтажстроя. Руководитель семинара – Георгий Семенов – познакомил ее с Юрием Нагибиным. Эта встреча запомнилась В. С. Токаревой на всю жизнь: «Нагибин уже читал мой первый рассказ “День без вранья”. Он сказал: “Пишут все, а она – писатель”. <…> Душа моя была полна счастьем. Представляете, такое о себе услышать?»[6]. Впоследствии Ю. М. Нагибин напишет предисловие к дебютному сборнику рассказов В. С. Токаревой «О том, чего не было» (1969), высоко оценив талант молодого прозаика. Первое впечатление от посещения поселка, несомненно, повлияло на ее отношение к «Советскому писателю». С 1977 г. В. С. Токарева около 10 лет снимала там комнату у вдовы Виктора Драгунского. В 1990 г. писательница приобрела участок у наследников Павла Антокольского и построила двухэтажный кирпичный дом, исполнив давнюю мечту – поселиться в полюбившемся месте.

Долгое время В. С. Токарева не планировала делать поселок «героем» своих произведений: «Боже упаси. Писать о соседях – значит наживать себе врагов»[7]. Только со второй половины 2010-х гг. стали выходить книги, включающие рассказы и очерки о жизни в «Советском писателе» – «Дома стоят дольше, чем люди» (2017),

[1] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 161.
[2] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 169.
[3] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 170.
[4] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 126.
[5] Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996, с. 222.
[6] Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14.
[7] Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14.

«Дом за поселком» (2018), «Ничем не интересуюсь, но все знаю», «Между прочим…» (2023).

Загородная жизнь в собственном доме представляется писательнице идеалом гармоничного, спокойного и независимого существования, необходимым условием полноценного творчества. «Я очень люблю свой дом. И куда бы я ни приходила, мне везде кажется неуютно. <…> Меня мой дом обнимает, как любимый человек. Хочется оставаться в его объятьях и не двигаться»[1], – признается рассказчица («Эльдар Рязанов»). В книгах В. С. Токаревой дача неоднократно сравнивается с райским садом. Например, в рассказе «Карантин» (2021) уютный дом с большим участком кажется раем по сравнению с «адом» тесной и шумной городской квартиры. Испытания нового времени только подтверждают жизнестойкость дачной модели существования: во время пандемии дача дает рассказчице чувство защищенности от пугающего и непонятного окружающего мира.

Рассказывая о знаменитых соседях, В. С. Токарева не идеализирует ни советское прошлое поселка, ни его обитателей – даже тех, кто восхищает своим талантом и почеловечески симпатичен автору. Поглощенность поэтическими и любовными переживаниями делает Антокольского по-детски эгоистичным («Дом Павла Антокольского»), богемная жизнь Ю. М. Нагибина и Б. А. Ахмадулиной становится саморазрушением («Юрий Нагибин»); бурные романы, семейные конфликты, алкогольная зависимость сопровождают многих писателей и артистов. Соседство творческих людей с непростыми характерами неизбежно порождает ревность, ссоры и сплетни («Эльдар Рязанов»). При этом в книгах писательницы нет столь резкой, уничтожающей критики, как у Ю. М. Нагибина. Рассказчица стремится к пониманию и приятию талантливых соседей со всеми их слабостями и недостатками, тем более, что многие из них были для писателей ее поколения уже классиками. Писательница любовно воссоздает уникальную творческую атмосферу поселка, в котором «проживал цвет советской литературы. <…> Каждое имя – бриллиант»[2]. Она видит в Красной Пахре прежде всего пространство культурной и исторической памяти.

Присутствие одухотворенных творческих личностей, любовь и забота их жен преображают дома: писательские дачи сами «одухотворяются» и персонализируются, изменяются вместе с хозяевами. Великолепный дом Ю. М. Нагибина не только гармонировал с обликом своего хозяина – дворянина по происхождению, красавца и щеголя, – но и нес на себе отражение обретенного семейного счастья писателя. Алла Нагибина не только «перестроила», но и «как бы зачеркнула прежний дом»[3], в котором когда-то шла беспорядочная богемная жизнь («Юрий Нагибин»). Дача Э. Я. Володарского со стеклянными дверьми похожа на «театральную декорацию к сказке»; рассказчице кажется, что «воры просто не смели вторгаться в это доверие и

[1] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 106.
[2] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 83.
[3] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 144.

красоту»[1] («Эдуард Володарский»). Дом М. В. Мироновой и А. С. Менакера напоминает размерами то ларек, то будку – но его простота и изысканность отвечают артистизму и прекрасному вкусу владельцев: «известно, все талантливое просто». В. С. Токарева особо отмечает, что при строительстве старались сохранить великолепные сосны («Дом за поселком»)[2].

После смерти писателей и артистов их дачи нередко становились не только памятными, но и мистическими, сакральными местами. Великолепный кабинет в доме Нагибиных бесценен не только из-за красоты обстановки, обилия бронзы и ценного дерева – важнее всего то, что «в этих креслах сидел Юрий Маркович Нагибин – великий, как Вольтер, и жонглировал словами, как золотыми шарами. И они до сих пор летают в пространстве»[3] («Юрий Нагибин»). Небольшой домик, принадлежавший Марии Мироновой и Александру Менакеру, кажется «намоленным, как маленькая церковь», в нем словно навсегда «застряли» «время, мысль и молодость талантливых людей»[4]. У рассказчицы неоднократно возникало впечатление, что покойная хозяйка строго следит за судьбой своей дачи и может наказать тех, кто покушается на фамильное добро («Дом за поселком»). Рано умерший Владимир Высоцкий, напротив, не успел обжить свою дачу – и «новый дом, выстроенный для счастья, превратился в дом скорби»[5].

Подлинной трагедией для поселка становится скупка земли и снос писательских дач богатыми людьми, поднявшимися в 1990-е гг. Старая интеллектуальная элита сменяется новой буржуазной – малокультурными, но практичными «нуворишами», превыше всего ценящими материальные блага и престиж. Дорогим домам новых богачей не суждено стать подлинными семейными и культурными гнездами, поскольку в их созидание не вложены вдохновение и любовь. Отстроив и продав дачу, надменная и расчетливая бизнес-леди Фрида вскоре умирает («Дома стоят дольше, чем люди»). Финский дом, выстроенный на месте «артистической» дачи Мироновых, пустует: семья, для которой предназначался коттедж, распалась. Покупателей на дорогой дом не находится, и он превращается в обузу для владельцев («Дом за поселком»). Дачи «нуворишей», благополучно устроившихся в поселке, остаются лишь сомнительным памятником «лихим девяностым» и непомерным амбициям хозяев, выбившихся «из грязи в князи».

Прежний писательский поселок уходит в прошлое вместе с ветшающими дачами и последними старожилами. «Советские писатели вымерли, как мамонты», – с грустной иронией замечает рассказчица, вспоминая, как некий турист разыскивал «дом потомков Токаревой», – «видимо, <…> думал, что Токарева жила во времена

[1] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки*. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 180–181.

[2] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 111.

[3] Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017, с. 149.

[4] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 136.

[5] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 191.

Жорж Санд»[1]. Но и в изменившемся до неузнаваемости поселке ощущается незримое присутствие его жителей: «Земля под ногами до сих пор слышит их шаги. Их мысли до сих пор витают в атмосфере»[2]. Писатели и артисты становятся добрыми гениями, хранящими поселок.

Выводы

Сопоставив образ литературной дачи в произведениях Ю. М. Нагибина и В. С. Токаревой, мы выяснили следующее.

1. Писатели совпадали в оценке дачи как места творческого труда и подлинного – в отличие от городской квартиры – дома; видели в наличии собственного загородного жилья источник свободы, вдохновения, гармонии с миром и самим собой. При этом отношение прозаиков к другим дачникам и общей атмосфере Красной Пахры оказывается диаметрально противоположным.

2. В произведениях Ю. М. Нагибина местное общество предстает дисгармоничным и нездоровым; на фоне прекрасной природы резче выступают как общечеловеческие пороки (эгоизм, лицемерие, пьянство), так и проявления худших сторон советской литературной жизни (конъюнктурность, отсутствие гражданского мужества).

3. В. С. Токарева, не идеализируя своих героев, стремится к объективности, к пониманию и принятию сложности талантливых людей; соседство незаурядных личностей и творческая атмосфера «Советского писателя» выписаны в книгах автора любовно и подробно. Дисгармонию и разрушение приносят в поселок новые дачники – малокультурная и бездуховная буржуазная элита 90-х.

4. Различия в изображении местного общества объясняются не только разницей авторского миропонимания и идиостиля, но и временной дистанцией. Многие соседи по поселку для поколения В. С. Токаревой были классиками; драматические перемены рубежа веков также способствовали оценке «Советского писателя» как уникального пространства культурной и исторической памяти

Список литературы / References

Акимова М. С. «Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой. *Вопросы культурологии*, 2018, № 12, с. 51–61.

Akimova M. S. “Suburban topos” in the works of Marina Tsvetaeva. *Issues of Cultural Studies*, 2018, no. 12, pp. 51–61. (In Russ.)

Богданова О. А. «Дачный топос» в русской литературе XIX–XXI вв.: генезис и эволюция. *Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения*: коллективная монография. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 474–489. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489; EDN: HCSYSD

[1] Токарева В. С. *Ничем не интересуюсь, но все знаю: рассказы.* Санкт-Петербург: Азбука, 2023, с. 50.

[2] Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018, с. 198.

Bogdanova O. A. “Country topos” in Russian literature of the XIX–XXI centuries: Genesis and evolution. *Estate and dacha in the literature of the Soviet era: Losses and gains*: Collective monograph. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor’kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024, pp. 474–489. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-474-489; EDN: HCSYSD

Богданова О. А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева. *Studia Litterarum*, 2023, т. 8, № 2, с. 200–219. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219; EDN: EETZBN

Bogdanova O. A. The “dacha myth” in Russian literature of the turn of the 20th–21st centuries: The case of Yuri Mamleev. *Studia Litterarum*, 2023, iss. 8, no. 2, pp. 200–219. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-2-200-219; EDN: EETZBN

Богданова О. А. К истории крымских «литературных гнезд» начала XX века: письма В. Л. Комаровича к М. А. Волошину. *Автобиография*, 2018, № 7, с. 63–71. EDN: YSAEAH

Bogdanova O. A. On the history of the Crimean “literary nests” at the beginning of the 20 century: Letters from Vasilii Komarovich to Maksimilian Voloshin. *Autobiography*, 2018, no. 7, pp. 63–71. (In Russ.) EDN: YSAEAH

Богданова О. А. Усадьба и дача в драматургии А. М. Горького 1900-х гг. («Дачники», «Дети солнца», «Враги»). *Русистика без граници (Болгария)*, 2020, т. IV, кн. 3, с. 59–66.

Bogdanova O. A. Estate and dacha in the dramaturgy of A. M. Gorky in 1900s (“Dacha dwellers”, “Children of the sun”, “Enemies”). *Russian studies without borders (Bulgaria)*, 2020, vol. IV, book 3, pp. 59–66. (In Russ.)

Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография*, ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 1. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 288 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

Bogdanova O. A. *Estate and dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries: Topics, dynamics, mythology*. Series: Russian estate in a world context, iss. 1. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor’kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2019. 288 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 2022, т. 7, № 3, с. 10–29. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29; EDN: IEZXEY

Bogdanova O. A. Formation of the research thesaurus in study of the phenomenon of dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 3, pp. 10–29. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29; EDN: IEZXEY

Ганулич А. А. *Взлет и падение «Советского писателя».* Москва: Аграф, 2013. 384 с.

Ganulich A. A. *The rise and fall of the “Soviet writer”.* Moscow: Agraf, 2013. 384 p. (In Russ.)

Ловелл Ст. *Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000*, перевод с английского Л. Г. Семеновой. Санкт-Петербург: Академический проект: ДНК, 2008. 347 с.

Lovell St. *Summerfolk: A history of the dacha, 1710–2000*, translated from English by L. G. Semyonova. St Petersburg: Akademicheskii proekt: DNK, 2008. 347 p. (In Russ.)

Масс А. В. *Писательские дачи. Рисунки по памяти*. Москва: Аграф, 2012. 448 с.
Mass A. V. *Writer's dachas. Drawings from memory.* Moscow: Agraf, 2012. 448 p. (In Russ.)

Михаленко Н. В. Поэтосфера дачи в творчестве В. В. Маяковского. *Литературный факт*, 2022, № 3 (25), с. 233–251. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251; EDN: DVWYWG
Mikhalenko N. V. The poetosphere of the dacha in V. V. Mayakovsky's works. *Literary Fact*, 2022, no. 3 (25), pp. 233–251. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251; EDN: DVWYWG

Михаленко Н. В. Станция «Ахматовка» – место творческого притяжения. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 177–180.
Mikhalenko N. V. "Akhmatovka station" is a place of creative attraction. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), pp. 177–180. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Дневник.* Москва: Книжный сад, 1996. 704 с.
Nagibin Iu. M. *Diary.* Moscow: Knizhny sad, 1996. 704 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Лунный свет: повести и рассказы*. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 448 с.
Nagibin Iu. M. *Moonlight: Novellas and stories.* Minsk: Vysheyshaia Shkola, 1986. 448 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Над пропастью во лжи.* Москва: Подкова, 1998. 520 с.
Nagibin Iu. M. *Over the abyss in lies.* Moscow: Podkova, 1998. 520 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *О любви. Слезы и жизнь…* Москва: Подкова, 1997. 528 с.
Nagibin Iu. M. *About love. Tears and life…* Moscow: Podkova, 1997. 528 p. (In Russ.)

Нагибин Ю. М. *Собрание сочинений*: в 7 т. Москва: Терра, Книжный клуб Книговек, 2020.
Nagibin Iu. M. *Collected works*: In 7 vol. Moscow: Terra, Knizhnyi klub Knigovek, 2020. (In Russ.)

Скороходов М. В. От литературной усадьбы к литературной даче (на материале русской литературы XX – начала XXI в.). *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 156.
Skorokhodov M. V. From literary estate to literary dacha (on the material of Russian literature of the XX – early XXI centuries). *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), p. 156. (In Russ.)

Скороходов М. В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2024, № 2 (103), с. 172–176. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176; EDN: EQUPLO
Skorokhodov M. V. Konstantin Paustovsky's life in Tarus: In search of harmony. *Scientific notes of Orel State University*, 2024, no. 2 (103), pp. 172–176. (In Russ.) https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176; EDN: EQUPLO

Токарева В. С. *Дом за поселком: рассказы и очерк.* Санкт-Петербург: Азбука, 2018. 253 с.
Tokareva V. S. *A house beyond the village: Stories and an essay.* St Petersburg: Azbuka, 2018. 253 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Дома стоят дольше, чем люди: повести, рассказы и очерки.* Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2017. 252 с.

Tokareva V. S. *Houses last longer than people: Novellas, stories, and essays.* St Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2017. 252 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Между прочим…* Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2023. 448 с.

Tokareva V. S. *By the way…* St Petersburg: Azbuka-Attikus, 2023. 448 p. (In Russ.)

Токарева В. С. *Ничем не интересуюсь, но все знаю: рассказы.* Санкт-Петербург: Азбука, 2023. 252 с.

Tokareva V. S. *I'm not interested in anything, but I know everything: Stories.* St Petersburg: Azbuka, 2023. 252 p. (In Russ.)

Токарева В. С., Раевская М. У меня настоящий домик Наф-Нафа. *Новые округа*, 2015, № 42 (162), с. 14–15.

Tokareva V. S., Raevskaia M. I have a real house of Naf-Naf. *New districts*, 2015, no. 42 (162), pp. 14–15. (In Russ.)

Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография, составление О. А. Богданова; ответственный редактор – В. Г. Андреева, О. А. Богданова. Серия: Русская усадьба в мировом контексте, вып. 8. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 672 с.

The estate and the country house in Soviet-era literature: Losses and gains: A collective monograph, compiled by O. A. Bogdanova; edited by V. G. Andreeva and O. A. Bogdanova. Series: Russian Estate in a Global Context, iss. 8. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 672 p.

Щукин В. Г. *Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей.* Москва: РОССПЭН, 2007. 608 с. EDN: QSTQYL

Shchukin V. G. *The Russian genius of enlightenment. Studies in mythopoetics and the history of ideas*. Moscow: ROSSPEN, 2007. 608 p. (In Russ.) EDN: QSTQYL

Яцкив Е. О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю. В. Трифонова 1960–1970-х гг. *Вестник Костромского государственного университета*, 2025, т. 31, № 3, с. 47–51. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51; EDN: WWWOMV

Yatskiv E. O. The evolution of the literary dacha and the work of Yu. V. Trifonov 1960–1970s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 47–51. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51; EDN: WWWOMV

The dacha kingdom: Summer dwellers and dwellings in the Baltic area; edited by N. Baschmakoff and M. Ristolainen. Aleksanteri Series, 2009, vol. 3. 509 p. Available at: https://litusadba.imli.ru/sites/default/files/thedachakimgdom.pdf (accessed: 10.01.2026).

Сведения об авторе

Дарья Максимовна Борисова – младший научный сотрудник, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924, borisovadarya2015@yandex.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия);

Daria M. Borisova – Junior Research Fellow, https://orcid.org/0009-0002-0454-5924, borisova-darya2015@yandex.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 155–166.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 155–166.

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19/21"
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-12
https://elibrary.ru/mmtqcj

Образ Ясной Поляны: мифы и реальность об усадебной жизни в романе В. О. Пелевина «Т»

Валерия Геннадьевна Андреева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Аннотация. Роман «Т» содержит мифы о Л. Н. Толстом самых разных периодов. В некоторых случаях они развенчиваются автором полностью, порою только обозначаются, а иногда частично подвергаются демифологизации. Целью статьи является осмысление образа Ясной Поляны в романе В. О. Пелевина, анализ художественных элементов, соотносимых с усадебным топосом, их роли и значения. У В. О. Пелевина Л. Н. Толстой одновременно и путешествует, и находится в усадьбе. Значимость усадебного топоса в романе нельзя недооценивать, он оказывается фундаментальной точкой, базисом для странствующего графа. В. О. Пелевин показывает, что уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны был во многом условен, оказался вызван поиском себя и дома в себе. Покинув свою усадьбу, Л. Н. Толстой не потерял глубокой и прочной связи с ней. В статье анализируются различные мотивы, связанные с усадебной жизнью, прослеживается их воплощение в романе, их использование автором в процессе развенчания прежних мифов о писателе и создании своей легенды о нем.

Ключевые слова: В. О. Пелевин, Л. Н. Толстой, граф Т., усадьба, Ясная Поляна, усадебная жизнь, миф, деконструкция мифа, реальность

Благодарность. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

Для цитирования: Андреева В. Г. Образ Ясной Поляны: мифы и реальность об усадебной жизни в романе В. О. Пелевина «Т». *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 155–166. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-12; EDN: MMTQCJ

© Андреева В. Г., 2026

The image of Yasnaya Polyana: Myths and reality about the estate life in V. O. Pelevin's novel "t"

Valeria G. Andreeva
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Abstract. The novel "t" contains myths about Tolstoy from various periods. These myths from different eras are sometimes completely debunked by the author, sometimes only hinted at, and sometimes partially demythologized. The purpose of this article is to understand the image of Yasnaya Polyana in Pelevin's novel, to analyze the artistic elements associated with the estate topos, their role, and significance. In Pelevin's novel, Tolstoy simultaneously travels and resides at the estate. The significance of the estate topos in the novel cannot be underestimated; it proves to be a fundamental point, a foundation for the wandering count. Pelevin demonstrates that Tolstoy's departure from Yasnaya Polyana was largely arbitrary, caused by a search for self and home within himself. Having abandoned his estate, Tolstoy did not lose a deep and lasting connection with it. The article analyzes various motifs of estate life, traces their embodiment in the novel, their use by the author in the process of debunking previous myths about the writer and creating his own legend about him.

Keywords: V. O. Pelevin, L. N. Tolstoy, Count T., estate, Yasnaya Polyana, estate life, myth, deconstruction of myth, reality

Acknowledgements. The research was carried out at the IWL RAS at the expense of the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00051-P "Estate and Dacha in Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: The Fate of the National Ideal" (project manager O. A. Bogdanova), https://rscf.ru/project/22-18-00051/

For citation: Andreeva V. G. The image of Yasnaya Polyana: Myths and reality about the estate life in V. O. Pelevin's novel "t". *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 155–166. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-12; EDN: MMTQCJ

Введение

Постмодернистский, сложный с точки зрения воссоздания художественной целостности роман В. О. Пелевина «Т» продолжает привлекать читателей и исследователей не только своей уникальностью, специфическими решениями и сюжетными ходами, но и тем, что в центре произведения находится фигура графа Т., близкая к образу Л. Н. Толстого, или, лучше сказать, почти полностью отождествляемая с ним. М. Н. Иванова пишет о том, что «с первых страниц романа акцентируется сходство главного героя графа Т. и великого русского писателя, в романе широко представлены биографические и портретные детали, с которыми для массового читателя связан образ писателя Толстого. <…> Пелевин, взяв за основу этот образ Толстого (каким его видит массовый читатель, поверхностно знакомый с его биографией и произведениями), трансформирует его, превращает великого писателя в супергероя наподобие Джеймса Бонда: он неуловим, неуязвим, ловок. Но это превращение выглядит

вполне убедительным, потому что сохраняется общая канва толстовского биографического мифа»[1].

Интерес к личности одного из выдающихся классиков русской литературы, его образу мыслей и поступкам, а также наследию был огромным как при жизни Л. Н. Толстого, так и после его смерти. Писатель стал легендарной фигурой для многих поколений, и у каждого исторического периода, который переживала наша страна после смерти Л. Н. Толстого, было свое понимание классика, его позиции и творчества.

В. О. Пелевину в романе «Т» удалось создать художественный мир, который вобрал в себя множество реальных фактов и сведений о Л. Н. Толстом и отсылок к его творчеству – чувствуется большое уважение В. О. Пелевина к классику, прекрасное знание современным писателем его творчества: «Пелевин <…> порождает у своих читателей интерес к истокам родной культуры, духовности. Кроме того, он открывает нам своего Толстого, прочитанного им от корки до корки (что подтверждают многочисленные аллюзии на толстовские сюжеты в его произведениях), Толстого-писателя, Толстого-мыслителя. Не принимая проповедь в искусстве, Пелевин отдает дань общественной позиции Толстого. На наших глазах происходит своеобразная реинкарнация Толстого, писателя и общественного деятеля»[2].

Порою В. О. Пелевин достаточно смело обращается с толстовскими идеями, мотивами и художественными находками, подвергая их иронии и вольному переложению. Однако нельзя забывать, что в художественном мире романа «Т» несколько реальностей, что автор высмеивает абсурд и мелочность, расчетливость современных людей. В. С. Симкина отмечает: «Виктор Пелевин, высвечивающий в своем творчестве контуры современного мира, образованного напластованиями языка (в соответствии с концепцией “мира как текста” Ж. Деррида), анализирует образы массового сознания, вскрывая их откровенную знаковость и условность, индуцирующие потребительский спрос»[3].

Роман «Т» полон мифов о Л. Н. Толстом самых разных периодов. Порою они развенчиваются автором полностью, в некоторых случаях только обозначаются, а иногда частично подвергаются демифологизации, поскольку, как мы понимаем, сам роман «Т» содержит яркий авторский миф об исканиях и определенном отрезке пути графа Т.

В. В. Курьянова справедливо отмечает, что выбор вектора направленности мифа о Л. Н. Толстом в любом случае связан с авторским отношением к фигуре классика: «Толстовский текст как именной (персонический) сверхтекст проявляется в художественном творчестве по-разному. Выбор того или иного варианта интерпретации зависит от восприятия поэтом или писателем толстовского мифа, закрепленного ми-

[1] Иванова М. Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина “t”. *Известия Смоленского государственного университета*, 2012, № 1 (17), с. 76. EDN: OXURUZ

[2] Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин. *Художественное образование и наука*, 2014, № 1, с. 110. EDN: TCXDWF

[3] Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина. *Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений*. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019, с. 138. EDN: KNPBMS

фологизированными константными представлениями в обществе. В основу именного сверхтекста положен биографический миф, который направлен двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа»[1].

В задачи данной статьи не входит подробный анализ романа В. О. Пелевина. Нашей целью является осмысление образа Ясной Поляны, анализ художественных элементов, соотносимых с усадебным топосом, их роли и значения.

Основная часть

Большинство исследователей, которые пишут о романе В. О. Пелевина «Т», отмечают, что произведение прямо или косвенно связано с уходом Л. Н. Толстого из Ясной Поляны – потомственного имения, в котором писатель провел многие и лучшие годы своей жизни. На самом деле, роман издан к 100-летию со дня смерти писателя, так как вышел он в 2009 г., фактически за год до вековой даты, прошедшей со времени ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны и его кончины.

О. М. Кириллина идею ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны ставит в центр своей статьи о романе В. О. Пелевина: «возможно, Толстой бежал из Ясной Поляны от конфликтов в семье, от навязчивого внимания поклонников и противников, устав от необходимости доказывать свою точку зрения в словесных, интеллектуальных дуэлях, желая максимально сосредоточиться на духовных переживаниях»[2]. Стоит отдать должное автору – этот отрывок написан *в форме предположения*. Однако вряд ли можно так настойчиво делать идею ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны центральной для романа В. О. Пелевина. Действительно, великий классик умер не дома, ушел из Ясной Поляны, но ведь его уход и последующие две недели стали лишь завершающим этапом долгого, насыщенного, полного сложностей и прекрасных моментов жизненного пути.

Финальный уход Л. Н. Толстого из дома лишь косвенно и ассоциативно соотносится с путем графа Т., который ищет в романе Оптину Пустынь. Безусловно, многих читателей в данном случае не может не сбивать с толку появление в романе названия мужского монастыря, в который после отъезда из Ясной Поляны направился Л. Н. Толстой в конце октября 1910 г. Писатель провел там сутки, правда, так и не решился постучаться к старцам. Однако Л. Н. Толстой на протяжении жизни несколько раз бывал в Оптиной Пустыни. Поэтому, с нашей точки зрения, неверно однозначно соотносить путь графа Т. с дорогой ушедшего из усадьбы Л. Н. Толстого. Более того, в художественном мире романа В. О. Пелевина получается так, что Л. Н. Толстой *одновременно и путешествует, и находится в усадьбе*. Важность усадебного топоса в романе несомненна и значительна – он оказывается фундаментальной точкой, базисом для странствующего графа.

[1] Курьянова В. В. Толстовский неомиф в творческом сознании А. А. Ахматовой. *Наука и школа*, 2023, № 1, с. 12. https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16; EDN: USXRYQ

[2] Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин. *Художественное образование и наука*, 2014, № 1, с. 106. EDN: TCXDWF

В отличие от критиков, любителей скандалов и семейных драм, В. О. Пелевин, представляющий в своем романе ряд биографических мифов о Л. Н. Толстом и их преодолевающий, показывает, что уход Л. Н. Толстого из Ясной Поляны был во многом условен. В. О. Пелевин настаивает, что, покинув свою усадьбу, Л. Н. Толстой *не потерял глубокой и прочной связи с ней*, что этот поступок графа Т. был вполне объясним – он был вызван *поиском себя и дома в себе*.

Символичны и значимы те факты, которые вспоминает о себе граф Т., частично потерявший память в ходе контузии: «Почему, кое-что приходит на ум. Вот Ясная Поляна, например. Беседки, борозда от плуга… Фру-Фру… Так лошадь зовут…»[1]. У*садьба оказывается на первом месте*: это не просто воспоминание, это своеобразная *идентификация себя*. Мы уже отмечали, что «усадебная тема, проблема правильного хозяйства в творчестве Л. Н. Толстого является одной из основных, поскольку именно к форме лучшего усадебного устройства всю жизнь стремился сам писатель, начиная со времени ухода из университета и определения плана собственного развития и будущего хозяйствования и до первого десятилетия XX в.»[2]. Называя свое потомственное имение – Ясная Поляна, – доставшееся ему по наследству, в котором Л. Н. Толстой реализовывал планы семейной жизни, литературного труда, хозяйства, писатель по сути дела представляет себя как наследника Волконских, Голицыных, Трубецких, Еропкиных, Одоевских – самых родовитых русских семейств.

Л. В. Дубаков предлагает интересную трактовку названий в романе: «<…> в романе говорится не просто об Оптиной Пустыни, а об “Оптиной Пустыни соловьев”. Здесь Пелевин использует игру смыслов: с одной стороны, называя фамилию В. С. Соловьева, с другой – используя образ соловья как символа свободы. В буддийской традиции схожий по смыслу образ – образ кукушки, которая указывает на освобождение сознания. Важно также, что выходит граф Т. из Ясной Поляны. Этот топоним может быть истолкован подобно Оптиной Пустыни: *Ясная Поляна – состояние, в котором пребывает сознание, не отделенное от ясного света Дхармакайи.* Путешествие графа Т. таким образом оказывается путешествием ума (который изначально пробужден, но просто забыл об этом) – к самому себе»[3] (курсив мой. – *В. А.*).

В плане духовного скитальчества и обретения себя, конечно, примечательна тяга графа Т. *домой* в финале романа («но теперь пора домой») и его диалог с лошадью, произносящей: «только сперва следовало бы подобрать этому дому название» (7). Однако в художественном мире романа сосуществуют несколько реальностей. И пока граф Т. метафизически путешествует, спящий или дремлющий Л. Н. Толстой находится в Ясной Поляне, в своем кабинете: «Он положил сложенные руки на стол и опустил на них голову, приняв ту же самую позу, в которой пришел в себя перед

[1] Пелевин В. О. *Т: роман*. Москва: Эксмо, 2023, с. 132. В дальнейшем в статье роман цитируется до данному изданию с указанием страницы в круглых скобках в тексте статьи.

[2] Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле. *Филологический класс*. 2021, т. 26, № 2, с. 145. https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12; EDN: MHGBSZ

[3] Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина “t”. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2024, № 1 (882), с. 129. EDN: PDNUDU

обедом» (447). Нельзя забывать о том, что вопрос Л. Н. Толстого о доме, его сомнения о цели движения в финале могут быть связаны с пожаром в Ясной Поляне, уничтожившим усадьбу во сне писателя и в реальности графа Т.

Своим романом В. О. Пелевин демонстрирует, что уход Л. Н. Толстого глубоко символичен, но при этом был подготовлен предшествующей жизнью писателя. Не случайно появляется *миф о двойнике Л. Н. Толстого* – подставном человеке, который изображает самого писателя и хозяина Ясной Поляны, пока тот отлучается из усадьбы: «<…> граф Т. завел себе двойника, высокого детину из крестьян. Сделал ему бороду из старого парика. И отправляет пахать к курьерскому каждый раз, когда хочет незаметно исчезнуть из усадьбы. А сам скрывается в переодетом виде» (10). Из романа мы узнаем, что это скорее даже побег из усадьбы, поскольку за графом Т. ведется полицейский надзор, и ему запрещено покидать место жительства. Мы видим сразу несколько коннотаций, связанных с усадьбой графа, – можем говорить об усадьбе-духовной колыбели, усадьбе-крепости, усадьбе-тюрьме и т. д.

Принципиально важно то, что усадьба в романе *сразу же называется*: «А знаете ли, что за таинственный замок на холме, отец Паисий? Это Ясная Поляна, усадьба графа Т.» (7). Автор романа легко вписывает Ясную Поляну в духовный путь Л. Н. Толстого. Согласно созданному В. О. Пелевиным мифу получается, что Л. Н. Толстой и *не может уйти из Ясной Поляны, поскольку не просто отождествляется с нею окружающими людьми, но как бы несет ее образ в себе* как образ истинного дома, настоящего автора-демиурга.

Образ дворянской усадьбы появляется на первой странице романа. Причем автор придает ему слишком бросающийся в глаза и запоминающийся вид. И дело даже не в состоятельности хозяина, о которой сказано, а *в мифе об узнаваемости Ясной Поляны*, ее круглых въездных башнях, ее скромных белых каменных постройках – флигелях. В. О. Пелевин намеренно делает главное здание усадьбы совершенно не похожим на него в реальности – писатель с первой страницы вовлекает реципиента в литературную игру: «Здание было красивым и странным: оно напоминало не то жилище эльфов, не то замок рыцарей-монахов. Белые шпили, стрельчатые окна, легкие мраморные беседки, поднимавшиеся из причудливо остриженных кустов парка – все это казалось нереальным на сквозном российском просторе…» (5).

Усадьба в романе одновременно оказывается и далеким краем, откуда *молодому графу Т.*, мастеру боевых искусств, поступает подкрепление в виде различных снарядов, метательных ножей, инновационных бомб и пр., и местом творческой силы уже *пожилого Л. Н. Толстого*, в усадьбу к которому стекаются многочисленные посетители со всего мира: «Прибыли новые гости <…> “Двое образованных рабочих, – насмешливо сказал вошедший вслед за лакеем сын Толстого Дмитрий Львович, – и еще девушка-курсистка. Кажется, из нигилистов – коротко стриженная, рыжая и курит папиросу. Хорошенькая» (446).

В обоих случаях хозяин прочно *связан с усадьбой духовно и физически* – это место его силы, подпитывающий его источник. О. А. Богданова очень точно подчеркивает этот факт: «<…> архетип Ясной Поляны – родового поместья Толстых – создает сквозную композицию произведения: в начале граф Т. сбегает из своей усадьбы в неведомую ему Оптину Пустынь <…>; на протяжении всего действия его стремятся насильно вернуть в Ясную Поляну, чему он всячески сопротивляется – тем не менее

оружие для борьбы с Ариэлем он получает именно из усадьбы как источника своей силы»[1].

Обратимся к двум обозначенным нами выше эпизодам подробнее. Когда речь идет об отправке помощи графу Т. (два раза) в виде оружия, сами посылки не только фактически спасают его, но и являются символичным жестом связи с домом, усадьбой, где о нем не просто помнят, где граф Т. – хозяин, распорядитель, ради блага которого трудятся люди. Исследователи отмечают, что «Ясная Поляна – место для тренировок, база, из которой протагонисту доставляются необходимое снаряжение и инвентарь <…>»[2]. Чудесным образом в Ясной Поляне знают, что необходимо в данный момент их барину: «Рано с утра, когда Т. еще спал, из Ясной Поляны пришла подвода с вещами и оружием. Это было кстати <…>» (129). С одной стороны, перед нами фантастическое преувеличение, когда о потребностях графа Т. узнают в усадьбе даже без его письма и присылают оружие, по уровню далеко превосходящее степень развития науки и техники своего времени. С другой стороны, в этой заботе о барине, в готовности услужить ему в первую очередь («Один из свертков, прибывших из Ясной Поляны, был упакован с особым тщанием» (131)), а также в устроении бытия в усадьбе по его интересам и планам чувствуется один из основных законов дореволюционной усадебной жизни.

Толстовская идея непротивления злу силой толкуется в романе фактически противоположно, на основании одного из мифов об увлечении писателя азиатскими техниками боя, которые имеют своеобразную «декоративную философию». Интерес графа Т. к восточным боевым приемам выражается даже в создании своей школы рукопашного боя, которая «основана на обращении силы и веса атакующего противника против него самого с ничтожной затратой собственного усилия» (11). В том, что графу Т. в борьбе нет равных, есть большая заслуга его помощников и верных учеников из усадьбы. Достаточно прочитать руководство по эксплуатации к присланным бомбам, подпись верного кузнеца и оценить реакцию самого графа Т.: «Де Мартиньяк? – подумал Т., вынимая бомбу из алого бархатного гнезда. – Видимо, кто-то из последователей. Стал кузнецом, молодец» (132).

В. О. Пелевин вводит в роман *мотив усадебного оскудения*, произошедшего в результате несчастного случая в Ясной Поляне. В этом событии, о котором с горечью сообщает графу управляющий имением Семен Голубничий, показано печальное грядущее многих дворянских усадеб. Напомним, что реальность графа Т. видится во сне самому Л. Н. Толстому как проекция будущего или как будущее, пропущенное сквозь призму восприятия писателя. В реальности грабежи и поджоги, охватившие многие усадьбы летом 1905 г. и позднее, вплоть до революции 1917 г., не коснулись Ясной Поляны. Однако в семье Л. Н. Толстого, как писал в своих воспоминаниях ближайший друг и личный врач писателя Душан Маковицкий, летом и осенью

[1] Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология*, ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019, с. 220. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

[2] Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т». *Филология и культура*, 2021, № 1 (63), с. 196. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201; EDN: ITTNGV

1905 г., в связи с негативными вестями о соседских имениях и прямыми угрозами в адрес хозяев Ясной Поляны, ожидали худшего: погромов, поджогов и т. п. «Ездивший в Тулу приказчик рассказывал, что там ходит слух, будто в Ясной Поляне скрывают разных социалистов, и мужики, наверное, придут к нам бить и грабить. Л. Н. встретил три раза какого-то незнакомого человека, который глядел в землю», – записал Маковицкий 5 ноября 1905 г.[1]

Письмо о несчастии в усадьбе приходит вместе со второй посылкой снаряжения из Ясной Поляны, граф чувствует упадок, уже глядя на снаряжение, еще даже не читая письма: «Что-то было не так. Нахмурясь, Т. внимательно оглядел снаряжение» (396). Граф Т. открывает посылку в гостиничном номере, и в этой столичной обстановке «казенного дома» чувствуется разница с положением уездных усадеб, которую Т. отмечает уже при виде прибывшей телеги. В письме рассказывается о беде, постигшей имение: «Перед тем две недели стояла засуха, а в ту ночь был ветер, и сгорело, ваше сиятельство, все – и дом, и флигель, и кузня, и пристройки. Сгорел и фехтовальный зал со всеми вашими чучелами да манекенами, хоть и стоял поодаль. И народу погорело немало, всех еще не сочли» (398).

Значимы последующие комментарии графа Т. С одной стороны, уже достаточно погрузившийся в теорию создания автором героя, он с большим недоверием относится к письму, которое должно его расстроить: «Отчего я так легковерен? Скорей всего, этот Семен Голубничий существует исключительно как подпись под этим письмом <…>» (400). С другой стороны, Т. метко характеризует цыгана Лойко, в духе тех мужиков-зачинщиков, которые затевали грабить и поджигать имения.

В «реалистичной» главе книги, становящейся своеобразным центром, вокруг которого организовано путешествие героя в его провидческом сне, Л. Н. Толстой в действительности живет в Ясной Поляне, быт и устройство которой в это время подчинены идеям писателя и его распорядку. Усадьба оказывается мало похожей на замок, представший перед попутчиками на первой странице романа. Читатель видит Л. Н. Толстого в его кабинете, в рабочей обстановке, причем интерьер составляют исключительно необходимые и предназначенные для работы вещи, в описании нет и намека на роскошь: «Толстой опустил взгляд. На подоконнике лежали сапожные инструменты. Под окном стоял деревянный ящик с колодками и обрезками кожи. Все вокруг выглядело как обычно» (433). В обращении со слугой, домашними и гостями, в поведении Л. Н. Толстого, в стилизации его записи в дневнике В. О. Пелевин достигает большого мастерства. Писатель передает деликатность, даже кротость Л. Н. Толстого, но при этом его внутреннюю силу и роль хозяина усадьбы. Комфорт Л. Н. Толстого заключается не в обладании дорогими вещами и использовании труда других людей, но в организации жизни в Ясной Поляне по своему разуму и усмотрению: «В отличие от многих потомственных дворян, привыкших к роскоши, Толстой отличался нетребовательностью. Даже в пожилом возрасте писатель старался не беспокоить слуг. Комфорт для Толстого был связан с привычной для него рабочей атмосферой, но отнюдь не с эгоистическими желаниями»[2].

[1] Маковицкий Д. П. *Яснополянские записки.* URL: http://tolstoylit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Андреева В. Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристика В. Ф. Булгакова, Н. Н. Гусева, А. Б. Гольденвейзера). *Вестник Костромского государствен-*

В главе о настоящем писателе, который видит сон о себе, В. О. Пелевин старается максимально воплотить детали быта семьи Л. Н. Толстых. Мы видим некоторые подробности обстановки в Ясной Поляне, к примеру, подобие приемной, отделенной от рабочего кабинета графа книжными шкафами. Подчеркивая великолепное знание Л. Н. Толстым иностранных языков, В. О. Пелевин упоминает о «полдюжине книг на немецком, английском и французском», лежавших на столе в приемной.

Большое внимание уделяет В. О. Пелевин описанию разговора Л. Н. Толстого, его гостей и близких в столовой – общая беседа пронизана нотами тонкого юмора, размышлений, воспоминаний. Называет имена реальных героев из своего сна сам Л. Н. Толстой, а пояснения по поводу этих лиц, их встреч с писателем в прошлом дает С. А. Толстая. О творческих беседах и философских разговорах с Л. Н. Толстым, происходящих в усадьбе в последнее время, говорит В. Г. Чертков. К примеру, он удачно комментирует переводчику смех Л. Н. Толстого по поводу того, что человек является божественным воплощением: «Он потому и смеется, что два дня назад мы говорили как раз об этом. И Лев Николаевич замечательно, по-моему, сформулировал ответ» (445).

Интересен оттенок общения Л. Н. Толстого с супругой: В. О. Пелевин показывает, что писатель относится к Софье Андреевне с нежностью и пониманием, но не упускает случая ироничных замечаний в ее адрес: «“Наверное, и про меня увидел какую-нибудь гадость, – весело сказала Софья Андреевна, – не так ли, Лева?” Толстой отрицательно помотал головой. “Тебя вообще не было”, – ответил он» (436). Отсутствие во сне Л. Н. Толстого супруги и присутствие любовницы – деревенской красавицы Аксиньи, встречающейся графу Т. по пути, говорит о представлении писателем себя еще совсем молодым, приблизительно тридцатилетним.

Еще один миф, не получивший в романе полной деконструкции, связан с доходами Л. Н. Толстого, точнее, с доходностью его имения. Аксинья, неплохо устраивающая свою жизнь, зарабатывает на нее литературным трудом – написанием романов невысокого качества. Она ловко использует знакомство с Л. Н. Толстым и близость с графом, разворачивая целое повествование «Моя жизнь с графом Т.: взлеты, падения и катастрофа». На несколько укоризненное замечание Л. Н. Толстого про книгу Аксинья отвечает: «Лева, людям надо зарабатывать на жизнь. *Не у всех есть усадьба на холме и белая лошадь с декоративным плугом*» (348) (курсив мой. – *В. А.*). Перед нами, конечно, миф о полной обеспеченности семьи Л. Н. Толстого и о его вольготной и устроенной жизни в Ясной Поляне. Усадьба нередко воспринимается персонажами как особенно благодатный топос, защищающий человека от всех внешних бед и тревог. Однако, по словам Ариэля, одного из авторов-переписчиков, Л. Н. Толстой в этом плане человек особенный: «Это только вас сомнения терзают. Так они вас и в усадьбе мучить будут» (309).

В продолжающемся сне Л. Н. Толстого графу Т. выносят серьезное обвинение во многих преступлениях и трагических смертях, причем появляется и мотив возможного и упущенного предотвращения преступлений, который был связан с пресечением намерений графа. И вновь базой для незаконной деятельности Л. Н. Толстого

ного университета, 2022, т. 28, № 2, с. 122. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125; EDN: EENNEZ

названа Ясная Поляна, без которой писатель не обошелся бы, как и без своих верных слуг: «Еще при покойном министре Долгоруком у вас в Ясной Поляне были устроены тайные ходы и лестницы на случай встречи с законом, знаем-знаем. А по ночам на караул выходило столько народу, сколько вокруг острога не ходит» (452).

В финале романа наблюдение графа Т. за букашкой с длинным зеленым брюшком отсылает читателя к открытиям Константина Левина, отраженным в финале «Анны Карениной», которыми так дорожил сам Л. Н. Толстой. И букашка в романе В. О. Пелевина, конечно, родственница той букашке, которой пытался открыть дорогу Левин, как и сам Л. Н. Толстой, размышлявший о жизни и ее смысле в своей усадьбе: «Да, надо опомниться и обдумать, – думал он, пристально глядя на несмятую траву, которая была перед ним, и следя за движениями зеленой букашки, поднимавшейся по стеблю пырея и задерживаемой в своем подъеме листом снытки. Все сначала, – говорил он себе, отворачивая лист снытки, чтобы он не мешал букашке, и пригибая другую траву, чтобы букашка перешла на нее»[1].

Выводы

Можно с уверенностью говорить о большом значении, которое В. О. Пелевин придает усадебному топосу во многих своих произведениях, в том числе и в романе «Т». Писатель продолжает рассуждать о различных особенностях и коннотациях усадебного топоса в русской жизни и литературе. О. А. Богданова в обзоре современной прозы уделяет внимание новому роману В. О. Пелевина “Transhumanism Inc.”, в котором «немалая часть действия происходит в сибирских усадьбах отдаленного будущего»[2]. В романе «Т» Ясная Поляна предстает для Л. Н. Толстого одним из ключевых элементов жизненной силы. Она становится необходимой и важной точкой на пути писателя к самому себе (как отправной, так и заключительной). Ясная Поляна является первым в ряду ключевых понятий, связанных с Л. Н. Толстым в отечественной и мировой культуре. Образ потомственной усадьбы и ассоциирующиеся с нею мотивы позволили В. О. Пелевину развенчать множество мифов о писателе и создать свое представление фигуры и образа Л. Н. Толстого, подчеркнуть значение его наследия для будущих поколений. В романе «Т» В. О. Пелевин оценивает не определенный отрезок пути Л. Н. Толстого, не конкретные поступки и решения классика – уход из Ясной Поляны становится только внешним поводом для изображения духовных поисков и открытий Л. Н. Толстого.

Список литературы / References

Андреева В. Г. Лев Толстой и Ясная Поляна в 1909–1910 гг. (мемуаристика В. Ф. Булгакова, Н. Н. Гусева, А. Б. Гольденвейзера). *Вестник Костромского государственного универ-*

[1] Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 19. Москва: ГИХЛ, 1935, с. 378.

[2] Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024, с. 484. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

cumeta, 2022, т. 28, № 2, с. 117–125. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125; EDN: EENNEZ

Andreeva V. G. Leo Tolstoy and Yasnaya Polyana in 1909–1910 (memoirs by V. F. Bulgakov, N. N. Gusev, A. B. Goldenweiser). *Vestnik of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 117–125. (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-117-125; EDN: EENNEZ

Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле. *Филологический класс*, 2021, т. 26, № 2, с. 144–154. https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12; EDN: MHGBSZ

Andreeva V. G. Estates in L. N. Tolstoy's novel "Resurrection": From denouncing luxury to life on land. *Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 144–154. (In Russ.) https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12; EDN: MHGBSZ

Богданова О. А. *Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность*, ответственный редактор – М. В. Скороходов. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2024. 560 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Bogdanova O. A. *Hermeneutics of the literary estate: Theory, history, and modernity*, edited by M. V. Skorokhodov. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2024. 560 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0783-0; EDN: YKMFAF

Богданова О. А. *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология*, ответственный редактор – Е. Е. Дмитриева. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. 288 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

Bogdanova O. A. *Estate and dacha in Russian literature of the 19th–21st centuries: Topic, dynamics, mythology*, edited by E. E. Dmitrieva. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2019. 288 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0604-8; EDN: KBOVXR

Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа Льва Толстого и идеи философии Махаяны в романе Виктора Пелевина "t". *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2024, № 1 (882), с. 127–132. EDN: PDNUDU

Dubakov L. V. Buddhist aspects of Leo Tolstoy's image and ideas of Mahayana philosophy in Viktor Pelevin's novel "t". *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, no. 1 (882), pp. 127–132. (In Russ.) EDN: PDNUDU

Иванова М. Н. Цитаты из биографического мифа в романе Виктора Пелевина "t". *Известия Смоленского государственного университета*, 2012, № 1 (17), с. 73–80. EDN: OXURUZ

Ivanova M. N. The biographical myth quotes in Viktor Pelevin's novel "t". *Izvestia of Smolensk State University*, 2012, no. 1 (17), pp. 73–80. (In Russ.) EDN: OXURUZ

Кириллина О. М. Проповедь в искусстве: Лев Толстой и Виктор Пелевин. *Художественное образование и наука*, 2014, № 1, с. 105–110. EDN: TCXDWF

Kirillina O. M. Preaching in art: Leo Tolstoy and Victor Pelevin. *Arts Education and Science*, 2014, no. 1, pp. 105–110. (In Russ.) EDN: TCXDWF

Курьянова В. В. Толстовский неомиф в творческом сознании А. А. Ахматовой. *Наука и школа*, 2023, № 1, с. 11–16. https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16; EDN: USXRYQ

Kur'ianova V. V. Tolstoyan neomyth in the creative mind of A. A. Akhmatova. *Science and School*, 2023, no. 1, pp. 11–16. (In Russ.) https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-1-11-16; EDN: USXRYQ

Маковицкий Д. П. *Яснополянские записки*. URL: http://tolstoylit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm (дата обращения: 20.01.2026)

Makovitsky D. P. *Yasnaya Polyana Notes*. Available at: http://tolstoylit.ru/tolstoy/bio/makovickij-yasnopolyanskie-zapiski/index.htm (accessed: 20.01.2026) (In Russ.)

Осьмухина О. Ю., Марьюшкина А. П. Интертекстуальное поле романа В. Пелевина «Т». *Филология и культура*, 2021, № 1 (63), с. 195–201. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201; EDN: ITTNGV

Os'mukhina O. Iu., Mariushkina A. P. Intertextual field of V. Pelevin's Novel "t". *Philology and Culture*, 2021, no. 1 (63), pp. 195–201. (In Russ.) https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-195-201; EDN: ITTNGV

Пелевин В. О. *t: роман*. Москва: Эксмо, 2023. 480 с.

Pelevin V. O. *t: Novel*. Moscow: Eksmo, 2023. 480 p. (In Russ.)

Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина. *Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений*. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019, с. 138–144. EDN: KNPBMS

Simkina V. S. Deconstructing the myth of L. Tolstoy's spiritual path in V. Pelevin's prose. *Epic Tradition in Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 23rd Sheshukov Readings*. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2019, pp. 138–144. (In Russ.) EDN: KNPBMS

Толстой Л. Н. *Полное собрание сочинений*: в 90 т., т. 19. Москва: ГИХЛ, 1935. 528 с.

Tolstoy L. N. *The complete works*: In 90 vol., vol. 19. Moscow: GIKhL, 1935. 528 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Валерия Геннадьевна Андреева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153, lanfra87@mail.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25А, стр. 1, ул. Поварская, 121069 Москва, Россия); **Valeria G. Andreeva** – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153, lanfra87@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25A, str. 1, ul. Povarskaya, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.02.2026; Approved after reviewing 05.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 167–178.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 167–178.

Научная статья
УДК 81’42
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-13
https://elibrary.ru/mpshkd

Высококликабельный заголовок как маркер интереса читателей к медиатексту

Цзя Вэй
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Москва, Россия
bellawei059@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-0944-6717

Аннотация. В статье рассматриваются лингвистические механизмы формирования воздействующей силы новостных заголовков информационных текстов на главной странице агрегатора «Яндекс.Новости». Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления языковых факторов, влияющих на поведенческий отклик пользователя в условиях информационной перегрузки. Нами выявлено пять параметров анализа фактического материала: информационный дефицит, нарративизация, прагматическая ценность, контраст, эмоциональная нагрузка. В работе представлена классификация устойчивых типов эмоциогенных заголовков: сенсационно-конфликтный, практико-ориентированный, интригующий, эмоционально-нарративный и контрастно-возрастной. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации заголовочной практики в цифровых медиа.

Ключевые слова: лингвистика эмоций, эмоциогенность, эмоция интереса, кликабельность, новостной заголовок, информационный дефицит, нарративизация, контраст, эмоциональная нагрузка

Для цитирования: Вэй Цзя. Высококликабельный заголовок как маркер интереса читателей к медиатексту. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 167–178. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-13; EDN: MPSHKD

High-click headline as a marker of readers’ interest in media text

Jia Wei
Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russia
bellawei059@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-0944-6717

Abstract. The article examines the linguistic mechanisms underlying the persuasive power of news headlines in informational texts published on the main page of the Yandex.News aggregator. The relevance of the study is determined by the need to identify linguistic factors that influence user’s behavioral response in the context of information overload. Five parameters for analyzing the empirical material are established: information deficit, narrativization, pragmatic value, and contrast. A classification of stable types of emotiogenic headlines is constructed: sensational-conflict,

© Вэй Цзя, 2026

practice-oriented, intriguing, emotional-narrative, and contrast-age. The obtained results can be applied to optimize headline practices in digital media.
Keywords: linguistics of emotions, emotiogenicity, emotion of interest, clickability, news headline, information deficit, narrativization, contrast, emotional load
For citation: Wei Jia. High-click headline as a marker of readers' interest in media text. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 167–178. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-13; EDN: MPSHKD

Введение

В условиях цифрового информационного перенасыщения текстовое пространство современного человека становится все более наполненным, а борьба за внимание аудитории – одним из ключевых вызовов для современных медиа[1]. Поведенческим маркером успеха в данной борьбе выступает кликабельность (*clickability*) новостного заголовка – способность краткого текстового фрагмента спровоцировать пользователя на целевое действие – чтение текста[2]. Традиционные подходы к объяснению данного феномена, как правило, апеллируют либо к алгоритмическим факторам ранжирования новостных лент, либо к социологическим характеристикам целевой аудитории, оставляя за рамками анализа вопрос о лингвистических характеристиках заголовков и заголовочных комплексов. Между тем именно язык новостного заголовка, его лексический состав, синтаксическая структура и прагматическая направленность выступают тем первичным стимулом, который запускает когнитивно-аффективные процессы, завершающиеся кликом. Обращение к лингвистическому обоснованию, позволяющему выявить и систематизировать языковые средства, целенаправленно формирующие эмоциональный отклик реципиента, составляет актуальность данного исследования.

Эмпирическую базу составили заголовки, отобранные на главной странице агрегатора «Яндекс.Новости» в период с февраля по апрель 2026 года. Как следует из патента US11308164B2, принадлежащего компании Yandex, порядок отображения новостей на данной платформе определяется алгоритмически вычисляемым «показателем важности», который прямо коррелирует с прогнозируемой кликабельностью. В соответствии с этим в выборку включались заголовки, занимавшие первые 10 позиций в ленте новостей. Общий объем выборки составил 157 заголовков, распределенных по трем тематическим категориям: шоу-бизнес (53), общество (62) и политика (42).

Объект исследования – заголовки новостных текстов, опубликованные в интернет-изданиях, **предмет** – их лингвистические характеристики, оцениваемые по пяти параметрам: информационный дефицит, нарративизация, прагматическая ценность, контраст и эмоциональная нагрузка.

[1] *Yandex LLC. Method and system for generating push notifications related to digital news: Patent US11308164B2*: [patent], 2022.

[2] Зелянская Н. Л., Белоусов К. И., Сычев О. А., Галинская Т. Н. Семантическая организация кликбейт-заголовков и показатели активности интернет-пользователей. *Медиалингвистика*, 2023, № 1, с. 66–86. https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.104; EDN: TUTLVH

Цель – выявить и систематизировать лингвистические особенности высококликабельных новостных заголовков, описывающие механизмы эмоционального воздействия на реципиента.

Основная часть

Теоретическая база и процедура исследования

Методологической основой для настоящего исследования послужили положения психологии и лингвистики эмоций, в которых обоснована гипотеза о мотивационной силе эмоций, а также об эмоциональной обусловленности многих когнитивных и поведенческих процессов[1]. В лингвистической теории эмоций эмотивность определяется как неотъемлемый компонент семантики, прагматики и синтактики знака, формируя особый «эмоциональный тон» высказывания. С. В. Ионова рассматривает эмотивность текста как интегральную категорию текста, актуализируемую через совокупность разноуровневых языковых средств и отвечающую за формирование эмоционального пространства произведения[2]. В научных исследованиях говорится о том, что эмотивные средства языка образуют согласованную систему кодирования эмоционального сообщения, которые повышают иллокутивную силу текста[3]. Ключевым связующим звеном при этом выступают признаки эмоциогенности – прагматической реализации эмотивного потенциала текста в конкретной коммуникативной ситуации. Е. Ю. Мягкова обосновывает психолингвистическую реальность эмоциональной нагрузки слова, доказывая, что различные лексические единицы обладают объективной, измеряемой способностью вызывать аффективный отклик[4].

В работах Л. А. Пиотровской и П. Н. Трущелёва эмоция интереса выступает в качестве когнитивно-аффективного состояния, направленного на приобретение новой информации, которая выступает первичным психологическим механизмом, опосредующим переход от восприятия стимула к действию[5]. Ученые выделяют конкретные языковые способы повышения эмоциогенности текста: создание «когнитивного разрыва», использование нарративных крючков, актуализацию прагматической ценности информации, а также игру на противоречии и неожиданном сопоставлении фак-

[1] Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций. *Психология эмоций. Тексты*. Москва: Московский государственный университет, 1984, с. 3–29.

[2] Ионова С. В. *Эмотивность текста как лингвистическая проблема*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 1998. 19 с. EDN: NLNCMD

[3] Ионова С. В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания. *Вопросы психолингвистики*, 2022, № 1 (51), с. 26–39. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39; EDN: XEKMEZ

[4] Мягкова Е. Ю. *Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. 106 с. EDN: CJWDWZ

[5] Пиотровская Л. А., Трущелёв П. Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 2020, № 4, с. 991–992. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016; EDN: FAGRGY

тов[1]. С точки зрения прагматики текста, интерес понимается как целенаправленная текстовая категория, реализуемая через систему вербальных стратегий и тактик[2].

Эффективность лингвистических механизмов эмоционального воздействия опосредована более широкими дискурсивными и культурными контекстами. Т. А. ван Дейк объясняет взаимосвязь языка, познания и коммуникации, что актуально для понимания того, как новостные заголовки формируют когнитивные фреймы восприятия события[3]. Специфика медиадискурса раскрыта в трудах Т. Г. Добросклонской, которая рассматривает медиатекст как базовую категорию медиалингвистики, выделяя ключевые параметры (авторство, канал передачи, жанрово-тематическую принадлежность)[4]. С. И. Сметанина анализирует динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века, включая преодоление стандартов советской прессы и освоение новых приемов текстовой поэтики[5]. Понятие «языковой вкус эпохи», введенное В. Г. Костомаровым, фиксирует социально предписанную систему речевых предпочтений, детерминирующую эффективность выразительных средств для массовой аудитории в конкретный исторический период[6]. Интегральный взгляд на эмотивный текст как на систему тематических маркеров, предложенный В. И. Болотовым, акцентирует внимание на признаках эмотивных тем текста, которые выявляются с опорой на семантику ключевых слов и всей концептуальной структуры текста[7].

На основе обобщения результатов, полученных учеными ранее, нами был разработан порядок данного исследования, который включает следующие этапы:

1) обоснование тесной связи между такими характеристиками заголовков, как их эмотивность, эмоциогенность и кликабельность;

2) эмпирическое выявление частотности выделенных лингвистических маркеров в высококликабельных заголовках;

3) сравнительный анализ распределения маркеров по тематическим категориям;

4) построение типологии высококликабельных заголовков на основе комбинаторного анализа выделенных параметров;

---

[1] Пиотровская Л. А., Трущелёв П. Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 2020, № 4, с. 995–998. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016; EDN: FAGRGY

[2] Трущелёв П. Н. *Эмотивная прагматика учебного текста (эмоция интереса)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2023. 26 с. EDN: WFRIAW

[3] Дейк Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*: сборник работ. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.

[4] Добросклонская Т. Г. *Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи*. Москва: Едиториал УРСС, 2005. 286 с.

[5] Сметанина С. И. *Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.* Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В. А., 2002. 382 с. EDN: QDSGXN

[6] Костомаров В. Г. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа.* Москва: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.

[7] Болотов В. И. *Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста*. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.

5) интерпретация полученных результатов в контексте теорий эмоционального воздействия в медиадискурсе.

Распределение эмпирического материала на основе тематики статей, отраженной в заголовках, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение выборки по тематике (*N* = 157)

Тематическая категория	Количество (*N*)	Доля (%)
Общество	62	39,5
Шоу-бизнес	53	33,8
Политика	42	26,7
Всего	157	100

Выделение пяти параметров для оценки эмоциогенности заголовков осуществлялось в соответствии с рассмотрением различных аспектов анализа текстов[1]. Информационный дефицит рассматривался как состояние когнитивной неопределенности, при котором у читателя возникает потребность в восполнении отсутствующего знания. Он фиксировался при наличии риторических вопросов, неполных высказываний или лексики неопределенности («секрет», «неизвестное», «тайна», «загадка»). Нарративизация понималась как придание событию повествовательной формы, превращение факта в историю. Она маркировалась наличием конкретных имен собственных, географических названий или детализированного описания событий. Прагматическая ценность определялась как польза, которую читатель может извлечь из материала – при наличии правовых предупреждений, медицинских рекомендаций, сведений о социальных выплатах, финансовых советов и других указаний на практическое применение информации. Контраст рассматривался как смысловой или эмоциональный разрыв между ожидаемым и действительным, который выявлялся при наличии возрастных различий, оппозиции «ожидание – реальность» или конфликтных отношений между субъектами.

Эмоциональная нагрузка заголовка оценивалась по градуальной шкале эмоциональных ситуаций:

– отрицательная (смерть, гибель, катастрофа, нападение, насилие, конфликт, угроза, суд, наказание, разоблачение, скандал, потеря, отставка, болезнь, поражение, кризис);

– нейтральная;

– положительная (достижение, спасение, излечение, победа, награждение, юбилей, рекорд, возвращение, компромисс, благотворительность, праздник).

[1] Ионова С. В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания. *Вопросы психолингвистики*, 2022, № 1 (51), с. 26–39. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39; EDN: XEKMEZ

Результаты

В контексте настоящего исследования новостной заголовок понимается как микротекст, в котором категория эмотивности сфокусирована на достижении прагматического эффекта. Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать модель эмоциогенности цифрового новостного заголовка, в центре которой находится эмоция интереса, целенаправленно конструируемая в тексте посредством трех групп средств:

1) характеристика заголовка (информационный дефицит, нарративизация, прагматическая ценность, контраст);

2) активизация эмотивного потенциала на основе отбора лексики с высокой эмоциональной нагрузкой;

3) встраивание в актуальные дискурсивные практики и культурные коды, обеспечивающее резонанс с ожиданиями аудитории.

Характеристики заголовка определялись на основе доминирования в них выделенных выше параметров, среди которых информационный дефицит, нарративизация, прагматическая ценность, контраст. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Доминирующие параметры в высококликабельных заголовках (*N* = 157)

Параметр	Количество (*N*)	Доля (%)
Информационный дефицит	62	39,5
Нарративизация	157	100
Прагматическая ценность	55	35,0
Контраст	122	77,7

Наиболее значимым результатом анализа является установление 100 %-ой частотности нарративизации. Каждый проанализированный заголовок содержит имена собственные, географические названия либо детализированное описание событий (*«Сергей Быстрицкий умер от рака», «Анна Седокова выбросила роскошные подарки от поклонника», «Полина Диброва пожаловалась на нехватку мотивации к тренировкам»*). Данный факт свидетельствует о том, что нарративность выступает необходимым условием формирования эмоциогенности в цифровом новостном дискурсе. Абстрактные, обезличенные формулировки в анализируемом материале не используются, поскольку в условиях информационной перегрузки обладают низким потенциалом привлечения внимания пользователей.

Контраст выявлен в 77,7 % заголовков. Наиболее частотными типами контраста являются указания на следующие эмоциогенные ситуации:

– несоответствие возрастных характеристик лица и образа его действий (*«62-летний Владислав Ветров вывел в свет 24-летнюю возлюбленную», «О свадьбе с 19-летней невестой», «56-летняя Лорен Санчес заявила, что хочет родить ребенка Джеффу Безосу»*);

– оппозиция «жертва – преступник» (*«Водитель, сбивший 7-летнюю девочку, получил условный срок», «Врач, обвиняемый в смерти 9 пациентов, продолжал работать», «Чиновник потребовал у 80-летней пенсионерки справку для получения льгот»*);

– противопоставление ожидания и реальности (*«Пасхальное перемирие и удары ВСУ», «Расплакался, произнося тост на свадьбе дочери», «Выбросила роскошные подарки»*);

– контраст между прошлым и настоящим состоянием объекта (*«Алла Пугачева проигнорировала день рождения Ильи Резника, автора многих ее хитов», «Традиция приносить на кладбище в Пасху куличи и яйца не имеет отношения к Церкви»*).

Высокая частотность контраста подтверждает, что столкновение противоположных образов или категорий[1] служит мощным генератором эмоционального напряжения, побуждающим к клику.

Информационный дефицит характерен для 39,5 % заголовков. Его наиболее частотными реализациями являются риторические вопросы, неполные высказывания, а также лексика с семантикой неопределенности («секрет», «неизвестное», «раскрыта причина»). Данный механизм создает информационный дефицит, который реципиент стремится разрешить посредством клика (*«Дочь Марины Неёловой Ника показала редкое фото с актрисой», «Раскрыта причина смерти актера сериала “Следствие ведут знатоки” Алексея Наумова», «Брюса Уиллиса впервые за долгое время засняли на прогулке»*).

Параметр прагматической ценности зафиксирован в 35 % заголовков.

Анализ эмоциональной нагрузки показал, что отрицательная оценка доминирует в выборке и составляет 63,1 % от общего числа заголовков. Положительная валентность встречается лишь в 10,8 % случаев. Полученные данные приведены в табл. 3.

Таблица 3

Эмоциональное содержание заголовков (*N* = 157)

Тип эмоциональной нагрузки	Количество (*N*)	Доля (%)
Отрицательная	99	63,1
Нейтральная	41	26,1
Положительная	17	10,8
Всего	157	100

Данное распределение согласуется с положениями когнитивной психологии о негативном предубеждении (*negativity bias*), в соответствии с которым негативная информация воспринимается как более значимая и привлекает больше внимания,

[1] Болотов В. И. *Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста*. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.

чем позитивная или нейтральная[1]. В контексте новостных заголовков это означает, что сообщения о конфликтах, катастрофах, смертях и угрозах систематически получают более высокий показатель кликабельности.

Анализ эмпирического материала исследования также включал рассмотрение тематически различающихся источников, среди которых мы выделили новости шоу-бизнеса, новости социальной жизни, политические новости. Выделенные тематические группы заголовков текстов позволили выявить закономерности проявления используемых в исследовании параметров. Количественные данные представлены в табл. 4.

Таблица 4

Тематическое распределение параметров (%)

Параметр	Шоу-бизнес (*N* = 53)	Общество (*N* = 62)	Политика (*N* = 42)
Информационный дефицит	45,3	35,5	38,1
Нарративизация	100	100	100
Прагматическая ценность	0	77,4	16,7
Контраст	79,2	69,4	88,1

Как видно из табл. 4, заголовки новостей шоу-бизнеса характеризуются высокой частотностью информационного дефицита (45,3 %) и контраста (79,2 %), при этом прагматическая ценность полностью отсутствует (0 %). Данное наблюдение подтверждает, что развлекательный контент опирается исключительно на эмоциональные и когнитивные механизмы вовлечения (любопытство, сенсационность, скандальность) и чаще всего не предлагает читателю практической пользы. Наиболее высокий процент эмоциональной нагрузки обусловлен тематикой следующих эмоциогенных ситуаций: смерть, развод, скандал, конфликт (*«В Финляндии вспыхнул скандал из-за отправки детей в “Артек”», «Причиной смерти кинооператора Бека стала сердечная недостаточность», «Григорий Лепс жалеет о разводе с женой Анной»*).

Тексты социальной тематики демонстрирует максимальную частотность прагматической ценности (77,4 %). Типичные примеры включают:

– правовые предупреждения (*«Юрист Хаминский напомнил о запрете на ловлю рыбы в период нереста», «Член комиссии ОП Машаров: за курение на балконе грозит штраф до 15 тыс. рублей», «Госдума в апреле планирует ввести несколько новых запретов»*);

– медицинские рекомендации (*«Врач назвал симптомы болезней крови», «Врач Вавилова заявила, что мочить пробу Манту можно», «Онколог Ивашков предупредил о риске рака желудка из-за колбас и сосисок»*);

– информацию о социальных выплатах (*«Новую выплату для работающих родителей с двумя и более детьми введут с 1 июня», «Льготы для многодетных семей*

[1] Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good. *Review of General Psychology*, 2001, vol. 5, no. 4, p. 323–370. https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323

расширят – список новых выплат», «Материнский капитал в 2025 году: сумма и новые правила использования»).

В социальном дискурсе наиболее востребованными оказываются заголовки, непосредственно связанные с повседневными потребностями читателя – здоровьем, финансами, юридической безопасностью.

Заголовки текстов с политической тематикой частотно опираются на контраст (88,1 %), который реализуется через следующие оппозиции: *«переговоры – блокада», «обещание перемирия – реальность обстрелов», «заявления официальных лиц – фактические действия»*. Высокий процент эмоциональной нагрузки здесь связан с темами технологических достижений страны (*«Путин назвал развертывание новой группировки связи большим событием»*) и проявлений национальной гордости (*«Ровно 65 лет назад Юрий Гагарин стал первым человеком в космосе»*).

На основе сочетания выявленных маркеров может быть предложена следующая типология высококликабельных заголовков:

1) *сенсационно-конфликтный тип* (доминирование параметров «контраст» и «отрицательная эмоциональная нагрузка»);

2) *практико-ориентированный тип* (доминирование параметра «прагматическая ценность»);

3) *интригующий тип* (доминирование параметра «информационный дефицит»);

4) *эмоционально-нарративный тип* (доминирование параметров «нарративизация» и «положительная эмоциональная нагрузка»);

5) *контрастно-возрастной тип* (доминирование параметра «возрастной контраст»).

Выводы

Предложенный в статье подход и полученные результаты позволяют операционализировать понятие эмоциогенности применительно к цифровому новостному контенту, а также верифицировать теоретические положения лингвистики эмоций на материале современного русскоязычного новостного дискурса.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Оценка активизации эмотивного потенциала заголовка может осуществляться на основе отбора автором лексики с высокой эмоциональной нагрузкой, которая выступает в качестве маркеров высококликабельных заголовков, поскольку они лежат в основе поведенческого решения пользователя – обращения к тексту.

Каждый из 157 проанализированных заголовков отражает эмоционально значимые ситуации. Нарративная природа этих заголовков отражается в указании на события, в описании деталей событий, в использовании конкретных имен, названий. Абстрактных, обезличенных формулировок в выборке нет, что дает основание предположить, что нарративность выступает не просто одним из маркеров кликабельности, а ее необходимым условием. Почти столь же обязательным оказался контраст – он присутствует в значительной части заголовков и чаще всего актуализирует ситуации возрастных различий, противопоставления ожидания и реальности либо развертывания конфликтных отношений между субъектами. Особенно характерен контраст для политических заголовков, где он принимает форму оппозиции. Социаль-

ные заголовки максимально ориентированы на прагматическую ценность – правовые предупреждения, медицинские рекомендации, сведения о выплатах.

В высококликабельных заголовках текстов новостного дискурса доминируют единицы с отрицательной семантикой, отражающие негативные эмоциональные ситуации и негативные ценности нашего общества. Доминирование отрицательной окраски заголовков отражает общую закономерность восприятия новостного контента массовой аудиторией. Положительная нагрузка встречается лишь в каждом десятом заголовке, что согласуется с известным эффектом негативного предубеждения.

На основе комбинации выделенных параметров и эмотивных свойств проанализированных заголовков удалось выделить классификацию устойчивых типов заголовков (сенсационно-конфликтный, практико-ориентированный, интригующий, эмоционально-нарративный и контрастно-возрастной), которая может быть использована в практике работы цифровых медиа для оптимизации заголовочного контента, а также для разработки методик повышения эффективности новостного контента.

Список литературы / References

Болотов В. И. *Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста*. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.

Bolotov V. I. *Emotionality of text in aspects of linguistic and non-linguistic variability. The basics of the emotive style of the text*. Tashkent: Fan, 1981. 116 p. (In Russ.)

Вилюнас В. К. *Основные проблемы психологической теории эмоций*. *Психология эмоций. Тексты*. Москва: Московский государственный университет, 1984, с. 3–29.

Viliunas V. K. *The main problems of psychological theory of emotions. Psychology of emotion. Texts*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1984, pp. 3–29. (In Russ.)

Дейк Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*: сборник работ. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.

Dijk T. A. van. *Language. Cognition. Communication: A collection of works*. Moscow: Progress, 1989. 310 p. (In Russ.)

Добросклонская Т. Г. *Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи*. Москва: Едиториал УРСС, 2005. 286 с.

Dobrosklonskaia T. G. *Issues of studying media texts: Experience of researching modern English media*. Moscow: Editorial URSS, 2005. 286 p. (In Russ.)

Зелянская Н. Л., Белоусов К. И., Сычев О. А., Галинская Т. Н. Семантическая организация кликбейт-заголовков и показатели активности интернет-пользователей. *Медиалингвистика*, 2023, № 1, с. 66–86. https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.104; EDN: TUTLVH

Zelianskaia N. L., Belousov K. I., Sychev O. A., Galinskaia T. N. Semantic structure of clickbait headlines and internet user activities. *Media Linguistics*, 2023, no. 1, pp. 66–86. (In Russ.) https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.104; EDN: TUTLVH

Ионова С. В. *Эмотивность текста как лингвистическая проблема*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 1998. 19 с. EDN: NLNCMD

Ionova S. V. *Text emotionality as a linguistic problem*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. Volgograd, 1998. 19 p. (In Russ.) EDN: NLNCMD

Ионова С. В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания. *Вопросы психолингвистики*, 2022, № 1 (51), с. 26–39. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39; EDN: XEKMEZ

Ionova S. V. Linguopsychology of emotions in the modern linguistics concepts. *Journal of Psycholinguistics*, 2022, no. 1 (51), pp. 26–39. (In Russ.) https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39; EDN: XEKMEZ

Костомаров В. Г. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа.* Москва: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.

Kostomarov V. G. *Language taste of the era. From observations of media speech practice*. Moscow: Pedagogika-press, 1994. 247 p. (In Russ.)

Мягкова Е. Ю. *Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования*. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. 106 с. EDN: CJWDWZ

Miagkova E. Iu. *Emotional stress of the word: Experience of psycholinguistic research*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990. 106 p. (In Russ.) EDN: CJWDWZ

Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. *Когнитивная структура эмоций. Язык и Интеллект*. Москва: Прогресс, 1995, с. 314–384.

Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A. *Cognitive structure of emotions. Language and Intelligence*. Moscow: Progress, 1995, pp. 314–384. (In Russ.)

Пиотровская Л. А., Трущелёв П. Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 2020, № 4, с. 991–1016. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016; EDN: FAGRGY

Piotrovskaia L. A., Trushchelev P. N. What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks. *Russian Journal of Linguistics*, 2020, no. 4, pp. 991–1016. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016; EDN: FAGRGY

Сметанина С. И. *Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.* Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В. А., 2002. 382 с. EDN: QDSGXN

Smetanina S. I. *Media text in the cultural system: Dynamic processes in the language and style of journalism of the late XX century*. St Petersburg: Izdatel'stvo Mikhailova V. A., 2002. 382 p. (In Russ.) EDN: QDSGXN

Трущелёв П. Н. *Эмотивная прагматика учебного текста (эмоция интереса)*: автореф. дис. … канд. филол. наук. Санкт-Петербург: [б. и.], 2023. 26 с. EDN: WFRIAW

Trushchelev P. N. *Emotive pragmatics of instructional text (emotion of interest)*: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences. St Petersburg, 2023. 26 p. (In Russ.) EDN: WFRIAW

Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. Москва: Гнозис, 2008. 414 с.

Shakhovskii V. I. *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis, 2008. 414 p. (In Russ.)

Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография, под редакцией В. И. Шаховского. Волгоград: Перемена, 2003. 174 с.

Emotive language code and its implementation: Multi-Authored monograph; edited by V. I. Shakhovsky. Volgograd: Peremena, 2003. 174 p. (In Russ.)

Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good. *Review of General Psychology*, 2001, vol. 5, no. 4, p. 323–370. https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.4.323

Yandex LLC. Method and system for generating push notifications related to digital news: Patent US11308164B2: [patent], 2022.

Информация об авторе

Цзя Вэй – аспирант, https://orcid.org/0009-0001-0944-6717, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (д. 6, ул. Академика Волгина, 117485 Москва, Россия); **Jia Wei** – Postgraduate Student, https://orcid.org/0009-0001-0944-6717, bellawei059@yandex.ru, Pushkin State Russian Language Institute (6, ul. Akademika Volgina, 117485 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.06.2026; одобрена после рецензирования 14.07.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 30.06.2026; Approved after reviewing 14.07.2026; Accepted for publication 17.09.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 179–195.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 179–195.

Научная статья
УДК 811.161.1'34
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-14
https://elibrary.ru/nwrbbi

Становление русской акцентологической нормы в процессе суффиксации

Ольга Игоревна Глазунова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
o.i.glazunova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X

Аннотация. Каждый этап в процессе становления языковых единиц осуществлялся на основе взаимодействия формы и содержания, в результате чего система языка развивалась по эволюционному принципу, сохраняя преимущества предыдущего уровня и приобретая новые полезные свойства при переходе на следующий. Данная работа посвящена анализу существительных мужского рода, включающих однотипные образования, которые в составе одних слов закрепились как часть корня, а в других приобрели статус суффиксов. В ходе исследования было выявлено, что присутствие суффиксов оказывало существенное влияние на изменение акцентуации слова. При этом трансформация ударения в производном существительном не была случайной или технически заданной, она подчинялась определенным алгоритмам в соответствии с тем, какая морфема в составе лексемы должна была обращать на себя внимание слушающего, облегчая восприятие слова в целом.
Ключевые слова: русский язык, древнерусский язык, морфологическое словообразование, акцентологические нормы, флективно-акцентологические типы склонения
Для цитирования: Глазунова О. И. Становление русской акцентологической нормы в процессе суффиксации. *Вестник Череповецкого государственного университета,* 2026, № 5 (134), с. 179–195. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-14; EDN: NWRBBI

The development of the Russian accentological norm in the process of suffixation

Olga I. Glazunova
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia
o.i.glazunova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X

Abstract. Each stage in the formation of linguistic units was carried out on the basis of the interaction of form and content, as a result of which the language system developed according to the evolutionary principle, preserving the advantages of the previous level and acquiring new useful properties when moving to the next one. This work focuses on the study of masculine nouns that include formations of the same type, which in some words have become fixed as part of the root, and in other words have acquired the status of suffixes. The study revealed that the presence of suffixes had a significant effect on the change in the accentuation of the word. The transformation of accent

© Глазунова О. И., 2026

in the derived noun was not accidental or technically predetermined; it followed certain algorithms in accordance with which morpheme in the lexeme was supposed to attract the listener's attention, facilitating the perception of the word as a whole.
Keywords: Russian language, Old Russian language, morphological word formation, accentological norms, inflectional-accentological types of declension
For citation: Glazunova O. I. The development of the Russian accentological norm in the process of suffixation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 179–195. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-14; EDN: NWRBBI

Введение

В процессе передачи информации от отправителя к получателю учитываются не только физиологические особенности человека – и отдельные звуки, и их комплексы обладают в сознании носителей языка если не смысловыми, то чувственно-ассоциативными значениями, которые соотносятся с окружающим миром и реализуются в составе лексем, наделяя их дополнительным содержанием.

Не только звуки речи, в которых отразились особенности восприятия носителями языка окружающего мира и формирования о нем слуховых, визуальных и других представлений, сыграли роль в процессе становления и развития языка. Морфемные структуры оказались способными на уровне акцентуации нести информацию о том, какие составляющие слова представляют наибольший интерес для слушающего.

Г. А. Николаев писал об этом: «Древнерусскому языку были известны две разновидности морфологического словообразования: аффиксация и сложение. Аффиксация включала префиксацию и суффиксацию и была представлена как в именном, так и в глагольном словопроизводстве. При этом приставочное словообразование было более свойственно глаголу, суффиксация – имени»[1].

Основная часть

I. Среди односложных существительных мужского рода выделяется группа слов с суффиксом ***-ец***: *жнец, лжец, льстец, жрец, чтец,* мотивированных глаголами *жать, лгать, льстить, жрѣти* (*жрѣти*) ('совершать жертвоприношения')[2], *читать*. Во всех этих существительных суффикс ***-ец*** указывает на лицо, которое совершает действие, выраженное глаголом. Г. А. Николаев, отмечая различные способы создания слов в древнерусском языке, пишет о том, что «наиболее продуктивным суффиксом оформления сложных nomina agentis был стилистически нейтральный суффикс -ьць»[3].

[1] Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования. *Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 2009, т. 151, кн. 6, с. 116. EDN: KYWGST

[2] Форма глагола дается по: Срезневский И. И. *Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3 т., т. I. А–К. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893, с. 890.

[3] Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования. *Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 2009, т. 151, кн. 6, с. 117. EDN: KYWGST

Структура древнерусских существительных свидетельствует о том, что они образовывались не только от инфинитивов, но и от форм глаголов настоящего времени: жати – жьноу – **жьньць**, лъгати – лъжоу – **лъжьць** (‘лжец’), льстити – льщоу – **льстьць** (‘лжец, обманщик’), жьрти[1] – жьроу – **жьрьць**. Переход ударения с основы на суффикс ***-ец*** в процессе образования существительных соответствовал акцентологическому типу, по которому меняли ударения односложные существительные мужского рода с основой на **ж**, **ш**, **щ**, **ч** и **ц**: все флексии ударные, за исключением формы именительного падежа единственного числа.

В существительных суффикс ***-ец*** использовался для наименования лица или предмета по наиболее характерным для них признакам. С помощью суффикса ***-ец*** образовывались двусложные существительные, мотивированные глаголами (*стрелéц, пловéц, пришлéць* (‘пришелец’)[2], *убóець* (‘убийца’)), а также существительные, мотивированные прилагательными (*елéц* (‘дубовый или еловый лесок, заросль, роща’), *наглéц*, *удалéц*, *слепéц*, *вдовéц*, *стáрец*, *упрямец*) и другими существительными (*кубáнец*, *эстóнец*, *китáец*, *гвардéец*, *комсомóлец*; *градéць* (‘городок’), *ларéц*, *котéць* (‘клетка’), *числéць* (‘счетчик, ведущий перепись’)).

Сохранение ударения на основе в некоторых словах с суффиксом ***-ец*** (например, в существительном *сúтец*) свидетельствует о том, что такого рода лексика появилась в русском языке относительно недавно, потому что даже в двусложных древнерусских существительных на ***-ец*** суффикс оставался ударным: *отьць = отéць.*

Исключение составляет небольшая группа древнерусских двусложных существительных мужского рода с гласной ***а*** в основе: *пáлець*, *брáтець*, *стáрець*, *áгнець*, *стáвець* (‘сосуд для питья’), *чвáнець* (‘кувшин’), *мáлець*, которые сохраняют ударное ***а***. Хотя стоит отметить, что с течением времени некоторые из них обрели более частотное для этой группы слов ударение на суффиксе – *малéц*. Сменили ударение и некоторые другие слова. Так, например, в существительных *истéц*, *счастлúвец*, которые в древнерусском языке имели ударение на основе – *úстець*, *счáстливець*, ударение сдвинулось на один слог вправо.

А вот древнерусское существительное *перéць* вошло в современный русский язык со сдвигом ударения влево – *пéрец*. Возможно, это было связано с необходимостью развести данное существительное со сходным по звучанию словом *пъвéць*. В результате существительное *певéц* (*пъвéць*), происходившее от праславянского корня, сохранило ударение на суффиксе, а в слове *перéць*, имеющем древнерусское происхождение, ударение сдвинулось на основу – *пéрец*.

В трех и более сложных существительных суффикс ***-ец***, как правило, оставался безударным: *торгóвець*, *брáтанець* (‘племянник’), *родúмець* (‘родственник’), *младéнець*, *рыболóвець*, *мúлостивець*, *кормúлець*, *домочáдець*, *инорóдець*, *румя́нець*, *мъзúнець*, *гостúнець*, *колóдець*. Причина этого заключается в особенностях произношения и восприятия слов в речи: сдвиг ударения к центру дает возможность урав-

[1] Форма глагола дается по: *Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)*: в 10 т., т. III, главный редактор – Р. И. Аванесов. Москва: Русский язык, 1990, с. 275.

[2] Здесь и далее ударение дается по: Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 728 с. EDN: RBBTNX

новесить структуру многосложных существительных. Сравните: *писе́ць → живопи́сець, книгопи́сець, добропи́сець, скоропи́сець*.

Кроме того, в ряде случаев ударение выступало в качестве дифференциального признака, позволяющего разграничить в языке слова с разным стилистическим или коммуникативным значением: *мо́лодец* (в нар. поэзии – ‘удалец’) и *молоде́ц* (1. Молодой человек, сильный, крепкого сложения; 2. Выражение похвалы[1]).

Не только суффикс ***-ец***, но и другие суффиксы в составе существительных могут приводить к трансформациям их падежной акцентологической парадигмы. И это вполне естественно, т. к. суффикс меняет лексическое значение слова. Трансформация может происходить по-разному: при использовании одних суффиксов ударение в косвенных падежах смещается на окончание, в случае присоединения других – остается на основе или изменяется лишь в некоторых падежных формах.

Например, в существительном *ла́герь* (‘место отдыха’) смещение ударения на флексию наблюдается только в формах именительного и родительного падежа множественного числа: *лагеря́, лагере́й*. А в омонимичном существительном *ла́герь* (‘политическое течение’) ударение остается на основе во всех падежных формах: *ла́гери, ла́герей*, что свидетельствует о том, что данное значение слова возникло позднее основного значения – ‘место отдыха’.

Очевидно, что смещение ударения в лексемах зависит не только от формы слова в именительном падеже, но и от вариантов их реализации в косвенных падежах. К сожалению, в представленных А. А. Зализняком акцентологических типах односложных существительных[2] не учитываются падежные окончания, которые наравне с ударениями являются маркерами, определяющими не только грамматическое, но и лексическое значение существительных (например, единичность, собирательность, множественность и т. д.). Так, например, существительные *дом, край*, имеющие во множественном числе ударные окончания ***-а / -я***, в акцентологические типы А. А. Зализняка не вписываются: от типа ***c*** их отличают флексии во множественном числе именительного падежа.

II. Ударения и флексии в падежных формах взаимодействуют друг с другом, определяя не просто акцентологические, а флективно-акцентологические типы односложных имен существительных. Закрепившиеся на уровне формы способы выражения грамматических и семантических значений были обусловлены комплексом факторов, определяющих логику выстраивания акцентных парадигм, и принципы, которыми руководствовались носители языка при акцентуации.

[1] *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Российская Академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, ответственный редактор – Н. Ю. Шведова. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2011, с. 456.

[2] a – ударение на основе во всей парадигме (*знак, зна́ка; зна́ки, зна́ков*); b – ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол, стола́; столы́, столо́в*); c – как a в единственном числе, как b во множественном числе (*дар, да́ра; дары́, даро́в*); d – как b в единственном числе, как a во множественном числе (*кол, кола́; ко́лья, ко́льев*); e – то же, что c, но с наосно́вным ударением в именительном множественного (*бог, бо́га; бо́ги, богов*); f – то же, что b, но с наосно́вным ударением в именительном множественного (*гвоздь, гвоздя́; гво́зди, гвозде́й*) [Зализняк А. А. *Труды по акцентологии*: в 2 т., т. I. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 464–465].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что односложные существительные мужского рода в русском языке имеют шесть не просто акцентологических, а флективно-акцентологических типов склонения:

(**1**) *Дом – до́ма <…> – дома́ – домо́в <…>*; *край – кра́я <…> – края́ – краев <…>*. Формы единственного числа – ударение на основе. Формы множественного числа – ударение на флексии (именительный падеж множественного числа – флексия ***-а*** / ***-я***).

(**2**) *Зуб – зу́ба <…> – зу́бы – зубо́в <…>*; *гость – го́стя <…> – го́сти – гостей <…>*. Формы единственного числа – ударение на основе. Именительный падеж множественного числа – ударение на основе (флексия ***-ы*** / ***-и***), родительный и далее падежи множественного числа – ударение на флексии (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

(**3**) *Сын – сы́на <…> – сыны́ – сынов <…>; плуг – плу́га <…> – плуги́ – плугов <…>; чай – ча́я <…> – чаи́ – чаев <…>*. Формы единственного числа – ударение на основе. Формы множественного числа – ударение на флексиях (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

(**4**) *Столб – столба́ <…> – столбы́ – столбо́в <…>*; *лоб – лба <…> – лбы́ – лбов <…>*; *руль – руля́ <…> – рули́ – рулей <…>, день – дня <…> – дни́ – дней <…>*. Все формы, за исключением именительного падежа единственного числа, имеют ударение на флексиях (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

(**5**) *Конь – коня́ <…> – кони́ – коней <…>*. Именительный падеж единственного и множественного числа – ударение на основе, родительный и далее падежи единственного и множественного числа – ударение на флексии (именительный падеж множественного числа – флексия ***-и***).

(**6**) *Звон – звона́ <…> – звоны́ – звоно́в <…>; флаг – фла́га <…> – фла́ги – фла́гов <…>; сбой – сбо́я <…> – сбои́ – сбое́в <…>; стиль – сти́ля <…> – сти́ли – сти́лей <…>*. Все формы имеют ударение на основе (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

Наиболее простой и удобной для носителей русского языка является парадигма (**6**), в которой односложные существительные мужского рода во всех падежных формах сохраняют ударение на корне: *вид – ви́да – ви́ды – ви́дов, груз – гру́за – гру́зы – гру́зов, внук – вну́ка – вну́ки – вну́ков, стук – сту́ка – сту́ки – сту́ков, плуг – плу́га – плу́ги – плу́гов, миф – ми́фа – ми́фы – ми́фов, яд – я́да – я́ды – я́дов, танк – та́нка – та́нки – та́нков, банк – ба́нка – ба́нки – ба́нков, ухаб – ухаба – ухабы – уха́бов, ушиб – ушиба – ушибы – ушибов, сгиб – сгиба – сгибы – сгибов, ромб – ро́мба – ро́мбы – ро́мбов, зубр – зу́бра – зу́бры – зу́бров*.

В данном случае изменение падежной формы существительного маркируется флексией, которая, присоединяясь к основе, не оказывает влияния на его ударность. Это дает возможность без труда по корневой морфеме вычленить значение слова во всех его падежных вариантах. Однако такого рода акцентологическая парадигма имеет свои минусы.

Естественная редукция безударных слогов в речи существенно затрудняет восприятие существительных, а потому флективно-акцентологическая модель (**6**), в которой падежные формы выражаются только с помощью безударных окончаний, могла закрепиться в древнерусском языке лишь на поздних этапах развития, когда

безударные флексии уже без труда прочитывались в контексте и идентификация той или иной формы слова не вызывала проблем у его носителей. По флективно-акцентологической модели (**6**) склонялись существительные, которые нельзя отнести к частотным: *внук*, *тесть*, *яд*, *вепрь*, *хмель*, *зубр*, а также новые, чаще всего заимствованные, существительные, которые пополняли словарный запас языка: *стиль*, *шпиль*, *киль*, *ромб*, *дубль*, *танк*, *банк* и т. д.

В родительном падеже единственного числа все односложные существительные мужского рода имеют окончания ***-а*** (***-я***), и у большинства из них это окончание безударное: *до́м**а*** (акцент. тип **1**), *зу́б**а*** (**2**), *сы́н**а*** (**3**), *фла́г**а*** (**6**). При этом корни большинства существительных с безударной флексией оканчиваются на одиночную согласную.

Существительные с основой на мягкую согласную (*ко<u>нь</u>* (акцент. тип **5**)) и сочетанием шумных согласных в начале или в конце корня (*<u>вр</u>аг, стол<u>б</u>* (акцент. тип **4**)) имеют ударное окончание в родительном падеже единственного числа: *враг – враг**а́***, *конь – кон**я́***, *столб – столб**а́***. Очевидно, что в последних двух случаях сдвиг ударения вызван особенностями фонетического строения существительных: конечная мягкая согласная или сочетание конечных согласных в корневой морфеме требовали дополнительного маркирования флексии, которая гарантировала бы точность восприятия данной падежной формы. В качестве такого фонетического маркера выступило ударение, обеспечивающее четкость произношения окончания.

Если формы родительного падежа единственного числа односложных существительных мужского рода сохраняли одно и то же окончание ***-а*** (***-я***) и отличались лишь ударным или безударным его положением в составе лексемы, то при образовании форм именительного падежа множественного числа в древнерусском языке использовалось два варианта флексии: основное окончание ***-ы*** (***-и***) и сохранившееся от исчезнувших форм двойственного числа окончание ***-а*** (***-я***).

Только существительные флективно-акцентологического типа (**1**) в именительном падеже множественного числа имеют ударное окончание ***-а́*** (***-я́***): *дом – до́м**а** – дом**а́** – домо́в*, *лес – ле́с**а** – лес**а́** – лесо́в*, *хлеб – хле́б**а** – хлеб**а́** – хлебо́в* (в знач. ‘злаки’), *хлев – хле́в**а** – хлев**а́** – хлево́в*, *брег – бре́г**а** – брег**а́** – брего́в*, *рог – ро́г**а** – рог**а́** – рого́в*, *луг – лу́г**а** – луг**а́** – лугóв*, *род – ро́д**а** – род**а́** – родо́в* (войск), *корм – ко́рм**а** – корм**а́** – кормо́в* (чтобы избежать пересечения с формами *корма́ – кормы́ – кормы́* (ж. р.)), *тон – то́н**а** – тон**а́** – тоно́в*, *вес – ве́с**а** – вес**а́** – весо́в*, *край – кра́**я** – кра**я́** – краёв*.

К флективно-акцентологическому типу (**1**) примыкает существительное *глаз – гла́з**а** – глаз**а́** – глаз*, в котором форма множественного числа родительного падежа *глаз* имеет усеченный вариант, как у существительных женского и среднего рода: нет кого? чего? – *мам*, *земе́ль*, *карт*, *озёр*, *о́кон* и т. д.

Наряду с существительными, обозначающими парные предметы, которые в именительном падеже множественного числа наследуют окончание ***-а*** от форм древнерусского двойственного числа: *брег**а́**, рог**а́**, бок**а́**, рукав**а́***, в современном русском языке присутствует целый ряд существительных с теми же формами множественного числа, которые к парным предметам отношения не имеют: *дом**а́**, лес**а́**, луг**а́**, шторм**а́***.

Предположить, что носители языка традиционно рассматривали их парами, тоже невозможно. Скорее всего, эта акцентологическая парадигма склонения возникла параллельно со склонением существительных среднего рода на ***-о***, ***-е***, у которых формы родительного падежа единственного числа и формы именительного падежа множественного числа совпадали по написанию, но различались ударением: ста́до – *ста́да* – *стад****а́*** – стад (как *мам* – по женскому типу склонения), бла́го – *бла́га* – *благ****а́*** – благ, сло́во – *сло́ва* – *слов****а́*** – слов, о́блако – *о́блака* – *облак****а́*** – облако́в (как *домо́в* – по мужскому типу склонения).

Смешение падежных окончаний при выстраивании парадигм существительных разных типов склонения вполне естественно. У неодушевленных существительных опереться на семантические показатели рода, соотносящиеся с предметами, которые они обозначают, невозможно. Хотя какие-то чувственные ассоциации по отношению к предметам оказывали влияние на формирование в языке рода существительных, предназначенных для их наименования. Например, материнская природа земли, дающей человеку силы и пропитание, способствовала тому, что существительное, которое использовали для ее обозначения, имело форму женского рода. Среди портретных характеристик человека наиболее значимые объекты при взгляде на лицо анфас приобретали форму мужского рода: *лоб*, *рот*, *нос*, *глаз*; а боковые и дополнительные части – форму среднего или женского рода: *ве́ко*, *у́хо*, *го́рло*; *ше́я*, *щека́*, *губа́*, *бровь*.

Сходство между существительными мужского рода с формой именительного падежа множественного числа на ***-а*** (***-я***) (*дома́*, *края́*) и формами существительных среднего рода с теми же окончаниями (*тела́*, *поля́*) касается и ударений. Отличие именительного падежа единственного числа от родительного падежа единственного числа состоит в окончании. Нулевое окончание в именительном падеже мужского рода меняется в родительном падеже на традиционное для форм мужского и среднего рода окончание ***-а*** (***-я***) (ударение сохраняется на основе): *д****о****м – д****о́****ма*, *кр****а****й – кр****а́****я*. При этом форма родительного падежа единственного числа совпадает по написанию с формой именительного падежа множественного числа, а вот ударение переходит на окончание: *дом – до́м****а*** *– дом****а́***, *луг – лу́г****а*** *– луг****а́***, по типу склонения существительных среднего рода: *те́ло – те́л****а*** *– тел****а́***.

Таким образом, у существительных мужского рода флективно-акцентологического типа (**1**) в именительном падеже множественного числа отсутствует флексия ***-ы*** (***-и***), которая традиционно объединяла формы существительных мужского и женского рода. Хотя существительные мужского рода всех остальных типов (**2**)–(**6**) в именительном падеже множественного числа ее имели. Возможно, это отличие было связано с неопределенной родовой принадлежностью предметов (*дом*, *луг*, *лес*, *край*), обозначаемых существительными флективно-акцентологического типа (**1**).

По мнению П. Я. Черных, «в качестве формы именительного-винительного падежа мн. ч. форма на *-а*, *-я,* несомненно, возникла сравнительно недавно. Достоверных примеров этой формы в старой московской письменности не встречается раньше XVI столетия. Даже в письменности первой половины XVII в. они еще единичны. Достаточно сказать, что в такой большой книге, как Уложение 1649 г., можно

отметить только единственный случай – *лѣсá*. Но со второй половины XVII в. таких примеров встречается все больше и больше»[1] (курсив автора. – *О. Г.*).

Таким образом, отличие падежных форм существительных друг от друга обеспечивается в языке объективными характеристиками – разницей во флексиях или в ударении. Сдвиг ударения как дифференциальный признак свойственен не только существительным среднего рода с ударением на корне: *стáдо – стáдо**а** – стадо**á***, *слóво – слóво**а** – слово**á***, но и существительным среднего рода с ударным окончанием в формах именительного падежа единственного числа: *окнó – окно**á** – óкно**а**, лицó – лицо**á** – лúцо**а***. У односложных существительных мужского рода флективно-акцентологического типа (**1**) формы родительного падежа единственного числа сохраняли накорневое ударение (*до**м** – дóма, лу**г** – лýга*), а в формах именительного падежа множественного числа ударение падало на окончание (*дом – дома́, луг – луга́*).

Из односложных существительных мужского рода с основой на мягкую согласную к первому акцентологическому типу принадлежит слово *край* (*кра́я – края́ – краёв*) и слово *муж* (*мýжа – мужья́ – мужéй*) – в древнерусском языке [ж] был мягким. Если вариант формы множественного числа на ударный ***-а*** (*дома́, луга́, леса́*) соотносится с формами древнерусского двойственного числа, то окончания ***-ья*** (*мужья́*) происходят от древнерусских собирательных форм существительных на ***-ие*** (*братие, дубие*) и ***-ия*** (*кънязия*).

Суффиксы ***-ак***, ***-як***, ***-ык***, ***-ар***, ***-арь***, ***-ырь***, ***-ирь*** и др. в древнерусском языке, присоединяясь к основе существительного, как и суффикс ***-ец***, тоже смещали ударение на флексию в соответствии с флективно-акцентологическим типом (**4**) склонения односложных существительных мужского рода. Тот факт, что в современном русском языке многие из них стали частью корневых морфем, свидетельствует о том, что они имели статус заимствований и входили в лексический состав в определенный период времени вместе с предметами, которые называли (ср.: *ярлы́к, шты́к, сундýк, чугýн, батра́к, царь, визи́рь*).

Существительное *ярлы́к* произошло от тюркского *ярл-эк* (‘приказ, повеление’). Именно так в Древней Руси обозначались ханские жалованные грамоты на владение уделами. А *штык* пришло в русский язык через польский, в котором *sztyk* (‘острие’) восходит к средненемецкому *stich* (с тем же значением), образованному от глагола *stechen* (‘колоть’).

Даже существительное *бык*, в котором ***-ык*** входит в состав корня, происходит, по мнению Ф. Е. Корша, от тюрк.-монг. *бука́, бугá*[2]. Несмотря на то что М. Фасмер считал «неправильным» возводить русское слово *бык* к тюркскому *buka*, точка зрения Ф. Е. Корша представляется более обоснованной, потому что сочетание ***-ык*** в древнерусском языке имеет тюркские корни. Предположение М. Фасмера о том, что

[1] Черных П. Я. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1952, с. 158.

[2] См.: Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910, т. 1, с. 58.

древнерусское *бык* происходит от лат. *vacca* (‘корова’)[1], вряд ли соответствует действительности.

Склонение слов, которые в древнерусском языке имели иностранное происхождение, отличалось от привычных моделей. Неслучайно среди односложных существительных мужского рода, принадлежащих к акцентологическому типу (**4**), встречается больше всего заимствованной лексики. При этом следует отметить одно немаловажное обстоятельство. Например, существительные на ***-ун*** тюркского происхождения склоняются в соответствии с акцентологической моделью (**4**): *лгун – лгуна́*, *табу́н – табуна́*, *чугу́н – чугуна́*, *колду́н – колдуна́*, *горбу́н – горбуна́*, а существительные на ***-ан*** / ***-ян*** и ***-ен*** в падежных формах сохраняют ударение на корне: *кафта́н – кафта́на*, *дива́н – дива́на*, *тюрба́н – тюрба́на*, *бая́н – бая́на*, *калья́н – калья́на*, *тимья́н – тимья́на*, *сафья́н – сафья́на*; *кузе́н – кузе́на*, *бу́бен – бу́бна*, *доме́н – доме́на*, *игу́мен – игу́мена*.

Существительные на ***-унъ*** (*пѣстуно́нъ*, *бѣгуно́нъ* (‘беглец’), *мигуно́нъ*, *колду́нъ*, *блядуно́нъ*, *шептуно́нъ*, *кощуно́нъ*, *хрипуно́нъ*, *ляпуно́нъ* (‘плохой маляр’)) в древнерусском языке склонялись в соответствии с акцентологической моделью ***b*** (по А. А. Зализняку) – все падежные окончания ударные. Тот же самый тип ударения они сохранили и в современном русском языке.

Существительные на ***-анъ / -янъ***, ***-енъ***: *кабо́нъ*, *болва́нъ* (‘идол’), *чванъ* (‘жбан’), *тага́нъ*, *орга́нъ*, *саза́нъ*, *чека́нъ*, *бра́танъ*, *ханъ*, *колча́нъ*; *окия́нъ*, *фимья́нъ* (‘фимиам’), *христья́нъ*, *грубъя́нъ*; *бу́бенъ*, в древнерусском языке склонялись по акцентологическому типу ***a*** (по А. А. Зализняку) – все флексии безударные. В современном русском языке большинство из них сохранили безударное окончание. Исключение составляют частотные существительные *каба́н*, *каза́н*, *брата́н*, которые стали изменяться по флективно-акцентологическому типу (**4**).

К группе существительных, сохранивших ударение на основе, можно отнести существительные на ***-ор*** (***-орь***): *зато́р*, *запо́р*, *позо́р*, *мра́мор*, *скульпто́р*, *литера́то́р*, *сена́то́р*; *я́корь*. В древнерусском языке существительные на ***-оръ*** относились к разным типам склонения. Отглагольные существительные *сборъ*, *взоръ*, *споръ* склонялись в соответствии с акцентологическим типом ***a*** (флективно-акцентологический тип (**6**) – все флексии безударные). По той же модели склонялись и существительные: *стягъ* – (укр.) *стягати* (‘стягивать’), *знакъ – зна́чити* (‘давать знак’), *смотръ – смотри́ти* (‘смотреть’), *смердъ – смръдѣ́ти*, *кладъ – кла́дати*, *кругъ – кружи́ти*, *другъ – дружи́ти*, *торгъ – торгова́ти*, *съборъ – бра́ти*.

Существительное *дворъ* с сочетанием согласных в корне в древнерусском языке относилось к акцентологическому типу ***b*** (все флексии ударные) и сохранило этот тип склонения в современном русском языке. Существительное *багоно́ръ* (‘пурпур’) с беглой гласной **о** в древнерусском языке имело безударные падежные окончания (род. п., ед. числа *ба́гра*). В современном русском языке уже в другом значении оно изменяется в соответствии с флективно-акцентологическим типом (**4**): *багор – багра́ – багры́ – багро́в*. Точно так же склоняются и многие другие существительные с

[1] Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т., т. 1. Москва: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004, с. 258.

беглыми гласными: *песóк*, *цветóк*, *огóнь*, *хребéт*, *овес*, *пенек*, *костер* и др., о которых речь шла выше.

Существительные *гóворъ* (‘шум, гомон’), *моръ*, *свéкоръ* склонялись в древнерусском языке в соответствии с акцентологическим типом ***с*** (по А. А. Зализняку) – с ударными флексиями, начиная с форм множественного числа. В современном русском языке все их падежные формы сохраняют ударение на основе (флективно-акцентологический тип (**6**)).

Тот же самый тип склонения ***с*** был и у древнерусского существительного *боръ* в значениях ‘сосна’, ‘бор’, ‘побор, обложение’. Если бы у *бóра* не появился омоним (название химического элемента с атомным номером 5), можно было бы ожидать, что в современном русском языке *бор* изменялся бы, как изменяются *вор* и *мор*, т. е. со всеми безударными флексиями.

По старой акцентологической норме существительное *бор* изменялось с сохранением накорневого ударения: *бóр*, *бóра*, *бóру*, *бóр*, *бóром*, *о бóре* (ед. число); *бóры*, *бóров*, *бóрам*, *бóры*, *бóрами*, *о бóрах* (мн. число). Ср.: «Конь мой спорый. Топи, *бóры*, степи, горы пролетим. / Жарко дышит. Мысли слышит. Конь – огонь и побратим» (К. Бальмонт). И только в современном русском языке в формах множественного числа ударение в существительном *бор* со значением ‘лес с преобладанием хвойных деревьев’ сдвинулось на флексии: *боры́*, *боро́в*, *бора́м* и т. д.

И это естественно: заимствованные существительные (в нашем случае это название химического элемента), как уже говорилось ранее, сохраняли единое ударение во всех падежных формах, т. е. склонялись в соответствии с акцентологическим типом (**6**). Например, существительные с суффиксом ***-ор***, которые появились в русском языке при Петре I (*импера́тор*, *губерна́тор*, *ревизо́р*), выстраивали ударение по форме именительного падежа единственного числа: *импера́тор – импера́тора – импера́торы – импера́торов*; *ревизо́р – ревизо́ра – ревизо́ры – ревизо́ров.*

То же самое относится и к существительным с другими суффиксами – например, с суффиксом ***-ер***. Существительные с суффиксом ***-еръ*** в древнерусском языке: *ма́стеръ*, *па́нтеръ* (‘пантера’), *ве́черъ*, предопределили склонение существительных *акционе́р*, *импорте́р*, *парламенте́р* и др., которые были заимствованы позднее. Здесь стоит еще раз отметить, что переход ударения с основы на окончание в процессе склонения существительных мужского рода был свойственен периоду активного преобразования древнерусского языка.

Существительные, которые вошли в язык позже, по большей части склонялись в соответствии с акцентологическим типом (**6**), т. е. без сдвига ударения. В этой связи достаточно сопоставить существительное *столъ* (от праслав. *stolъ), изменяющееся, как многие другие слова с сочетанием согласных в корне, по акцентологической модели (**4**), с заимствованным существительным *стулъ* (нем. stuol), которое в русском языке склоняется в соответствии с акцентологической моделью (**6**). Очевидно, что существительные, сходные по звуковому составу, но вошедшие в язык в разное время, изменяются по падежам в соответствии с разными флективно-акцентологическими типами.

III. Рассмотрим варианты образования с помощью суффиксов имен существительных мужского рода со смещением ударения во всех падежных формах (акцентo-

логический тип (**4**)), а также тех лексем, которые вошли в язык позже или имели отглагольное происхождение, а потому сохранили ударение на основе в соответствии с акцентологическим типом (**6**) (см. таблицу).

Таблица

Суффиксы	**Акцентологический тип (4)**	**Акцентологический тип (6)**
-ак-	*вожа́к, каза́к, чужа́к, лежа́к, реза́к, рюкза́к, лежа́к, черда́к, рыба́к, каба́к, таба́к, лева́к, дура́к, проста́к, кула́к, бурла́к, пиджа́к, гама́к, тума́к, башма́к, колпа́к, гопа́к, гуса́к, рыса́к, четверта́к, ша́к, куща́к*	*бак, мак, рак, смак, мрак, фрак, злак, знак, шлак, бара́к, слова́к, сайга́к, вурдала́к, буера́к, бива́к, ко́дак*
-як-	*маяк, земляк, хомяк, свояк, бедняк, босяк, толстяк, сорняк, беляк, моряк, дьяк, сыпняк, армяк, синяк, червяк, тюфяк, холостяк, кизяк*	*маньяк, поляк, хряк*
-ык-	*бык, клык, ярлык, балык, шашлык, штык*	*стык, рык*
-ук-	*жук, сук, паук, каблук, барсук, клобук, сундук*	*стук, звук, внук*
-юк-	*крюк, индюк, бирюк, курдюк, бурдюк, фетюк, пасюк*	*люк, трюк, урю́к, волапю́к, мамелю́к*
-еж-	*падёж, рубёж, мятёж*	*кортёж, манёж*
-ёж-	*ёж, чертёж, кутёж, скулёж, грабёж, платёж*	–
-ёл-	*козёл, осёл, котёл, орёл*[1]	*костёл*
-иж-	*чиж, стриж*	*прести́ж*
-ёр-	*костёр*	*шахтёр, боксёр*
-ар-	*бочар, комар, гончар*	*сахар, нектар, гектар*
-яр-	*маляр, столяр, школяр, овчар, гусляр*	*футляр, доя́р*
-арь-	*царь, псарь, буквáрь, звонáрь*	*пáхарь, пéкарь, тóкарь* (безударный вариант суффикса)
-ырь-	*штырь, упырь, хмырь, пузы́рь, газы́рь, пустырь, пáстырь, монасты́рь, псалты́рь, богаты́рь, поводы́рь, волды́рь, нашаты́рь*	*ко́зырь, ло́дырь, пла́стырь, пáстырь* (безударный вариант суффикса)
-ирь-	*снегúрь, мизгúрь, имбúрь, чихúрь*	*визúрь, пáнцирь*
-ун-	*лгун, врун, чугун, табун, вещун, колдун, валун, колтун, зипун, болтун, опекун, драчун, прыгун*	*клóун, драгун, попрыгун*
-ут-	*плут, шут, жгут, прут*	*фут, óмут, якут, мазут, кунжут, редут, нокáут*

[1] Существительные с конечным корневым *-ел-* (*дя́тел, а́нгел, пе́пел, жу́пел*) сохраняют ударение на основе во всех падежных формах.

К акцентологическому типу (**4**) относятся существительные мужского рода, включающие ударные суффиксы ***-а́к-*** (*вожа́к*, *лежа́к*, *реза́к*), ***-я́к-*** (*земля́к*, *хомя́к*, *своя́к*, *бедня́к*, *боря́к*, *толстя́к*, *сорня́к*, *беля́к*, *дьяк*, *сыпня́к*), ***-е́ж-*** / ***-ёж-*** (*паде́ж*, *рубе́ж*, *мяте́ж*; *чертёж*, *кутёж*, *скулёж*, *грабёж*, *платёж*), ***-ёл-*** (*козёл*, *осёл*, *котёл*, *орёл*), ***-я́р-*** (*маля́р*, *столя́р*, *школя́р*, *овча́р*, *гусля́р*), некоторые существительные с ударными суффиксами ***-а́р-*** (*боча́р*, *гонча́р*) и ***-а́рь-*** (*царь*, *псарь*, *звона́рь*), а также существительные на ***-о́к-*** (*ходо́к*, *игро́к*, *глото́к*, *мазо́к*, *хлопо́к*).

При этом существительные, которые вошли в русский язык на более позднем этапе его развития (*корте́ж*, *футля́р*, *доя́р*, *некта́р*, *гекта́р*, *поля́к*, *то́карь*, *па́харь*, *пе́карь*, *сни́мок*, *хряк*), а также существительные, в которых безударность суффиксов была обусловлена омонимией (*са́хар*, *за́мок*), склоняются в соответствии с акцентологическим типом (**6**), сохраняя все флексии безударными. Сохраняют накорневое ударение и существительные *стык*, *рык*, *хряк* и др., мотивированные глаголами.

Мы рассмотрели существительные, которые включают в свой состав однотипные морфемные образования. Их однотипность и повторяемость в морфологической структуре частей речи свидетельствует о том, что данные образования имели статус суффиксов, несмотря на то, что современные кодифицированные издания могут рассматривать их как часть корня.

К сожалению, проблема выделения и оформления морфемного статуса тех суффиксов, которые сложились в древнерусском языке или были заимствованы вместе с лексемами, но в дальнейшем использовались при словообразовании, по-прежнему остается нерешенной. Иноязычные суффиксы в силу их недостаточной распространенности часто приписываются к корневой морфеме.

Сам по себе морфемный их статус существенного значения не имеет. Важно другое: входя в структуру существительных, суффиксы оказывают влияние на склонение, определяя принадлежность слов к определенным флективно-акцентологическим типам. Рассмотрим, каким образом древнерусские суффиксы меняли акцентологические парадигмы существительных мужского рода.

Если префиксы в составе имен существительных (вслед за предлогами, с которыми они соотносятся) чаще всего служили для выражения отношений между объектами в пространстве и времени (*город* – ***при****город*, *страдание* – ***со****страдание*, *история* – ***пред****ыстория*), то словообразовательные суффиксы, как правило, были предназначены для формирования новых категориальных значений: принадлежности, определительности, субъектности и т. д.[1]

Например, от изначально двусложных древнерусских существительных мужского рода *вълкъ*, *конь* (в современном русском языке они стали односложными – *волк*, *конь*) с помощью суффиксов образовывались новые слова: *вълчи́ца*, *волче́нокъ*, *волче́ць*; *ко́невъ*, *ко́ньскыи*, *коне́къ*, *ко́ньныи*, *ко́ньникъ*, *коне́вьникъ* (‘конный воин’),

[1] Это отмечает Ж. Ж. Варбот, говоря о суффиксах *-lišče*, *-išče* и *-ъсъ*, *-ica*. В существительных *игрище – игралище*, *покоище – почивалище*, *усадище – сѣдалище* «оба эти суффикса образуют названия предметов, характеризуемых пассивным отношением к действию (обычно со значением места действия)»; разница в значениях суффиксов *-ъсъ* и *-ica* связана с «обозначением лиц мужского и женского пола» [Варбот Ж. Ж. *Древнерусское именное словообразование*. Москва: Наука, 1969, с. 104–105, 119. EDN: PXXUNP].

кони́на. Ударение при этом могло оставаться на корне или переходило на суффикс. Возникает вопрос: есть ли какая-то закономерность в том, что одни суффиксы в составе слова меняют его акцентуацию, а другие нет?

Формирование и вхождение суффиксальных образований в морфемный состав языка было поэтапным. Определяющим в этом процессе становилось многократное использование наделенных категориальным значением суффиксов в качестве устойчивых структурных компонентов лексем. Способность человека к выделению общих, отвлеченных, свойств предметов, явлений и их признаков обусловила новый уровень взаимодействия языка и мышления. Выступая в качестве строительного материала для лексического состава языка, суффиксы принимали участие в формировании как грамматических значений частей речи, так и семантических, категориальных значений отдельных лексем.

Таким образом, параллельно с развитием мысли у человека возникала потребность в способах ее системного выражения. В работах В. А. Богородицкого морфология русского языка рассматривалась в рамках психологии его носителей. Действительно, развитие морфологических средств возможно только под влиянием психологических факторов, обусловливающих закрепление за тем или иным сочетанием звуков речи определенного значения. В составе лексемы «каждая морфологическая часть представляет собой значение и ассоциированный с нею звуковой комплекс»[1].

По словам В. А. Богородицкого, «большая частота употребления формальных элементов слова – окончаний и суффиксов – и была причиною того, что они, имея в массе случаев известный звук или комплекс звуков впереди себя, стали ассоциироваться между собою по сходству»[2]. Тот факт, что суффиксы и флексии используются чаще, чем корневые морфемы, способствовал лучшей их формализации и закреплению в сознании носителей языка, позволяя создавать слова с уже заложенными в них компонентами лексического значения.

Сопоставляя существующие в древнерусском языке обозначения «внутренних покоев» дома, В. В. Колесов делает вывод об иерархическом статусе некоторых помещений, который заложен в морфемной структуре обозначающих их существительных. «Кроме заимствованного из греческого слова *келья* известны такие его замены: *хлѣвина, храмина* <…>. Суффикс славянских слов (*-ина* – суффикс единичности и указания на относительную неважность) подтверждает, что подобные “хлевина” или “храмина” не были основными помещениями в доме»[3] (курсив автора. – *О. Г.*).

Таким образом, «с помощью суффикса, – пишет В. В. Колесов, – каждый раз как бы извлекается исходное значение общего для всех слов корня или уточняется одно из многих, очень конкретное его значение: *домец* значит одно, а *домовище* – уже

[1] Богородицкий В. А. *Очерки по языковедению и русскому языку*. Казань: типо-литография Имперского Казанского университета, 1910, с. 275.

[2] Богородицкий В. А. *Очерки по языковедению и русскому языку*. Казань: типо-литография Имперского Казанского университета, 1910, с. 296.

[3] Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986, с. 203.

другое. Суффикс тут будто лакмусовая бумажка в химических опытах, с его помощью возможное значение корня как бы проявляет себя и становится ясным для всех фактом языка»[1] (курсив автора. – *О. Г.*).

Наделение аффиксов смыслом, который изменял грамматическое или семантическое значение производных с их помощью лексем, способствовало тому, что такого рода морфемы могли выделяться, оттягивая на себя силу звучания других морфологических частей и оказывая воздействие на изменение акцентуации слов в целом. Неслучайно за время употребления лексем, включающих однотипные словообразующие и формообразующие некорневые морфемы, в сознании носителей языка закрепилось их соответствие определенным акцентным парадигмам.

Таким образом, сложившееся в языке соотношение морфем со способами выражения грамматических и семантических значений было обусловлено комплексом факторов, определяющих логику выстраивания акцентных парадигм, и правилами, которыми руководствовались носители языка при акцентуации. Разные суффиксы по-разному встраивались в систему, однако тенденции, которые проявлялись при их использовании, свидетельствуют о наличии определенных принципов, которыми руководствовались носители языка.

Отглагольное или адъективное происхождение, наличие в корнях беглых гласных или сочетания согласных способствовали тому, что существительные с суффиксами в основе приобретали ударность всех флексий. Заимствованные в более позднее время существительные, наоборот, сохраняли накорневое ударение во всех падежных формах, что существенно облегчало их восприятие носителями языка в речи.

Выводы

Ударный слог в составе лексемы служит для привлечения внимания к ее лексическому или грамматическому значению, столь важным для распознавания речи. На разных уровнях организации языка на первый план выходят единицы, отвечающие за реализацию соответствующих этому уровню значений: на лексическом уровне – это морфемные составляющие (префиксальные, корневые, суффиксальные), обусловливающие семантику слова; на уровне синтаксиса – флексии, которые отвечают за выражение пространственно-временного взаимодействия соотносящихся с лексемами объектов действительности.

Именно ударение (словесное и логическое) дает возможность настроить слушающего на восприятие того, что в данный момент представляется наиболее существенным. Если логическое ударение помогает носителю языка ориентироваться в предложении, выделяя одно из слов в качестве его смыслового центра, то на уровне лексем словесное ударение маркирует морфему, принципиально важную для понимания значения слова.

В данной статье мы рассмотрели существительные, которые включают в свой состав однотипные морфемные образования. Их однотипность и повторяемость в мор-

[1] Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986, с. 195.

фологической структуре частей речи свидетельствует о том, что они имели статус суффиксов, несмотря на то что современные кодифицированные издания могут рассматривать их как часть корня. К сожалению, проблема выделения и оформления морфемного статуса тех суффиксов, которые сложились в древнерусском языке или были заимствованы вместе с лексемами, но в дальнейшем использовались при словообразовании, по-прежнему остается нерешенной в силу того, что иноязычные суффиксы из-за их недостаточной распространенности часто приписываются к корневой морфеме при заимствовании слова.

В ходе исследования было выявлено, что присутствие суффиксов в составе существительных оказывало значительное влияние на акцентуацию. Трансформация ударения в производном существительном не была случайной или технически заданной, она соотносилась с тем, какая морфема в составе лексемы должна была обращать на себя внимание слушающего, облегчая восприятие слова в целом.

Список литературы / References

Богородицкий В. А. *Очерки по языковедению и русскому языку*. Казань: типо-литография Имперского Казанского университета, 1910. 456 с.

Bogoroditsky V. A. *Essays on linguistics and the Russian language*. Kazan: tipo-litografiia Imperskogo Kazanskogo universiteta, 1910. 456 p. (In Russ.)

Варбот Ж. Ж. *Древнерусское именное словообразование*. Москва: Наука, 1969. 232 с. EDN: PXXUNP

Varbot Zh. Zh. *Old Russian nominal word formation*. Moscow: Nauka, 1969. 232 p. (In Russ.) EDN: PXXUNP

Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 728 с. EDN: RBBTNX

Zalizniak A. A. *Old Russian accent: General information and vocabulary*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. 728 p. (In Russ.) EDN: RBBTNX

Зализняк А. А. *Труды по акцентологии*: в 2 т., т. I. Москва: Языки славянских культур, 2010. 848 с.

Zalizniak A. A. *Works on accentology*: In 2 vol., vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010. 848 p. (In Russ.)

Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. 312 с.

Kolesov V. V. *The world of man in the word of Ancient Russia*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1986. 312 p. (In Russ.)

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. *Труд И. И. Срезневского*: в 3 т., т. 1: А–К. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893. 1420 стб.

Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments. *The work of I. I. Sreznevsky*: In 3 vol., vol. 1: A–K. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1893. 1420 stb. (In Russ.)

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. *Труд И. И. Срезневского*: в 3 т., т. 2: Л–П. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1902. 1802 стб.

Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments. *The work of I. I. Sreznevsky*: In 3 vol., vol. 2: L–P. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1902. 1802 stb. (In Russ.)

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. *Труд И. И. Срезневского*: в 3 т., т. 3: Р–ѡ. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1903. 1684 стб.

Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments. *The work of I. I. Sreznevsky*: In 3 vol., vol. 3: R–Ya. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1903. 1684 stb. (In Russ.)

Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования. *Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 2009, т. 151, кн. 6, с. 115–121. EDN: KYWGST

Nikolaev G. A. Methods of Old Russian nominal word formation. *Proceedings of Kazan University. Humanities*, 2009, vol. 151, book 6, pp. 115–121. (In Russ.) EDN: KYWGST

Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910, т. 1. 716 с.

Preobrazhenskii A. G. *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sovko, 1910, vol. 1. 716 p. (In Russ.)

Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т., т. III, главный редактор – Р. И. Аванесов. Москва: Русский язык, 1990. 511 с.

Dictionary of the Old Russian language (XI – XIV): In 10 vol., vol. III, Chief editor: R. I. Avanesov. Moscow: Russkii iazyk, 1990. 511 p. (In Russ.)

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т., т. 1. Москва: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004. 588 с.

Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*: In 4 vol., vol. 1. Moscow: ASTREL'-AST, 2004. 588 p. (In Russ.)

Черных П. Я. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1952. 312 с.

Chernykh P. Ia. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1952. 312 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Игоревна Глазунова – кандидат филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X, o.i.glazunova@mail.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7–9, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Россия); **Olga I. Gla-**

zunova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X, o.i.glazunova@mail.ru, St Petersburg State University (7–9, nab. Universitetskaya, 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 19.09.2025; Approved after reviewing 06.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 196–207.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 196–207.

Научная статья
УДК 80
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-15
https://elibrary.ru/nzuftk

Некоторые проблемы выбора языковой нормы при корректировании текста документа (на материале документов СГУ им. Питирима Сорокина)

Ольга Николаевна Кушнир[1]✉, Оксана Витальевна Растворова[2]
[1,2]Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
[1]✉info17275@mail.ru
[2]rastvorova@syktsu.ru, https://orcid.org/0009-0001-5219-0497

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выбора языковой нормы при корректировании текстов документов на примере локальных актов Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Актуальность исследования обусловлена противоречиями в кодификации норм современного русского литературного языка, влиянием юридических текстов на формирование вариантов нормы, а также распространением стереотипов о языке официально-делового стиля. На конкретных примерах анализируются трудности, возникающие при выборе орфографических, словообразовательных, лексических и синтаксических норм. Авторы приходят к выводу о необходимости учета видовой и стилевой специфики документов при выработке нормы, а также обновлении перечня ортологических словарей для адекватной фиксации вариантов, функционирующих в документной коммуникации.

Ключевые слова: языковая норма, варианты нормы, документный текст, официально-деловой стиль, редактирование, локальные нормативные акты

Для цитирования: Кушнир О. Н., Растворова О. В. Некоторые проблемы выбора языковой нормы при корректировании текста документа (на материале документов СГУ им. Питирима Сорокина). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 196–207. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-15; EDN: NZUFTK

Some problems of choosing a language norm when editing a document (based on documents from Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin)

Olga N. Kushnir[1]✉, Oksana V. Rastvorova[2]
[1,2]Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia
[1]✉info17275@mail.ru
[2]rastvorova@syktsu.ru, https://orcid.org/0009-0001-5219-0497

Abstract. This article examines current issues in selecting language norms when editing document texts, using the example of local regulations of Syktyvkar State University named after Pitirim

© Кушнир О. Н., Растворова О. В., 2026

Sorokin. The relevance of the study stems from contradictions in the codification of modern Russian literary language norms, the influence of legal texts on the formation of norm variants, and the prevalence of stereotypes about the language of official business style. Using specific examples from university documents, the author analyzes the difficulties that arise when selecting spelling, word-formation, lexical, and syntactic norms. The author concludes that it is necessary to consider the specific and stylistic features of documents when developing norms, as well as to update the list of orthological dictionaries to adequately capture the variants used in document communication.
Keywords: language norm, norm variants, document text, official business style, editing, local regulations
For citation: Kushnir O. N., Rastvorova O. V. Some problems of choosing a language norm when editing a document (based on documents from Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin). *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 196–207. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-15; EDN: NZUFTK

Введение

Вопросы языковой нормы в текстах официально-делового стиля в последние годы приобретают особую значимость. Это обусловлено сразу несколькими факторами:

– закреплением в юридических текстах языковых вариантов, расходящихся с рекомендациями ортологических источников;

– наличием противоречий в интерпретации нормы как внутри лингвистического сообщества, так и между лингвистами и специалистами иных областей;

– общей тенденцией к снижению уровня языковой культуры.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать типичные трудности, возникающие при выборе варианта языковой нормы в процессе корректирования текстов корпоративных документов. На материале локальных актов Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (далее – СГУ) в статье рассматриваются примеры вариативности на орфографическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом уровнях. Особое внимание уделяется влиянию юридического языка и сложившейся традиции документооборота на формирование «корпоративных» норм, а также противоречиям между узусом, кодификацией и актуальными нормативно-методическими рекомендациями. В заключении обосновывается необходимость учета стилевой и видовой специфики документов при выработке нормы и обновления перечня авторитетных ортологических источников.

Основная часть

Вопросы языковой нормы, в том числе в документных текстах, в настоящее время стали актуальны по разным причинам:

– иная, нежели в установленных ортологических источниках, закрепленность варианта нормы в юридических текстах;

– противоречия между интерпретацией вариативности нормы лингвистами и другими специалистами, а также внутри самого лингвистического сообщества;

– распространившееся и ставшее почти общепринятым пренебрежение к языковой норме.

Юридический язык, транслируемый в текстах законодательных и иных нормативных правовых, в том числе локальных актах, сегодня оказывает почти «магическое» действие на составителей любых документов: «Рост значимости юридических процедур, развитие правовой грамотности общества, своеобразная мода на экономико-юридические специальности и соответственно завышенная самооценка представителей этих безусловно важных областей деятельности способствуют утрате профессиональных ориентиров, что приводит к мысли “поуправлять” другими отраслями и направлениями»[1].

Безусловно, закрепленные в юридическом документе языковые единицы почти автоматически получают кодификацию наравне со словарями (справочниками) и могут формировать вариант нормы. Многие исследователи писали о том, что так может происходить в силу невысокой грамотности составителей. В качестве примера достаточно упомянуть бурные дискуссии о написании слова *розыскной* в Законе о полиции (ср.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; *разыскной*)[2].

Имеет место и позиция лингвистов, когда они соглашаются (или смиряются?) с употреблением ненормативных вариантов. Например, так произошло с плеонастическим сочетанием *период времени*: в силу «сакральности» самих юридических текстов оно вышло за рамки узуса, стало распространяться в устной и письменной речи и, наконец, сегодня уже не признается ошибочным[3] (например, так считают эксперты интернет-портала «Русский язык»; далее – Грамота.ру). Укажем на любопытный факт: специалисты в области юридической лингвистики не допускают такого варианта при разработке текстов законопроектов. Ср.: «Исключается параллельное использование синонимов выбранного термина. Например, … “период” и “время” (нельзя “период времени”)»[4]. При этом трудно объяснить упорство лингвистов-

[1] Кушнерук С. П. *Документная лингвистика*. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011, с. 21.

[2] См. об этом, например: Пахомов В. М. Азбучная истина № 2. Прилагательное *разыскной* пишется через *а. Справочно-информационный интернет-портал «Русский язык»*. URL: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_2_razysknoj/ (дата обращения: 08.07.2025).

[3] См., например, о сочетании *период времени*: Геккина Е. Н. Плеоназм и тавтология. *Культура письменной речи*. URL: http://gramma.ru/RUS/?id=8.23 (дата обращения: 23.02.2026); также ответ на вопрос № 279515 на Справочно-информационном интернет-портале «Русский язык». URL: http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=период+времени (дата обращения: 23.02.2026), в котором фактически высказано согласие с позицией. Заметим при этом, что ГРАМОТА.РУ содержит полезную возможность поиска слов по включенным в портал словарям (значит, признанных его администраторами и экспертами авторитетными), и слово «период» в Большом толковом словаре трактуется так: 1. ʻпромежуток времени в развитии чего-л., охватывающий какой-л. законченный процессʼ (см.: URL: http://gramota.ru/slovari/dic-/?word=период&all=x (дата обращения: 23.02.2026). Как видим, однозначный ответ сложно найти даже в пределах одного специализированного справочно-информационного портала.

[4] *Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов*, составитель – Е. А. Крюкова, Л. А. Крыжановская. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=496016#Z2OvQhTfkrSC6Pc (дата обращения: 23.02.2026).

кодификаторов в отношении иных языковых фактов, уже закрепленных в юридических текстах[1].

Не беремся в данной статье высказывать свое мнение по поводу указанной позиции лингвистов, но заметим, что сформировалась не только некая монополия (возможно, объективная) на точку зрения относительно нормативности тех или иных языковых фактов, но и монополия на трансляцию изменения нормы, ведь она, пусть и весьма непоследовательно, зафиксирована исключительно в материалах, размещенных на указанных интернет-порталах.

Вариативность нормы вызывает противоречия между лексикографическими источниками и национальными стандартами СИБИД (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу). Примером может стать употребление так называемых расщепленных сказуемых в текстах документов[2].

Неоднозначность позиции в самом лингвистическом сообществе, как правило, продиктована поверхностным взглядом большинства специалистов в области современного русского языка на специфику и внутренние закономерности функционирования языковых / речевых единиц в функциональных разновидностях русского литературного языка. Пожалуй, так называемый официально-деловой стиль сопровождается наибольшим количеством стереотипных суждений, начиная от интерпретации самого названия стиля «официально-деловой»[3] и заканчивая приписыванием всем текстам данного стиля раз и навсегда установленных языковых фактов и явлений (см. указанные выше примеры противоречий с рекомендациями к составлению текстов документов, в том числе текстов законов).

Указанные тенденции особенно сильно проявляются в корпоративных (локальных) документах и представлены во всех видах норм. Приведем некоторые типичные примеры, выявленные нами в документах СГУ им. Питирима Сорокина, подтверждающие наши суждения.

С *орфографической нормой* составители обычно сталкиваются при выборе написания прописной / строчной букв, полного / сокращенного написания.

Например, в текстах писем от имени университета, составленных, как и до́лжно, на официальном бланке, авторы последовательно пишут *Университет* с прописной буквы. Заметим, что такое написание весьма распространено в текстах писем разных

[1] См. об этом, например: Киянова О. Н., Панова М. Н. Использование государственного языка РФ в сфере государственного управления: проблема статуса «корпоративных» языковых норм. *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия*, выпуск 6. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2016, с. 159–163; Кушнир О. Н. К вопросу о корпоративном языке и корпоративной норме в контексте документной коммуникации. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2018, № 5 (86), с. 81–89. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-9; EDN: VFNYOS

[2] Кушнир О. Н. К вопросу о языковой норме в документном тексте. *Вопросы права государственного языка и языка права*, ответственный редактор – О. Н. Киянова. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020, глава 5.1, с. 79–87.

[3] Кушнир О. Н. К вопросу о языковой норме в документном тексте. *Вопросы права государственного языка и языка права*, ответственный редактор – О. Н. Киянова. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020, глава 5.1, с. 79–87.

организаций (*Лечебное учреждение*, *Акционерное общество* и др.). Источник такого написания легко определить – это тексты многочисленных договоров, в которых принято обозначать стороны написанием с прописной буквы (*Заказчик, Потребитель*, *Исполнитель* и др.). Добавим, что в силу свойства иерархичности документов правило о контекстном сокращении длинных и громоздких наименований применяется по аналогии с требованиями к текстам законодательных актов[1], однако написание контекстных сокращений с прописной буквы установлено лишь традицией документирования договорных отношений (участники договора могут быть поименованы и как *стороны / Стороны,* при этом последний из указанных вариантов написания является наиболее распространенным)[2].

Контекстные сокращения, в том числе с прописной буквы, распространены и в текстах локальных нормативных актов (положениях, порядках, регламентах и др.). Мы полагаем, что в этом случае обнаруживается аналогия с договорными текстами. Однако возможно, что такое употребление обусловлено стремлением сохранить в сокращенном контекстном наименовании указание на конкретную организацию, структурное подразделение, то есть на их собственное имя. Ср., например: *ФГБОУ «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»*, *Университет, Управление кадровой работы и охраны труда ФГБОУ «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»*, *Управление, Институт гуманитарных наук ФГБОУ «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»*, *Институт*, и т. д.

Безусловно, контекстное сокращение длинных и громоздких наименований оправдано в тексте документа практически любого вида, в том числе в тексте письма, тем более что оно составлено на бланке организации. Однако его написание с прописной буквы не кодифицировано, поэтому ничем не оправдано в переписке и должно быть квалифицировано как отступление от нормы. Другими словами, данный вариант орфографической нормы оправдан для одних видов документов, но не приемлем для других.

Сложности в выборе варианта *словообразовательной нормы* ярко демонстрирует употребление глагольной формы несовершенного вида *ознакамливать(ся).* Поясним, что в университете, как и в большинстве организаций, практически любой локальный акт требует ознакомления работников и (или) обучающихся, в связи с чем указанная глагольная форма весьма распространена и в текстах документов.

Укажем важное замечание Л. С. Рахманина: «Глаголы совершенного вида типа *заготовить*, *ознакомить*, *накопить*, *подбодрить*, *узаконить* и т. п. могут иметь параллельные формы несовершенного вида: *заготовлять – заготавливать*, *ознакомлять – ознакамливать* <…> Формы с суффиксом *-ива- (-ыва-)* нейтральны по стилю

[1] См., например: *Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов*, составители – Е. А. Крюкова, Л. А. Крыжановская. Москва: Издание Государственной Думы, 2013. 40 с.

[2] Ср., например: признание такого употребления экспертами интернет-портала «Русский язык» в ответе на вопрос № 283595. URL: http://www.gramota.tv/spravka/buro/search-answer?s=далее+в+тексте#:~:text=Обычно%20в%20начале%20документов%20пишется%3A,кавычек%20и%20с%20маленькой%20буквы (дата обращения: 23.02.2026).

и более употребительны в книжно-письменных стилях речи. Формы без суффикса *-ива- (-ыва-)*, такие, например, как *узаконять*, *накоплять*, *подбодрять* и т. п., воспринимаются как устно-разговорные или же устарелые (*усвоять*, *присвоять*)»[1]. Однако, как оказалось, с данной позицией согласны не все исследователи, а в словарях, как правило, кодифицирована лишь форма *ознакомлять*. Эксперты интернет-портала Грамота.ру также однозначно признают лишь форму *ознакомляться*[2]. При этом отвергаемый вариант глагола устойчив в деловой речи, прежде всего в документных текстах. Возможно, следуя за пояснениями Л. В. Рахманина, данную форму как стилистически маркированную необходимо закрепить в словарях с соответствующими пометами.

Выбор варианта *лексической нормы* прежде всего обусловлен правовой значимостью документов, поэтому нередко связан с употреблением терминов. В таком случае вновь полезно обратиться к Методическим рекомендациям, где в том числе указано, что в тексте законодательного акта важно исключить «параллельное использование синонимов выбранного термина»[3]. На наш взгляд, следует уточнить, что речь может идти лишь об абсолютных синонимах, а еще точнее – о терминах-дублетах, в противном случае слово или словосочетание не отвечает требованиям однозначности, предъявляемым к термину, то есть не является термином.

Приведем анализ употребления терминов *полномочие* и *компетенция*, которые часто используются в текстах документов как синонимы.

В словаре значение термина *полномочие* определяется как ‘совокупность официально закрепленных за какой-л. должностью или организацией прав и обязанностей для решения определенного круга вопросов’[4]. Значение термина *компетенция* трактуется словарями русского языка в первом значении так: 1. ‘область вопросов, в которых кто-л. хорошо осведомлен’; 2. ‘круг полномочий какого-л. учреждения, лица или круг дел, вопросов, подлежащих чьему-либо ведению[5]. Из этого следует, что первое значение слова *компетенция* хорошо знакомо работникам образовательных организаций, реализующих образовательные программы с целью формирования у

[1] Рахманин Л. В. *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов*. Москва: Флинта, 2019. 257 с.

[2] См.: ответ на вопрос № 202947: https://gramota.ru/poisk?query=ознакамливать&mode=spravka (дата обращения: 08.07.2025). Добавим, что эксперты портала смягчили категоричность ответа на такой вопрос, потому что еще в 2023, до обновления портала, они отвечали, что такого слова [*ознакамливаться (с приказом)*] в русском языке нет (ответ на вопрос № 249291).

[3] См., например: *Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов*, составитель – Е. А. Крюкова, Л. А. Крыжановская. Москва: Издание Государственной Думы, 2013. 40 с.

[4] *Большой толковый словарь русского языка*, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. URL: https://gramota.ru/poisk?query=полномочия&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 23.02.2026).

[5] *Большой толковый словарь русского языка*, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. URL: https://gramota.ru/meta/kompetentsiya (дата обращения: 23.02.2026).

выпускников определенных компетенций (комплексная характеристика способностей, детализированная в знаниях, умениях и навыках). Трактовка лексикографическими источниками существительного *компетенция* во втором значении позволяет считать его синонимом к существительному *полномочие.*

Наиболее точно соотнесение данных широко употребляемых в документах терминов определяют юридические словари. Ср. словарную статью к сущ. *полномочие*: «В теории государства и права, науке управления, а также практически во всех отраслях права полномочие рассматривается как составная часть компетенции и статуса органа, должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в организации, а также некоторых иных лиц, реализующих функции, предусмотренные для них законодательством или учредительными документами юридического лица <…> В этом значении полномочие представляет собой право (и одновременно обязанность) соответствующего субъекта действовать в определенной ситуации способом, предусмотренным законом или иным правовым актом»[1]. При этом исследователи-юристы утверждают, что в федеральном законодательстве наиболее частотен термин *полномочие*, обозначающий видовое понятие по отношению к родовому *компетенция*, – «комплекс конкретных полномочий, включающий субъективные права и обязанности по осуществлению конкретных управленческих функций в определенной сфере»[2].

В указанном значении термин *полномочие* употреблен и пояснен, например, в унифицированной форме положения о структурном подразделении СГУ им. Питирима Сорокина (заметим, однако, что составители данного текста-трафарета все-таки допускают конструкции плеонастического характера при употреблении терминов *полномочие* и *обязанность*). Вместе с тем в текстах локальных актов университета[3] находим и синонимичное употребление терминов *полномочие* и *компетенция*. Например, в формулировках нормы об ответственности: «Каждый сотрудник Университета несет ответственность в пределах своей компетенции за реализацию СК» (Концепция системы качества. – *прим. авт.*), «выполнять поручения председателя Ученого совета в рамках компетенции Ученого совета» (одна из обязанностей члена Ученого совета в Положении об Ученом совете. – *прим. авт.*) и др.

В целом, учитывая назначение каждого вида документа, полагаем оправданным применение в текстах локальных нормативных актов, регулирующих организационно-правовую и административную деятельность конкретной организации, термина *полномочие*. При этом считаем необходимым учитывать юридическое определение анализируемых понятий и их соотнесенность как родового (*компетенция*) и видово-

[1] *Большой юридический словарь*, под редакцией А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. Москва: ИНФРА-М, 2003; см. то же в словарной статье к слову в проекте Министерства культуры Российской Федерации «Большая российская энциклопедия. 2004–2017». URL: https://old.bigenc.ru/law/text/3155332 (дата обращения: 23.02.2026).

[2] Елистратова В. В. О разграничении понятий «компетенция», «предметы ведения» и «полномочия». *Правовая политика и правовая жизнь*, 2010, № 2, с. 212–213.

[3] См.: размещенные на сайте СГУ им. Питирима Сорокина документы. URL: https://www.syktsu.ru/about/smk/lnd/ (дата обращения: 23.02.2026).

го *(полномочие*) понятий, поэтому оценивать их использование в качестве синонимов некорректно.

Укажем в связи с локальной документацией и на неуместность, с нашей точки зрения, употребления юридического термина *лицо*. В организации статус ее членов юридически конкретно определен: *работник* (могут быть и еще более конкретные наименования, например, в вузе – *преподаватель*, *методист*, *специалист*, *обучающийся* и т. д.), поэтому конкретное обозначение имеет бóльшую юридическую значимость и функциональную целесообразность (речь не идет о терминологических сочетаниях типа *должностное лицо*, *материально ответственное лицо*). Между тем в локальных документах СГУ им. Питирима Сорокина находим неоправданное использование термина *лицо*. Ср., например: *командированное лицо* (Положение о служебных командировках); *лицо, исполняющее его обязанности* (Регламент предоставления жилых помещений в студенческих общежитиях); *лицо, зачисляемое на обучение* (Порядок оказания платных образовательных услуг по основным профессиональным образовательным программам).

Выбор варианта *синтаксической нормы* может зависеть от вида документа. Приведем пример, связанный с объективной необходимостью включить в текст документа ссылку на нормативные правовые источники. Данная информация может быть включена в текст разными равноправными способами:

– посредством предложных конструкций *в соответствии*, *на основании* и др.;

– путем заключения ссылок в скобки;

– указанием в конце текста и др.

При этом в тексте ответа на запрос гражданина целесообразно выбрать второй или третий из указанных вариантов, а при составлении распорядительного акта – первый.

Показательны примеры выбора вариантов в локальных нормативных актах, связанные с ложным пониманием требований к юридическому тексту.

Так, в тексте такого документа рекомендовано с особенной осторожностью относиться к употреблению личных местоимений: «личное местоимение может использоваться в предложении только при условии, что оно заменяет ближайшее к нему предшествующее существительное в форме того же рода и числа»[1]. Действительно, в документных юридически значимых текстах, в отличие от текстов иных, в том числе книжных, стилей, личные местоимения употребляются намного реже, однако запрета на их использование нет. Между тем нередко составители текстов документов действуют по принципу полной отмены личных местоимений и неоправданного повтора одних и тех же языковых единиц.

Приведем примеры из унифицированной формы положения о структурных подразделениях СГУ им. Питирима Сорокина: *Отдел возглавляет начальник отдела, который осуществляет непосредственное руководство деятельностью отдела.* Очевидно, что требуется не противоречащая правилам правка, включающая не толь-

[1] См., например: *Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов*, составители – Е. А. Крюкова, Л. А. Крыжановская. Москва: Издание Государственной Думы, 2013. 40 с.

ко изменение порядка слов, но и включение личного местоимения: *Непосредственное руководство деятельностью отдела осуществляет его начальник.* Еще один пример: *На период отсутствия начальника отдела приказом ректора назначается лицо, исполняющее обязанности руководителя.* В данном случае целесообразно употребить личное местоимение и, конечно, заменить термин *лицо*: *На период отсутствия начальника отдела его обязанности исполняет работник, назначенный приказом ректора.*

Выводы

Мы привели лишь некоторые типичные языковые приметы письменной трансляции мифов о том, как до́лжно писать документы, и о том, какие языковые / речевые единицы присущи текстам официально-делового стиля. В совокупности с указанными противоречиями в оценке вариантов языковой нормы, характерной для документных текстов, они усугубляют уже и так достаточно тяжелую ситуацию с кодификацией в современном русском литературном языке, способствуют распространению непрофессионального подхода к составлению текстов документов, тем самым умаляя их функциональную значимость.

Конечно, все сказанное свидетельствует об актуальности проблемы, связанной с двумя важными направлениями:

– необходимостью в процессе выработки языковой нормы учитывать не только общепринятые языковые правила, но и специфику разностилевых и разновидовых текстов, закрепленную в том числе традицией употребления, и соотноситься при этом с нормативно-методическими документами в области разработки текстов документов;

– необходимостью обновления перечня ортологических словарей и справочников, в том числе формируемых в электронном виде, фиксирующих действующую языковую норму и ее варианты, употребляемые в разных стилях речи.

Напомним, что до недавнего времени юридически значимыми являлись только четыре словаря, утвержденные Минобрнауки России в 2009 г.[1], перечень которых вызывал шквал критики, однако в силу юридического закрепления только на него вынуждены были ссылаться, например, лингвисты-эксперты[2]. В апреле 2025 г. «Список нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» был обновлен[3].

[1] *Приказ Минобрнауки России от 08.06.2009 № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации»*. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96093/?ysclid=mm04akcqb3656450915 (дата обращения: 23.02.2026).

[2] См., например: указанные выше Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов.

[3] *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р «Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве госу-*

Социальная функция документа, безусловно, определяет требование практически к каждому работнику организации – умение его составлять. И если форма документа редко вызывает трудности (в организациях, как правило, разработаны бланки и формуляры документов, многие документы унифицированы), то содержание (текст) остается для многих потенциальных составителей непреодолимым барьером. Совокупность описанных проблем выбора варианта языковой нормы, отсутствие должной кодификации требует от составителя документа лингво-юридической и документоведческой компетенции.

Список источников / References

Большой толковый словарь русского языка, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. URL: https://gramota.ru/poisk?query=полномочия&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 23.02.2026).

The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language, editor-in-chief S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint; Moscow: Ripol classic, 2008. Available at: https://gramota.ru/poisk?query=полномочия&mode=slovari&dicts[]=42 (accessed: 23.02.2026). (In Russ.)

Большой юридический словарь, под редакцией А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. Москва: ИНФРА-М, 2003. 703 с.

Large Law Dictionary, edited by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. Moscow: INFRA-M, 2003. 703 p. (In Russ.)

Геккина Е. Н. *Плеоназм и тавтология*. *Культура письменной речи*. URL: http://gramma.ru/RUS/?id=8.23 (дата обращения: 23.02.2026).

Gekkina E. N. *Pleonasm and tautology*. *Culture of written speech*. Available at: http://gramma.ru/RUS/?id=8.23 (accessed: 23.02.2026). (In Russ.)

Елистратова В. В. О разграничении понятий «компетенция», «предметы ведения» и «полномочия». *Правовая политика и правовая жизнь*, 2010, № 2, с. 212–213.

Elistratova V. V. About the differentiation between the concepts “Competence”, “Areas of responsibility”, and “Authority”. *Legal Policy and Legal Life*, 2010, no. 2, pp. 212–213. (In Russ.)

Киянова О. Н., Панова М. Н. Использование государственного языка РФ в сфере государственного управления: проблема статуса «корпоративных» языковых норм. *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия*, выпуск 6. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2016, с. 159–163. EDN: XVZBNV

Kiianova O. N., Panova M. N. Use of the state language of the Russian Federation in public administration: The problem of the status of “corporate” language norms. *Language and law: Current issues of interaction*, issue 6. Rostov-on-Don: Donizdat, 2016, pp. 159–163. (In Russ.)

Кушнерук С. П. *Документная лингвистика*. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2011. 259 с.

Kushneruk S. P. *Documentary linguistics*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2011. 259 p. (In Russ.)

дарственного языка Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013?ysclid=mlz7b9k9uh445735008&index=3 (дата обращения: 23.02.2026).

Кушнир О. Н. К вопросу о корпоративном языке и корпоративной норме в контексте документной коммуникации. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2018, № 5(86), с. 81–89. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-9; EDN: VFNYOS

Kushnir O. N. To the question of corporate language and corporate norm in the context of document communication. *Cherepovets State University Bulletin*, 2018, no. 5 (86), pp. 81–89. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-5-86-9 EDN: VFNYOS

Кушнир О. Н. К вопросу о языковой норме в документном тексте. *Вопросы права государственного языка и языка права*, ответственный редактор – О. Н. Киянова. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020, глава 5.1, с. 79–87.

Kushnir O. N. On the language norm in a documentary text. *Issues of the law of the state language and the language of law*; edited by O. N. Kiianova. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020, chapter 5.1, pp. 79–87. (In Russ.)

Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, составители – Е. А. Крюкова, Л. А. Крыжановская. Москва: Издание Государственной Думы, 2013. 40 с.

Methodological recommendations for linguistic examination of draft laws; compiled by E. A. Kriukova, L. A. Kryzhanovskaia. Moscow: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2013. 40 p. (In Russ.)

Пахомов В. М. Азбучная истина № 2. Прилагательное разыскной пишется через а. *Справочно-информационный интернет-портал «Русский язык»*. URL: https://gramota.ru/journal/stati/pravila-i-normy/istiny-2-razysknoj?ysclid=mu5i8hy81992948157 (дата обращения: 17.09.2026).

Pakhomov V. M. Obvious truth no. 2. The adjective “razysknoi” is written with *a*. *Reference and information internet portal “The Russian language”*. Available at: https://gramota.ru/journal/stati/pravila-i-normy/istiny-2-razysknoj?ysclid=mu5i8hy81992948157 (accessed: 23.02.2026). (In Russ.)

Приказ Минобрнауки России от 08.06.2009 № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96093/?ysclid=mm04akcqb3656450915 (дата обращения: 23.02.2026).

Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 08.06.2009 No. 195 “On approval of the list of grammars, dictionaries and reference books containing the norms of the modern Russian literary language when used as the state language of the Russian Federation”. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96093/?ysclid=mm04akcqb3656450915 (accessed: 23.02.2026). (In Russ.)

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2025 г. № 1102-р "Об утверждении списка нормативных словарей, справочников и грамматик, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации". URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013?ysclid=mlz7b9k9uh445735008&index=3 (дата обращения: 23.02.2026).

Order of the Government of the Russian Federation dated April 30, 2025 No. 1102-r “On approval of the list of normative dictionaries, reference books, and grammars that record the norms of the modern Russian literary language when used as the state language of the Russian Federation”.

Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013?ysclid=mlz7b9k9uh-445735008&index=3 (accessed: 23.02.2026). (In Russ.)

Рахманин Л. В. *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов*. Москва: Флинта, 2019. 257 с.

Rakhmanin L. V. Stylistics of business speech and editing of official documents. Moscow: Flinta, 2019. 257 p. (In Russ.)

Словарь русского языка: в 4 т., под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Dictionary of the Russian language: In 4 vol., edited by A. P. Evgenyeva. Moscow: Russkii iazyk; Poligrafresursy, 1999. (In Russ.)

Сведения об авторах

Ольга Николаевна Кушнир – доктор филологических наук, info17275@mail.ru, независимый исследователь; **Olga N. Kushnir** – Doctor of Philological Sciences, info17275@mail.ru, Independent Researcher.

Оксана Витальевна Растворова – старший преподаватель, https://orcid.org/0009-0001-5219-0497, rastvorova@syktsu.ru, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (д. 55, пр-т Октябрьский, 167001 Сыктывкар, Россия); **Oksana V. Rastvorova** – Senior Lecturer, https://orcid.org/0009-0001-5219-0497, rastvorova@syktsu.ru, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, pr. Oktyabrskii, 167001 Syktyvkar, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 27.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 24.02.2026; Approved after reviewing 27.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 208–215.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 208–215.

Научная статья
УДК 81’42
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-16
https://elibrary.ru/kemhnw

Современная русская проза как объект лингвистического исследования профессора В. Д. Черняк: продолжение диалога

Ирина Анатольевна Мартьянова
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
irine.pismo@gmail.com, http://orcid.org/0000-0003-3526-317X

Аннотация. В статье рассматривается часть научного наследия В. Д. Черняк, посвященная языковому исследованию современной русской прозы. Установлено, что ученому удалось преодолеть разрыв между ее литературоведческой и лингвистической интерпретациями в анализе речевого поведения современной языковой личности; выявить лексические перемены в новейшей русской литературе. Обращение к данной концепции обнаруживает, что в новейшем прозаическом дискурсе изменились образы автора, персонажа и читателя; характер интертекстуальности и влияния визуальных искусств на литературу. Анализ продемонстрировал концептуальную и практическую значимость исследований В. Д. Черняк.
Ключевые слова: В. Д. Черняк, лексика, синтаксис, современная русская проза, речевое поведение, текст
Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 79-ВГ «Разработка учебных изданий по дисциплинам модулей “Русский язык и литература” и “Речевая деятельность общества”, адаптированных для студентов-билингвов Института народов Севера»).
Для цитирования: Мартьянова И. А. Современная русская проза как объект лингвистического исследования профессора В. Д. Черняк: продолжение диалога. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 208–215. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-16; EDN: KEMHNW

Modern Russian prose as an object of linguistic research by Professor V. D. Chernyak: Continuation of the dialogue

Irina A. Martianova
The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia
irine.pismo@gmail.com, http://orcid.org/0000-0003-3526-317X

Abstract. The article examines some of V. D. Chernyak’s works on the linguistic study of modern Russian prose. It has been established that the scientist managed to bridge the gap between literary and linguistic interpretations in analyzing the speech behavior of a modern linguistic personality, and

© Мартьянова И. А., 2026

identified lexical changes in contemporary Russian literature. This appeal to V. D. Chernyak's works showed that the images of the author, character, and reader have changed in contemporary prose discourse, as well as the nature of intertextuality and the influence of visual arts on literature. The analysis demonstrated the conceptual and practical significance of V. D. Chernyak's research.
Keywords: V. D. Chernyak, vocabulary, syntax, modern Russian prose, speech behavior, text
Acknowledgements. The work was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project no. 79-VG "Development of educational materials on the modules 'Russian Language and Literature' and 'Speech Activity of Society', adapted for bilingual students of the Institute of the Peoples of the North").
For citation: Martianova I. A. Modern Russian prose as an object of linguistic research by Professor V. D. Chernyak: Continuation of the dialogue. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 208–215. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-16; EDN: KEMHNW

Введение

В жизни профессора В. Д. Черняк (1945–2023), в течение многих лет заведовавшей кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, огромную роль играла книга. В широчайшем круге ее чтения особое место занимала современная русская литература, к которой она всегда проявляла не только читательский, но и лингвистический интерес, что нашло отражение в обширном списке ее публикаций[1], созданных как отдельно, так и в соавторстве с дочерью, М. А. Черняк, профессором кафедры русской литературы Герценовского университета, в докладах на научных конференциях, в многочисленных работах ее учеников, от курсовых работ до кандидатских и докторских диссертаций.

Несмотря на то что наблюдения о языковом своеобразии современной прозы присутствуют в филологических исследованиях[2], однако в целом очевиден разрыв между ее литературоведческой и лингвистической интерпретациями, в отличие от совместных публикаций Валентины Даниловны и Марии Александровны Черняк[3].

[1] Черняк В. Д. Интертекстуальное эхо в современной беллетристике. *Язык. Текст. Дискурс*. 2010, № 8, с. 271–278; Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. Москва: Академия, 2011, с. 283–303. EDN: RVEWUP; Черняк В. Д. Современная речь в зеркале прозы последних лет. *Лингвистика. Семиотика. Поэтика*. Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2014, с. 47–52; Черняк В. Д. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике. *Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: Лингвистика*, 2014, № 1, с. 158–165; Черняк В. Д. Интертекстуальный тезаурус как составляющая речевого портрета современника. *Интертекстуальный тезаурус в зеркале современной литературы*. Санкт-Петербург: Виктория плюс, 2023, с. 5–34 и др.

[2] Казначеев С. М. *Судьба русского реализма: происхождение, развитие, возрождение*. Москва: Издательство Литературного института, 2012. 389 с.; Колядич Т. М., Капица Ф. С. *Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценка, методика описания*. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2010. 360 с.; Маркова Т. Н. *Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин)*. Москва: Издательство Московского государственного областного университета, 2003. 267 с. и др.

[3] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Массовая литература в понятиях и терминах. Учебный словарь-справочник*. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2016. 191 с. EDN: WQQOIX; Черняк В. Д.,

Сотрудничество кафедры русского языка и кафедры литературы Герценовского университета выразилось в создании востребованных вузовских учебников, в работе диссертационных советов, а также в проведении научных конференций.

Как уже говорилось, лакуну лингвистической интерпретации современного прозаического дискурса заполняют прежде всего работы самой В. Д. Черняк и ее учеников. В научном отношении, безусловно, значимы и другие исследования[1], но во многих из них лингвистический анализ нередко подменялся частными наблюдениями, тогда как В. Д. Черняк вывела исследование на качественно иной уровень, сделав его предметом прежде всего речевое поведение современной языковой личности, не только элитарной, но и усредненной, маргинальной, студента, ребенка и др.

В. Д. Черняк выявила кардинальные языковые перемены в русской литературе рубежа XX–XXI вв.[2], а также (в содружестве с М. А. Черняк) охарактеризовала динамические процессы в литературе первого двадцатилетия нового века. Аспектами ее изучения стали языковая рефлексия, словообразовательный потенциал, лексический выбор, функционирование антонимов и синонимов, трансформация фразеологизмов, заимствования и интертекстуальные включения, культурная грамотность, языковая игра. Перечитывая ее работы (например, одну из последних[3]), невольно вступаешь с исследователем в диалог, размышляя о том, как бы В. Д. Черняк лингвистически переосмыслила новейший прозаический дискурс.

Основная часть

В. Д. Черняк интересовал сам феномен современности: «<…> понимание современного в искусстве разделяет литературу на два разнонаправленных условных русла, вне зависимости от идеологии, на литературу актуального исполнения и литературу злободневного наполнения (не скажу содержания), но по форме архаичную» – подчеркивала ее единомышленница, критик Н. Б. Иванова[4]. Однако сегодня в литературе, актуальной по исполнению (в произведениях Е. Водолазкина, Д. Рубиной, А. Матвеевой, Д. Драгунского, Т. Толстой, Л. Данилкина и др.), поиск личностной идентичности нередко предполагает ретроспективный уход от настоящего[5].

Нельзя не согласиться с В. Д. Черняк в том, что важнейшим фактором разнообразных языковых процессов в литературе рубежа XX–XXI вв. было «резкое ослаб-

Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 319 с. EDN: GVHCJF

[1] Бабенко Н. Г. *Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна*. Москва: URSS; Либроком, 2010. 303 с. EDN: QVAVFV

[2] Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XX века*. Москва: Академия, 2011, с. 283–303. EDN: RVEWUP

[3] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 319 с. EDN: GVHCJF

[4] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 52–53. EDN: GVHCJF

[5] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 28. EDN: GVHCJF

ление цензуры и автоцензуры»[1]. Смена общественно-политической ситуации изменила круг современных авторов, произведения которых привлекаются для филологического исследования, актуализировав границы *своего* (*нашего*) и *чужого*. В лингвистическом плане это сказалось как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, в частности, на способах изображения чужой речи. Безусловно, нельзя не учитывать также «кризис отечественного литературоцентризма, исчерпанность культурной парадигмы XX века»[2].

Трансформировались сами композиционно-речевые автономии автора, персонажа и читателя, характер их взаимоотношений. Современный автор все чаще выступает как медийный персонаж; он способен к сотрудничеству с искусственным интеллектом, что продемонстрировал, например, сборник «Механическое вмешательство»[3]. Сместилась также граница между читателем и автором, который не берет на себя ответственность в диалоге с «усредненным массовым читателем-покупателем»[4].

Как следствие, «изменились ситуации и жанры общения публичной и личной коммуникации»[5]. Современная проза переполнена изображениями коммуникативных неудач. Диалогемы автора / персонажа и автора / читателя, как правило, конфликтны, вследствие инфантилизации и деградации читателя[6], что не могло не повлиять на характер интертекстуальности, на состав прецедентных текстов и феноменов.

Сегодня не столь, как раньше, востребовано игровое использование текстов культуры. В новейшей литературе мало поводов для создания комического эффекта, изменились сами объекты языковой игры (советский дискурс, новояз и др.)[7].

Изменился также характер влияния визуальных искусств на литературу. Телевидение уже не является «монополистом влияния»[8]. Кинематографичность попрежнему остается одной из доминант развития литературного текста, но на уровне его поэтики, а не как результат содержательного воздействия на него современного кинематографа. Показательно отсутствие в современной элитарной прозе киноцитат,

[1] Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. Москва: Академия, 2011, с. 289. EDN: RVEWUP

[2] Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. Москва: Академия, 2011, с. 13–15. EDN: RVEWUP

[3] *Механическое вмешательство*. Москва: Альпина Паблишер, 2024. 282 с.

[4] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 18. EDN: GVHCJF

[5] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 289. EDN: GVHCJF

[6] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 26–34. EDN: GVHCJF

[7] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 289–305. EDN: GVHCJF

[8] Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. Москва: Академия, 2011, с. 290. EDN: RVEWUP

имен культовых актеров и персонажей. По сравнению с произведениями девяностых (А. Королева, Л. Петрушевской, Д. Рубиной и др. авторов) в ней нет прежнего ажиотажа визуализации[1]. Впрочем, также не наблюдается и «массированное вторжение разговорной стихии»[2] в литературный текст.

Если раньше исследователи ориентировались на принципы организации постмодернистской прозы[3], то в первой трети XXI в. определение *новый* употребляется по отношению к понятиям *средневековье, реализм, сентиментализм, искренность, стратегия, формат письма* и *чтения*[4]. Изменилась сама текстовая фактура. Так ли уж она ризоматична? Много ли текстов составляется из «пазлов»?

Наш прижизненный диалог с В. Д. Черняк о современной русской прозе имел дидактическое продолжение. В содружестве с нею была разработана учебная дисциплина «Аспекты анализа языка современной литературы», изучение которой предусматривало подготовку сообщений-презентаций, посвященных стилям отдельных авторов (Л. Петрушевской, А. Матвеевой, Д. Рубиной, В. Сорокина, В. Пелевина, А. Геласимова и многих других). Она создавала единство филологического образования, литературоведческого и лингвистического, прививала студентам ощущение современности литературного процесса.

Программа дисциплины предполагала выявление языковых особенностей современного художественного текста, специфических и неспецифических средств образности. При этом учитывалась жанровая специфика произведений, их принадлежность элитарной или массовой литературе, беллетристике. Особое внимание уделялось репрезентации современной языковой личности, способам речевого воплощения образа / облика автора и образов персонажей.

На занятиях сопоставлялись тезаурусы автора и читателя, уровни их культурной грамотности, выявлялись разнообразные приемы выражения языковой рефлексии автора и персонажей, прецедентные феномены, способы внутритекстового комментирования, а также анализировались поэтика низкого и жаргонизация речи. Язык современной литературы представал как объект не только филологического исследования, но и деятельности редактора.

Языковая игра рассматривалась как составляющая современного текстового пространства, а прецедентные феномены – как инструмент его карнавализации. Студенты устанавливали языковые и текстовые последствия взаимовлияния различных видов искусства. Кинематографичность характеризовалась как одна из доминант стилевого развития литературы XX – начала XXI вв.

Валентина Даниловна считала необходимым комплексный характер лексико-грамматической интерпретации современного прозаического дискурса. Композици-

[1] Шмелева Т. В. *Визуализация синтаксиса. Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012, с. 339–347.

[2] Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. Москва: Академия, 2011, с. 292. EDN: RVEWUP

[3] Руднев В. П. *Словарь культуры XX века*. Ленинград: Лабиринт, 1986. 256 с.

[4] Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, с. 15. EDN: GVHCJF

онно-синтаксический ракурс анализа был связан с выявлением специфики объемно-прагматического и контекстно-вариативного членения текста, характеристикой синтаксических инноваций. Существовало единое понимание того, что синтаксическое своеобразие современной прозы не сводится к различным проявлениям аналитической тенденции развития, если иметь в виду парадокс одновременного усложнения и обеднения синтаксиса[1], сочетание в тексте средств выражения и компенсации аналитизма, частотность функционирования многокомпонентных сложных высказываний в произведениях А. Слаповского, Д. Рубиной, Л. Петрушевской, Т. Толстой, Е. Водолазкина и др. авторов. Это предполагало не только выявление синтаксических единиц, типичных для стиля прозаика или его произведения, но и анализ пунктуационно-графической аранжировки высказывания и текста[2], осмысление тенденций их визуализации и «озвучивания». Собственно лексическая и композиционно-синтаксическая характеристики современной прозы не были сугубо лингвистическими, они учитывали социокультурные факторы, понимаемые, однако, не столь прямолинейно, как это иногда встречается[3].

Выводы

В продолжающемся диалоге с В. Д. Черняк убеждаешься в концептуальной и практической значимости ее работ, в их удивительной многоаспектности. Они демонстрируют глубину исследования синонимии и антонимии, интертекстуальности и языковой рефлексии.

Лингвистические параметры прозаического дискурса конца XX – первых десятилетий XXI вв., выявленные и описанные ученым, позволяют представить тенденции его дальнейшего развития, обусловленные собственно лингвистическими и экстралингвистическими факторами: трансформацией образов, изменением интертекстуальности и взаимовлиянием искусств.

Список источников / References

Акимова Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? *Мир русского слова*, 2006, № 13, с. 3–12. EDN: ROJGQQ

Akimova G. N. “Water Tower” by V. Pelevin – syntactic nonsense? *World of the Russian Word*, 2006, no. 13, pp. 3–12. (In Russ.) EDN: ROJGQQ

Бабенко Н. Г. *Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна*. Москва: URSS; Либроком, 2010. 303 с. EDN: QVAVFV

Babenko N. G. *The language and poetics of Russian prose in the postmodern era*. Moscow: URSS; Librokom, 2010. 303 p. (In Russ.) EDN: QVAVFV

[1] Руднев В. П. *Словарь культуры XX века*. Москва: Аграф, 1997, с. 237–241.

[2] Акимова Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? *Мир русского слова*, 2006, № 13, с. 3–12. EDN: ROJGQQ

[3] Покровская Е. А. *Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ*: автореф. дис. … док. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 42 с. EDN: QDJWOZ

Иванова Н. Б. *Русский крест: литература и читатель в начале нового века*. Москва: Время, 2011, с. 44–72.

Ivanova N. B. *Russian cross: Literature and the reader at the beginning of the new century.* Moscow: Vremia, 2011, pp. 44–72. (In Russ.)

Казначеев С. М. *Судьба русского реализма: происхождение, развитие, возрождение*. Москва: Издательство Литературного института, 2012. 389 с.

Kaznacheev S. M. *The fate of Russian realism: Origin, development, revival.* Moscow: Izdatel'stvo Literaturnogo instituta, 2012. 389 p. (In Russ.)

Колядич Т. М., Капица Ф. С. *Русская проза XXI века в критике: рефлексия, оценка, методика описания*. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2010. 360 с. EDN: SDQKIJ

Koliadich T. M., Kapitsa F. S. *Russian prose of the XXI century in criticism: Reflection, assessment, description methodology*. Moscow: FLINTA; Nauka, 2010. 360 p. (In Russ.) EDN: SDQKIJ

Маркова Т. Н. *Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин*). Москва: Издательство Московского государственного областного университета, 2003. 267 с. EDN: QQNJDR

Markova T. N. *Modern prose: Construction and meaning (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin).* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, 2003. 267 p. (In Russ.) EDN: QQNJDR

Механическое вмешательство. Москва: Альпина Паблишер, 2024. 282 с.

Mechanical intervention. Moscow: Al'pina Pablisher, 2024. 282 p. (In Russ.)

Покровская Е. А. *Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ*: автореф. дис. … док. филол. наук. Ростов-на-Дону: [б. и.], 2001. 42 с. EDN: QDJWOZ

Pokrovskaia E. A. *Dynamics of Russian syntax in the 20th century: Linguistic and cultural analysis*: Abstract Dr thesis in Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2001. 42 p. (In Russ.) EDN: QDJWOZ

Руднев В. П. *Словарь культуры XX века.* Москва: Аграф, 1997. 256 с.

Rudnev V. P. *20th Century Dictionary of Culture.* Moscow: Agraf, 1997. 256 p. (In Russ.)

Черняк В. Д. Интертекстуальное эхо в современной беллетристике. *Язык. Текст. Дискурс*, 2010, № 8, с. 271–278.

Cherniak V. D. Intertextual echo in modern fiction. *Language. Text. Discourse*, 2010, no. 8, pp. 271–278. (In Russ.)

Черняк В. Д. Интертекстуальный тезаурус как составляющая речевого портрета современника. *Интертекстуальный тезаурус в зеркале современной литературы*. Санкт-Петербург: Виктория плюс, 2023, с. 5–34.

Cherniak V. D. Intertextual thesaurus as a component of a contemporary speech portrait. *Intertextual thesaurus in the mirror of modern literature*. St Petersburg: Viktoriia plius, 2023, pp. 5–34. (In Russ.)

Черняк В. Д. Рефлексия над словообразовательными потенциями слова в современной беллетристике. *Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: лингвистика*, 2014, № 1, с. 158–165.

Cherniak V. D. Reflection on word-forming word potentials in modern fiction. *Ural Journal of Philology: Language. System. Personality: Linguistics*, 2014, no. 1, pp. 158–165. (In Russ.)

Черняк В. Д. *Современная речь в зеркале прозы последних лет. Лингвистика. Семиотика. Поэтика.* Ставрополь: Дизайн-Студия Б, 2014, с. 47–52.

Cherniak V. D. *Modern speech in the mirror of prose of recent years. Linguistics. Semiotics. Poetics.* Stavropol': Dizain-Studiia B, 2014, pp. 47–52. (In Russ.)

Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века. *Современная русская литература конца XX – начала XXI века*. Москва: Академия, 2011, с. 283–303. EDN: RVEWUP

Cherniak V. D. Language processes in literature of the late XX – early XXI century. *Modern Russian literature of the late XX – early XXI century.* Moscow: Akademiia, 2011, pp. 283–303. (In Russ.) EDN: RVEWUP

Черняк В. Д., Черняк М. А. *Массовая литература в понятиях и терминах. Учебный словарь-справочник.* Москва: ФЛИНТА; Наука, 2016. 191 с. EDN: WQQOIX

Cherniak V. D., Cherniak M. A. *Popular literature in terms and concepts. Reference Dictionary*. Moscow: FLINTA; Nauka, 2016. 191 p. (In Russ.) EDN: WQQOIX

Черняк В. Д., Черняк М. А. *Русская литература XXI века: приглашение к чтению*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 319 с. EDN: GVHCJF

Cherniak V. D., Cherniak M. A. *Russian literature of the XXI century: An invitation to reading.* St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2020. 319 p. (In Russ.) EDN: GVHCJF

Шмелева Т. В. Визуализация синтаксиса. *Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2012, с. 339–347.

Shmeleva T. V. Syntax visualization. *Grammar and stylistics of the Russian language in synchrony and diachrony: Essays*. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, pp. 339–347. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ирина Анатольевна Мартьянова – доктор филологических наук, профессор, http://orcid.org/0000-0003-3526-317X, irine.pismo@gmail.com, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойка, 162600 Санкт-Петербург, Россия); **Irina A. Martianova** – Doctor of Philological Sciences, Professor, http://orcid.org/0000-0003-3526-317X, irine.pismo@gmail.com, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moika, 162600 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.03.2026; одобрена после рецензирования 31.03.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 14.03.2026; Approved after reviewing 31.03.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 216–232.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 216–232.

Научная статья
УДК 81.25
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-17
https://elibrary.ru/fshukn

Способы межъязыковой передачи культурно-маркированной лексики (на примере сказки А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода)

Наталья Михайловна Нестерова[1]✉, Юньсяо Тань[2]
[1,2]Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия
[1]✉nest-nat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742
[2]xiujun@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода сказок А. С. Пушкина на китайский язык. В ней рассматривается история знакомства китайских читателей с произведениями великого русского поэта, появления первых китайских переводов пушкинских текстов, в том числе и его сказок. Также отмечается уникальность языка сказок А. С. Пушкина, сочетающего две традиции – литературно-поэтическую и фольклорную, которая реализуется за счет использования поэтом культурно-маркированной лексики. В статье представлен сопоставительный семантический анализ исходных единиц, относящихся к данному разряду лексики, и их китайских соответствий, использованных китайскими переводчиками.

Ключевые слова: сказка, А. С. Пушкин, культурно-маркированная лекскика, перевод, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Нестерова Н. М., Тань Юньсяо. Способы межъязыковой передачи культурно-маркированной лексики (на примере сказки А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 216–232. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-17; EDN: FSHUKN

The ways of inter-language transferring culturally marked vocabulary (based on "The Tale of the Priest and of his Workman Balda" by A. S. Pushkin and its Chinese translation)

Natalya M. Nesterova[1]✉, Yunxiao Tan[2]
[1,2]Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia
[1]✉nest-nat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742
[2]xiujun@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391

Abstract. The article explores the problem of translating A. S. Pushkin's fairy tales into Chinese. It examines the history of Chinese readers' acquaintance with the works of the great Russian poet, the

© Нестерова Н. М., Тань Юньсяо, 2026

emergence of the first Chinese translations of Pushkin's texts, and in particular, the translations of his fairy tales. The article highlights the uniqueness of the language in A. S. Pushkin's fairy tales, which combines two traditions: literary poetic and folklore. The latter is realized, among other things, through the use of culturally marked vocabulary. The article presents a comparative semantic analysis of the original units belonging to this category of vocabulary and their Chinese equivalents used by Chinese translators.

Keywords: fairy tale, A. S. Pushkin, culturally marked lexis, translation, intercultural communication

For citation: Nesterova N. M., Tan Yunxiao. The ways of inter-language transferring culturally marked vocabulary (based on "The Tale of the Priest and of his Workman Balda" by A. S. Pushkin and its Chinese translation).. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 216–232. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-17; EDN: FSHUKN

Что за прелесть эти сказки!
А. С. Пушкин

Введение

Сказки великого русского поэта составляют уникальный пласт его наследия. До А. С. Пушкина, как пишет в своей незаконченной работе «Русская сказка» Владимир Яковлевич Пропп, выдающийся русский исследователь фольклора, сказка в русской литературе считалась одним из самых презираемых жанров. Именно А. С. Пушкин, как подчеркивает ученый, был «первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки». А. С. Пушкин же и ввел подлинную народную сказку в литературный и общественный обиход, раскрыв ее выдающиеся художественные качества[1].

Услышанные сказки поэт трансформировал в литературную стихотворную форму, создавая тексты, в которых присутствуют два компонента – литературно-поэтический и фольклорный. Как известно, «фольклор» (англ. folk – «народ» и lore – «мудрость») – это устное народное творчество. Именно фольклорные тексты считаются трудно переводимыми, так как в них присутствует культурно-маркированная лексика.

Объектом исследования в данной статье выступает культурно-маркированная лексика как феномен, отражающий взаимодействие языка и культуры. Предметом исследования являются способы передачи культурно-маркированных единиц русского языка при переводе на китайский язык. Материалом для анализа послужила «Сказка о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина и ее перевод на китайский язык, выполненный Гэ Баоцюанем. В работе используются методы сопоставительного семантического и лингвокультурологического анализа, позволяющие выявить особенности передачи культурно-специфичной лексики в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

[1] Пропп В. Я. Русская сказка. *Пропп В. Я. Собрание трудов*. Москва: Лабиринт, 2022. 412 с.

Китайский исследователь Дэй Цин, говоря о переводе, подчеркивает, что к культурно-маркированной лексике относятся те элементы, которые существуют только в языке оригинала и не имеют точных соответствий в языке перевода[1]. А. С. Пушкиным было написано всего семь сказок. Все они относятся к позднему периоду его творчества, за исключением сказки «Жених», написанной в 1825 г. Остальные шесть были созданы уже в 30-е годы: «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о медведихе» (1830–1831), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1934), «Сказка о золотом петушке» (1834).

Личность А. С. Пушкина и его творчество широко известны в Китае. В настоящее время уже можно говорить о сложившемся китайском пушкиноведении. Первым пушкинским текстом, переведенным на китайский язык, стала «Капитанская дочка» (船长的女儿). Перевод был выполнен Цзи Ихуэем (辑翼翬) в 1903 г. Сейчас на китайский язык переведены все произведения русского поэта, а его творчество изучается не только в школах, но и в университетах.

Основная часть

Имя «А. С. Пушкин» в Китае

Как уже говорилось, первым произведением русского поэта, переведенным на китайский язык, стала «Капитанская дочка» (1903). Это был перевод не с русского языка, а с японского, который, в свою очередь, был сделан с англоязычного варианта. Название звучало настолько странно, что догадаться о том, что является оригиналом, практически невозможно. Звучал китайский вариант названия так – «Русская любовная история Смита и Мэри. Сон бабочки среди цветов». В этом переводе соединились английский и японский варианты пушкинского текста. Так, впервые в китайскую культуру вошло имя «А. С. Пушкин». Интересно отметить, что в китайском языке фамилия поэта имеет четыре варианта.

1. ***普世经 (Пу Шицзин)*:** «Пу» (普) означает «всеобщий», а «Шицзин» (世经) – «мировая классика». Это имя выражает надежду на то, что его произведения станут классикой мирового уровня.

2. ***伯士金 (Бо Шицзинь)*:** «Бо» (伯) – древняя китайская фамилия, также означающая старшего по возрасту. «Ши» (士) имеет значение «образованный человек» или «ученый муж», а «Цзинь» (金) означает «золото». «Ши» (士) и «Цзинь» (金) символизируют «знания, лидерство» и «драгоценный талант» соответственно.

3. ***普世庚 (Пу Шигэн)*:** «Ши» (世) означает «мир» или «общество», «Шигэн» (世庚) можно трактовать как «образец Запада» или «образец пути», где иероглиф «Гэн» (庚) имеет значение, связанное с Западом и дорогой.

4. ***普希金 (Пу Сицзинь)*:** «Си» (希) означает «надежда», а «Цзинь» (金) символизирует «драгоценный талант». Вместе имя «Сицзинь» (希金) отражает ожидания,

[1] Дей Цин. Сравнительное исследование стратегий перевода культурной лексики в «Аналектах Конфуция». *Журнал Цзининского университета*, 2015, № 6, с. 83–86.

связанные с его великим талантом[1]. Этот перевод является наиболее распространенным сегодня.

Итак, мы видим, что даже в самом переводе фамилии «Пушкин» содержится очень высокая оценка русского поэта. Чжан Тефу, известный китайский пушкинист, автор монографии «Пушкин и Китай» (2000), писал, что А. С. Пушкин стал «неотъемлемой частью китайской литературы», что именно благодаря ему в Китае стали развиваться художественное творчество, литературный перевод и литературная критика[2].

Одним из наиболее известных переводчиков произведений А. С. Пушкина является Гэ Баоцюань [戈宝权 – Ge Baoquan] (1913–2000), который в течение долгого времени жил и работал в Советском Союзе. Он хорошо знал русский язык и русскую культуру, а вернувшись в Китай, стал активно заниматься переводом произведений русских писателей на китайский язык (при этом самым главным автором для него был именно А. С. Пушкин). Он подготовил и издал «Собрание сочинений Пушкина», в которое вошли и две сказки, переведенные самим Гэ Баоцюанем, – «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Первая из них и является предметом нашего изучения в данной статье.

Сказки А. С. Пушкина в китайской культуре: переводы и рецепция

Как уже говорилось, всего А. С. Пушкиным было написано семь сказок, все они переведены на китайский язык. Истории китайских переводов сказок А. С. Пушкина и их исследованиям посвящена обзорная статья Ван Цинлэ (Wang Qingle) «Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность» (2024)[3]. Автор пишет, что первой сказкой, переведенной на китайский язык, была «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Случилось это почти 100 лет назад – в 1928 г., а переводчиком был Ван Цзянь. В 1937 г. был проведен фестиваль, посвященный 100-летию со дня смерти русского поэта, который значительно усилил интерес китайских исследователей к творчеству А. С. Пушкина, в том числе и к его сказкам. Ван отмечает, что в период с 1937 по 2000 гг. пушкинские сказки были полностью представлены китайским читателям. Здесь стоит подчеркнуть особую роль Гэ Баоцюаня, имя которого было упомянуто выше. Другими переводчиками пушкинских сказок были Жэнь Жунжун, Лю Чжаньцю, Чэнь Бочуй, Юнь Цин, Ван Шоужэнь, Гу Юй, Ли Ганг. Помимо переводов началось достаточно интенсивное изучение пушкинского наследия, включая написанные им сказки. Китайские ученые видят пушкинские сказки как «единое целое» и отмечают их метафорич-

[1] Лю Янькунь. *Функционирование творчества А. С. Пушкина в Китае*: дис. … канд. филол. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 206 с.

[2] Чжан Тефу. *Пушкин и Китай*. Чанша: Юэлу, 2000. 428 с.

[3] Ван Цинлэ. Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность. *Вестник РУДН. Серия: литературоведение, журналистика*, 2024, № 2, с. 390–396. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pushkinskih-skazok-v-kitae-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 03.12.2025).

ность и персонализированное значение[1], подчеркивают их «прогрессивное значение для просветительской культуры»[2].

Ван считает, что тематические исследования пушкинских сказок китайскими учеными можно разделить на три категории – культурологические, нарративные и гендерные. В фокусе внимания у китайских исследователей находится и фольклорная сторона сказок – их народный язык. К фольклорным элементам относятся: сюжетные повторы, характерные зачины, магические числа, исполнение желаний, специфические речевые формулы и т. п. К ним же относится и так называемая культурно-маркированная лексика, которая совершенно обоснованно считается серьезной переводческой проблемой. А. С. Пушкин очень активно использовал такую лексику в своих сказках. В нашей работе рассматривается проблема перевода русскоязычных культурно-маркированных единиц на китайский язык на примере китайского перевода пушкинской «Сказки о попе и о работнике его Балде», выполненного Гэ Баоцюанем.

Культурно-маркированная лексика в сказках А. С. Пушкина

Хорошо известно, что национальный язык – это культурный код народа, на нем говорящего. Неразрывная связь языка и культуры привела к появлению новой дисциплины – лингвокультурологии, где языковой знак понимается и как знак культуры.

Культурный код языка особенно ярко проявляется в культурно-маркированной лексике, к которой относят единицы, содержащие определенные национально-культурные компоненты, отражающие уникальные, специфические черты той или иной национальной культуры, образа жизни народа, его традиций. Такие языковые единицы в современной лингвокультурологии и переводоведении получили разные названия – реалии, культуремы, культуронимы, экзотизмы и пр. Всех их объединяет наличие в их значении уникального национального компонента, что и делает их, с одной стороны, труднопереводимыми и / или совсем непереводимыми на другой язык, а с другой – интереснейшим объектом для сопоставительных лингвокультурологических и семантических исследований. Одним из таких исследований пушкинских сказок является работа Г. В. Токарева «Лингвокультурологические особенности сказок А. С. Пушкина»[3]. Автор рассматривает тексты сказок поэта с точки зрения их соответствия фольклорному канону, который подразумевает и особый «народный» язык, его кажущуюся простоту. Приведем слова о пушкинских сказках одного из самых известных российских пушкинистов – Валентина Семеновича Непомнящего, который писал: «Сказки Пушкина – тайна, особенно для того, кто берется их анализировать. Они ошеломляют сочетанием бесшабашного, азартного простодушия,

[1] Лю Вэньфэй. *Читая Пушкина*. Пекин: Народная литература, 2002. 49 с. [刘文飞：阅读普希金，北京：人民文学出版社，2002年，第49页。]

[2] У Сяоду. Творчество Пушкина и идеалы просвещения. *Обучение и исследования*, 2014, № 10, с. 122–125. [吴晓都.普希金的创作与启蒙主义理想 // 学习与探索, 2014, no. 10, pp. 122–125.]

[3] Токарев Г. В. Лингвокультурологические особенности сказок А. С. Пушкина. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 2014, вып. 8, с. 338–346.

классической строгости и глубокой, почти скорбной, серьезности и ускользают, как ускользает горизонт. Их дразнящая простота повергает порой в отчаяние»[1].

Для анализа нами была выбрана «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830) и ее китайская переводная версия. Эта сказка широко известна своей потрясающей легкостью языка и остроумием, тем самым «бесшабашным, азартным простодушием», «дразнящей простотой». И эта дразнящая простота звучит с самых первых строк: «Жил-был поп, толоконный лоб…». Один из известнейших исследователей истории русского языка, автор работы «Русский литературный язык первой половины XIX в.» – Л. А. Булаховский – писал: «Вся лексика и фразеология “Сказки о попе…” носит соответствующий характер крестьянского просторечья», а «просторечие этой сказки – в диалогах»[2]. О. И. Зворыгина в своей работе «Лексическая организация русской литературной сказки пушкинского периода»[3] подчеркивает, что разговорно-просторечная лексика героев сказки приближает и авторскую речь к народно-разговорной, что создает речевую экспрессию.

Не вызывает сомнений то, что перевод сказок А. С. Пушкина на другие языки является серьезным вызовом для переводчиков, особенно на языки, принадлежащие к другой языковой семье. Таким далеким от русского языка является китайский язык, принадлежащий к совсем иной языковой семье и являющийся языком изолирующим (корневым) в отличие от флективного русского языка. Поэтому нам было особенно интересно провести сопоставительный анализ пушкинского текста и его китайского перевода.

В табл. 1 представлен пушкинский текст, его китайский перевод, выполненный Гэ Баоцюанем (из его работы «Сборник стихотворений Пушкина», 2007), и обратный перевод на русский, сделанный одним из авторов данной статьи – Тань Юньсяо.

[1] Непомнящий В. О сказках Пушкина. *Детская литература*, 1966, № 7, с. 3–10.

[2] Булаховский Л. А. *Русский литературный язык 1-й половины XIX века*: в 2 т., т. 1. Киев: Радянська школа. 1957. 452 с.

[3] Зворыгина О. И. Лексическая организация русской литературной сказки пушкинского периода. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2011, № 1 (12), с. 80–87. EDN: OZJMTZ

Таблица 1

«Сказка о попе и о работнике его Балде»: оригинал, китайский и обратный переводы

Оригинал русского языка	Китайский перевод	Обратный перевод
Жил-был поп, Толоконный лоб. Пошел поп по базару Посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда Идет, сам не зная куда. «Что, батька, так рано поднялся? Чего ты взыскался?» <…> Щелк щелку ведь розь. Да понадеялся он на русский авось <…> Попадья Балдой не нахвалится, Поповна о Балде лишь и печалится, Попенок зовет его тятей; Кашу заварит, нянчится с дитятей <…> Слушай: платить обязались черти Мне оброк по самой моей смерти; Лучшего б не надобно дохода, Да есть на них недоимки за три года. Как наешься ты своей полбы, Собери-ка с чертей оброк мне полный». <…>	从前有个神父， 是个地道的傻瓜。 有一天神父到市场走走， 看看有什么东西好采购。 这时迎面走来了巴尔达， 自己也不知道要去哪儿。 “怎么，神父，你起得这样早？ 你想寻找一些啥?” 〈…〉 弹几下，轻重会各有不同。 于是他指望着俄国人常说的“碰运道”。 〈…〉 神父的老婆对巴尔达赞不绝口， 神父的女儿却为巴尔达担心发愁， 神父的小儿子叫他：“爸爸”； 他既要煮粥，还要照管小孩。 〈…〉 听着：魔鬼们本该向我交纳贡金， 一直要交到我最后死掉登上了天； 再没有比这更好的收入了， 可是他们却已拖欠了三年。 当你吃饱了小麦饭， 就去向魔鬼们给我把全部贡金收清”。 〈…〉	Жил-был один священник, настоящий глупец. Однажды пошел священник на базар, посмотреть, что бы там можно было купить. Тут ему навстречу идет Балда, сам не зная, куда путь держит. «Что, священник, так рано поднялся? Чего ищешь?» <…> Щелчок щелчку рознь. И понадеялся он на русское «Попытать счастья». <…> Жена священника нахваливает Балду, А дочь священника за Балду тревожится и печалится, Малый сын священника зовет его: «Папа»; Ему надо и кашу варить, и за ребенком присматривать <…> Слушай: чертенята должны были платить мне подношение металла, Пока я не умру окончательно и не взойду на небо; Нет дохода лучше этого, Но они уже три года в долгу. Когда ты наешься пшенной кашей, Ступай к чертенятам и собери мне все подношение металла.

Для сопоставительного лингвокультологического семантического анализа из пушкинского текста было выбрано 8 лексических единиц, которые, на наш взгляд, являются культурно-маркированными. Они приведены в табл. 2.

Таблица 2

Культурно-маркированные слова и их китайские переводные соответствия

Исходные слова	Китайские соответствия	Обратный перевод
Оброк	贡金	подношение металла
Поп	神父	священник
Попадья	神父的老婆	жена духовного отца
Каша	粥	каша
Авось	碰运道	попытать счастья / удачу
Подворье	院子	двор
Недоимки	拖欠	просрочка
Балда	巴尔达	балда

Следующим этапом исследования является сопоставительный семантический анализ выбранных слов и их китайских соответствий, использованных переводчиком. Для этого были проанализированы словарные дефиниции русских и китайских лексем из «Толкового словаря современного китайского языка»[1] и «Большого толкового словаря русского языка»[2].

Ниже приведем дефиниции отобранных русских лексических единиц и их китайских переводческих соответствий, а также сравним их с точки зрения культурной семантики.

1. Оброк. В крепостнической России это форма налога с крестьян в пользу помещика. На китайский оно переведено как 贡金 (gòng jīn, букв. «подношение металла»). Изначально этот термин в Древнем Китае обозначал медь – материал для ритуальных треножников-динов, символов власти, а позже стал означать золото и серебро, которые вассалы подносили императорскому двору. Согласно исследованиям, в Китае четко различались «Фу» (赋 – военные повинности), «Шуй» (税 – регулярные внутренние налоги) и «Гун» (贡 – внешняя дань от вассальных территорий). Таким образом, «Гун» – это не внутренний налог (как русский оброк), а политический акт подчинения извне: через «Фу» и «Шуй» управляли «внутренними» землями, а через «Гун» регулировали отношения с «внешним» миром[3].

Представляется, что культурное различие понятий «оброк» и «гунь цзинь» очевидно: «оброк» – это форма внутренней эксплуатации крестьян помещиком, в то время как «гунь цзинь» – это дань и выражение верности вассала центральному двору.

[1] *Толковый словарь современного китайского языка.* 7 издание. Пекин: Издательство Коммерческая пресса, 2016. 1800 с.

[2] *Большой толковый словарь русского языка: А–Я*, составитель, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

[3] Хоу Гуаньсян, Ши Лисюн. Исследование истоков и развития налогообложения. *Новая экономика*, 2016, № 26, с. 47. [侯官响, 石丽雄. 赋税源流考 // 新经济, 2016, no. 26, p. 47.]

2. Поп. В русском фольклоре и разговорной речи часто имеет негативно-окрашенную коннотацию, вызывающую образ жадного и глупого персонажа. Именно таким и является пушкинский герой. Китайский переводческий эквивалент «священник» не имеет такой окрашенности, т. к. является достаточно формальным и уважительным обозначением служителя церкви.

3. Каша и **чжоу.** Оба слова означают блюдо из вареной крупы. Однако в Китае ее основой служит рис (культурный прототип), хотя также используют просо, бобы и др., а в России кашу готовят преимущественно из круп (гречки и др.). Ниже приведем культурные различия данных слов и понятий.

Состав и роль. Китайская каша (чжоу) отличается широким разнообразием добавок (мясо, овощи, сладости) и в традиционной медицине ценится как легкая, целебная пища. Русская каша часто дополняется жирами (масло, молоко) для калорийности и силы, ассоциируясь с физической выносливостью (ср. поговорку: «Мало каши ел»).

Символика. В китайской культуре каша – символ скромности и простоты жизни. В России она отражает народную мудрость, которая передается в русских пословицах. Например: «Щи да каша – пища наша». Данная пословица звучит как декларация национальной идентичности, укорененной в простоте быта и совместном существовании.

В русской культуре есть и другие пословицы со словом **каша**: «Кашу маслом не испортишь» (хорошего не бывает в избытке), «Сам заварил кашу, сам и расхлебывай» (проблемы, созданные своими руками, необходимо решать самому) и др.[1]

Таким образом, можно сказать, что китайская каша ориентирована на внутреннее восстановление, русская – на внешнюю силу и практичность.

4. Авось. Разговорное выражение недостаточно обоснованной надежды, расчета на случай, удачу – «может быть станется, сбудется». «Авось» переведен на китайский как «попытать счастья / испытать удачу» (碰运道). Русский «авось» означает надежду на то, что благодаря удаче или счастливой судьбе удастся что-либо совершить.

Е. Л. Березович отмечает, что «авось» является общепризнанным ключевым словом русской языковой культуры, что отражено в таком устойчивом словосочетании, как «русский авось»[2]. Семантика слова «авось» включает в себя идею «подмены реального труда пустой надеждой и ее ненадежности». Оно подчеркивает безрассудный подход к решению проблем, однако эта тема обычно подается в ироническом, а не в дидактическом ключе[3], что находит яркое отражение в сказках А. С. Пушкина.

[1] *Словарь русского языка*: в 4 томах (Малый академический словарь), под редакцией А. П. Евгеньевой. 1985–1988 гг.

[2] Березович Е. Л. Судьба как время: о темпоральном аспекте рус. Авось. *Филологическая регионалистика*, 2011, № 1, с. 59–63. EDN: TPDHOV

[3] Климас И. С., Праведников С. П. «Авось» в русском фольклоре. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2024, № 4 (55), с. 53–64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (дата обращения: 10.09.2025).

Культурная и философская глубина этого слова также отражена в произведениях русской литературы. «Авось» выражает фаталистический взгляд на жизнь как на нечто непредсказуемое, где лучшее, что может сделать человек, – это уповать на удачу. Такое отношение многие считают неотъемлемой частью русского характера, аналогичного понятию «судьба». Приведем пушкинские строки из десятой главы «Евгения Онегина»:

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь
Авось дороги нам исправят <…>[1]

«Авось» может отражать как стойкость перед лицом трудностей, так и пассивный, бездеятельный фатализм, то есть полный отказ от принятия мер для улучшения ситуации и исключительную надежду на удачу. Он, как отмечают исследователи, обладает сложной двойственностью. С положительной стороны, «авось» олицетворяет чистую веру и доверие, способность в последний момент мобилизовать все силы для выполнения невозможной задачи. Однако с отрицательной стороны, он служит оправданием лени и безответственности, перекладывая все обязательства на других или на внешние обстоятельства. Русские пословицы также отражают недоверие к нему: «От авося добра не жди». Кроме того, в статье И. С. Климаса и С. П. Праведникова отмечается, что «авось» часто выступает в паре с «небось» (близким по значению словом, выражающим уверенность и бесстрашие). Эта комбинация отражает «связь необоснованной надежды и бесстрашия в народном сознании»[2].

В качестве переводческого соответствия в китайской версии было выбрано «Попытать счастья» (pèng yùn dào). Это китайское выражение, сфокусированное на действии. В сравнении с «авось», китайское выражение «碰运道» (pèng yùn dào) или «碰运气» (pèng yùn qì) имеет более прямое и конкретное значение. «碰运道» – это глагольное словосочетание, описывающее действие: предпринять попытку при отсутствии полной уверенности в успехе, в надежде на случайный положительный результат. Его смысловой центр – это глагол «попытать» (pèng), то есть «столкнуться, пробовать», что подчеркивает активную попытку соприкоснуться с неопределенной возможностью.

В данном случае можно говорить об определенном семантическом сдвиге при переводе: произошла трансформация от «менталитета» к «действию». При этом переводчику удалось сохранить ключевую мотивацию поведения персонажа – опору

[1] Пушкин А. С. *Евгений Онегин. Пропущенные строфы. Другие редакции и варианты*. Москва: Проспект, 2023, с. 575.

[2] Климас И. С., Праведников С. П. «Авось» в русском фольклоре. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2024, № 4 (55), с. 61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (дата обращения: 10.09.2025).

на случайную удачу, а не на тщательное планирование. Для развития сюжета этот функциональный эквивалент имеет решающее значение, поскольку он позволяет китайскому читателю понять психологию и логику поступков персонажа.

Нужно также подчеркнуть, что «авось» – это устойчивая, внутренняя модель мышления, своего рода «состояние бытия». В свою очередь, «pèng yùn dào» – это разовое, внешнее, «конкретное действие».

Пассивный, покорный судьбе оттенок фатализма, содержащийся в «авось», значительно ослабляется в более активном «pèng yùn dào». Хотя последнее также признает доминирующую роль удачи, но оно в большей степени акцентирует внимание на субъективной попытке – действии «попробовать».

5. Балда. В русском языке является общеупотребительным и означает «дурак», «простофиля», «тупица». Однако в традиции русской народной литературы персонажи с таким именем часто являются воплощением принципа «внешняя глупость скрывает внутреннюю мудрость». Они могут выглядеть простоватыми и наивными, но на деле обладать недюжинным умом, силой и добрым сердцем, олицетворяя собой народную мудрость. А. С. Пушкин напрямую заимствовал этот классический фольклорный образ.

Для китайских читателей, незнакомых с русским языком и культурой, «Балда» – всего лишь странно звучащее иностранное имя. Самый глубокий смысл имени, заключающийся в контрасте между глупостью, мудростью и иронией полностью теряется при переводе. Это типичный пример явления «непереводимости». Если переводить его по смыслу как «дурак» или «великая мудрость», то это разрушит поэтический ритм и целостность имени персонажа. Го Баоцюань использует транскрипцию, что является стандартным подходом. Однако читателям приходится полагаться на пояснения или собственное понимание, чтобы постичь глубинный смысл, скрытый внутри этого имени.

6. Подворье. Как правило, это подчиненное и функционально специализированное подворотное пространство, которое обычно принадлежит основному учреждению (например, монастырю, усадьбе и т. д.) и находится за пределами его центральной зоны, что подчеркивает его зависимый статус и особое назначение (например, для религиозных обрядов, приема гостей или ремесленного производства). Например, исторически созданное монастырем в городе «монастырское подворье» служило как для управления делами на отдаленных территориях, так и для размещения паломников. Двор, напротив, обозначает дворовое пространство в общем смысле – огороженный забором или стеной участок земли вокруг дома или иного здания, имеющий универсальное и самостоятельное функциональное назначение (например, жилой двор у дома). Переводчик Го Баоцюань в данном контексте перевел «подворье» как «двор», исходя из соображений практичности, поскольку для большинства китайских читателей, незнакомых с православной религиозной культурой, такой перевод облегчает понимание.

7. Попадья. В Китае простые люди мало знакомы со славянской и православной культурой. Стереотипное представление о религиозных служителях в Китае – это безбрачие и невозможность вступления в брак, поэтому понятие «попадья» в китайском сознании отсутствует. В китайском языке (и культуре) нет слова, полностью

эквивалентного «попадье», которое объединяло бы религиозный статус, семейное положение и социальную роль. «Попадья» в русском языке – это слово, совмещающее оттенки теплоты, юмора, ностальгии и других эмоций. Прямой перевод «жена священника» лишает его этих эмоциональных красок, но обеспечивает понимание статуса персонажа для читателей.

8. Недоимки. Термин относится к периоду царской России, когда крестьяне были обязаны платить налоги помещику или государству. Они не могли вносить их в полном объеме и вовремя, в результате чего образовывалась задолженность, фактически являющаяся просроченным платежом. Это слово символизирует долговременное экономическое угнетение и бедность крестьянского сословия. В русской народной пословице: «Недоимки растут, а спина гнется», хорошо считывается ощущение беспомощности крестьян перед государственными налогами, именно поэтому в народном сознании это слово имеет негативную эмоциональную окраску (угнетение, несправедливость и т. д.). В русской литературе оно также является значимым символом. Например, в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя умершие крепостные остаются в налоговых списках, образуя «мнимые недоимки». В китайских переводах сказок это слово напрямую передается как 拖欠 (просрочка, задолженность), что выражает лишь самое прямое и поверхностное значение слова, облегчая понимание китайскому читателю, но утрачивая при этом культурно-исторический контекст недоимок, и не передает скрытую в этом слове эмоциональную окраску скорби и боли. «Недоимки» являются языковым отпечатком отношений между государством и крестьянами в условиях крепостного общества, а также важным языковым ключом к пониманию социальной истории дореволюционной России. Эти культурные коннотации в китайской версии перевода, конечно, не отражены.

Проведенный сопоставительный анализ лексем, отобранных из «Сказки о попе и о работнике его Балде», и тех переводных соответствий, которые были использованы в китайском переводе, показал, что именно при переводе культурно-маркированной лексики обнажается культурная «непереводимость», связанная с глубинным различием двух лингвокультур – русской и китайской.

Выводы

Знакомство китайских читателей с литературным наследием великого русского поэта произошло более столетия назад – в 1903 г., когда появился китайский перевод повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», выполненный не с оригинала, а с японского языка. С тех пор ситуация значительно изменилась, имя А. С. Пушкина стало хорошо известно в Китае, сложилась китайская традиция перевода, оформилась группа переводчиков, работающих непосредственно с русским языком, сформировалось и китайское пушкиноведение. Большая заслуга в этом принадлежит Гэ Баоцюаню, который много сделал для «вписывания» имени А. С. Пушкина и его произведений в китайскую культуру, включая и пушкинские сказки. Сегодня все семь сказок переведены на китайский язык; особой популярностью пользуются две – «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке», впервые переведенные именно Гэ Баоцюанем.

Перевод сказок представляет собой сложнейшую задачу для переводчиков, в том числе и из-за их особого языка, сочетающего пушкинское уникальное поэтическое мастерство и элементы народного фольклора, к которым относится и культурно-маркированная лексика. Последняя традиционно считается труднопереводимой, т. к. культурно-маркированные лексические единицы в силу своей уникальности не имеют точных соответствий в языке перевода. Лингвокультурологический сопоставительный анализ лексем, относящихся к культурно-маркированной лексике, и их переводных соответствий позволяет эксплицировать эту «непереводимость» и продемонстрировать существенные культурные различия между Россией и Китаем, с одной стороны, а с другой – исследования подобного рода, вскрывая эти различия, помогают понять чужую культуру, расширить представления о ней, а также способствуют более эффективной межкультурной коммуникации.

Проведенный в данной работе сопоставительный анализ культурно-маркированной лексики «Сказки о попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода позволяет сделать следующие выводы относительно переводческих решений автора китайской версии.

1. Гэ Баоцюань использовал комплекс приемов:

– транскрипцию (Балда → 巴尔达, поп → 神父) с заменой на коннотативно нейтральный эквивалент;

– функциональную замену (оброк → 贡金, где реалия русской феодальной системы передана через понятие дани в китайской традиции);

– нейтрализацию (попадья → «жена священника», подворье → «двор», недоимки → «просрочка»).

Каждый из этих приемов позволил сохранить фабульную логику, но привел к неизбежным смысловым и стилистическим трансформациям.

2. Наиболее отчетливо «непереводимость» проявилась в передаче слов «авось» и «Балда». В первом случае русское концептуальное слово, отражающее фаталистическую модель поведения, было заменено глагольным выражением 碰运道 («попытать счастья»), что смещает акцент с ментальной установки на конкретное действие. Во втором транскрипция имени Балда (巴尔) лишает китайского читателя той иронической двойственности (внешняя глупость / внутренняя мудрость), которая составляет суть фольклорного образа. Анализ единиц «оброк», «каша», «недоимки» также показал, что даже при наличии словарных соответствий за ними стоят различные исторические, бытовые и аксиологические контексты, которые не могут быть переданы полностью в переводе.

3. Проведенный сопоставительный анализ русских культурно-маркированных единиц и их китайских переводческих соответствий подтверждает, что перевод культурно-маркированной лексики требует не столько поиска формальных эквивалентов, сколько осознанного выбора между сохранением национального колорита (например, через транскрипцию с комментарием) и доступностью текста для иноязычного читателя. Решения, принятые Гэ Баоцюанем, ориентированы в первую очередь на гладкость повествования и понятность сюжета, что оправдано задачами художественного перевода, но приводит к редукции культурно-исторических коннотаций оригинала.

Таким образом, исследование конкретных лексических единиц пушкинской сказки демонстрирует, что за каждым, казалось бы, незначительным выбором переводчика стоит сложный механизм «согласования» двух лингвокультур. Выявление таких механизмов не только проясняет природу «непереводимости», но и способствует более точному пониманию как пушкинского текста, так и культурных кодов, лежащих в его основе. Дальнейшие сопоставительные работы на материале других сказок А. С. Пушкина позволят расширить полученные наблюдения и выявить общие закономерности передачи фольклорно-поэтического языка в китайских переводах.

Список литературы / References

Березович Е. Л. Судьба как время: о темпоральном аспекте рус. Авось. *Филологическая регионалистика*, 2011, № 1, с. 59–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-kak-vremya-o-temporalnom-aspekte-rus-avos (дата обращения: 10.09.2025). EDN: TPDHOV

Beriozovich E. L. Fate as the time: On the temporal aspect of the Russian “Avos”. *Philological Regional Studies*, 2011, no. 1, c. 59–63. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/-sudba-kak-vremya-o-temporalnom-aspekte-rus-avos (accessed: September 10, 2025). (In Russ.) EDN: TPDHOV

Булаховский Л. А. *Русский литературный язык 1-й половины XIX века*: в 2 т., т. 1. Киев: Радянська школа. 1957. 452 с.

Bulakhovskii L. A. *Russian literary language of the 1st half of the XIX century*: In 2 vol., vol. 1. Kiev: Radians’ka shkola. 1957. 452 p.

Ван Цинлэ. Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность. *Вестник РУДН. Серия: литературоведение, журналистика*, 2024, № 2, с. 390–396. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pushkinskih-skazok-v-kitae-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 03.12.2025).

Wang Qingle. The study on Pushkin’s fairy tales in China: History and modernity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2024, no. 2, pp. 390–396. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pushkinskih-skazok-v-kitae-istoriya-i-sovremennost. (accessed: December 3, 2025). (In Russ.)

Гэ Баоцюань. *Сборник стихотворений Пушкина*. Пекин: Социальные науки Китая, 2007. 264 с. [戈宝权. 普希金诗集. 北京: 中国社会科学出版社, 2007. 264 p.]

Ge Baoquan. *Pushkin’s Collection of Poems.* Beijing: China Social Sciences Press, 2007. 264 p. (In Russ.)

Дей Цин. Сравнительное исследование стратегий перевода культурной лексики в «Аналектах Конфуция». *Журнал Цзининского университета*, 2015, № 6, с. 83–86. [戴静. 《论语》中文化词汇翻译策略对比研究——以辜鸿铭、刘殿爵、威利和许渊冲《论语》英译本为例[J]. 济宁学院学报, 2015, no. 6, pp. 83–86.]

Dai Jing. A Comparative study of cultural vocabulary translation strategies in the analects of Confucius. *Journal of Jining University*, 2015, no. 6, pp. 83–86. (In Russ.)

Зворыгина О. И. Лексическая организация русской литературной сказки пушкинского периода. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2011, № 1 (12), с. 80–87. EDN: OZJMTZ

Zvorygina O. I. Lexical organization of the Russian literary tale of Pushkin's period. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2011, no. 1 (12), pp. 80–87. (In Russ.) EDN: OZJMTZ

Климас И. С., Праведников С. П. «Авось» в русском фольклоре. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2024, № 4 (55), с. 53–64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (дата обращения: 10.09.2025).

Klimas I. S., Pravdenikov S. P. "Avos" in Russian folklore. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 2024, no. 4 (55), pp. 53–64. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (accessed: September 10, 2025). (In Russ.)

Лю Вэньфэй. *Читая Пушкина*. Пекин: Народная литература, 2002. 49 с. [刘文飞：阅读 普希金，北京：人民文学出版社，2002年，第49页。]

Liu Wenfei. *Reading Pushkin.* Beijing: Narodnaia literatura, 2002. 49 p. (In Russ.)

Лю Янькунь. *Функционирование творчества А. С. Пушкина в Китае*: дис. … канд. филол. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 206 с.

Liu Yankun. *The functioning of A. S. Pushkin's creative works in China*: Cand. thesis in Philological Sciences. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2019. 206 p. (In Russ.)

Пропп В. Я. Русская сказка. *Пропп В. Я. Собрание трудов*. Москва: Лабиринт, 2022. 412 с.

Propp V. Ia. Russian fairy tale. *Propp V. Ia. Collected works*. Moscow: Labirint, 2022. 412 p. (In Russ.)

Токарев Г. В. Лингвокультурологические особенности сказок А. С. Пушкина. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 2014, № 8, с. 338–346. EDN: TCEEGT

Tokarev G. V. Linguistic and cultural peculiarities of fairy tales by A. S. Pushkin. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2014, no. 8, pp. 338–346. (In Russ.) EDN: TCEEGT

У Сяоду. Творчество Пушкина и идеалы просвещения. *Обучение и исследования*, 2014, № 10, с. 122–125. [吴晓都.普希金的创作与启蒙主义理想 // 学习与探索, 2014, no. 10, pp. 122–125.]

Wu Xiaodu. Pushkin's creative work and enlightenment ideals. *Study & Exploration*, 2014, no. 10, pp. 122–125. (In Russ.)

Хоу Гуаньсян, Ши Лисюн. Исследование истоков и развития налогообложения. *Новая экономика*, 2016, № 26, с. 47. [侯官响, 石丽雄. 赋税源流考 // 新经济, 2016, no. 26, p. 47.]

Hou Guanxiang, Shi Lixiong. Research on the origins and development of taxation. *New Economy*, 2016, no. 26, p. 47. (In Russ.)

Чжан Тефу. *Пушкин и Китай*. Чанша: Юэлу, 2000. 428 с. [张铁夫. 普希金与中国 // 长沙: 岳麓书社, 2000. 428 p.]

Zhang Tiefu. *Pushkin and China*. Changsha: Yuelu Publishing House, 2000. 428 p. (In Russ.)

Чэнь Си, Гэн Е, Ма Ин, Ван Кэцзюань, Чэн Вэй. Анализ культурного значения каши (чжоу) в китайском буддизме и даосизме. *Междисциплинарные научные письма*, 2024, т. 8, № 1, pp. 20–23. [陈希, 耿烨, 马莹, 王克娟, 程伟. 我国佛教与道教的粥文化探析 // 交叉科学快报 2024, т. 8, no. 1, с. 20–23.]

Chen Xi, Geng Ye, Ma Ying, Wang Kejuan, Cheng Wei. Analysis of the cultural significance of porridge (Zhou) in Chinese Buddhism and Taoism. *Interdisciplinary Scientific Letters*, 2014, vol. 8, no. 1, pp. 20–23. (In Russ.)

Словари / Dictionaries

Большой толковый словарь русского языка: А–Я, составитель, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Ya, Compiler and editor-in-chief: S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)

Толковый словарь современного китайского языка. 7 издание. Пекин: Издательство Коммерческая пресса, 2016. 1800 с.

Explanatory Dictionary of Modern Chinese. 7th edition. Beijing: Izdatel'stvo Kommercheskaia pressa, 2016. 1800 p. (In Russ.)

Словарь русского языка: в 4 томах (Малый академический словарь), под редакцией А. П. Евгеньевой. 1985–1988 гг.

Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes (The Small Academic Dictionary); edited by A. P. Evgenieva. 1985–1988. (In Russ.)

Сведение об авторах

Наталья Михайловна Нестерова – профессор, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742, nest-nat@yandex.ru, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29, пр-т. Комсомольский, 614990 Пермь, Россия); **Natalya M. Nesterova** – Professor, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742, nest-nat@yandex.ru, Perm National Research Polytechnic University (29, pr. Komsomolsky, 614990 Perm, Russia).

Юньсяо Тань – аспирант, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391, xiujun@mail.ru, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29, пр-т. Комсомольский, 614990 Пермь, Россия); **Yunxiao Tan** – Postgraduate Student, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391, xiujun@mail.ru, Perm National Research Polytechnic University (29, pr. Komsomolsky, 614990 Perm, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 27.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 08.12.2025; Approved after reviewing 27.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 233–244.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 233–244.

Научная статья
УДК 378.14.015.62
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-18
https://elibrary.ru/emghwh

Некоторые аспекты качества современного высшего образования

Александр Леонидович Дрондин[1]✉, Лидия Александровна Сайтбагина[2]✉
[1,2]Университет «Синергия»,
Москва, Россия
[1]✉aleksandr-drondin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7272-5615
[2]✉lidia-la@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-0460-5924

Аннотация. В статье рассмотрен ряд аспектов качества современной отечественной высшей школы в свете актуальных тенденций социально-экономического развития, в частности – цифровой трансформации. В центре внимания авторов различные интерпретации понятия «качество образования», а также подходы к его оценке. В практической части исследования анализируются некоторые последствия участия нашего высшего образования в Болонском процессе, противоречия между активным внедрением современных цифровых инструментов в организацию и содержанием высшего образования, а также возможными потерями традиционных ценностных установок академического образования.
Ключевые слова: высшее образование, качество образования, работодатели, рынок труда, Болонский процесс, компетентносный подход, независимая оценка качества образования, цифровая трансформация, искусственный интеллект
Для цитирования: Дрондин А. Л., Сайтбагина Л. А. Некоторые аспекты качества современного высшего образования. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 233–244. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-18; EDN: EMGHWH

Some aspects of the modern higher education quality

Alexander L. Drondin[1]✉, Lydiya A. Saytbagina[2]✉
[1,2]University “Sinergy”,
Moscow, Russia
[1]✉aleksandr-drondin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7272-5615
[2]✉lidia-la@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-0460-5924

Abstract. The article examines a number of aspects of the modern Russian higher education quality in the light of current trends in socio-economic development, in particular digital transformation. The authors focus on various interpretations of the concept of “quality of education”, as well as approaches to assessing its quality. The practical part of the study analyzes some of the consequences

© Дрондин А. Л., Сайтбагина Л. А., 2026

of our higher education participation in the Bologna process, as well as the contradictions between the active introduction of modern digital tools into the organization and content of higher education and the possible losses of traditional values in academic education.

Keywords: higher education, quality of education, employers, labor market, Bologna process, competence-based approach, independent assessment of the education quality, digital transformation, artificial intelligence

For citation: Drondin A. L., Saytbagina L. A. Some aspects of the modern higher education quality. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 233–244. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-18; EDN: EMGHWH

Введение

Современная геополитическая обстановка и предпринимаемые руководством страны усилия по отстаиванию независимости и стратегических приоритетов России требуют соответствующего кадрового обеспечения, что предъявляет определенные требования к качеству отечественной высшей школы.

Будучи озвученным в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года понятие «качество образования» в рамках академического сообщества по-прежнему является весьма обсуждаемым и требующим уточнения[1], что подтверждает актуальность данного исследования, целью которого является анализ современных тенденций отечественного высшего образования в русле решения задачи подготовки качественных специалистов и определение направлений совершенствования качества высшей школы. Научная новизна исследования состоит в представлении авторской оценки существующих трендов в обеспечении вузами высокого уровня качества образования, а также определении некоторых путей оптимизации деятельности в данном направлении как со стороны вузов, так и со стороны государственных органов управления высшим образованием. Наша гипотеза заключается в том, что совершенствование качества российской высшей школы должно базироваться на сохранении лучших традиций нашего образования в сочетании с внедрением позитивных последствий присутствия в Болонском процессе, а также достижений цифровой трансформации. Методология настоящей работы опирается на положения теории высшей школы и концепции качества образования.

Начальный этап исследования заключался в отборе и изучении опубликованных материалов в области качества современного отечественного высшего образования. В основе исследования – анализ механизма достижения высокого уровня качества обучения в рамках советской образовательной системы[2] с учетом внедрения в новейшей истории российского образования компетентностного подхода[3]. Одним из

[1] Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Качество образования: рост, развитие или преобразование? *Юрист ВУЗа*, 2023, № 5, с. 3–10. EDN: VYQJBW

[2] Чеканова М. С. Формы партнерства образовательной организации и работодателей в системе управления качеством образовательных программ. *Перспективы науки и образования*, 2016, № 6 (24), с. 28–32. EDN: XXXAWX

[3] Шармин Д. В., Шармин В. Г. Компетентностный подход в высшем образовании России: двадцать лет спустя. *Казанский педагогический журнал*, 2021, № 3 (146), с. 64–72. https://doi.org/10.51379/kpj.2021.147.3.009; EDN: AIXSYH

наиболее дискуссионных аспектов данного Федеральным законом определения качества образования являются различные потребности интересантов образовательной деятельности. В ряде исследований проанализированы убеждения и особые запросы основных заинтересованных сторон высшего образования[1]. Не умаляя значимости учета ожиданий от качества обучения таких интересантов, как государство, обучающиеся, профессорско-преподавательский состав и др., выделим интерпретацию качества результатов обучения в высшей школе как степень соответствия подготовки выпускников вузов требованиям работодателей, что обеспечивает вчерашним студентам высокий уровень конкурентоспособности на рынке труда[2].

Второй этап исследования предусматривал обобщение достигнутых вузами практических результатов и выявленных неиспользованных резервов в области качества образования. Эмпирической базой послужили результаты независимой оценки качества образования ряда вузов России с последующей профессионально-общественной аккредитацией основных образовательных программ, проводимой под эгидой Агентства по контролю качества образования и развитию карьеры (далее – АККОРК), предусматривавшей активное взаимодействие с различными интересантами высшего образования.

На заключительном этапе исследования был применен комплекс теоретических и эмпирических методов с выходом на констатацию проблемных зон современной российской высшей школы и выработку рекомендаций по совершенствованию ее качества.

Основная часть

Выделим два фактора, оказавших наибольшее влияние на качество отечественного высшего образования в последние годы.

1. Выход отечественного образования из Болонского процесса в 2022 году.

2. Активное внедрение в организацию и содержание вузовского учебного процесса достижений цифровой трансформации.

Подписание в 2003 году российской стороной Болонской декларации внесло серьезные коррективы в отечественную высшую школу. Поверхностный взгляд на данные коррективы связан с переходом высшего образования от специалитета к двухуровневой системе: бакалавриат – магистратура. Вместе с тем, стоит напомнить продекларированную стратегическую цель подписания Болонской декларации: интеграция российского образования в общеевропейскую систему. Какие же реальные шаги были предприняты в рамках движения к этой цели в течение без малого двадцатилетнего присутствия нашего образования в Болонском процессе? И как эти шаги отражаются на современной высшей школе?

[1] Рудакова Л. В. Обеспечение качества в современном высшем образовании. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2025, № 7, т. 7, с. 209–218. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.07.07.022; EDN: KRGUNL

[2] Рубин Ю. Б. Конкуренция в российском образовании: теория и противоречивые реалии. *Университетское управление: практика и анализ*, 2017, т. 21, № 5 (111), с. 17–30. https://doi.org/10.15826/umpa.2017.05.058; EDN: ZXYKJX

Внедрение Общеевропейского приложения к диплому и расширение сотрудничества между российскими и западноевропейскими вузами стали практическими шагами на пути к реализации стратегической цели, обозначенной в Болонской декларации. На деле это обернулось расширившимся потоком утечки подготовленных отечественными вузами квалифицированных кадров в Европу[1], что в условиях отсутствия соответствующего встречного потока лишь ухудшило ситуацию на российском рынке труда. Что касается упомянутого перехода на двухуровневую систему высшего образования, то гигантские организационные издержки по переводу учебного процесса на «новые рельсы» оказались совершенно неразумными в отношении потенциального повышения качества обучения, прежде всего ввиду приема в магистратуру бакалавров вне зависимости от полученного профильного образования[2], что никак не корреспондируется с идеей выстраивания магистратуры в качестве инструмента адресного повышения компетенций молодых людей, которые вышли на рынок труда, но ощутили недостаточную подготовленность к эффективной деятельности на определенных должностях. Предусмотренное Болонской системой образования уменьшение часов лекционно-семинарских занятий при увеличении времени для самостоятельной работы также не привело к повышению уровня подготовки обучающихся[3]. Стоит ли в рамках данных реалий делать вывод о полной бесполезности нашего участия в Болонском процессе в течение без малого двадцати лет? Данный вывод выглядит недостаточно аргументированным.

Прежде всего выделим полезность внедрения в отечественную высшую школу компетентностного подхода, что явилось одним из следствий прихода в наше образование западноевропейских стандартов и было отражено в действующих федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС). Конечно, можно и нужно обсуждать адекватность применяемых инструментов оценки приобретаемых обучающимися компетенций, над которыми с завидной регулярностью трудится значительная часть академического сообщества. Однако анализ доступной информации о системах управления отечественных предприятий, старающихся быть на гребне современного менеджмента, свидетельствует о все более активном внедрении в них компетентностного подхода[4], который выражается, в широком смысле, в отношении к компетенциям работников как к стратегическому ресурсу предприятия, а в узком – в формировании профилей компетенций для каждой должности, что позволяет более

[1] Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Эмиграция граждан России в 2015–2020 гг.: мониторинг современных тенденций и перспектив. *Научный результат. Социология и управление*, 2022, т. 8, № 1, с. 33–42. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-4; EDN: UWDAON

[2] Негуч А. А. Перспективы модернизации российской магистратуры: Болонский процесс с российским акцентом. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, 2023, № 5 (81), с. 383–388. EDN: TYTILE

[3] Вишняков А. Г. Болонский процесс и мы: приобретения и утраты. *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета*, 2023, № 1, с. 14–20. EDN: GXTOWO

[4] Жданова О. С. Компетентностный подход при формировании стратегии развития предприятий. *Вестник Донецкого национального университета*. *Серия В. Экономика и право*, 2025, № 2, с. 55–63. https://doi.org/10.5281/zenodo.17045758; EDN: SYJAXB

внятно оценивать работающих сотрудников и более адресно заниматься подбором персонала. А это значит, что присутствие в системе образования компетентностного подхода безусловно способствует выстраиванию более эффективного диалога «вуз – работодатель».

Другим важным следствием нашего присутствия в Болонском процессе является получившая определенное распространение в системе управления отечественным высшим образованием независимая оценка качества обучения и профессионально-общественная аккредитация. Справедливости ради надо отметить, что разрешение проводить негосударственную аккредитацию было озвучено еще в принятом в 1992 году Законе РФ «Об образовании», однако до начала 2000-х гг. оно носило лишь декларативный характер. Приход в отечественное образование принципов Болонской декларации обусловил первые проекты независимой оценки качества образования, инициированные Национальным центром общественно-профессиональной аккредитации (г. Йошкар-Ола), Агентством АККОРК (г. Москва), Ассоциацией инженерного образования России (г. Томск) и др.[1] Наконец, институт независимой оценки качества образования и возможность учета результатов профессионально-общественной аккредитации при проведении государственной аккредитации были зафиксированы в статье 95 Федерального закона РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Опыт проведения независимой экспертизы качества образования в последующий период показал полезность для вузов дополнения государственной аккредитации, дающей официальное разрешение на реализацию образовательных программ, профессионально-общественной аккредитацией, результатом которой является лучшее понимание вузом перспектив совершенствования качества обучения. Немаловажным представляется тот факт, что авторами рекомендаций в адрес вузов являются прежде всего сообщества работодателей. Выход российского образования из Болонского процесса не должен снижать значимости данных инструментов повышения качества образования.

Еще одной важной тенденцией современного российского высшего образования, несомненно влияющей на его качество, стал активный приход в высшую школу инструментов цифровой трансформации. Многие авторы называют его глобальным трендом, присутствующим во всех аспектах образовательного процесса[2], отмечают расширение возможностей для выстраивания актуального содержания обучения, применения различных форматов взаимодействия студентов, преподавателей, работодателей. Цифровая образовательная среда позволяет проводить обучение как в синхронном, так и в асинхронном режиме, организовывать постоянную обратную

[1] Долгоруков А. М., Зырянов В. В., Малахов Ф. В., Темнова Л. В. Опыт разработки процедур профессионально-общественной аккредитации для социально-гуманитарной сферы российского образования. *Высшее образование в России*, 2015, № 10, с. 5–15. EDN: UXMFPT

[2] Болдырев М. В., Шарафутдинов Р. Ф. Позиционирование гуманитарных вузов в условиях цифровой трансформации и искусственного интеллекта. *Экономические системы*, 2025, т. 18, № 1, с. 58–70. https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-1-58-70; EDN: CMHNKI

связь с обучающимися, создавать индивидуальные образовательные траектории[1]. Отметим, что последние были продекларированы, но в должной степени не реализованы в рамках пребывания отечественной высшей школы в Болонском процессе, о чем говорилось выше. Цифровые ресурсы дают возможность доступа к получению качественного образования обучающихся из отдаленных регионов. Отталкиваясь от связи качества высшего образования с конкурентоспособностью выпускников на рынке труда, необходимо обратить внимание на то, что интеграция в образовательный процесс инструментов цифровой трансформации развивает у обучающихся цифровую грамотность и критическое мышление, навыки поиска и анализа информации, что делает их кандидатуры более привлекательными для работодателей. Очевидными следствиями организации учебного процесса с опорой на цифровые технологии являются выигрыш вузов в эксплуатации аудиторного фонда, а студентов и преподавателей – в транспортных расходах. Трудно переоценить важность формата дистанционного обучения в кризисных ситуациях в масштабах страны, как, например, это было в период пандемии COVID-19.

При этом взвешенный взгляд на приход цифровых инструментов в высшую школу сквозь призму качества образования выявляет целый ряд проблем. Прежде всего отметим цифровое неравенство обучающихся, выражающееся в отсутствии соответствующих материальных ресурсов в отдаленных регионах и сельской местности[2]. Очевидным риском с точки зрения информационной безопасности является сопровождение онлайн-обучения наличием значительного объема информации о персональных данных преподавателей и обучающихся[3]. Не меньшей проблемой видится недостаточная подготовленность немалой части профессорско-преподавательского состава (прежде всего его возрастных представителей) к эффективному использованию цифровых инструментов. Неслучайно некоторые авторы пишут о необходимости переосмысления в условиях цифровой трансформации роли преподавателя, который сегодня должен постоянно совершенствовать методы ведения учебных занятий, акцентировать внимание на роли наставника, сопровождающего процесс развития у обучающихся креативного мышления[4]. Последнее особенно актуально с учетом очевидного снижения мотивации к обучению и самодисциплины студентов в

[1] Мурдалова И. Э., Джабраилова З. Р. Интеграция образования и цифровых технологий как путь к экономическому росту. *Экономика и управление: проблемы, решения,* 2025, т. 14, № 4 (157), с. 262–268. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.14.028; EDN: BVGZSW

[2] Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек. *Актуальные проблемы экономики и права,* 2020, т. 14, № 2, с. 235–248. https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248; EDN: YCQANU

[3] Ларионов В. Г., Шереметьева Е. Н., Горшкова Л. А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, 2021, № 2, с. 61–69. https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-61-69; EDN: DTZITI

[4] Зажигалкин А. В., Мансуров Т. Т., Мерецков О. В. Регулирование искусственного интеллекта в образовании. *Компетентность,* 2024, № 6, с. 3–10. https://doi.org/10.24412/1993-8780-2024-6-03-10; EDN: OHNVZH

условиях онлайн-среды. Кроме всего прочего, и это признают сами обучающиеся, дистанционный формат не способствует развитию коммуникативных компетенций обучающихся, а ведь сегодня они являются весьма востребованы работодателями[1]. Направления демпфирования озвученных проблем видятся как в постоянном развитии цифровых навыков преподавателей, так и в выстраивании учебного процесса с разумным балансом форматов онлайн и офлайн-обучения (например, с использованием технологии гибридного обучения[2]).

Отдельного обсуждения заслуживает проблема присутствия в современном высшем образовании искусственного интеллекта (далее – ИИ). Уже немало сказано о новых возможностях, которые открывает ИИ в образовательной среде: удобное корректирование учебных материалов, автоматизация многих задач при организации учебного процесса (например, составление расписания занятий) и его содержании (например, проверка выполненных обучающимися тестовых заданий), предоставление студентам услуг виртуальных ассистентов при освоении учебного материала, создание систем персонализированного обучения и др.[3]

Однако важно провести четкую границу между использованием ИИ в качестве инструмента, помогающего учебному процессу, и его позиционированием как замены учебному процессу. Последнее несомненно снижает возможности приобретения обучающимися таких компетенций, как творчество и способность к критическому мышлению. Не секрет, что студенты активно используют *ChatGPT* при выполнении учебных заданий, о чем свидетельствуют исследования многих специалистов[4]. Сам по себе этот факт не является критичным, если бы не одно «но»: информация, выдаваемая ИИ, была загружена определенными людьми, а значит нет гарантий ее достоверности и правильности. Хотелось бы предостеречь и от чрезмерного использования ИИ для проверки качества учебных мероприятий. Да, ИИ может зафиксировать, сколько раз преподаватель в рамках своей лекции использовал QR-коды, дал ли он информацию о целях и задачах дисциплины, обеспечил ли он соответствующий задний фон трансляции во время проведения вебинара и т. п., но не является ли это уходом от оценки качества образования сквозь призму приобретенных обучающим-

[1] Одноралеко С. Ю. Социально-экономические проблемы развития высшего образования в условиях цифровой экономики. *Финансовые рынки и банки*, 2021, № 3, с. 16–18. EDN: SDWMHH

[2] Хакиева З. У., Цурова Б. Я. Гибридное обучение: преимущества и ограничения. *Управление образованием: теория и практика*, 2025, № 6–1, с. 47–54. https://doi.org/10.25726/04657-4172-2243-k; EDN: JZBMBJ

[3] Вахабова С. А., Косулин В. В., Карагодина Е. А. Искусственный интеллект в образовании: реальность и перспективы. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2025, т. 6, № 5 (158), с. 208–214. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.05.06.026; EDN: AFTIVJ

[4] Шихнабиева Т. Ш. Перспективы и риски внедрения технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования. *Мониторинг. Наука и технологии*, 2025, № 1 (63), с. 38–42. https://doi.org/10.25714/MNT.2025.63.006; EDN: IUBLYI

ся компетенций к использованию квалиметрических показателей эффективности?[1] На наш взгляд, использование инструментов цифровой трансформации в высшей школе должно быть выверенным и дозированным, с постоянной оглядкой на то, не являются ли эти инструменты тормозом для личностного развития обучающихся.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о широком спектре положительных тенденций в совершенствовании качества отечественного высшего образования наряду с некоторыми противоречиями между традициями отечественной высшей школы и некоторыми недостаточно продуманными нововведениями. Представляются актуальными следующие рекомендации.

1. Считать наиболее соответствующей текущим общегосударственным задачам интерпретацию качества высшего образования как подготовку выпускников, чьи компетенции максимально соответствуют требованиям работодателей и обеспечивают им высокую конкурентоспособность на рынке труда.

2. Дать в целом негативную оценку попытке интеграции отечественной высшей школы в европейскую систему образования в рамках Болонского процесса, отметив необходимость сохранения ряда положительных тенденций (в частности, компетентностного подхода в оценке результатов образования и института независимой оценки качества образования).

3. Поддержать положительные, с точки зрения качества образования, последствия внедрения в высшую школу достижений цифровой трансформации, отметив необходимость минимального акцента на количественные показатели эффективности обучения, а также выстраивание оптимального баланса между цифровыми и традиционными инструментами образовательного процесса.

Список литературы / References

Болдырев М. В., Шарафутдинов Р. Ф. Позиционирование гуманитарных вузов в условиях цифровой трансформации и искусственного интеллекта. *Экономические системы*, 2025, т. 18, № 1, с. 58–70. https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-1-58-70; EDN: CMHNKI

Boldyrev M. V., Sharafutdinov R. F. Positioning of humanities universities in the era of digital transformation and artificial intelligence. *Economic systems*, 2025, vol. 18, no. 1, pp. 58–70. (In Russ.) https://doi.org/10.29030/2309-2076-2025-18-1-58-70; EDN: CMHNKI

Булат Р. Е., Байчорова Х. С. Качество образования: рост, развитие или преобразование? *Юрист ВУЗа*, 2023, № 5, с. 3–10; EDN: VYQJBW

Bulat R. E., Baichorova Kh. S. Quality of education: Growth, development or transformation? *Lawyer of the University*, 2023, no. 5, pp. 3–10. (In Russ.) EDN: VYQJBW

[1] Забнева Э. И. Социокультурная трансформация современного отечественного образования. *Общество: философия, история, культура*, 2024, № 1 (117), с. 15–19. https://doi.org/10.24158/fik.2024.1.1; EDN: RVBODZ

Вахабова С. А., Косулин В. В., Карагодина Е. А. Искусственный интеллект в образовании: реальность и перспективы. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2025, т. 6, № 5 (158), с. 208–214. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.05.06.026; EDN: AFTIVJ

Vakhabova S. A., Kosulin V. V., Karagodina E. A. Artificial intelligence in education: Reality and prospects. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2025, vol. 6, no. 5 (158), pp. 208–214. (In Russ.) https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.05.06.026; EDN: AFTIVJ

Вишняков А. Г. Болонский процесс и мы: приобретения и утраты. *Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета*, 2023, № 1, с. 14–20. EDN: GXTOWO

Vishniakov A. G. The Bologna process and we: Gain and loss. *Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 2023, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.) EDN: GXTOWO

Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек. *Актуальные проблемы экономики и права,* 2020, т. 14, № 2, с. 235–248. https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248; EDN: YCQANU

Volchik V. V., Shiriaev I. M. Distant higher education under self-isolation and the problem of institutional traps. *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 235–248. (In Russ.) https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.2.235-248; EDN: YCQANU

Гаджимурадова Г. И., Рабат Л. Эмиграция граждан России в 2015–2020 гг.: мониторинг современных тенденций и перспектив. *Научный результат. Социология и управление*, 2022, т. 8, № 1, с. 33–42. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-4; EDN: UWDAON

Gadzhimuradova G. I., Rabat L. Emigration of Russian citizens in 2015–2020: Monitoring current trends and prospects. *Research Result. Sociology and management*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 33–42. (In Russ.) https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-4; EDN: UWDAON

Долгоруков А. М., Зырянов В. В., Малахов Ф. В., Темнова Л. В. Опыт разработки процедур профессионально-общественной аккредитации для социально-гуманитарной сферы российского образования. *Высшее образование в России*, 2015, № 10, с. 5–15. EDN: UXMFPT

Dolgorukov A. M., Zyrianov V. V., Malakhov F. V., Temnova L. V. Experience in developing procedures for professional and public accreditation for the social and humanitarian sphere of Russian education. *Higher Education in Russia*, 2015, no. 10, pp. 5–15. (In Russ.) EDN: UXMFPT

Жданова О. С. Компетентностный подход при формировании стратегии развития предприятий. *Вестник Донецкого национального университета*. *Серия В. Экономика и право*, 2025, № 2, с. 55–63. https://doi.org/10.5281/zenodo.17045758; EDN: SYJAXB

Zhdanova O. S. Competence-based approach to forming an enterprise strategy development. *Vestnik of Donetsk National University. Series C. Economics and Law*, 2025, no. 2, pp. 55–63. (In Russ.) https://doi.org/10.5281/zenodo.17045758; EDN: SYJAXB

Забнева Э. И. Социокультурная трансформация современного отечественного образования. *Общество: философия, история, культура*, 2024, № 1 (117), с. 15–19. https://doi.org/10.24158/fik.2024.1.1; EDN: RVBODZ

Zabneva E. I. Socio-cultural transformation of modern Russian education. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2024, no. 1 (117), pp. 15–19. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/fik.2024.1.1; EDN: RVBODZ

Зажигалкин А. В., Мансуров Т. Т., Мерецков О. В. Регулирование искусственного интеллекта в образовании. *Компетентность*, 2024, № 6, с. 3–10. https://doi.org/10.24412/1993-8780-2024-6-03-10; EDN: OHNVZH

Zazhigalkin A. V., Mansurov T. T., Meretskov O. V. Regulation of artificial intelligence in education. *Competency*, 2024, no. 6, pp. 3–10. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/1993-8780-2024-6-03-10; EDN: OHNVZH

Ларионов В. Г., Шереметьева Е. Н., Горшкова Л. А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, 2021, № 2, с. 61–69. https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-61-69; EDN: DTZITI

Larionov V. G., Sheremetyeva E. N., Gorshkova L. A. Digital transformation of higher education: Technologies and digital competencies. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series Economics*, 2021, no. 2, pp. 61–69. (In Russ.) https://doi.org/10.24143/2073-5537-2021-2-61-69; EDN: DTZITI

Мурдалова И. Э., Джабраилова З. Р. Интеграция образования и цифровых технологий как путь к экономическому росту. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2025, т. 14, № 4 (157), с. 262–268. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.14.028; EDN: BVGZSW

Murdalova I. E., Dzhabrailova Z. R. Integration of education and digital technologies as a path to economic growth. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2025, vol. 14, no. 4 (157), pp. 262–268. (In Russ.) https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.04.14.028; EDN: BVGZSW

Негуч А. А. Перспективы модернизации российской магистратуры: Болонский процесс с российским акцентом. *Скиф. Вопросы студенческой науки*, 2023, № 5 (81), с. 383–388. EDN: TYTILE

Neguch A. A. Prospects for the modernization of the Russian magistracy: The Bologna process with a Russian accent. *The Skiff. Issues of Student Science*, 2023, no. 5 (81), pp. 383–388. (In Russ.) EDN: TYTILE

Одноралeнко С. Ю. Социально-экономические проблемы развития высшего образования в условиях цифровой экономики. *Финансовые рынки и банки*, 2021, № 3, с. 16–18. EDN: SDWMHH

Odnoralenko S. Iu. Social and economic problems of higher education development in the condition of digital economy. *Financial Markets and Banks*, 2021, no. 3, pp. 16–18. (In Russ.) EDN: SDWMHH

Рубин Ю. Б. Конкуренция в российском образовании: теория и противоречивые реалии. *Университетское управление: практика и анализ*, 2017, т. 21, № 5 (111), с. 17–30. https://doi.org/10.15826/umpa.2017.05.058; EDN: ZXYKJX

Rubin Iu. B. Competition in Russian education: Theory and contradictory reality. *University Management: Practice and Analysis*, 2017, vol. 21, no. 5 (111), pp. 17–30. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/umpa.2017.05.058; EDN: ZXYKJX

Рудакова Л. В. Обеспечение качества в современном высшем образовании. *Экономика и управление: проблемы, решения*, 2025, № 7, т. 7, с. 209–218. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.07.07.022; EDN: KRGUNL

Rudakova L. V. Quality assurance in modern higher education. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2025, no. 7, vol. 7, pp. 209–218. (In Russ.) https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.07.07.022; EDN: KRGUNL

Хакиева З. У., Цурова Б. Я. Гибридное обучение: преимущества и ограничения. *Управление образованием: теория и практика*, 2025, № 6–1, с. 47–54. https://doi.org/10.25726/04657-4172-2243-k; EDN: JZBMBJ

Khakieva Z. U., Tsurova B. Ia. Hybrid learning: Advantages and limitations. *Education Management Review*, 2025, no. 6–1, pp. 47–54. (In Russ.) https://doi.org/10.25726/04657-4172-2243-k; EDN: JZBMBJ

Чеканова М. С. Формы партнерства образовательной организации и работодателей в системе управления качеством образовательных программ. *Перспективы науки и образования*, 2016, № 6 (24), с. 28–32. EDN: XXXAWX

Chekanova M. S. Forms of partnership between an educational organization and employers in the quality management system of educational programs. *Perspectives of Science and Education*, 2016, no. 6 (24). pp. 28–32. (In Russ.) EDN: XXXAWX

Шармин Д. В., Шармин В. Г. Компетентностный подход в высшем образовании России: двадцать лет спустя. *Казанский педагогический журнал*, 2021, № 3 (146), с. 64–72. https://doi.org/10.51379/kpj.2021.147.3.009; EDN: AIXSYH

Sharmin D. V., Sharmin V. G. Competence approach in higher education in Russia: Twenty years later. *Kazan Pedagogical Journal*, 2021, no. 3 (146), pp. 64–72. (In Russ.) https://doi.org/10.51379/kpj.2021.147.3.009; EDN: AIXSYH

Шихнабиева Т. Ш. Перспективы и риски внедрения технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования. *Мониторинг. Наука и технологии*, 2025, № 1 (63), с. 38–42. https://doi.org/10.25714/MNT.2025.63.006; EDN: IUBLYI

Shikhnabieva T. Sh. Prospects and risks of implementing artificial intelligence technologies in the higher education system. *Monitoring. Science and Technologies*, 2025, no. 1 (63), pp. 38–42. (In Russ.) https://doi.org/10.25714/MNT.2025.63.006; EDN: IUBLYI

Сведения об авторах

Александр Леонидович Дрондин – кандидат педагогических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-7272-5615, aleksandr-drondin@yandex.ru, Университет «Синергия» (стр. 1, д. 9/14, ул. Мещанская, 129090 Москва, Россия); **Alexander L. Drondin** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-7272-5615, aleksandr-drondin@yandex.ru, University “Sinergy” (str. 1, 9/14, ul. Meshchanskaya, 129090 Moscow, Russia).

Лидия Александровна Сайтбагина – кандидат педагогических наук, доцент, https://orcid.org/0009-0009-0460-5924, lidia-la@yandex.ru, Университет «Синергия» (стр. 1, д. 9/14, ул. Мещанская, 129090 Москва, Россия); **Lydiya A. Saytbagina** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0009-0009-0460-5924, lidia-la@yandex.ru, University “Sinergy” (str. 1, 9/14, ul. Meshchanskaya, 129090 Moscow, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 12.01.2026; Approved after reviewing 30.03.2026; Accepted for publication 26.05.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 245–263.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 245–263.

Научная статья
УДК 372.8
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-19
https://elibrary.ru/fezleo

Национальные экзамены по иностранному языку как средство оценивания сформированности иноязычной коммуникативной компетенции: опыт российского ЕГЭ и китайского Гаокао

Юлия Сергеевна Назина[1], Мария Николаевна Дубинина[2]✉, Наталья Олеговна Баглай[3], Надежда Владимировна Федорова[4]
[1,2,3,4]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
[1]ynazina@hse.ru, https://orcid.org/0009-0007-1353-7631
[2]✉mdubinina@hse.ru, https://orcid.org/0009-0006-3477-5543
[3]nbaglay@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-1675-2755
[4]nv.fedorova@hse.ru

Аннотация. Объективность и эффективность модели контроля языковой подготовки обучающихся, в том числе средств оценивания сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, являются дискуссионными вопросами в образовательной практике. Данный аспект наиболее интересен с точки зрения подготовки школьников к аттестации по иностранному языку, так как он входит в обязательный перечень предметов изучения, обуславливает дальнейшую траекторию профессионального становления, способствует академической мобильности. Цель нашего исследования заключается в сопоставительном анализе национальных экзаменов по иностранному языку в России и Китае. В статье проанализированы особенности российского Единого государственного экзамена и китайского Гаокао с точки зрения разработанности структуры и критериев оценивания компонентов иноязычной коммуникативной компетенции, также рассмотрены основные этапы становления двух экзаменационных систем, изучены нормативные документы, обуславливающие структуру и содержание двух экзаменов. Исследование Единого государственного экзамена и Гаокао позволяет выявить тенденции и национальную специфику оценивания. Можно выделить как общие подходы, так и уникальные элементы, которые отражают культурные и образовательные особенности каждой страны. Более того, Единый государственный экзамен и Гаокао оценивают не только предметные результаты, но и комплексно проверяют сформированность метапредметных компетенций, достижение личностных результатов в части гражданского, физического, патриотического, экологического, духовно-нравственного, эстетического, трудового воспитания. Тем не менее, в обеих странах присутствует критика того, насколько полно существующие форматы проведения экзаменов могут оценить все аспекты иноязычной компетенции.

Ключевые слова: ЕГЭ, Гаокао, иностранный язык, национальный экзамен, лингводидактическое тестирование, коммуникативная компетенция

© Назина Ю. С., Дубинина М. Н., Баглай Н. О., Федорова Н. В., 2026

Для цитирования: Назина Ю. С., Дубинина М. Н., Баглай Н. О., Федорова Н. В. Национальные экзамены по иностранному языку как средство оценивания сформированности иноязычной коммуникативной компетенции: опыт российского ЕГЭ и китайского Гаокао. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 245–263. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-19; EDN: FEZLEO

National foreign language exams as a means of assessing the development of foreign language communicative competence: The experience of the Russian Unified State Exam and the Chinese Gaokao

Yulia S. Nazina[1], Maria N. Dubinina[2]✉, Natalya O. Baglai[3], Nadezhda V. Fedorova[4]
[1,2,3,4]HSE University,
Moscow, Russia
[1]ynazina@hse.ru, https://orcid.org/0009-0007-1353-7631
[2]✉mdubinina@hse.ru, https://orcid.org/0009-0006-3477-5543
[3]nbaglay@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-1675-2755
[4]nv.fedorova@hse.ru

Abstract. The objectivity and effectiveness of the model for monitoring students' language proficiency, including the means for assessing the development of foreign language communicative competence, is a controversial issue in educational practice. This aspect is most interesting from the point of view of preparing schoolchildren for the certification in a foreign language, since a foreign language is included in the mandatory list of subjects of study, determines the further trajectory of professional development, and predisposes to academic mobility. The purpose of our study is to comparatively analyze national foreign language exams in Russia and China. The article examines the features of the Russian Unified State Exam and the Chinese Gaokao from the point of view of the structure and criteria for assessing the components of foreign language communicative competence, and also examines the main stages of the development of the two examination systems, and studies the regulatory documents that determine the structure and content of the exams. The study of the Unified State Exam and Gaokao allows us to identify trends and national specifics of assessment tools. We can highlight both common approaches and unique elements that reflect the cultural and educational characteristics of each country. Moreover, the Unified State Exam and Gaokao assess not only subject results, but also comprehensively check the development of meta-subject competencies, the achievement of personal results in terms of civic, physical, patriotic, environmental, spiritual and moral, aesthetic, and labor education. However, in both countries, there is criticism of how fully the exam can assess all aspects of foreign language competence.

Key words: Unified State Exam, Gaokao, foreign language, national exam, linguodidactic testing, communicative competence

For citation: Nazina Yu. S., Dubinina M. N., Baglai N. O., Fedorova N. V. National foreign language exams as a means of assessing the development of foreign language communicative competence: The experience of the Russian Unified State Exam and the Chinese Gaokao. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 245–263. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-19; EDN: FEZLEO

Введение

В рамках образовательной парадигмы многих стран сформированность иноязычной компетенции рассматривается как конкурентное преимущество в сферах академической и профессиональной деятельности. Современные тенденции демонстрируют, что для контроля и измерения уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции при переходе с одного уровня образования на другой преимущественно используются тесты. Подобное положение дел мы наблюдаем как в России, так и в Китае. Национальные централизованные экзамены – Единый государственный экзамен (далее – ЕГЭ) и Гаокао по иностранному языку – являются вступительными испытаниями в вузы двух стран. Однако можно выделить некоторые формальные отличия.

Во-первых, в Китае экзамен по иностранному языку выступает обязательным для всех выпускников школ, стремящихся поступить в университет. Интересно замечание П. А. Зазнобиной о том, что в восточных школах ключевой ценностью образования является успешная сдача выпускного экзамена. Такой ориентир приводит к тому, что в школах действует принцип натаскивания на сдачу Гаокао. С одной стороны, подобное построение процесса обучения и нацеленность на результат позволяют развивать у школьников память и аналитические способности. С другой стороны, в китайских школах присутствует жесткая конкуренция среди учеников, постоянный стресс и давление[1]. Атмосфера соперничества в период подготовки к экзаменам очень напряженная, поэтому часто тема экзаменов в Китае сопровождается использованием метафоры войны. Даже в школах можно увидеть красные растяжки с надписями 提高一分，干掉千人！(Получи на балл больше, устрани тысячу человек). Исследователь З. М. Хоулетт отмечает, что подготовка к Гаокао и сам экзамен часто воспринимаются как поле боя, участники экзамена – это воины (*Gaokao Warriors* / 高考战士), цель которых покорить Гаокао (*Conquer Gaokao* / 征服高考)[2]. В России инициатива по введению иностранного языка в качестве обязательного не была реализована. Более того, российский ЕГЭ совмещает в себе выпускной школьный экзамен и вступительный экзамен в высшее учебное заведение. Однако А. А. Коренев отмечает, что в выпускной школьный экзамен и вступительный экзамен изначально заложены разные цели, а их совмещение «<…> фактически приводит к тому, что знания, умения и навыки оцениваются без обязательной привязки к предыдущему процессу обучения. Вместо этого вводится ограничение экзамена рамками государственных стандартов»[3]. Несмотря на заявленные преимущества

[1] Зазнобина П. А. Сравнительный анализ систем общего образования в зарубежных странах: обобщение опыта изучения. *Интеллигенция и мир*, 2023, № 1, с. 97–123. https://doi.org/10.46725/IW.2023.1.5; EDN: IYWIVG

[2] Howlett Z. M. Gaokao Warriors: Diligent Struggle in China's College Entrance Exam. *Anthropology & Education Quarterly*, 2023, no. 54 (1), pp. 22–39. https://doi.org/10.1111/aeq.12442

[3] Коренев А. А. Проблема совмещения выпускного школьного экзамена и вступительного экзамена в вузы по иностранным языкам в России, Японии и Великобритании (на материале

централизованных экзаменов (снижение уровня коррупции, равные условия для всех обучающихся), периодически возникает вопрос целесообразности тестирования как инструмента отбора абитуриентов в вузы[1]. Ситуация с итоговым контролем усугубляется на фоне того, что китайское Гаокао и российский ЕГЭ являются экзаменами с высокими ставками или, как говорят китайцы, 一考定终身, то есть во многом они предопределяют и ограничивают траекторию дальнейшего образования и развития выпускников[2]. В Китае уже осознают данную проблему и вырабатывают пути решения. Например, была введена система 一年两考 (два экзамена в год)[3]. Так, в Шанхае, начиная с 2017 года, экзамены по иностранному языку можно сдавать в январе и июне каждого года.

Во-вторых, массовость экзамена однозначно оказывает влияние на форму и содержание тестового контроля – ведет к большей стандартизации и унификации. Дискуссионным остается вопрос взаимосвязи тестовых показателей и реального уровня знаний обучающихся, их дальнейшей успеваемости в академической и профессиональной деятельности. Данная идея находит свое отражение в работе А. Фарли и Х. Х. Янг. Проводя сравнительное исследование китайского Гаокао и *The Australian Tertiary Admission Rank* (*ATAR*) в рамках критериев отбора в сфере высшего образования, авторы приходят к выводу, что Гаокао по английскому языку является важным показателем прогнозирования успеваемости в университете даже в Китае, когда обучение ведется на китайском языке. Подчеркнем, что результат этого экзамена отражает не только информацию об уровне владения английским языком, но и является хорошим показателем академических способностей[4]. Подобные измерения проводили и отечественные исследователи. Например, О. В. Польдин изучал связь между результатами ЕГЭ и показателями успеваемости в университете на примере факультета экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Он пришел к выводу, что ЕГЭ по иностранному языку является менее качественным показателем, чем результаты по математике, русскому языку и обществознанию[5].

ЕГЭ, центрального экзамена и A-Levels). *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2011, № 4, с. 146–152. EDN: OKLNPB

[1] Осипов М. Ю. Может ли Единый государственный экзамен быть эффективным инструментом отбора абитуриентов в вузы (содержательные аспекты)? *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, 2024, № 1, с. 62–68. https://doi.org/10.20339/AM.01-24.062; EDN: CUZMXN.

[2] Фокина А. В. Проблемы оценки качества образования обучающихся с применением тестовых аттестационных процедур. *Психолого-педагогические исследования*, 2019, т. 11, № 2, с. 83–94. https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110208; EDN: EATKKB

[3] 陈文婷.谈英语高考改革的必要性:从核心素养到语言教学 [J].海外英语, 2018, no. 14, pp. 58–59. https://doi.org/CNKI:SUN:HWYY.0.2018-14-029

[4] Farley A., Yang H. H. Comparison of Chinese Gaokao and Western University Undergraduate Admission Criteria: Australian Atar as an Example. *Higher Education Research and Development*, 2020, no. 39 (3), pp. 470–484. https://doi.org/10.1080/07294360.2019.1684879

[5] Польдин О. В. Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ. *Прикладная эконометрика*, 2011, № 1 (21), с. 56–69. EDN: NUEJPN

В-третьих, задача стандартизации средств для измерения уровня владения иностранным языком сопровождается рядом как содержательных, так и организационных сложностей. Необходимо помнить о том, что объектом контроля в рамках предмета «Иностранный язык» является объемное и комплексное явление, что отражается на содержании и структуре самого тестирования. Как пишет Т. С. Путиловская, «иностранный язык как один из наиболее навыкоемких предметов предполагает такой способ проведения контроля, который позволяет выявить качество иноязычных речевых навыков обучаемых, а также характер языковых (фонетических, лексических, грамматических и стилистических) знаний»[1]. В. П. Овчаренко прослеживает историческое развитие лингводидактического тестирования и приходит к выводу, что для современного периода развития тестирования характерно использование прагматико-коммуникативного подхода, в том числе акцент на проверку продуктивных видов речевой деятельности и составление интегральных заданий, способных оценить сформированность некоторых компетенций в комплексе[2]. Кроме того, исследователи К. Ю. Герасимова, И. Н. Лопаткин и Д. В. Мирошникова, проведя анализ содержания контрольно-измерительных материалов (далее – КИМ) ЕГЭ по иностранному языку, отмечают, что для современных тестов вопрос стандартизированности и примитивности не актуален – они отличаются качественными заданиями и способностью объективно оценить уровень заявленных компетенций[3].

Вышеперечисленные факты определяют актуальность заявленной темы. Разнообразие систем оценивания уровня владения иностранным языком ставит вопрос о степени их формализации, с одной стороны, и их объективности, с другой стороны. **Объектом** нашего исследования является тестирование как средство оценивания уровня сформированности необходимых компетенций учащимися школ, а в качестве **предмета** выступают национальные экзамены по иностранному языку в РФ и КНР. **Цель** – провести сравнительный анализ инструментов оценивания уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции в рамках национальных экзаменов в России и Китае.

Основная часть

Становление итоговой аттестации выпускников школ по иностранному языку в РФ

Впервые идея введения ЕГЭ появилась в 2000 году, когда было принято решение использовать его в качестве средства упрощения конкурсного отбора в вузы, борьбы

[1] Путиловская Т. С. Принципы разработки контрольных измерительных материалов для оценки речевых и языковых навыков. *Вестник университета*, 2012, № 8, с. 270–275. EDN: PLCWVX

[2] Овчаренко В. П. К вопросу об истории развития лингводидактического тестирования. *Известия ЮФУ. Технические науки*, 2013, № 10 (147), с. 78–83. EDN: RFMMDP

[3] Герасимова К. Ю., Лопаткин И. Н., Мирошникова Д. В. Единый государственный экзамен как эффективная форма проверки уровня сформированности компетенций современного учащегося (на примере учебных дисциплин «иностранный язык» и «история»). *Вестник педагогических наук*, 2021, № 6, с. 183–188. EDN: YMVYPK

с вузовской коррупцией, расширения возможностей для детей из малообеспеченных семей, снижения стресса от двойных испытаний (выпускные и вступительные экзамены)[1]. Именно поэтому в настоящее время ЕГЭ выполняет двойную функцию в системе национального образования: контроль знаний среднего звена и форма вступительных испытаний в высшие учебные заведения. ЕГЭ проводится в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Порядком проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования, утвержденным приказом Министерства Просвещения России и Рособрнадзора. Стоит отметить, что ЕГЭ по иностранному языку является одним из самых востребованных. В первоначальном виде экзамен представлял собой письменный тест. В результате исследований было выявлено, что многие учащиеся выполняли задания «методом тыка»[2]. В 2015 году была успешно реализована модель устной части, которая состояла из четырех заданий базового и высокого уровней со свободно конструируемым ответом[3]. Первоначально в рамках ЕГЭ по иностранному языку предполагалась возможность тестирования только по европейским языкам: английскому, немецкому, французскому, испанскому. Однако за последние два десятилетия сильно вырос интерес к Китаю и, как следствие, к китайскому языку. В 2020 году количество абитуриентов, зарегистрировавшихся для сдачи ЕГЭ по китайскому языку, впервые превысило количество заявок на испанский язык. В 2021 и 2022 годах эта тенденция сохранилась[4].

Становление вступительного экзамена по иностранному языку в КНР

Гаокао или *The Nationwide Unified Examination for Admissions to General Universities and Colleges* (普通高等学校招生全国统一考试) является сложным вступительным экзаменом, который проводится в Китае. С помощью него проверяют навыки и знания обучающихся по китайскому языку, математике, иностранному языку и другим предметам по выбору. Несмотря на внешнюю схожесть отечественного ЕГЭ и его китайского аналога, данные экзаменационные системы имеют разные духовно-ценностные основания. Экзаменационная традиция современного Китая уходит корнями во времена древних империй, образовательная система которых была призвана готовить кадры для чиновничества, а потому выступала делом государственной важности. В наши дни, ввиду высокой численности населения Поднебесной и естественно обусловленной этим обстоятельством социально-экономической

[1] Днепров Э. Единый государственный экзамен: замыслы и итоги. *Педагогические измерения*, 2011, № 3, с. 93–101. EDN: ONMHCB

[2] Нуриева Л., Киселев С. Единый государственный экзамен нуждается в существенных изменениях. *Педагогические измерения*, 2013, № 4, с. 13–44. EDN: RTCSFX

[3] Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Симкин В. Н. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по иностранному языку. *Педагогические измерения*, 2017, № 3, с. 95–118. EDN: XAQUGP

[4] Запруднова А. А. Методические рекомендации по профилактике наиболее частотных ошибок у обучающихся в заданиях с развернутым ответом ЕГЭ по китайскому языку. *Иностранные языки в высшей школе*, 2023, № 1 (64), с. 16–28. https://doi.org/10.37724/RSU.2023.64.1.002

напряженности, успешная сдача Гаокао и поступление в вуз значительно повышают шансы человека на жизненный успех – будь то создание семьи, престижная работа, высокий заработок или помощь родственникам[1]. Исследователи В. В. Кузнецова и О. А. Машкина отмечают, что Гаокао стал «важным механизмом отбора наиболее трудолюбивых и способных к запоминанию больших объемов данных студентов», но в то же время именно эта система, по мнению авторов, не позволяет осуществить «переход от экстенсивного развития к инновационной модели экономического роста», так как не дает в должной мере раскрыться творческим и креативным навыкам экзаменующихся[2].

Вступительный государственный экзамен Гаокао был официально введен в 1952 году после образования КНР. Однако текущий формат проведения Гаокао был принят лишь в 1959 году. Позднее процедура сдачи экзамена подвергалась критике и экзамен был отменен. В качестве всекитайского государственного вступительного экзамена в вузы Гаокао был установлен в 1978 году. Уже тогда при выборе экзамена по иностранному языку можно было выбрать английский, японский, французский, немецкий, испанский или русский язык. Однако первоначально баллы по иностранному языку не учитывались в общем балле по всем экзаменам, а использовались только в качестве дополнительной информации при поступлении. Затем экзамен претерпел ряд изменений, и только с 1983 года баллы по иностранному языку начинают учитывать при поступлении[3].

За несколько десятилетий иностранный язык подвергся самым значительным изменениям среди всех экзаменационных предметов, став также объектом наибольших разногласий. Яркими примерами отражения настроения в обществе могут стать такие социальные движения как отказ от вступительных экзаменов по английскому языку (英语退出高考), отмена или перенос занятий по английскому языку в начальной школе (取消或推迟小学英语课), сокращение часов занятий по английскому языку (英语课减时)[4].

Исследователи У Гэньчжоу и Чжэн Лини, рассматривая историю изменения статуса иностранного языка в качестве экзаменационного предмета, выделяют 4 периода в его становлении.

[1] Махаматов Т. Т. Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект. Гуманитарные науки. *Вестник Финансового университета*, 2022, т. 12, № 3, с. 117–122. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122; EDN: YPYRRD

[2] Кузнецова В. В., Машкина О. А. Реформирование системы вступительных экзаменов в вузы КНР: традиции и инновации. *Государственное управление. Электронный вестник*, 2018, № 71, с. 307–328. EDN: YRLIPZ

[3] 张天伟. 当前我国高考外语改革:问题与思考.解放军外国语学院学报, 2014, pp. 49–54. https://doi.org/CNKI:SUN:JFJW.0.2014-05-009

[4] 陈琳.关于外语高考改革的再思考. 外国语(上海外国语大学学报) 37.06, 2014, pp. 2–4. https://doi.org/CNKI:SUN:WYXY.0.2014-06-001

A. Первый период до «культурной революции» (1952–1966) авторы называют периодом «желания, но отсутствия возможностей» – статус иностранного языка был нестабилен, и многие категории абитуриентов освобождались от этого экзамена.

B. Второй период после «культурной революции» (1977–1994) или период «желания и возможностей» – постепенное повышение веса иностранного языка. Его доля в общей оценке вступительных испытаний растет с 0 % до 100 %.

C. Третий период (1994–2007) «стабильности с небольшими корректировками» – иностранный язык становится одним из трех основных предметов наряду с китайским языком и математикой. Его доля в общей оценке достигает 20–25 %.

D. Четвертый период «многообразия и нестабильности» демонстрирует многообразие тенденций и решений в провинциях, разный взгляд на структуру экзамена и долю результатов по иностранному языку в общей оценке[1].

Основные векторы и положения процесса реформирования современного этапа зафиксированы в нескольких документах. Во-первых, Государственный совет КНР опубликовал «Мнение по реализации углубления реформы системы экзаменов и зачисления». Согласно этому документу, к важным задачам относятся реформирование содержания экзамена и построение системы оценки владения иностранным языком[2]. Во-вторых, в 2018 году секретарь Си Цзиньпин, выступая с речью на Национальной конференции по образованию, предложил стремиться к построению системы образования, которая всесторонне воспитывает моральные, интеллектуальные, физические, эстетические и трудовые качества обучающихся (德智体美劳全面发展)[3]. В-третьих, Министерство образования опубликовало обновленные стандарты по иностранным языкам, после чего в 2020 году в рамках экзамена по английскому языку были апробированы новые экзаменационные материалы, а другие пять языков официально внедрили новые экзаменационные варианты на вступительных экзаменах с 2024 года[4]. Стандарты регламентируют цели и содержание освоения иностранных языков, а также прописывают основные компетенции, среди которых: языковая способность (语言能力), культурная осведомленность (文化意识), культура мышления (思维品质) и способность к обучению (学习能力). К языковым способностям относят навыки слушания (听), говорения (说), чтения (读), восприятия (看) и письма (写). Важно отметить, что в китайских стандартах наряду с традиционными навыками упоминается навык восприятия или *viewing*. Согласно стандарту, под восприяти-

[1] 吴根洲,郑灵臆.高考外语科目地位变革六十年[J].上海教育科研, 2012, no. 11, pp. 33–37. https://doi.org/10.16194/j.cnki.31-1059/g4.2012.11.001

[2] 国务院关于深化考试招生制度改革的实施意见. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201409/t20140904_174543.html (дата обращения: 22.03.2025).

[3] 乔辉,陈康,李新煜.十年高考外语改革的主要成就与未来展望[J].课程.教材. 教法, 2024, no. 44 (08), pp. 154–159. https://doi.org/10.19877/j.cnki.kcjcjf.2024.08.023

[4] 教育部关于印发普通高中课程方案和语文等学科课程标准（2017年版2020年修订）的通知. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202006/t20200603_462199.html (дата обращения: 22.03.2025).

ем обычно понимается способность понимать и интерпретировать графики, таблицы, анимацию, видео и т. д. Под культурой мышления подразумевается развитость логического, критического или креативного мышления. Культурная осведомленность означает понимание китайской и зарубежной культуры, признание достижений разных культур. Способность к обучению предполагает степень активности и самостоятельности в изучении иностранного языка, умение использовать разные стратегии изучения языка[1].

Наконец, в 2020 году был опубликован «Общий план реформы оценки образования в новую эпоху», подчеркивающий роль образовательной оценки как «дирижерской палочки» в стабильном продвижении реформы вступительных экзаменов[2]. Система оценивания вступительных экзаменов знаменует переход от одномерной оценки на основе «содержания экзамена» к трехмерной оценке, объединяющей параметры формулы 考查内容、考查要求、考查载体: содержание оценивания (проверка сформированности основных ценностей, предметной грамотности, ключевых навыков и необходимых знаний), требования оценивания (проверка владения учащимися базовых знаний, умений их комплексно использовать для решения поставленных задач, умений применять теоретические знания на практике, способности находить творческий и неординарный подход) и средства оценивания (создание жизненных и учебных, практических и исследовательских ситуаций); декламирует переход от традиционной модели «оценки знаний и способностей» к модели «ценностного ориентирования и компетентностного подхода». Система основана на «четырех уровнях» содержания экзамена: основные ценности (核心价值), предметная грамотность (学科素养), ключевые навыки (关键能力) и необходимые знания (必备知识). В контексте иностранного языка данная система предполагает обладание китайским самосознанием и международным мировоззрением; сформированные коммуникативные и учебные навыки, критическое мышление; сформированные ключевые навыки аудирования, говорения, чтения и письма; знания языка и культуры[3]. Таким образом, на современном этапе реформа экзамена по иностранному языку является значительным шагом к созданию более эффективной системы оценивания, способствующей выявлению уровня практического владения языком[4].

Структурные и содержательные особенности ЕГЭ

Главной целью иноязычного образования в средней школе является развитие коммуникативной компетенции обучающихся, понимаемой как способность и го-

[1] 教育部关于印发普通高中课程方案和语文等学科课程标准（2017年版2020年修订）的通知. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/s8001/202006/t20200603_462199.html (дата обращения: 22.03.2025).

[2] 中共中央国务院印发《深化新时代教育评价改革总体方案》. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/202010/t20201013_494381.html (дата обращения: 22.03.2025).

[3] 乔辉,李新煜.基于高考评价体系的高考英语命题实践探索[J].课程.教材. 教法, 2021, no. 41 (05), pp. 103–108. https://doi.org/10.19877/j.cnki.kcjcjf.2021.05.015

[4] 陈文婷.谈英语高考改革的必要性:从核心素养到语言教学[J].海外英语, 2018, no. 14, pp. 58–59. https://doi.org/CNKI:SUN:HWYY.0.2018-14-029

товность обучающихся общаться на иностранном языке в пределах, определенных федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) среднего общего образования по иностранным языкам. Предметные навыки в европейских и китайском языках разделены на базовый и углубленный уровни. От экзаменующихся ожидается владение языком на уровне достаточном для межкультурного взаимодействия в устной и письменной формах – на базовом уровне, а на углубленном взаимодействие подразумевается и в рамках делового общения[1].

Задания ЕГЭ по иностранным языкам охватывают широкое содержание, все виды речевой деятельности. Более того, они позволяют продиагностировать сформированность метапредметных умений обучающихся и степень освоения ими универсальных учебных действий. Например, выполнение заданий требует от экзаменующихся аккуратности, внимательности, умения работать с информацией (проводить анализ и классификацию), выявлять причинно-следственные связи, формулировать проблему, аргументировать свое мнение или даже простого умения – заполнить бланк[2]. Особый акцент в последние годы делается на умении представлять родную страну и культуру на иностранном языке.

КИМ ЕГЭ по иностранным языкам состоит из письменной и устной частей. Письменная часть включает четыре раздела: «Аудирование», «Чтение», «Грамматика и лексика» («Грамматика, лексика и иероглифика» в КИМах по китайскому языку) и «Письменная речь». За несколько лет проведения ЕГЭ содержание экзаменационных материалов претерпело изменения. Стоит отметить, что первоначально одним из самых сложных заданий было аудирование. Разработчики отмечают, что фактически введение умений аудирования в практику обучения и контроля было во многом обусловлено разработкой ЕГЭ[3]. В этом разделе оцениваются навыки, связанные как с пониманием основного содержания устных текстов и письменно изложенных заданий, так и с глубоким осмыслением соответствующих материалов. Также акцентируется внимание на способности слушателя выявлять запрашиваемую информацию в аудируемом тексте или определять ее отсутствие. Интересно отметить, что задания на аудирование предполагают наличие некоторых неизученных языковых явлений. С аналогичной точки зрения рассматривается и чтение, где основной акцент ставится на сформированности умений понимания содержания письменных текстов, а также на анализе структурно-смысловых связей внутри текста, включая и навыки чтения несплошных текстов-графиков и диаграмм. Разработчики ЕГЭ отдельно выделяют необходимость создания заданий на основе аутентичности и соотнесенности с предметным содержанием.

Традиционно сложными считаются задания на проверку сформированности продуктивных навыков экзаменующихся. Задания раздела «Письменная речь» и устной

[1] *Аналитические и методические материалы*. URL: https://fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy#!/tab/173737686-11 (дата обращения: 22.03.2025).

[2] *Аналитические и методические материалы*. URL: https://fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy#!/tab/173737686-11 (дата обращения: 22.03.2025).

[3] *Аналитические и методические материалы*. URL: https://fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy#!/tab/173737686-11 (дата обращения: 22.03.2025).

части требуют умения применять знания в коммуникативно значимых контекстах. Они же подвергаются наибольшим изменениям и уточнениям. Изначально в разделе «Письменная речь» было два задания – написание электронного письма личного характера в ответ на письмо стимул и письменное высказывание с элементами рассуждения. Однако с 2023 года осталось одно задание на написание письма, а второе задание в КИМах по европейским языкам было видоизменено – сейчас оно представляет собой развернутое письменное высказывание на основе таблицы или диаграммы (стоит уточнить, что в КИМах по китайскому языку изменений не было). В устной части современных версий экзамена в задании требуется прочитать вслух небольшой текст, ознакомиться с рекламным объявлением и задать вопросы, что контролирует умение участвовать в диалоге-расспросе в целях обмена фактической информацией. Третье задание предполагает симулирование диалога-интервью, а четвертое – создание тематического монологического высказывания с элементами рассуждения. При этом большое значение придается коммуникативной ситуации. Так, в четвертом задании устной части подразумевается создание такой ситуации, в которой у обучающегося возникли технические сложности с отправкой иллюстраций по теме проекта и теперь ему предстоит записать голосовое сообщение с обоснованием выбора этих иллюстраций, а также высказать свое мнение.

Можно сделать вывод, что КИМ и критерии совершенствуются с целью повышения качества оценки языковых и речевых навыков. В частности, аспекты аудирования и чтения остаются стабильными, сосредоточенными на понимании содержания и анализе текстов. Существенные изменения произошли в оценке письменной и устной речи, где акцент смещен с отдельных умений на комплексную оценку навыков. Это расширение также затрагивает лексико-грамматический компонент, что указывает на стремление к более глубокому и всестороннему анализу языковых способностей учащихся. Таким образом, обновленные подходы способствуют более точной и содержательной оценке уровня владения языком. В связи с этим возрастает диагностическая возможность экзамена – проверка сформированности иноязычной коммуникативной компетенции.

Структурные и содержательные особенности Гаокао

Гаокао по иностранному языку оценивает уровень владения выбранным иностранным языком. Это один из компонентов общего балла Гаокао, который используется при поступлении в университет. Министерство образования предлагает учащимся выбрать один из иностранных языков: английский, русский, японский, немецкий, французский или испанский. Примерный общий балл экзамена – 150; как правило, на экзамен отводится около 120 минут. Английский язык является самым распространенным иностранным языком, поэтому большинство доступных ресурсов посвящено именно английскому Гаокао. Однако в системе Гаокао постоянно прово-

дятся реформы, в том числе некоторые эксперименты по снижению акцента с английского языка[1].

Экзамен направлен на проверку комплексного владения иностранным языком (综合语言运用能力), навыков аудирования (听力理解), навыков чтения и понимания текста (阅读理解), владения грамматикой и лексикой (语法和词汇掌握), навыков письменной речи (写作能力), мыслительных способностей (思维力度), понимания ценностной составляющей (核心价值观). Согласно программе, экзаменующимся предстоит выполнить задания следующих разделов: «Аудирование», «Чтение», «Грамматика и лексика», «Письмо», «Говорение»[2]. В экзамене соблюдается баланс между оценкой фундаментальных знаний и поощрением практического применения английского языка. Структура Гаокао разработана таким образом, чтобы стимулировать студентов к развитию всесторонних языковых навыков, применимых в реальных ситуациях. Экзамен Гаокао по английскому языку в 2024 году представлен тремя вариантами: национальный вариант А, вариант I нового стандарта и вариант II нового стандарта[3]. Раздел «Аудирование» (听力) проверяет способность понимать короткие диалоги и монологи в повседневных и учебных ситуациях, навыки понимания основной идеи, конкретной информации, умения делать выводы. Стоит отметить, что статус «Аудирования» не всегда был однозначен. Например, в 2014 году в провинции Шаньдун (а также в некоторых других провинциях) раздел «Аудирование» временно выводился из содержания, что, как полагают исследователи, могло привести к разрыву между обучением и практикой[4]. Но сегодня все больше провинций начинают учитывать результаты аудирования по иностранным языкам в общий балл Гаокао. Согласно статистике, в 2024 году количество провинций, в которых результаты аудирования по иностранным языкам входят в общий балл, увеличилось до 27, что содействует всестороннему развитию языковых и речевых навыков у обучающихся[5]. Раздел «Чтение» (阅读) оценивает понимание текстов различных типов и тематик, навыки извлечения информации, понимание основной идеи, анализ точек зрения, определение цели автора. Раздел «Использование языка» (语言运用) включает задания на грамматику и лексику. Раздел «Письмо» (写作) состоит из написания текста. В новых экзаменах Гаокао также есть задание на продолжение короткого

[1] Education ministry backs English learning. *Chinadaily*. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202209/28/WS63339eb1a310fd2b29e7a213.html (дата обращения: 22.03.2025).

[2] 2019年普通高等学校招生全国统一考试大纲（英语）. URL: https://gaokao.neea.edu.cn/-html1/report/19012/5951-1.htm (дата обращения: 22.03.2025).

[3] 聚焦立德树人 突出思维考查 发挥导向作用——2024年高考英语全国卷试题评析.中国考试, 2024, no. 07, pp. 86–90. https://doi.org/10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2024.07.011

[4] 张天伟. 当前我国高考外语改革:问题与思考.解放军外国语学院学报, 2014, pp. 49–54. https://doi.org/CNKI:SUN:JFJW.0.2014-05-009

[5] 乔辉,陈康,李新煜.十年高考外语改革的主要成就与未来展望[J].课程.教材. 教法, 2024, no. 44 (08), pp. 154–159. https://doi.org/10.19877/j.cnki.kcjcjf.2024.08.023

отрывка (短文续写) – учащимся нужно написать два дополнительных абзаца в продолжение заданного текста. Например, в 2024 году был предложен текст, в котором автор, путешествуя через Вену, не может оплатить такси из-за отсутствия наличных, неисправности терминала для карт и банкомата и пытается разрешить возникшую ситуацию. Содержание текста и предложенное начало абзаца направляют экзаменующихся продолжить историю, ориентируясь на идеи доверия к другим, проверки умения давать обещания и соблюдать их, что, по мнению составителей, помогает развивать честность и надежность. Подобные экзаменационные вопросы включают в себя навыки критического мышления, представляют отрывки или сценарии, требующие от кандидатов анализа и оценки информации. Экзаменующихся могут попросить дать предположения, оценить аргументы или сделать выводы на основе представленных данных[1]. Раздел «Говорение» не является обязательным, в большинстве провинций устный экзамен по иностранным языкам на вступительных экзаменах проводится на добровольной основе. Обычно устную часть сдают обучающиеся, которые поступают на специальности, связанные с иностранными языками или международными отношениями.

В соответствии с требованиями системы оценки вступительных экзаменов, содержание тестов по иностранному языку должно соответствовать идеям социализма с китайской спецификой новой эпохи. К примеру, в тестовых материалах интегрирована идея «четыре уверенности» (四个自信): уверенность в собственном пути, уверенность в собственной теории, уверенность в собственном строе и уверенность в собственной культуре[2]. В одном из вариантов было дано задание заполнить пропуски в текстах о прилунении беспилотного аппарата «Чанъэ-4» на обратной стороне Луны, а также о традиционном обычае украшать дом во время китайского Нового года бамбуком, апельсиновыми деревьями и цветущей сливой. Эти тексты демонстрируют новые достижения социалистического строительства в Китае и прекрасную традиционную китайскую культуру[3], а также направляют учащихся на укрепление их идеалов и патриотизма[4].

Обсуждение и заключение

Международный опыт тестирования по иностранному языку накопил достаточное количество кейсов для анализа их эффективности как способа оценки сформированности компетенций обучающихся. Сравнение структурного и содержательного компонентов ЕГЭ и Гаокао позволяет выявить тенденции и национальную специфи-

[1] 强化关键能力考查 引导学生全面发展—2023年高考英语全国卷试题评析.中国考试, 2023, no. 07, pp. 22–26. https://doi.org/10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2023.07.004

[2] 四个自信. URL: https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%9B%E4%B8%AA%E8%87%AA%E4%BF%A1/22254293 (дата обращения: 22.03.2025).

[3] 强化关键能力考查 引导学生全面发展—2023年高考英语全国卷试题评析.中国考试2023, no. 07, pp. 22–26. https://doi.org/10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2023.07.004

[4] 考查学科关键能力 助力育人方式改革 教育部教育考试院 —2022 年高考英语全国卷试题评析. 中国考试, 2022, no. 07, pp. 20–24. https://doi.org/10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2022.07.004

ку средств оценивания. В результате можно выделить как общие подходы, так и уникальные элементы, которые отражают культурные и образовательные особенности каждой страны.

Во-первых, структура и содержание экзаменов регламентированы рядом нормативных документов. Концептуальные подходы к разработке экзаменационных материалов по предмету определяются целями иноязычного образования, а также специфическими характеристиками данной предметной области. Цель ЕГЭ заключается в определении соответствия результатов освоения обучающимися образовательных программ среднего общего образования соответствующим требованиям ФГОС. Гаокао по иностранному языку – это один из важных экзаменов для отбора абитуриентов в высшие учебные заведения, а его цель заключается в проверке способности студентов использовать иностранный язык для понимания и самовыражения в конкретных социальных ситуациях, особенно способности слушать, говорить, читать, воспринимать и писать. Этот экзамен призван не только отражать академические достижения экзаменующихся, но и выявлять учебный потенциал, способность адаптироваться к изучению иностранного языка в высшем учебном заведении. Баллы по иностранному языку составляют значительную часть от общего результата (по всем экзаменам Гаокао), что подчеркивает его важность.

Во-вторых, процедура проведения имеет сходства и различия. Оба экзамена способны обеспечивать оценку уровня владения языком среди большого числа экзаменующихся, которые проходят испытания в одинаковых условиях (время, место, формат заданий), что минимизирует влияние внешних факторов на результаты. Однако Гаокао по иностранному языку является обязательным, а ЕГЭ по иностранному языку сдают по выбору. Более того, в двух странах наметилась тенденция на снижение давления на обучающихся – прорабатываются возможности сдавать экзамен два раза (Китай) или выбрать экзамен для пересдачи (Россия).

В-третьих, массовость и обязательность экзамена по иностранному языку накладывает свой отпечаток на его структуру и содержание. Тестовые задания ЕГЭ соответствуют установленным требованиям и уровню языковой подготовки, предусмотренному для данного этапа обучения (предусмотрено распределение заданий по разным уровням сложности). Также проводится работа, направленная на увеличение дифференцирующей силы экзамена (изменение удельных баллов за задания высокой сложности). Экзамен Гаокао включает в себя задания, проверяющие владение такими навыками, которые необходимы для успешного обучения и общения. Тем не менее, присутствует критика того, насколько полно существующий формат проведения экзамена может оценить все аспекты иноязычной компетенции (особенно из-за отсутствия компонента аудирования и говорения в некоторых экзаменационных материалах).

В-четвертых, ЕГЭ и Гаокао оценивают не только предметные результаты. Так, в ЕГЭ комплексно проверяется не только сформированность иноязычной коммуникативной компетенции, но и сформированность метапредметных компетенций, достижение личностных результатов в части гражданского, физического, патриотического, экологического, духовно-нравственного, эстетического и трудового воспитания.

Гаокао, помимо проверки сформированности языковых навыков, ставит своей целью оценить социокультурную компетенцию, уровень развития мышления и способность к обучению. Стоит отметить, что национальные экзамены обнаруживают схожие тенденции. Например, в рамках российского ЕГЭ большое значение придается сформированности метапредметных компетенций, делается большой акцент на необходимость включения культурных фактов о своей стране и умения об этом рассказать и написать. Подобную тенденцию на укрепление знаний о своей стране через изучение иностранного языка мы наблюдаем и в Гаокао. Например, в КИМ 2021 года тестовые задания на проверку грамматического навыка были организованы в текстах про городскую стену Сианя; в еще одном варианте экзаменующимся было предложено написать письмо иностранному другу и расспросить о том, что его интересует в традиционной китайской культуре[1].

В-пятых, в двух странах изучению иностранного языка придается особое значение. Поэтому реформирование ЕГЭ и Гаокао, стремление сделать экзамены комплексными, справедливыми и дифференцированными характерно для систем образования обеих стран. Ведется работа не только над содержанием экзаменационных материалов, но и над определением ясных и четких критериев оценивания. Наконец, ЕГЭ и Гаокао сталкиваются с похожими трудностями, к которым относятся вопросы подготовки учащихся и серьезное психологическое давление, дополнительные финансовые издержки на репетиторов, сложности стандартизации экзамена, кадровый потенциал образовательных учреждений, форматы заданий и совершенствование заданий с развернутым вариантом ответа, стремление уменьшить акцент на механическом заучивании языка, материально-техническая база проведения экзамена и др.

Список источников / References

Вербицкая М. В., Махмурян К. С., Симкин В. Н. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2017 года по иностранному языку. *Педагогические измерения*, 2017, № 3, с. 95–118. EDN: XAQUGP

Verbitskaia M. V. Methodological recommendations for the teachers based on the analysis of typical mistakes made by the 2017 foreign language participants. *Educational Measurements*, 2017, no. 3, pp. 95–118. (In Russ.) EDN: XAQUGP

Герасимова К. Ю., Лопаткин И. Н., Мирошникова Д. В. Единый государственный экзамен как эффективная форма проверки уровня сформированности компетенций современного учащегося (на примере учебных дисциплин «иностранный язык» и «история»). *Вестник педагогических наук*, 2021, № 6, с. 183–188. EDN: YMVYPK

Gerasimova K. Iu., Lopatkin I. N., Miroshnikova D. V. The State Unified Exam as an effective form of checking the level of formed skills of a modern pupil (on the example of the subjects

[1] 落实立德树人促进全面发展考察综合能力正向引导教学 — 2021年高考英语全国卷式题评分. 教育部考试中心. 中国考试, 2021, no. 7, pp. 77–81. URL: https://gaokao.neea.edu.cn/-html1/report/22012/3104-1.htm (дата обращения: 20.03.2025). https://doi.org/10.19360/j.cnki.11-3303/g4.2021.07.011

"Foreign Language" and "History"). *Bulletin of Pedagogical Sciences*, 2021, no. 6, pp. 183–188. (In Russ.) EDN: YMVYPK

Днепров Э. Единый государственный экзамен: замыслы и итоги. *Педагогические измерения*, 2011, № 3, с. 93–101. EDN: ONMHCB

Dneprov E. Unified State Exam: Plans and results. *Educational Measurements*, 2011, no. 3, pp. 93–101. (In Russ.) EDN: ONMHCB

Зазнобина П. А. Сравнительный анализ систем общего образования в зарубежных странах: обобщение опыта изучения. *Интеллигенция и мир*, 2023, № 1, с. 97–123. https://doi.org/10.46725/IW.2023.1.5; EDN: IYWIVG

Zaznobina P. A. Comparative analysis of general education systems in foreign countries: Synthesis of study experience. *Intelligentsia and the World*, 2023, no. 1, pp. 97–123. (In Russ.) https://doi.org/10.46725/IW.2023.1.5; EDN: IYWIVG

Запруднова А. А. Методические рекомендации по профилактике наиболее частотных ошибок у обучающихся в заданиях с развернутым ответом ЕГЭ по китайскому языку. *Иностранные языки в высшей школе*, 2023, № 1 (64), с. 16–28. https://doi.org/10.37724/RSU.2023.64.1.002

Zaprudnova A. A. Methodological recommendations for the prevention of the most frequent errors in writing tasks of Russia's Unified State Exam in Chinese. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2023, no. 1 (64), pp. 16–28. (In Russ.) https://doi.org/10.37724/RSU.2023.64.1.002

Коренев А. А. Проблема совмещения выпускного школьного экзамена и вступительного экзамена в вузы по иностранным языкам в России, Японии и Великобритании (на материале ЕГЭ, центрального экзамена и A-Levels). *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2011, № 4, с. 146–152. EDN: OKLNPB

Korenev A. A. The problem of combining the final secondary school exam and the university entrance exam in foreign languages in Russia, Japan and Great Britain (on the basis of the Unified State Examination, the central exam and A-levels). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2011, no. 4, pp. 146–152. (In Russ.) EDN: OKLNPB

Кузнецова В. В., Машкина О. А. Реформирование системы вступительных экзаменов в вузы КНР: традиции и инновации. *Государственное управление. Электронный вестник*, 2018, № 71, с. 307–328. EDN: YRLIPZ

Kuznetsova V. V., Mashkina O. A. Chinese college entrance examination reforming: Traditions and Innovations. *E-journal public administration*, 2018, no. 71, pp. 307–328. (In Russ.) EDN: YRLIPZ

Махаматов Т. Т. Высшее образование в Китае и России: сравнительный духовно-ценностный аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 2022, т. 12, № 3, с. 117–122. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122; EDN: YPYRRD

Makhamatov T. T. Higher education in China and Russia: Comparative spiritual and value aspect. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, vol. 12, no 3, pp. 117–122. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-3-117-122; EDN: YPYRRD

Нуриева Л., Киселев С. Единый государственный экзамен нуждается в существенных изменениях. *Педагогические измерения*, 2013, № 4, с. 13–44. EDN: RTCSFX

Nuriieva L., Kiselev S. The Unified State Examination needs significant changes. *Educational Measurements*, 2013, no. 4, pp. 13–44. (In Russ.) EDN: RTCSFX

Овчаренко В. П. К вопросу об истории развития лингводидактического тестирования. *Известия ЮФУ. Технические науки*, 2013, № 10 (147), с. 78–83. EDN: RFMMDP

Ovcharenko V. P. Discussing the history of language testing development. *Izvestiya SFedU. Engineering sciences*, 2013, no. 10 (147), pp. 78–83. (In Russ.) EDN: RFMMDP

Осипов М. Ю. Может ли Единый государственный экзамен быть эффективным инструментом отбора абитуриентов в вузы (содержательные аспекты)? *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, 2024, № 1, с. 62–68. https://doi.org/10.20339/AM.01-24.062; EDN: CUZMXN

Osipov M. Iu. Can the Unified State Exam be an effective tool for selecting applicants to universities (content aspects)? *Alma Mater (Higher School Herald)*, 2024, no. 1, pp. 62–68. (In Russ.) https://doi.org/10.20339/AM.01-24.062; EDN: CUZMXN

Польдин О. В. Прогнозирование успеваемости в вузе по результатам ЕГЭ. *Прикладная эконометрика*, 2011, № 1 (21), с. 56–69. EDN: NUEJPN

Pol'din O. V. Predicting success in college on the basis of the results of Unified National Exam. *Applied Econometrics*, 2011, no. 1 (21), pp. 56–69. (In Russ.) EDN: NUEJPN

Путиловская Т. С. Принципы разработки контрольных измерительных материалов для оценки речевых и языковых навыков. *Вестник университета*, 2012, № 8, с. 270–275. EDN: PLCWVX

Putilovskaya T. S. Principles of working out control assessment material for checking speech and language skills. *Vestnik universiteta*, 2012, no. 8, pp. 270–275. (In Russ.) EDN: PLCWVX

Фокина А. В. Проблемы оценки качества образования обучающихся с применением тестовых аттестационных процедур. *Психолого-педагогические исследования*, 2019, т. 11, № 2, с. 83–94. https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110208; EDN: EATKKB

Fokina A. V. Problems of assessing the quality of education using test certification procedures. *Psychological-Educational Studies*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 83–94. (In Russ.) https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110208; EDN: EATKKB

Farley A., Yang H. H. Comparison of Chinese Gaokao and Western University Undergraduate Admission Criteria: Australian Atar as an Example. *Higher Education Research and Development*, 2020, no. 39 (3), pp. 470–484. https://doi.org/10.1080/07294360.2019.1684879

Howlett Z. M. Gaokao Warriors: Diligent Struggle in China's College Entrance Exam. *Anthropology & Education Quarterly*, 2023, no. 54 (1), pp. 22–39. https://doi.org/10.1111/aeq.12442

陈文婷.谈英语高考改革的必要性:从核心素养到语言教学[J].海外英语, 2018, no. 14, pp. 58–59. https://doi.org/CNKI:SUN:HWYY.0.2018-14-029

张天伟. 当前我国高考外语改革:问题与思考.解放军外国语学院学报, 2014, pp. 49–54. https://doi.org/CNKI:SUN:JFJW.0.2014-05-009

陈琳.关于外语高考改革的再思考. 外国语(上海外国语大学学报) 37.06, 2014, pp. 2–4. https://doi.org/CNKI:SUN:WYXY.0.2014-06-001

吴根洲,郑灵臆.高考外语科目地位变革六十年[J].上海教育科研, 2012, no. 11, pp. 33–37. https://doi.org/10.16194/j.cnki.31-1059/g4.2012.11.001

杨香玲,陈亚红.新高考改革对高中英语教学的影响及其对策 [J]. 教育探索, 2022, no. 2, pp. 20–22. https://doi.org/CNKI:SUN:SEEK.0.2022-02-005

乔辉,李新煜.基于高考评价体系的高考英语命题实践探索[J].课程.教材. 教法, 2021, no. 41 (05), pp. 103–108. https://doi.org/10.19877/j.cnki.kcjcjf.2021.05.015

乔辉,陈康,李新煜.十年高考外语改革的主要成就与未来展望[J].课程.教材. 教法, 2024, no. 44 (08), pp. 154–159. https://doi.org/10.19877/j.cnki.kcjcjf.2024.08.023

Сведения об авторах

Юлия Сергеевна Назина – преподаватель Школы иностранных языков, https://orcid.org/0009-0007-1353-7631, ynazina@hse.ru, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Россия); **Yulia S. Nazina** – Senior Lecturer, School of Foreign Languages, https://orcid.org/0009-0007-1353-7631, ynazina@hse.ru, HSE University (20, ul. Myasnitskaya, 101000 Moscow, Russia).

Мария Николаевна Дубинина – PhD (КНР), доцент Школы иностранных языков, https://orcid.org/0009-0006-3477-5543, mdubinina@hse.ru, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Россия); **Maria N. Dubinina** – Associate Professor, PhD, School of Foreign Languages, https://orcid.org/0009-0006-3477-5543, mdubinina@hse.ru, HSE University (20, ul. Myasnitskaya, 101000 Moscow, Russia).

Наталья Олеговна Баглай – приглашенный преподаватель Школы иностранных языков, https://orcid.org/0000-0002-1675-2755, nbaglay@hse.ru, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Россия); **Natalya O. Baglai** – Visiting Lecturer, School of Foreign Languages, https://orcid.org/0000-0002-1675-2755, nbaglay@hse.ru, HSE University (20, ul. Myasnitskaya, 101000 Moscow, Russia).

Надежда Владимировна Федорова – приглашенный преподаватель Школы иностранных языков, nadyakitai13@yandex.ru, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Россия); **Nadezhda V. Fedorova** – Visiting Lecturer, School of Foreign Languages, nadyakitai13@yandex.ru, HSE University (20, ul. Myasnitskaya, 101000 Moscow, Russia).

Заявленный вклад авторов: Ю. С. Назина – 50 %, М. Н. Дубинина – 20 %, Н. О. Баглай – 15 %, Н. В. Федорова – 15 %. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: Yulia S. Nazina – 50 %, Maria N. Dubinina – 20 %, Natalya O. Baglai – 15 %, Nadezhda V. Fedorova – 15 %. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 07.04.2026.

The article was submitted 13.11.2025; Approved after reviewing 10.12.2025; Accepted for publication 07.04.2026.

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 264–275.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 264–275.

Научная статья
УДК 37.015.3
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-20
https://elibrary.ru/cfpjjq

К проблеме отбора педагогически ориентированных школьников в психолого-педагогические классы

Елена Витальевна Пискунова[1]✉, Наталья Леонтьевна Сомова[2]✉
[1,2]Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[1]✉l_piskunova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9352-5409
[2]✉nsomova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8119-1210

Аннотация. Педагогическое образование в Российской Федерации играет стратегическую роль в подготовке квалифицированных кадров, необходимых для обновления и развития системы образования страны. Современная ситуация характеризуется преобладанием в школьном преподавательском составе представителей старших поколений, что приводит к дефициту молодых учителей и затрудняет преемственность педагогического опыта.

В «Концепции подготовки педагогических кадров на период до 2030 года» подчеркивается острая потребность в молодых педагогах и необходимость возрастной ротации, предполагающей привлечение мотивированных выпускников педагогических вузов. Одновременно отмечаются дефициты в ранней профориентации школьников, включающей работу с педагогически ориентированными учениками.

Одним из перспективных решений является формирование сети профильных психолого-педагогических классов, предназначенных для профессиональной ориентации и подготовки школьников, осознанно выбирающих педагогический путь. Основная задача таких классов – выявление педагогически одаренных учащихся и формирование у них готовности к профессиональному самоопределению.

В связи с этим возникает необходимость внедрения доступных и масштабируемых психодиагностических методик, которые можно использовать для массового отбора и скрининга школьников с педагогическим потенциалом.

В исследовании были проанализированы семь диагностических методик, которые традиционно используются для выявления педагогически ориентированных школьников; были определены их возможности (частичное использование для анкетных опросов) и дефициты (в частности, несоответствие современным социокультурным реалиям).

Исследование показало, что наибольший потенциал демонстрируют методики «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. П. Симонов, Ю. В Дементьева, в адаптации Н. Л. Сомовой) и методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова) по шкале «Общение».

В статье обозначена проблема необходимости дальнейших исследований в целях разработки комплексных процедур отбора, которые позволят повысить эффективность ранней

© Пискунова Е. В., Сомова Н. Л., 2026

профориентации для выявления педагогически ориентированных учащихся и формирования психолого-педагогических классов.
Ключевые слова: психолого-педагогические классы, педагогически ориентированные обучающиеся, профессиональный отбор
Для цитирования: Пискунова Е. В., Сомова Н. Л. К проблеме отбора педагогически ориентированных школьников в психолого-педагогические классы. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 264–275. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-20; EDN: CFPJJQ

To the problem of selecting pedagogically oriented schoolchildren for psychological and pedagogical classes

Elena V. Piskunova[1], Natalia L. Somova[2]
The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia
[1]✉l_piskunova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9352-5409
[2]✉nsomova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8119-1210

Abstract. Teacher education in the Russian Federation plays a strategic role in the training of qualified personnel necessary for the renewal and development of the country's education system. The current situation is characterized by the predominance of representatives of the older generations in the school teaching staff, which leads to a shortage of young teachers and complicates the continuity of teaching experience.
The "Conception of teacher training for the period up to 2030" emphasizes the urgent need for young teachers and the need for age rotation, involving motivated graduates of pedagogical universities. At the same time, there are deficits in early career guidance for schoolchildren, including the work with pedagogically oriented schoolchildren.
One of the promising solutions is a network of specialized psychological and pedagogical classes designed for occupational guidance and training of schoolchildren who consciously choose the pedagogical path. The main task of such classes is to identify pedagogically gifted students and to form their readiness for professional self-determination.
In this regard, there is a need to introduce accessible and scalable psychodiagnostic methods that can be used for mass selection and screening of schoolchildren with pedagogical potential.
In the study, seven diagnostic methods that are traditionally used to identify pedagogically oriented schoolchildren were analyzed; their capabilities (partial use for questionnaires) and deficits, in particular, inconsistency among modern socio-cultural realities, were identified.
The study shows that the greatest potential is demonstrated by the methods "Assessment of the person's readiness and adaptability to teaching activities" (V. P. Simonov, Yu. V. Dementieva, in adaptation by N. L. Somova) and the method of diagnosing the individual structure of a person's value system (S. S. Bubnova) on the scale of "Communication".
The article highlights the need for further research in order to develop comprehensive selection procedures that will improve the effectiveness of early career guidance to identify pedagogically oriented students in psychological and pedagogical classes.
Key words: psychological and pedagogical classes, pedagogically oriented students, professional selection
For citation: Piskunova E. V., Somova N. L. To the problem of selecting pedagogically oriented schoolchildren for psychological and pedagogical classes. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 264–275. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-20; EDN: CFPJJQ

Введение

Педагогическому образованию в Российской Федерации отводится стратегическая роль в подготовке новых квалифицированных кадров. Современная система образования страны испытывает потребность в привлечении и удержании молодых профессионалов. Подавляющее большинство учителей в школе составляют люди старших поколений, из-за чего не происходит обновления кадров, а также и преемственной передачи педагогического опыта. Основными причинами этого признаются низкая заработная плата учителей, большой объем нагрузки на педагога и низкая престижность профессии. Даже после окончания педагогического вуза не все выпускники с дипломами учителей приходят в школу. В сложившейся ситуации можно констатировать, что система образования нуждается в молодых учителях[1].

В «Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года», утвержденной Правительством Российской Федерации (распоряжение от 24 июня 2022 г. № 1688-р[2]) отмечается, что «в субъектах Российской Федерации сохраняется потребность в педагогических кадрах, связанная в том числе с проблемой “старения” педагогических кадров»[3]. Закономерным решением этой проблемы видится «возрастная ротация», постепенное введение в кадровый состав педагогических коллективов мотивированных выпускников педагогических вузов. Кроме этого в Концепции отмечается неразработанность мероприятий по ранней профориентации школьников, в том числе по ориентации на педагогические специальности.

Одно из возможных решений описанной выше проблемы сводится к отбору и профессиональной ориентации школьников на педагогическую деятельность. В основополагающих документах отмечена исключительная важность развития сети профильных психолого-педагогических классов (далее – ППК), задачей которых можно считать подготовку мотивированных абитуриентов, принявших осознанный выбор через раннюю профессионализацию. В Концепции отмечена необходимость развития сети профильных ППК, создание и проведение программ повышения квалификации для педагогов, работающих с такими обучающимися; основополагающая роль в этом процессе отводится системе педагогических вузов.

Основная часть

Основной целью создания классов психолого-педагогической направленности, деятельность которых направлена на создание условий, содействующих профессионально-личностному самоопределению учащихся, стало выявление педагогически

[1] Монако Т. П. Проблемы возрастного состава педагогического коллектива. *Russian Journal of Education and Psychology,* 2017, № 4–2, с. 187–191. https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-4-2-187-191; EDN: YMFYQN

[2] *Распоряжение Правительства РФ от 24.06.2022 № 1688-р «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года».* URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/?ysclid=mhs3hlfqpg3186790 (дата обращения: 21.10.25).

[3] *Организация деятельности психолого-педагогических классов.* Москва: Академия Минпросвещения России, 2021. 392 с.

одаренных школьников[1]. Педагогическую одаренность мы, вслед за А. А. Федоровым, Е. Ю. Илалтдиновой, С. В. Фроловой, рассматриваем в качестве психологической предпосылки развития педагогических способностей, которая обеспечивает потенциальную возможность достижения успеха в педагогической деятельности за счет сложного взаимодействия универсальных и специальных компонентов[2]. Идея профильных ППК состоит в том, что обучаться в них должны потенциально одаренные в области педагогической деятельности учащиеся. Однако о такой одаренности очень трудно делать объективные суждения, поскольку осуществлять педагогическую деятельность школьники, пока они не начали обучаться в ППК, либо не могут, либо делают это, например, работая вожатыми, – краткосрочно и фрагментарно. Авторы предлагают выявлять потенциальную педагогическую одаренность через современные российские практики олимпиадного и фестивально-конкурсного движений. Но мы не можем говорить о массовом участии школьников в подобных практиках, поскольку педагогическая олимпиада школьников исключена из перечня всероссийских предметных олимпиад, при том что число профильных ППК постоянно растет. На наш взгляд, в процедуру отбора должны быть включены методы, которые применимы для массового скрининга. В связи с этим перед нами встает задача подбора соответствующих психодиагностических методик.

Важно отметить, что к обучению в ППК должны привлекаться не только педагогически одаренные, но и педагогически ориентированные школьники – подростки, которые всерьез рассматривают для себя педагогические специальности в качестве возможного профессионального выбора. Для таких обучающихся большое значение имеет индивидуальное психолого-педагогическое сопровождение, связанное с выявлением потенциально слабых сторон и преодолением сложностей для последующего успешного освоения профессии.

Традиционно в области профориентации школьников используются методики Л. А. Йовайши (в адаптации Г. В. Резапкиной)[3], Е. П. Климова[4], А. Е. Голомштока[5].

Методика Е. П. Климова «Дифференциально-диагностический опросник»[6] (далее – ДДО) строится на классификации профессиональных интересов в соответствии с пятью основными типами профессиональной деятельности. Один из этих типов – «Человек-человек» – в качестве объекта профессиональной деятельности рассматривает человека и работу с ним. Однако структура опросника ДДО не пред-

[1] *Организация деятельности психолого-педагогических классов.* Москва: Академия Минпросвещения России, 2021. 392 с.

[2] Федоров А. А., Илалтдинова Е. Ю., Фролова С. В. Педагогическая одаренность: психолого-педагогические решения выявления, отбора и сопровождения. *Перспективы науки и образования*, 2019, № 1 (37), с. 263–274. https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.19; EDN: YXRKJN

[3] Резапкина Г. В. *Психология и выбор профессии*. Москва: Генезис, 2007. 143 с.

[4] Климов Е. А. *Психология профессионального самоопределения.* Москва: Академия, 2004. 304 с. EDN: QXIENF

[5] *Профориентационная работа в школе*: сборник статей, под редакцией А. Е. Голомштока. Калуга: Приокское книжное издательство, 1968. 118 с.

[6] Грецов А. Г., Азбель А. А. *Психологические тесты для старшеклассников и студентов*. Санкт-Питербург: Питер, 2012. 208 с.

полагает выделение педагогической направленности, которая связана с осуществлением профессиональной педагогической деятельности, содержанием которой является не просто взаимодействие с человеком, а содействие его развитию через обучение и воспитание.

Методика Л. А. Йовайши в модификации Г. В. Резапкиной направлена на выявление склонностей учащихся к различным сферам профессиональной деятельности, в том числе к работе с людьми. Направленность на педагогическую деятельность, как и в методике ДДО, отдельно не определяется.

Методика А. Е. Голомштока «Карта интересов» описывает различные сферы деятельности человека, содержит 29 исследуемых направлений, в том числе и отдельно такую сферу интересов школьников как «педагогика»[1]. Однако оригинальная «Карта интересов», впервые опубликованная в 1968 г., уже не соответствует современным реалиям. Существуют несколько модификаций этого опросника, также не лишенных определенных ограничений. Методика в модификации О. Г. Филимоновой содержит отдельную шкалу «Педагогика», включающую пять утверждений, которые могут быть выбраны респондентами:

– читать литературу о работе воспитателя, учителя, о деятельности педагогов;

– давать объяснения товарищам, как выполнять учебное задание, если они не могут сделать его сами;

– проводить время с маленькими детьми (читать им книги, что-либо им рассказывать, помогать им в чем-либо);

– выполнять работу воспитателя, замещать уроки в младших классах;

– обсуждать с кем-либо вопросы воспитания детей и подростков[2].

Поскольку методика весьма массивна и содержит 178 утверждений, представляется целесообразным выделить именно эти утверждения и предложить их школьникам в составе краткой ориентационной анкеты. Методика А. Е. Голомштока в модификации А. А. Азбель, А. Г. Грецова[3] вообще не содержит блока «Педагогика», поэтому ее использование в целях отбора в ППК не имеет смысла.

Методика «Профиль» Г. В. Резапкиной[4] содержит в себе вопросы, относящиеся к шкале «Педагогика и медицина», то есть к двум довольно различным специальностям. К собственно педагогической ориентации могут быть отнесены два утверждения:

– объяснять одноклассникам учебный материал;

– изучать причины поведения людей.

Исходя из этого, методика «Профиль» также не может быть рекомендована для заявленных целей отбора.

[1] *Профориентационная работа в школе*: сборник статей, под редакцией А. Е. Голомштока. Калуга: Приокское книжное издательство, 1968. 118 с.

[2] Филимонова О. Г. Модификация карты интересов. *Школьный психолог*. 2007, № 02 (384). URL: https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200700210 (дата обращения: 21.10.25).

[3] Грецов А. Г., Азбель А. А. *Психологические тесты для старшеклассников и студентов*. Санкт-Питербург: Питер, 2012. 208 с.

[4] Резапкина Г. В. *Психология и выбор профессии*. Москва: Генезис, 2007. 143 с.

Таким образом, на настоящий момент не существует батареи методик, рекомендованных для отбора педагогически ориентированных школьников для предпрофессионального обучения в ППК. Обычно предлагаются стандартные наборы методов профессиональной ориентации школьников (например, сборник диагностических методик, предложенный Чеченским государственным педагогическим университетом[1]).

Для решения проблемы отбора педагогически ориентированных школьников нами были выделены следующие методики – «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева, 2006[2]) и «Методика реальной структуры ценностных ориентаций» (С. С. Бубнова, 1994[3]). В исследовании было сделано предположение, что именно интегральный показатель, объединяющий в себе выраженность задатков профессионально важных качеств и способностей, может служить базовым для отбора школьников в профильные ППК. Кроме того, мы выдвинули гипотезу о том, что педагогически ориентированным школьникам присущи ценностные ориентации, связанные с помощью и милосердием к другим людям, с признанием и уважением людей и умениями влиять на окружающих, с общением и социальной активностью.

Материалы и методы

В исследовании использовалась методика «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева), с помощью которой диагностируются определенные личностные характеристики будущего или работающего педагога, которые исследователи квалифицируют как профессиональные личностные качества[4]. Она содержит семь содержательных шкал, а также шкалу лжи. Мы провели небольшую модификацию методики, учитывая современный контекст и участие в ней респондентов, напрямую не участвующих в педагогической деятельности. Например, утверждение «Вы воздерживаетесь от того или иного действия до момента одобрения его со стороны руководства?» было изменено на «Вы воздерживаетесь от того или иного действия до момента одобрения его со стороны взрослых?».

[1] *Диагностический инструментарий для выявления категорий педагогически заинтересованных и одаренных детей в целях профессиональной ориентации на педагогическую деятельность, а также проектирования их индивидуальной образовательной траектории как средства развития педагогической одаренности, выявления существующих дефицитов в преломлении к будущей профессиональной деятельности в качестве педагога*: сборник диагностических методик, составители – М. М. Бетильмерзаева, И. С. Хажуев, А. А. Саидов. Грозный; Махачкала: Чеченский государственный педагогический университет; АЛЕФ, 2022. 62 с.

[2] Симонов В. П, Дементьева Ю. В. Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности. *Школьный психолог*, 2005, № 12 (346), с. 34–36.

[3] Бубнова С. С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности. *Методы психологической диагностики*. Выпуск 2. Москва: ИП РАН, 1994, с. 144–157. EDN: TYSQJI

[4] Симонов В. П, Дементьева Ю. В. Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности. *Школьный психолог*, 2005, № 12 (346), с. 34–36.

Кроме методики В. П. Симонова, Ю. В. Дементьевой в исследовании была использована методика реальной структуры ценностных ориентаций С. С. Бубновой, содержащая 11 шкал, позволяющая изучить ценностные ориентации подростков в реальных жизненных условиях[1].

Нами было проведено исследование, в котором приняли участие 58 учащихся 9 классов средней общеобразовательной школы Московского района Санкт-Петербурга, из которых 29 учеников профильного ППК и 29 учеников, обучающихся в классах других профилей. Участники получили печатные бланки, заполнение которых проводилось индивидуально; инструкции были ясны, вопросов по проведению исследования у школьников не было.

Результаты и обсуждение

Представим результаты, полученные по методике «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева). Нами были получены баллы как по отдельным шкалам методики, так и общий суммарный балл (см. табл. 1 и рисунок).

Таблица 1

Средние значения по шкалам в группах учащихся, обучающихся и не обучающихся в психолого-педагогических классах по методике «Оценка готовности…» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева)

Шкала	Группа не-ППК	Группа ППК
Способность к творчеству	6,38	8,38
Работоспособность	5,83	7,21
Исполнительность	7,72	8,34
Коммуникабельность	7,97	9,07
Адаптированность	8,03	8,9
Уверенность в своих сила	7,21	9,28
Уровень самоуправления	8,07	8,21

По обеим выборкам проведен сравнительный анализ с использованием критерия Манна-Уитни (см. табл. 2).

[1] Бубнова С. С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности. *Методы психологической диагностики*. Выпуск 2. Москва: ИП РАН, 1994, с. 144–157. EDN: TYSQJI

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа групп с использованием критерия Манна-Уитни по методике «Оценка готовности…» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева)

Шкала	Uэмп	Значение
Способность к творчеству	224	Находится в зоне значимости
Работоспособность	310	Находится в зоне неопределенности
Исполнительность	356,5	Находится в зоне незначимости
Коммуникабельность	240	Находится в зоне значимости
Адаптированность	321	Находится в зоне незначимости
Уверенность в своих силах	210	Находится в зоне значимости
Уровень самоуправления	399	Находится в зоне незначимости
Суммарный балл	238,5	Находится в зоне значимости

Критические значения для n = 29: U_{Kp} ($p \leq 0,01$) =270, U_{Kp} ($p \leq 0,05$) = 314.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что различия между выборками по общему суммарному баллу являются значимыми. Это говорит о том, что в проведенном нами исследовании доказана перспективность применения методики для отбора педагогически ориентированных школьников. Также значимые различия установлены для шкал «Способность к творчеству», «Уверенность в своих силах» и «Коммуникабельность», для шкалы «Работоспособность» уровень различий соответствует зоне неопределенности. Можно предположить, что увеличение выборки может сделать этот фактор значимым.

Рассмотрим результаты по методике диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова) (см. рисунок), где группа 1 – школьники, не обучающиеся в ППК, а группа 2 – школьники, обучающиеся в ППК.

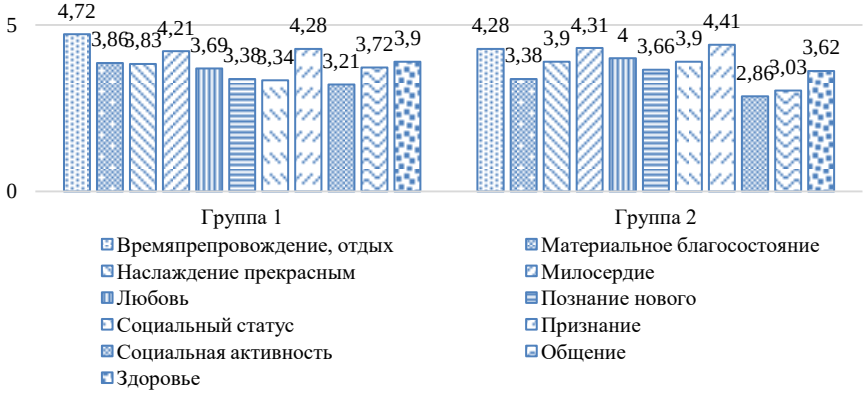

Рисунок. Средние значения по шкалам методики диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности в группах обучающихся и не обучающихся в психолого-педагогических классах

По обеим выборкам был проведен сравнительный анализ с использованием критерия Манна-Уитни, который показал, что значимых различий по ценностным ориентациям у школьников, обучающихся и не обучающихся в профильных ППК, практически нет. Единственный фактор, находящийся в зоне значимости, – «Общение» (значение U-критерия составило 230 при n = 29). Именно по нему найдено единственное значимое различие. Учитывая, что по методике «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева) фактор «Общительность» также находится в зоне значимости различий, мы получили подтверждение того, что коммуникативные навыки и стремление к общению являются значимыми показателями ориентации подростка на педагогическую профессию.

Выводы

Система образования Российской Федерации сталкивается с серьезным дефицитом молодых педагогов, что препятствует обновлению педагогических коллективов, передаче опыта и традиций. В качестве эффективной меры решения кадровой проблемы предложено развитие сети профильных психолого-педагогических классов, главная цель которых – выявление педагогически ориентированных школьников и формирование у них готовности к осознанному выбору профессии, что обусловлено психологическими предпосылками и потенциальными способностями к педагогической деятельности. Отбор школьников с педагогическим потенциалом затруднен, поскольку они не могут полноценно осуществлять педагогическую деятельность. В связи с этим предлагается использовать косвенные методы оценки (например, участие в олимпиадах и конкурсах).

Более продуктивным решением может стать массовое скрининговое исследование, которое позволит обнаружить педагогически ориентированных школьников, проводить с ними серьезную профориентационную работу и рекомендовать обучение в психолого-педагогических классах. Для расширения скрининга необходимо внедрение доступных и массовых методов, включающих подходящие психодиагностические методики, которые смогут эффективно выявлять потенциальную педагогическую одаренность среди школьников.

Наше исследование доказывает, что в качестве методики отбора педагогически ориентированных школьников возможно использование адаптированной Н. Л. Сомовой варианта методики «Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности» (В. П. Симонов, Ю. В. Дементьева). Результаты проведенного анализа продемонстрировали значимые различия в группах учащихся профильных психолого-педагогических классов и обучающихся в классах другой направленности по общему суммарному показателю и по шкалам «Способность к творчеству», «Уверенность в своих силах» и «Коммуникабельность». Использование методики диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова) показало, что значимых различий по ценностным ориентациям у школьников, обучающихся и не обучающихся в профильных ППК, практически нет (за исключением ценности «Общение»). Очевидно, что выбор методик, направлен-

ных на изучение общительности и коммуникативных качеств, требует дополнительных исследований.

В качестве скрининговых методик также могут быть использованы анкеты, содержащие утверждения об интересе к педагогической деятельности. Примеры таких утверждений содержатся в методике «Карта интересов» А. Е. Голомштока в модификации О. Г. Филимоновой и методике «Профиль» Г. В. Резапкиной.

Таким образом, отбор психодиагностических методик, поддерживающих и уточняющих результаты педагогических методов, является перспективным направлением для дальнейших исследований.

Список литературы / References

Бубнова С. С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности. *Методы психологической диагностики*, выпуск 2. Москва: ИП РАН, 1994, с. 144–157. EDN: TYSQJI

Bubnova S. S. Methodology for diagnosing the individual structure of person's value system. *Methods of psychological diagnostics*, issue 2. Moscow: IP RAN, 1994, pp. 144–157. (In Russ.) EDN: TYSQJI

Грецов А. Г., Азбель А. А. *Психологические тесты для старшеклассников и студентов*. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 208 с.

Gretsov A. G., Azbel' A. A. *Psychological tests for high school and university students*. St Petersburg: Piter, 2012. 208 p. (In Russ.)

Диагностический инструментарий для выявления категорий педагогически заинтересованных и одаренных детей в целях профессиональной ориентации на педагогическую деятельность, а также проектирования их индивидуальной образовательной траектории как средства развития педагогической одаренности, выявления существующих дефицитов в преломлении к будущей профессиональной деятельности в качестве педагога: сборник диагностических методик, составители – М. М. Бетильмерзаева, И. С. Хажуев, А. А. Саидов. Грозный; Махачкала: Чеченский государственный педагогический университет; АЛЕФ, 2022. 62 с.

Diagnostic tools for identifying categories of pedagogically interested and gifted children for the purpose of occupational guidance in pedagogical activity, as well as designing their individual educational trajectory as a means of developing pedagogical giftedness, identifying existing deficiencies in relation to future professional activity as a teacher: Collection of diagnostic methods; compiled by Betil'merzaeva M. M., Hazhuev I. S., Saidov A. A. Groznyi; Makhachkala: Chechenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet; ALEF, 2022. 62 p. (In Russ.)

Климов Е. А. *Психология профессионального самоопределения.* Москва: Академия, 2004. 304 с. EDN: QXIENF

Klimov E. A. *Psychology of professional identity.* Moscow: Academia, 2004. 304 p. (In Russ.) EDN: QXIENF

Монако Т. П. Проблемы возрастного состава педагогического коллектива. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2017, № 4–2, с. 187–191. https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-4-2-187-191; EDN: YMFYQN

Monako T. P. Problems with the age composition of the teaching staff. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2017, no. 4–2, pp. 187–191. (In Russ.) https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-4-2-187-191; EDN: YMFYQN

Организация деятельности психолого-педагогических классов. Москва: Академия Минпросвещения России, 2021. 392 с.

Organizing the activities in specialized psychological and pedagogical classes. Moscow: Academia Minprosveshcheniia Rossii, 2021. 392 p. (In Russ.)

Профориентационная работа в школе: сборник статей, под редакцией А. Е. Голомштока. Калуга: Приокское книжное издательство, 1968. 118 с.

Guidance counseling at school: Collected papers; edited by A. E. Golomshtock. Kaluga: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 118 p. (In Russ.)

Распоряжение Правительства РФ от 24.06.2022 № 1688-р «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/?ysclid=mhs3hlfqpg3186790 (дата обращения: 21.10.25).

RF Government Order of 24.06.2022 no. 1688-r "On approval of the conception for training teaching staff for the education system for the period up to 2030". Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404830447/?ysclid=mhs3hlfqpg3186790 (accessed: 21.10.25). (In Russ.)

Резапкина Г. В. *Психология и выбор профессии*. Москва: Генезис, 2007. 143 с.

Rezapkina G. V. *Psychology and career choice.* Moscow: Genezis, 2007. 143 p. (In Russ.)

Симонов В. П, Дементьева Ю. В. Оценка готовности и адаптированности личности к педагогической деятельности. *Школьный психолог*, 2005, № 12 (346), с. 34–36.

Simonov V. P, Dement'eva Iu. V. Assessment of the person's readiness and adaptation to pedagogical activities. *Guidance counsellor*, 2005, no. 12 (346), pp. 34–36. (In Russ.)

Федоров А. А., Илалтдинова Е. Ю., Фролова С. В. Педагогическая одаренность: психолого-педагогические решения выявления, отбора и сопровождения. *Перспективы науки и образования*, 2019, № 1 (37), с. 263–274. https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.19; EDN: YXRKJN

Fedorov A. A., Ilaltdinova E. Iu., Frolova S. V. Pedagogical talent: Psychological and pedagogical solutions for identification, selection and support. *Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 1 (37), pp. 263–274. (In Russ.) https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.19; EDN: YXRKJN

Филимонова О. Г. Модификация карты интересов. *Школьный психолог*, 2007, № 02 (384). URL: https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200700210 (дата обращения: 21.10.25).

Filimonova O. G. Interest map modification. G*uidance counsellor*, 2007, no. 02 (384). (In Russ.) Available at: https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200700210 (accessed: 21.10.25).

Сведения об авторах

Елена Витальевна Пискунова – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики школы, https://orcid.org/0000-0002-9352-5409, l_piskunova@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48,

наб. реки Мойка, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Elena V. Piskunova** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the School Pedagogy Department, https://orcid.org/0000-0002-9352-5409, l_piskunova@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moika, 191186 St Petersburg, Russia).

Наталья Леонтьевна Сомова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования, https://orcid.org/0000-0002-8119-1210, nsomova@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойка, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Natalia L. Somov**a – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Developmental and Educational Psychology, https://orcid.org/0000-0002-8119-1210, nsomova@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moika,191186 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 20.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; Approved after reviewing 04.12.2025; Accepted for publication 20.12.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском и английском языках по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. При этом статьи, опубликованные на русском языке, сопровождаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке, а статьи, опубликованные на английском языке, – аннотациями и ключевыми словами на русском языке. Научные статьи принимаются при условии положительных результатов независимой экспертизы и включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Материалы статьи должны быть оригинальными, ранее нигде не публиковавшимися. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели. Работа, предлагаемая к публикации, должна иметь четкую структуру и должна быть логически выстроена (см. образец оформления).

3. Статьи публикуются в порядке очередности (по мере их поступления и прохождения процедуры рецензирования). Преподаватели, сотрудники, аспиранты и докторанты ЧГУ, исполнители государственных контрактов в рамках федеральных целевых программ, грантов и конкурсов имеют право приоритета при комплектовании номера. Статьи ведущих приглашенных ученых размещаются в ближайшем номере журнала.

4. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес **vestnik-chsu@yandex.ru** один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И. О._научное направление статьи** (при наличии 2-х и более авторов, указывается фамилия только первого автора) и скан заполненного, подписанного лицензионного договора (форма размещена на сайте). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

5. Все статьи проверяются на оригинальность в системе РУКОНТЕКСТ. Значение оригинальных фрагментов должно быть не менее 70 %. Использование искусственного интеллекта при создании текста статьи без обработки автора(ов) не допускается (статья отклоняется).

6. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение 3-х рабочих дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

7. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

8. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта работы.

9. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную подписью руководителя и печатью организации, а также справку, подтверждающую обучение в аспирантуре.

10. Присланные материалы не возвращаются.

11. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

12. Публикации в журнале осуществляются на основании лицензионного договора.

13. Опубликованную версию статьи автор может получить при обращении к сайту периодического издания (раздел «Архив»).

Адрес редакции:

162600 г. Череповец, Луначарского пр., д. 5.
Ответственный секретарь: (8202) 51-78-54. E-mail: **Vestnik@chsu.ru**
Сайт журнала: **https://vestnik.chsu.ru/**

Главный редактор журнала «Вестник Череповецкого государственного университета»

ГРУДЕВА Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной филологии и прикладных коммуникаций

Редакционная коллегия

АВРУТИНА Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

АРОНИНА Лариса Исаровна, профессор (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)

БЕЖЕНАРУ Людмила Ефимовна, доктор филологических наук, доцент (Ясский университет им. А. И. Кузы)

БЕЛКИНА Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ВОЛОДИНА Лариса Олеговна, доктор педагогических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

БОГИНСКАЯ Юлия Валериевна, доктор педагогических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина)

ДЕНИСОВА Ольга Александровна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ДИБИРОВ Ибрагим Ашрапудинович, доктор филологических наук, профессор (Дагестанский государственный педагогический университет)

ДМИТРИЕВ Андрей Петрович, доктор филологических наук (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) ИРЛИ РАН)

ЕГОРОВА Людмила Владимировна, доктор филологических наук, доцент (Вологодский государственный университет)

ЕРШОВ Евгений Валентинович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Технические науки»

ЗАБРОДСКАЯ Анастасия Николаевна, доктор филологических наук (Таллинский университет)

ЗАХАРОВА Жанна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор (Костромской государственный университет)

ЗЕЛЕНИН Александр Васильевич, доктор филологических наук (Университет Тампере, Финляндия)

ИВАНОВА Наталия Витальевна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ИЛЬИНА Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

КОЗЛОВСКАЯ Наталия Витальевна, доктор филологических наук, доцент (Институт лингвистических исследований РАН)

ЛАВИНА Татьяна Ароновна, доктор педагогических наук, профессор (Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова)

ЛАВРОВА Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛОГУНОВА Оксана Сергеевна, доктор технических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ЛУКИН Сергей Владимирович, доктор технических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЛУЦЕВИЧ Людмила Федоровна, доктор филологических наук, профессор (Варшавский университет, Республика Польша)

НОРЕЦ Максим Вадимович, доктор филологических наук, доцент (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского)

ОВЧИННИКОВА Александра Жоресовна, доктор педагогических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского)

САВВА Любовь Ивановна, доктор педагогических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

УТКИН Анатолий Валерьевич, доктор педагогических наук, доцент (Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета)

ЧЕРНОВ Александр Валентинович, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧЕРНЯК Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

ЧИРШЕВА Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Череповецкий государственный университет)

ЧУРИЛИНА Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова)

ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич, доктор технических наук, профессор (Вологодский государственный университет)

ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор (Череповецкий государственный университет), заместитель главного редактора по направлению «Педагогические науки»

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 12.10.2026 г.
Выход в свет: 15.10.2026 г.
Уч.-изд. л. 27. Усл. п. л. 25.
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс.